История власовской армии

Йоахим Хоффманн

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор: Эта книга, в которой показаны зарождение Освободительного движения и история Освободительной армии и уделено некоторое внимание политическим основам и деятельности КОНР, написана с принципиально новых позиций. В отличие от общепринятой интерпретации, когда власовская армия рассматривается как акция немецких кругов (руководство рейха, СС и вермахт), предпринятая для предотвращения грозившего рейху поражения, в настоящей работе Освободительная армия и Освободительное движение рассматриваются сами по себе и независимо. Автор особенно стремился выделить позитивные моменты в отношениях между немцами и русскими. Национальное русское движение, которому Власов дал свое имя, рассматривается в книге в контексте советской истории, оставаясь при этом частью истории второй мировой войны.

- Хоффманн Йоахим
  - Хоффманн Йоахим
    -
    - Содержание
    - Предисловие
    - Глава 1.
    - Глава 2.
    - Глава 3.
    - Глава 4.
    - Глава 5.
    - Глава 6.
    - Глава 7.
    - Глава 8.
    - Глава 9.
    - Глава 10.
    - Глава 11.
    - Глава 12.
    - Глава 13.
    - Глава 14.
    - Глава 15.
    - Послесловие
    - Документы
- comments
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222

- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266

- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310

- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354

- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398

- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442

- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486

- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530

- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574

- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618

- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662

- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706

- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750

- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794

- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838

- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882

- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925

Хоффманн Йоахим
История власовской армии

Хоффманн Йоахим
История власовской армии

Знаком * обозначены цитаты, данные в обратном переводе с немецкого.

Автор: Эта книга, в которой показаны зарождение Освободительного движения и история Освободительной армии и уделено некоторое внимание политическим основам и деятельности КОНР, написана с принципиально новых позиций. В отличие от общепринятой интерпретации, когда власовская армия рассматривается как акция немецких кругов (руководство рейха, СС и вермахт), предпринятая для предотвращения грозившего рейху поражения, в настоящей работе Освободительная армия и Освободительное движение рассматриваются сами по себе и независимо. Автор особенно стремился выделить позитивные моменты в отношениях между немцами и русскими. Национальное русское движение, которому Власов дал свое имя, рассматривается в книге в контексте советской истории, оставаясь при этом частью истории второй мировой войны.

Содержание

Предисловие
Глава 1. Основы РОА
Глава 2. Высшее командование и офицерский корпус РОА. Обособление РОА
Глава 3. Сухопутные войска РОА
Глава 4. Военно-воздушные силы РОА
Глава 5. Военнопленные становятся солдатами РОА
Глава 6. РОА на Одерском фронте
Глава 7. Поход в Богемию
Глава 8. РОА и Пражское восстание
Глава 9. Значение Пражской операции
Глава 10. Конец Южной группы РОА
Глава 11. Конец Северной группы РОА
Глава 12. Выдача
Глава 13. Советская реакция на Власова
Глава 14. Борьба с феноменом Власова
Глава 15. Историческое место освободительного движения
Послесловие
Документы
Примечания

Предисловие

Научный центр военной истории ФРГ еще в 60-е годы обратился к проблеме добровольческих соединений, набранных из представителей различных народов СССР и служивших в германском вермахте. В 1967 году мой тогдашний начальник, полковник в отставке доктор фон Гроте поручил мне подготовить подробный обзор всех аспектов этой темы. До сих пор в центре моих научных интересов были народности Кавказа, и поэтому я решил сначала заняться добровольческими формированиями, составленными из представителей национальных меньшинств СССР.

В 1974 году я опубликовал работу „Немцы и калмыки“, в 1976 вышел первый том истории Восточных легионов. Обе публикации выдержали несколько изданий, что доказывало актуальность избранной мною тематики. Однако по разным причинам мне пришлось прервать занятия Восточными легионами, и центр моих научных интересов сместился. Я вплотную занялся историей Русской освободительной армии и в конце 1982 года представил рукопись начальнику Центра военной истории полковнику доктору Хаклю. Лишь после этого я вернулся к прерванным исследованиям.

На протяжении всего этого периода меня не раз спрашивали, как согласуется изучение добровольческих объединений, обсуждение феномена службы бывших советских солдат в рядах и на стороне „немецко-фашистских сил“ с принципами так называемой политики разрядки. Я каждый раз отвечал, что историк не может исходить в своей работе из соображений политической конъюнктуры и что вряд ли политика разрядки оправдывает умолчание исторической правды и прекращение полемики. Надеюсь, читатель найдет, что мой текст выдержан от начала до конца в духе взаимопонимания между немецким и русским народами. Во всяком случае, с советской точки зрения, эта тема, несомненно, чрезвычайно актуальна, хотя и — по точному замечанию обнаруживает „ахиллесову пяту“ Советской армии, иначе говоря, ее „морально-политическую“ слабость во время второй мировой войны. Но вряд ли у историка есть основания утаивать неприятные кому-то факты.

Интерес к власовскому движению (и его ядру — „власовской армии“) не иссяк со временем. В последние годы появилось немало интересных публикаций; другие еще ждут своего часа. В работе над настоящей книгой я пользовался в основном немецкими документами, а также документами и материалами

Русского освободительного движения. Среди них следует в первую очередь упомянуть обширное собрание полковника РОА Позднякова, переданное при моем посредничестве из США в военный архив ФРГ. В работе использованы также советские трофейные материалы и публикации по данной теме.

Эта книга, в которой показаны зарождение Освободительного движения и история Освободительной армии и уделено некоторое внимание политическим основам и деятельности КОНР, написана с принципиально новых позиций. В отличие от общепринятой интерпретации, когда власовская армия рассматривается как акция немецких кругов (руководство рейха, СС и вермахт), предпринятая для предотвращения грозившего рейху поражения, в настоящей работе Освободительная армия и Освободительное движение рассматриваются сами по себе и независимо. Автор особенно стремился выделить позитивные моменты в отношениях между немцами и русскими. Национальное русское движение, которому Власов дал свое имя, рассматривается в книге в контексте советской истории, оставаясь при этом частью истории второй мировой войны.

Глава 1.
Основы РОА

Нападение Германии и ее союзников 22 июня 1941 года было для Советского Союза тяжелым потрясением не только в военном, но и в политическом плане. Война разом обнажила все скрытые до сих пор внутренние противоречия советского государства. В условиях беспощадной слежки и террора эти противоречия, разумеется, не могли принять форму открытой оппозиции. Но в оккупированных районах с прекращением деятельности аппарата НКВД разом обнаруживалась хрупкость идеологических основ советской власти. Всем своим поведением советские люди демонстрировали, что высокопарные лозунги большевистской доктрины о неразрывном единстве советского общества, нерушимой верности коммунистической партии и самоотверженном „советском патриотизме“[1]не выдержали первого же испытания на прочность. В районах, оказавшихся под угрозой вторжения немцев, жители всячески сопротивлялись приказам партийных и советских органов об эвакуации и уничтожении государственного имущества[2]. Подавляющее большинство населения встречало вражеские войска с явным доброжелательством или, по крайней мере, с выжидательным любопытством и без всякой ненависти — что полностью противоречило догме. Еще очевиднее проявилось это отступление от правил в поведении красноармейцев. Им издавна втолковывали, что в бою они могут лишь победить или погибнуть, третьего не дано (Советский Союз был единственной страной, где сдача в плен приравнивалась к дезертирству и предательству, а солдат, попавший в плен, преследовался по закону[3]). Но, несмотря на всю эту политическую муштровку и угрозы, к концу 1941 года в немецком плену оказалось не менее 3,8 миллиона красноармейцев, офицеров, политработников и генералов — а всего за годы войны эта цифра достигла 5,24 миллиона. Население, встречавшее захватчиков дружески и открыто, без ненависти или враждебности, миллионы красноармейцев, предпочитавших плен смерти „за Родину, за Сталина“, — все это представляло собой значительные ресурсы для политической войны против советского режима.

При известной доле воображения можно представить себе, что случилось бы, если бы Гитлер вел войну против Советского Союза в соответствии с собственными первоначальными пропагандистскими лозунгами — как освободительную, а не как

захватническую. Можно также сослаться на мнение русского эмигранта барона Каулбарса, доверенного лица адмирала Канариса и германского абвера в русских вопросах, участника заговора 20 июля 1944 года, считавшего, что „создание русского национального правительства“ поколеблет основы советской власти“[4]. И Каулбарс был не одинок. Генерал-майор Хольмстон-Смысловский писал вскоре после войны:

Власов был продолжателем белой идеи в борьбе за национальную Россию. Для большевиков это было страшное явление, таившее в себе смертельную угрозу. Если бы немцы поняли Власова и если бы политические обстоятельства сложились иначе, РОА одним своим появлением, единственно посредством пропаганды, без всякой борьбы, потрясла бы до самых основ всю сложную систему советского государственного аппарата[5]*.

Как заявил на допросе в 1944 году барон Каулбарс, 80% советских военнопленных выступали „за национальную русскую добровольческую армию в русской форме для борьбы против большевизма“. О том же пишут Ю. Терновский и Т. Бездетный: „Было время — в самом начале войны — когда почти все пленные были готовы сражаться против большевизма даже в рядах немецкой армии“[6]. Генерал Власов и его ближайшие сотрудники, хорошо знавшие условия в СССР, даже в 1943 году высказывали уверенность в том, что радикальное изменение курса немецкой политики на востоке привело бы к крушению сталинского режима[7].

Доподлинно известно, что Сталин панически боялся самой мысли о возможности появления на немецкой стороне русского правительства. И только вследствие немецкой политики в СССР, оскорбительной для национальных чувств русского народа, Сталин получил возможность поставить национальную идею на службу борьбе против иноземной угрозы своему правлению. Жесткими мерами (напомним хотя бы о расстреле главнокомандующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова и генералов штаба фронта) вкупе с ловко инсценированной пропагандистской кампанией советское руководство сумело в какой-то мере восстановить подорванную мораль Красной армии и преодолеть кризис.

Хотя захватнические планы Гитлера не допускали мобилизации потенциала антисоветских сил, это не означало, что последние бездействовали. Русское антисталинское движение, располагавшее в немецком вермахте влиятельными покровителями и сторонниками, медленно, но верно пробивало себе дорогу даже в неблагоприятных условиях гитлеровской

Германии. Несмотря на мощное сопротивление, оно все же стало „третьей силой“[8]между Сталиным и Гитлером и после поражений и неудач в конце концов оформилось в Освободительное движение генерала Власова.

Так как немцы препятствовали созданию русского национального правительства и тем самым отпадали предпосылки для формирования русской национальной армии, то для советских граждан, желавших воевать против большевизма (поначалу к таковым относились лишь привилегированные представители национальных меньшинств и казаки, а впоследствии также украинцы, белорусом и русские) имелась тогда лишь одна возможность: вступать в „земляческие объединения“, организованные германским военным командованием, или же идти добровольцами (“хиви“) в немецкие части. Создание восточных легионов и восточных частей уже стало предметом обстоятельного исследования, история их продолжает изучаться. Здесь мы лишь упомянем, что к 5 мая 1943 года добровольческие объединения в рамках германского вермахта насчитывали 90 русских батальонов, 140 боевых единиц, по численности равных полку, 90 полевых батальонов восточных легионов и не поддающееся исчислению количество более мелких военных подразделений, а в немецких частях находилось от 400 до 600 тысяч добровольцев. Под германским командованием состояло несколько крупных „русских“ формирований (1-я казачья дивизия, несколько самостоятельных казачьих полков, калмыкский кавалерийский полк) [в оригинале отрывок текста отсутствует — И.Дубрава]. ...Добровольцы освобождались прямо из лагерей для военнопленных — в последнем случае им полагалось сначала пройти подготовительные курсы при Сталаге За в Луккенвальде, где полковник В. Поздняков (которого затем сменил подполковник Б. Власов) проверял их пригодность[9]. Все курсанты официально освобождались из плена[10] и получали статус регулярных солдат Освободительной армии. Их обеспечивали обмундированием — серой полевой формой с погонами (по образцу русской дореволюционной армии), украшенной трехцветной — бело-сине-красной — русской национальной кокардой, с эмблемой РОА на левом рукаве. Начальником курсов Власов сначала назначил генерал-майора И. А. Благовещенского, бывшего бригадного командира советской береговой обороны[11], а с июля 1943 года этот пост занимал генерал-майор Ф. И. Трухин, бывший начальник оперативного отдела штаба Балтийского особого военного округа (Северо-Западный фронт), выдающийся руководитель, сыгравший огромную роль в создании РОА. Когда в

ноябре 1944 года Трухин был назначен начальником штаба Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (КОНР), во главе курсов в Дабендорфе, утративших былое значение, стал подполковник Г. Пшеничный.

Русское командование в Дабендорфе было организовано по следующему принципу: бок о бок с начальником курсов работали начальник учебной части полковник А. И. Спиридонов и начальник строевой части майор В. И. Стрельников (затем — полковник Поздняков, одновременно являвшийся также батальонным командиром курсантов, организованных в пять рот) [12]. Видными членами гражданского учебного штаба были Н. Штифанов и А. Н. Зайцев, ведшие идеологическую полемику со сталинизмом. Так же как Трухин и некоторые другие сотрудники курсов, Зайцев был членом русской эмигрантской организации НТС (Национально-трудовой союз), политического объединения, которое под влиянием идей русских философов Бердяева, Лосского, Франка и католического социального учения — солидаризма — пыталось соединить либерализм западного образца с умеренным этатизмом. Приверженцам НТС противостояла группа, объединившаяся вокруг М.А. Зыкова в „русской редакции“[13], издававшей две газеты: „Доброволец“, предназначавшуюся для добровольцев, и газету для военнопленных „Заря“. Первые тридцать три номера редакция выпустила совершенно самостоятельно, остальные — под немецкой цензурой. Разница между этими двумя направлениями заключалась, вероятно, прежде всего в том, что первое преследовало более идеалистические, второе более материалистические цели. Сам Зыков, проявивший себя ярым приверженцем национальной, антисталинской позиции, все же не сумел полностью отойти от марксистского мировоззрения.

Формально немцы контролировали всю учебную программу, однако на практике контроль этот не был полным и всеобъемлющим. Теоретическое обучение в Дабендорфе включало три крупных раздела: Германия; Россия и большевики; Русское освободительное движение. Для немцев была важна лишь первая тема, но и тут не возникало никаких противоречий: русское руководство курсов тоже считало необходимым ознакомить учащихся с историей и политикой Германии. Ведь только рейх активно сражался против большевизма, и лишь в этой стране Русское освободительное движение получило возможность оформиться в военном и политическом отношении. Тем не менее германская проблематика играла в обучении второстепенную роль, и главное внимание уделялось темам, связанным с русскими делами. Весь учебный материал разрабатывался

персоналом дабендорфской школы и утверждался комиссией ведущих членов Освободительного движения. На курсах преподавались такие предметы, как история русского народа и развитие русской государственности, идеологическое подавление в СССР, аграрная политика советской власти, рабочий вопрос и стахановское движение, советская интеллигенция и культура, семья, молодежь, воспитание и образование в СССР, борьба советской власти против народа, экономическая политика советской власти, внешняя политика СССР и немецко-русские отношения в прошлом и настоящем. В третьем разделе излагались идеи Русского освободительного движения в духе Смоленского обращения 1943 года[14]. Отдельные темы подробно обсуждались на лекциях, семинарах и докладах, слушатели располагали также печатными материалами „Библиотеки пропагандиста“ (публикуемой „Издательством курсов пропагандистов РОА“).

Наряду с усилиями по обучению квалифицированных пропагандистов идей Освободительного движения в добровольческих соединениях и лагерях военнопленных большое внимание уделялось проблемам формирования нового русского офицерского корпуса. Еще генерал-майор Благовещенский отдал распоряжение о разработке воинского устава РОА, а после замены Благовещенского генерал-майором Трухиным пропагандистские курсы приобрели строго военный характер. Была организована специальная квалификационная комиссия по определению военных должностей, разрабатывались условия повышения в чине. Большое место в расписании занимала строевая подготовка, курсанты подчинялись строгой дисциплине и были обязаны совершенствовать свои военные навыки[15]. Генерал-майор Трухин придавал особое значение возрождению старых русских офицерских традиций. Он лично читал лекции на темы „Что такое офицер?“, „Офицерская этика“, „Заветы Суворова“. Он и сам мог послужить живым примером образцового офицера. Генералы Власов, Малышкин и Трухин заблаговременно заботились о подборе подходящих командиров и штабных офицеров для задуманной ими Русской освободительной армии. Пленных командиров Красной армии, которые вызвались служить в РОА, собирали в Дабендорфе и начинали здесь готовить к предстоявшей им задаче.

16 сентября 1944 года состоялась встреча генерала Власова с рейхсфюрером СС Гиммлером, и немецкая сторона санкционировала Русское освободительное движение. Настал момент для формирования РОА — это нужно было проделать в кратчайшие сроки. По-видимому, вначале генерал Власов и

другие руководители Освободительного движения рассчитывали к лету 1945 года сформировать более десяти пехотных дивизий, по крайней мере один танковый полк, несколько запасных бригад или полков, офицерскую школу, группы поддержки и авиацию[16]. На январь 1945 года было запланировано формирование третьей дивизии. Но при этом руководители РОА считали, что дивизии первой волны — лишь начало. Внутри вермахта имелось еще несколько сотен тысяч русских добровольцев, а если добавить сюда солдат нерусской национальности, то могло набраться до 800 тысяч человек. В беседе с Гиммлером 16 сентября 1944 года Власов потребовал распустить добровольческие соединения и перевести их под его командование. По воспоминаниям командующего 1-й Русской национальной армией генерал-майора Хольмстона-Смысловского, Власов в беседе с ним предлагал объединить РНА с РОА[17], назначив при этом Хольмстона-Смысловского начальником штаба РОА, а генерал-майора Трухина — командиром РНА, преобразованной в первый корпус РОА. Второй корпус составили бы 1-я и 2-я дивизии РОА, третий — русский „шуцкорпс“ и 3-я дивизия РОА. Но этот план не осуществился из-за несовпадения взглядов Власова и Хольмстона-Смысловского, считавшего, что освободительная борьба должна сводиться исключительно к военным акциям и политические требования Пражского манифеста не имеют к ней никакого отношения. Так или иначе, Власов полагал, что может рассчитывать на обширные человеческие ресурсы — полтора миллиона советских военнопленных и несколько миллионов так называемых „восточных рабочих“ в Германии[18]. В общем, с личным составом дело обстояло, по видимости, в высшей степени благоприятно, теоретически его хватило бы на тридцать дивизий. Правда, и Власов и Трухин понимали, что объем формирований будет зависеть прежде всего от наличия соответствующего числа офицеров, унтер-офицеров и прочих специалистов, а также от того, удастся ли обеспечить формирования достаточным количеством оружия, техникой и транспортом. 2 февраля 1945 года Власов, отвечая на вопрос рейхсмаршала Геринга, был вынужден признать, что наличного командного состава достаточно для формирования всего пяти дивизий[19] и поэтому необходимо позаботиться об ускоренной подготовке офицеров в различных учебных заведениях и на курсах с сокращенной программой.

И все же, как ни странно, несмотря на все эти трудности, руководители Освободительного движения рассчитывали уже к лету 1945 года сформировать десять дивизий. А ведь сам Власов всего год назад возражал против спешки в формировании армии,

так как „здорово лишь то, что развивается органично“. 16 августа 1943 года, например, в письме одному крупному немецкому промышленнику Власов высказывался за тщательную подготовку сначала двух дивизий, которые могли бы неожиданно и решительно вступить в дело[20]. Он писал: „Только когда эти пробные дивизии покажут себя в деле, можно приступать к формированию следующих“*. Так же представлял себе этот процесс и Гиммлер, когда в беседе с Власовым 16 сентября 1944 года согласился на немедленное формирование трех пехотных дивизий[21]. 8 января 1945 года Гиммлер в разговоре со своим представителем у Власова, оберфюрером СС доктором Крегером еще раз подчеркнул необходимость „постепенного“ формирования Освободительной армии[22]. Он считал, что „первые две дивизии должны в полном составе выйти на поле боя“, где им следует предоставить возможность проявить себя под командованием Власова „в хорошо продуманной акции“, главная цель которой — оказать пропагандистское воздействие на противника. Уже сама формулировка „первые две дивизии“ позволяет заключить, что Гиммлер был заинтересован в дальнейшем развитии Освободительной армии. По его поручению доктор Крегер в марте 1945 года дал понять, что в ближайшем будущем Освободительную армию предполагается расширить до желаемого объема в десять дивизий[23]. И в самом деле, в это время как раз началось формирование третьей дивизии. В публичных выступлениях Власов и его сотрудники не раз высказывали уверенность в том, что им удастся организовать собственные вооруженные силы. 18 ноября 1944 года в своей программной речи на митинге в берлинском Доме Европы Власов говорил о том, что есть все возможности в кратчайший срок создать из Вооруженных сил народов России прекрасно обученную армию, готовую самоотверженно воевать за свое дело[24]. Не менее оптимистично высказался на конференции с представителями немецкой и иностранной прессы 15 ноября 1944 года генерал-лейтенант Г. Н. Жиленков, начальник главного управления пропаганды КОНР (Комитета освобождения народов России)[25]. Генерал-майор Трухин в своей нашумевшей статье в газете КОНР „Воля народа“ от 18 ноября 1944 года писал, что им удастся сформировать силы, которые смогут разбить… военную машину большевизма“:

Уже сейчас можно сказать, что Красной армии будут противостоять такие войска, которые ни в техническом отношении, ни в военной выучке не будут уступать, а морально они будут ее несомненно превосходить, потому что бойцы и офицеры Вооруженных Сил Освобождения Народов России идут в

бой во имя великой идеи освобождения Родины от большевизма, во имя счастья своих народов. Сейчас уже можно сообщить, что Вооруженные Силы Освобождения Народов России будут вполне самостоятельны, подчинены Главнокомандующему генерал-лейтенанту А. А. Власову и будут иметь в своем составе все роды войск, необходимые для ведения современной войны, и вооружение по последнему слову техники[26].

Историку небезынтересно заняться вопросом: на каком основании руководители Освободительного движения на этом этапе войны еще могли надеяться на успех? Как ясно из слов Трухина, эта надежда покоилась в первую очередь не столько на реальной силе формирований, сколько на силе политического и пропагандистского воздействия, которой, по их мнению, обладали дивизии РОА. В 1943 году, излагая первые соображения о формировании РОА, Власов, прекрасно знавший обстановку в советской армии, исходил из того, что даже „относительно ничтожное применение силы“ повлечет за собой „действенную работу по разрушению Красной армии и ближнего тыла“*. При этом он заявлял о готовности представить „подробный план“, который поможет „в относительно короткий срок нанести чувствительный урон противнику, а то и вовсе сокрушить его... на престижном Ленинградском фронте, в районе Ораниенбаума, Петергофа, Кронштадта[27]. Власов явно намекал на то, что даже высшие офицерские круги Красной армии втайне симпатизируют идеям освобождения. Об этом говорил также взятый в плен в декабре 1941 года генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, командующий 19-й армией и всей группировкой сил, попавшей в окружение под Вязьмой. В 1943 году Власов предлагал „установить связь с руководителями Красной армии и функционерами советского правительства“, которые могли бы сочувствовать Освободительному движению. Он не раз упоминал о существовании тайного „Союза русских офицеров“. По словам доверенного лица Власова Сергея Фрелиха, Власов говорил: „Я был в приятельских отношениях с большинством генералов, я точно знаю, как они относятся к советской власти. И генералы знают, что мне это известно. Нам нет нужды притворяться друг перед другом“*. Как выразился в то время доктор Крегер, „Власов и его люди понимали, что повстанческие настроения носятся в воздухе... может, они знали и больше, но молчали“[28]. По-видимому, в 1944 году Власов и его соратники еще лелеяли надежды такого рода. Так, Власов, вероятно, связывал определенные расчеты с командующим 2-м Белорусским фронтом маршалом Советского Союза К. К. Рокоссовским, с которым был хорошо знаком по прежней службе. Один авторитетный

сотрудник Главного управления пропаганды КОНР объяснял: „Когда я сидел в Московской центральной тюрьме, Рокоссовскому выбили зубы. Неужели вы думаете, что он простил это Сталину?“[29]* (В этой связи интересно отметить, что в своих воспоминаниях „Солдатский долг“ (Москва, 1980) Рокоссовский, в отличие от других советских военачальников, полностью воздерживается от каких бы то ни было высказываний о Власове.) И не случайно адъютантом командующего 1-й дивизии, генерал-майора С.К. Буняченко был лейтенант Семенов, сын генерала, как будто служившего в штабе 2-го Белорусского фронта[30]. Кстати, загадочная история о том, как генерал советской военной администрации в Германии организовал после войны расследование относительно лейтенанта Семенова, погибшего в мае 1945 года в стычке с СС и похороненного в деревне Козоеды, представляется весьма достоверной[31].

Оптимизм руководителей Освободительного движения мог бы показаться неоправданным, если бы он не подкреплялся постоянно практическими доказательствами. Так, уже в 1943 году оказалось, что всякий раз, когда русские формирования вступают в бой с частями Красной армии, противная сторона проявляет явную нервозность. В качестве примера приводилось наступление бригады „Дружина“ на центральном участке Восточного фронта в 1943 году: „Они бросились вперед с криками „ура“, — говорится в донесении, — и как только красноармейцы поняли, что это наступают русские, власовцы, они тут же сдались“[32]. Примечательные события происходили в районе 1-й казачьей дивизии (15-й Казачий кавалерийский корпус), которая с 1944 года не раз вступала в Югославии в бой с советскими силами. В рассказах казаков неизменно фигурирует упоминание о перелете на их сторону шести советских самолетов под командованием майора. Советские летчики, сообразив, что имеют дело с казаками, осуществили налет на одно из формирований Тито и после этого приземлились в районе казачьей дивизии у Беловар в Хорватии. До октября 1944 года на сторону казаков перешло не меньше 803 красноармейцев. В числе своих достижений казаки называют также полный разгром в районе Питомаки 25 декабря 1944 года советской 133-й гвардейской дивизии, откуда тоже было немало перебежчиков[33]. Эту историю подтверждают и другие источники, указывающие, что в тот день 5-й Донской кавалерийский полк (бригада пластунов) под командованием полковника И. Н. Кононова и 6-й Терский под командованием подполковника князя Карла Салмского вызвали в битве на Питомаке „значительное замешательство“ в советских частях, продвигавшихся через Драву, обратив их в „безудержное“ бегство,

и захватили большие количества вооружения, в том числе пять орудий[34]. Многообещающе прошла и атака ударной группы РОА под командованием полковника Сахарова 9 февраля 1945 года в районе Одера. По сообщению немецкого документа, это первое неожиданное выступление части власовской армии вызвало у красноармейцев „колоссальное замешательство и удивление“. Советские солдаты из трех разных полков были взяты в плен или перебежали к власовцам. Как выяснилось на допросах, пленных было бы значительно больше, если бы красноармейцы не сочли использование их соотечественников на стороне противника всего лишь военной хитростью немцев.

Конечно, речь шла только об отдельной конкретной акции, о „пробном камне“, как выразился Власов, но тем не менее эта реакция противника могла свидетельствовать о том, что не все еще потеряно. Такие случаи оказывали сильное впечатление на Власова и других руководителей Освободительного движения. Выступая в Карлсбаде 27 февраля 1945 года, Власов дерзко заявил:

Наши идеи бессмертны, офицеры и солдаты Красной армии на тех участках фронта, где им противостоят наши части, встречают офицеров и солдат РОА как кровных братьев и присоединяются к ним для борьбы против большевизма[35]*.

В самом ли деле так оно было или же Власов выдавал желаемое за действительное — судить трудно. Но во всяком случае имелись признаки того, что со временем руководителям РОА удалось бы перетянуть на сторону Освободительного движения хотя бы часть советских солдат, своих братьев в красноармейской форме. Генерал-майор Трухин так выразил эти надежды:

Бойцы и офицеры Красной армии, рабочие, крестьяне и интеллигенция советского тыла — это наши друзья, зачастую сегодня это наши единомышленники, а завтра они будут нашими собратьями по оружию, они вместе с нами пойдут в бой против большевистской тирании. Мы будем мужественно, не на жизнь, а на смерть сражаться против Красной армии, поскольку она является орудием в руках большевизма, но в каждом красноармейце и офицере мы видим нашего завтрашнего соратника[36].

Были и другие причины, заставлявшие Власова и руководителей Освободительного движения энергично заниматься формированием собственных вооруженных сил, чтобы „стать в военном отношении максимально сильными“[37]. Они считали, что чем дальше продвинется на запад Красная армия, тем скорее выявятся внутренние противоречия советского

общества[38]. И действительно, разве не могло и здесь, вопреки строжайшему контролю и слежке, произойти то же самое, что после Отечественной войны 1812 года вызвало восстание декабристов? После изгнания немцев из страны и перехода государственных границ СССР побудительный мотив советского патриотизма утратил в Красной армии былое значение. Красноармейцы смогли собственными глазами увидеть, как живут люди в других странах, и убедиться в лживости советской пропаганды. В этой ситуации войска Красной армии должны были бы, по расчетам Власова и его соратников, начать переходить на сторону русских национальных дивизий. В надежде на это предполагалось пустить в ход всевозможные пропагандистские средства, например, сбрасывать с самолетов над советскими частями миллионы листовок с Пражским манифестом[39]. Власов по различным каналам получал сведения о движении сопротивления в прибалтийских республиках, вновь захваченных СССР, в Белоруссии и, главное, на Украине и был прекрасно осведомлен в этом вопросе. 9 декабря 1944 года он детально коснулся вопроса о борьбе Украинской повстанческой армии, (УПА), которую поддерживала значительная часть населения, с которой удалось покончить лишь в пятидесятые годы и которая, даже с советской точки зрения, представляла собой не отдельные группы, вступившие в конфликт с советской властью, но столкновение двух различных мировоззрений[40]. В самом деле, советские войска на Украине сумели в то время овладеть лишь основными железными дорогами, шоссе и крупными городами[41], остальная же территория находилась в руках УПА, жертвой которой, кстати, пал командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин[42]. По словам Власова, если бы на Украине произошло народное восстание, оно наверняка оказало бы сильнейшее воздействие на настроения советских солдат, а по мере ознакомления все большего числа красноармейцев с манифестом КОНР они все лучше понимали бы цели освободительной и национальной борьбы всех народов, живущих на территории СССР.

К тому времени Власов, его соратники и их немецкие друзья в своих рассуждениях давно уже исходили из неизбежности поражения Германии, но при этом они не считали крушение рейха концом Русского освободительного движения[43]. Как вспоминает грузинский политический деятель эмигрант Д. В. Вачнадзе, Власов 10 марта 1945 года сказал ему, что примет все меры и направит все усилия на то, чтобы получить у немцев как можно больше средств для увеличения своих вооруженных сил, „которые понадобятся мне завтра“[44]. Считая союз западных

держав с Советским Союзом необходимостью, вызванной войной, русские стремились создать максимально боеспособную армию, которая в момент падения Германии могла бы выступить как „третья сила“, которую они хотели сохранить в послевоенное время[45]и которую, как они надеялись, непременно признают англо-американцы[46]. В этом и заключался, разумеется, главный политический просчет руководителей Освободительного движения. Сегодня их вера в демократические западные державы может показаться наивной, но разве не менее наивна была надежда государственных мужей США и Англии, что после поражения Германии наступит эра мирного сотрудничества со сталинским Советским Союзом?

Возникшие в такой обстановке в конце 1944 года Вооруженные силы КОНР с самого начала считали себя исключительно русской армией, новым военным фактором[47]. „Она (РОА) национальна по форме, по сути, по целям и по духу, — говорится в выпущенной в январе 1945 года брошюре „Воин РОА. Этика, облик, поведение“[48]. — Законная наследница лучших традиций русской армии, она строится на основе традиций русского войска, покрывшего себя неувядаемой в веках славой“*. Генерал-майор Трухин 18 ноября 1944 года[49]потребовал превратить „тот здоровый патриотизм народа, на котором столько спекулировали большевики, ...в подлинную силу“ этой армии. „Только честные патриоты... могут считать себя наследниками великих дел и военной славы величайших полководцев России — Петра I, Суворова, Кутузова, Багратиона, Скобелева и Брусилова“, — сказал он. Целью борьбы провозглашалось восстановление „национального русского государства“, „не просто возврат к старому, а создание новой России, возрождение России на новых основах“.

Глава 2.
Высшее командование и офицерский корпус РОА. Обособление РОА

28 января 1945 года, после завершения подготовительных работ, полным ходом развернувшихся с сентября 1944 года, существование Вооруженных сил Комитета освобождения народов России, объединенных под названием Русская освободительная армия (РОА), стало реальностью. В этот день Гитлер назначил Власова главнокомандующим русскими вооруженными силами и передал ему командование всеми русскими формированиями, как новообразованными, так и возникшими в результате перегруппировок[50]. С 28 января 1945 года немцы считали РОА вооруженными силами союзной державы, временно подчиненными в оперативном отношении вермахту[51]. Приказом No 1 от того же числа генерал-майор Ф. И. Трухин был назначен начальником штаба и постоянным заместителем главнокомандующего[52]. Вряд ли генерал Власов мог подыскать более удачную кандидатуру на этот пост. Выходец из дворянско-помещичьей семьи, бывший Студент Петербургского университета, бывший царский офицер, Трухин в 30-е годы преподавал „тактику высших соединений“ в Академии Генштаба Красной армии и, по словам генерал-майора П. Григоренко, был, если не считать военного теоретика Г. С. Иссерсона, единственной „неординарной личностью в Академии“[53]. Война застала Трухина на посту начальника оперативного отдела штаба Балтийского особого военного округа (Северо-Западный фронт). Талантливый человек, обладавший глубокими военными познаниями, с сильным характером и импозантной внешностью, Трухин принадлежал к ярчайшим представителям и подлинным вождям Освободительного движения. Незаурядной личностью был и его заместитель, полковник, а затем генерал-майор В. И. Боярский, потомок украинского князя Гамалия, бывший адъютант маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, выпускник Военной академии имени Фрунзе. В плен к немцам он попал, будучи командиром 41-й стрелковой дивизии[54]. Полковник фон Хеннинг, занимавшийся добровольческими формированиями, в 1943 году охарактеризовал Боярского как „исключительно умного, находчивого, начитанного и много на свете повидавшего солдата и политика“. С самого начала позиция Боярского отличалась независимостью и открытым противостоянием немцам, к которым он относился как равный и требовательный

противник. Эта позиция была настолько явной, что в июле 1943 года генерал-фельдмаршал Буш снял Боярского с поста „офицера штаба по обучению и руководству восточными войсками“ при 16-й армии. Адъютантом так называемой руководящей группы штаба армии был лейтенант А. И. Ромашкин, начальником канцелярии — майор С. А. Шейко, переводчиком — лейтенант А. А. Кубеков. Фактически „верховное командование Вооруженных сил Комитета освобождения народов России“ (или, иначе, „штаб ВС КОНР“[55]) выполняло функции военного министерства.

Представление о задачах штаба дает его организация по состоянию на конец февраля 1945 года.

1. Оперативный отдел.

Начальник отдела: полковник А. Г. Нерянин[56]. Родился в 1904 г. в рабочей семье, с отличием окончил Военную академию имени Фрунзе и Академию Генштаба. Начальник Генштаба маршал Советского Союза Б. М. Шапошников назвал Нерянина „одним из наших самых блестящих армейских офицеров“. Во время службы в Рабоче-крестьянской красной армии (РККА) был начальником оперативного отдела штаба войск Уральского военного округа. Попал в плен в ноябре 1941 года в районе Ржев — Вязьма, будучи начальником оперативного отдела штаба 20-й армии.

Заместитель начальника отдела: подполковник Коровин. Начальники подотделов: подполковники В. Ф. Риль и В. Э. Михельсон.

2. Разведывательный отдел.

Начальник отдела: майор И. М. Грачев. Начальник контрразведки: майор А. Ф. Чикалов.

3. Отдел связи.

Начальник отдела: подполковник В. Д. Корбуков.

4. Отдел военных сообщений.

Начальник отдела: майор Г. М. Кременецкий.

5. Топографический отдел.

Начальник отдела: подполковник Г. Васильев.

6. Шифровальный отдел.

Начальник отдела: майор А. Е. Поляков. Заместитель: подполковник И. П. Павлов.

7. Отдел формирований.

Начальник отдела: полковник И. Д. Денисов. Заместитель: майор М. Б. Никифоров. Начальники подотделов: капитаны Г. А. Федосеев, В. Ф. Демидов, С. Т. Козлов, майор Г. Г. Свириденко.

8. Отдел боевой подготовки.

Начальник отдела: генерал-майор В. Ассберг[57](он же Арцезов или Асбьяргас) — армянин, родом из Баку, окончил

военное училище в Астрахани, в 1942 году был полковником, командовал танковыми войсками одной из армий. Хотя ему удалось вывести свои войска из окружения под Таганрогом, был приговорен к расстрелу, но затем вновь брошен в бой и на этот раз попал в плен.

Заместитель начальника отдела: полковник А. Н. Таванцев. Начальник 1-го подотдела (подготовка): полковник Ф. Е. Черный.

Начальник 2-го подотдела (военные школы): полковник А. А. Денисенко.

Начальник 3-го подотдела (уставы): подполковник А. Г. Москвичев.

9. Командный отдел.

Начальник отдела: полковник В. В. Поздняков[58]. Родился в 1901 г. в Петербурге, в 1919-м вступил в Красную армию, после соответствующего обучения был начальником химической службы (начхим) различных военных училищ, полков и дивизий. В 1937 году был арестован, подвергся пыткам. В 1941 году под Вязьмой попал в плен, будучи начальником химической службы 67-го стрелкового корпуса. Заместитель: майор В. И. Стрельников. Начальник 1-го подотдела (офицеры Генштаба): капитан Я. А. Калинин.

Начальник 2-го подотдела (пехота): майор А. П. Демский. Начальник 3-го подотдела (кавалерия): старший лейтенант Н. В. Ващенко.

Начальник 4-го подотдела (артиллерия): подполковник М. И. Панкевич.

Начальник 5-го подотдела (танковые и инженерные войска): капитан А. Г. Корнилов.

Начальник 6-го подотдела (административно-хозяйственные и военно-санитарная службы): майор В. И. Панайот.

10. Отдел пропаганды.

Начальник отдела: полковник (затем генерал-майор) М. А. Меандров[59]. Родился в Москве в 1894 г. в семье священника. Отец, священник церкви Святого Харитона в Москве, в 1932 году был выслан, погиб в ссылке. Меандров в 1913 году закончил Алексеевское пехотное училище в Москве, до войны преподавал тактику в пехотной школе Кремля, до 25 июля 1941 года начальник штаба 37-го стрелкового корпуса, затем — заместитель начальника штаба и начальник оперативного отдела 6-й армии. Попал в плен в районе Умани. Заместитель: майор М. В. Егоров.

Инспектор по пропаганде в войсках: капитан М. П. Похваленский.

Инспектор по пропаганде среди добровольцев в соединениях вермахта: капитан А. П. Сопченко.

Отделу пропаганды был подчинен ансамбль песни и танца, а также военный оркестр.

11. Военно-юридический отдел.

Начальник отдела: майор Е. И. Арбенин.

12. Финансовый отдел.

Начальник отдела: капитан А. Ф. Петров.

13. Отдел автобронетанковых войск.

Начальник отдела: полковник Г. И. Антонов[60]. Родился в 1898 г. в семье крестьянина в Тульской губернии. Попал в плен, будучи полковником, командующим танковыми войсками одной из армий. Заместитель: полковник Л. Н. Попов.

14. Артиллерийский отдел.

Начальник отдела: генерал-майор М. В. Богданов (в Красной армии был генерал-майором, командиром дивизии). Заместитель: полковник Н. А. Сергеев. Инспектор по боевой подготовке: полковник В. А. Кардаков. Инспектор по артвооружению: полковник А. С. Перчуров. Инспектор по строевому вооружению: подполковник Н. С. Шатов.

15. Отдел материально-гехнического снабжения.

Начальник отдела: генерал-майор А. Н. Севастьянов (в Красной армии был командующим бригадой).

Командующий службой тыла: полковник Г. В. Сакс.

Инспектор по продовольственному снабжению: майор П. Ф. Зелепугин.

Инспектор по расквартированию: капитан А. И. Путилин.

16. Инженерный отдел.

Начальник отдела: полковник (фамилия неизвестна). Заместитель: полковник С. Н. Голиков.

17. Санитарный отдел.

Начальник отдела: полковник профессор В. Н. Новиков. Заместитель: капитан А. Р. Трушнович.

18. Ветеринарный отдел.

Начальник отдела: подполковник А. М. Сараев. Заместитель: капитан В. Н. Жуков.

19. Протопресвитер.

Протоиерей Д. Константинов. Духовник штаба армии: протоиерей А. Киселев.

Хотя в начале марта 1945 года штаб армии еще не был полностью укомплектован, в нем служило столько же офицеров, сколько во всем министерстве рейхсвера в 1920 году. Коменданту штаба майору Хитрову подчинялся административно-хозяйственный отдел под командованием капитана П. Шишкевича, а также хозяйственная рота под командованием старшего лейтенанта Н. А. Шарко. Охрана высшего командного

состава, КОНР и штаба армии была поручена батальону охраны под командованием майора Н. Беглецова. За личную безопасность Власова отвечал начальник охраны капитан М. В. Каштанов. Кроме того, штабу был придан офицерский резервный лагерь под командованием подполковника М. К. Мелешкевича с офицерским батальоном (командир М. М. Голенко). В непосредственном распоряжении штаба находились также отдельный строительный батальон (командир — инженер-капитан А. П. Будный), батальон особого назначения штаба главнокомандующего, а также так называемые вспомогательные войска[61]. Эти войска, сформированные из специального персонала и рабочих, перешедших из технических частей, под командованием полковника Яропута, по личному желанию Власова получили военный статус, хотя сначала их намеревались присоединить непосредственно к КОНР для технического обслуживания. Начальником штаба вспомогательных войск был сначала инженер-подполковник К. И. Попов, а перед самым концом войны полковник Г. И. Антонов.

Почти все перечисленные здесь офицеры штаба армии были ранее генералами, полковниками и штабными офицерами Красной армии. Уже отсюда ясна беспочвенность позднейшего советского утверждения, будто советские высшие офицеры отказывались вступать в РОА и поэтому офицерами назначались какие-то безымянные предатели. Между тем еще в 1944 году враждебные Власову круги нацменьшинств жаловались в Восточное министерство, что бывшие советские генералы и полковники, люди, некогда принадлежавшие к „сталинской гвардии“, „сохранили все свои привилегии и отличия и пользуются всеми благами жизни“, занимая ведущие посты в РОА[62]. Кроме бывших офицеров Красной армии ведущие позиции в РОА занимали также некоторые старые эмигранты. Власов, понимавший ценность политического и военного опыта эмигрантов, неоднократно высказывался в пользу сотрудничества с ними и даже ввел некоторых в свое ближайшее окружение. В этой связи стоит упомянуть одного из его адъютантов, полковника И. К. Сахарова, сына генерал-лейтенанта императорской армии К. В. Сахарова, бывшего начальника штаба у адмирала А. В. Колчака[63]. Полковник Сахаров принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне генерала Франко и, как и другой старый офицер, подполковник А. Д. Архипов, до конца войны командовал полком в 1-й дивизии РОА. Начальником своей личной канцелярии Власов назначил бывшего полкового командира царской армии полковника К. Г. Кромиади. Офицером для особых поручений при штабе был старший

лейтенант М. В. Томашевский, юрист, выпускник Харьковского университета, во избежание упреков в карьеризме отказавшийся от звания майора РОА[64]. К Освободительному движению присоединились генералы Архангельский и А. фон Лампе, а также генерал А. М. Драгомиров и живший в Париже известный военный писатель, профессор, генерал Н. Н. Головин, который перед смертью успел составить устав внутренней службы РОА[65]. Начальником отдела кадров штаба вспомогательных войск был полковник царской и белой армий Шоколи. Во главе созданного в 1945 году при КОНР Управления казачьих войск встал атаман Донского войска генерал-лейтенант Татаркин. За власовское движение выступали также атаман Кубанского войска генерал-майор В. Г. Науменко, казачьи генералы Ф. Ф. Абрамов, Е. И. Балабин, А. Г. Шкуро, В. В. Крейтер и другие[66]. Генерал Крейтер, позже полномочный представитель КОНР в Австрии, передал Власову драгоценности, некогда вывезенные из России армией генерала Врангеля. Однако с течением времени таких офицеров в РОА становилось все меньше, а к 1945 году можно говорить уже о намеренном оттеснении старых эмигрантов. Особенно настороженно относился к ним начальник штаба генерал-майор Трухин. Он, например, поначалу отклонил просьбу генерал-майора А. В. Туркула о зачислении в армию, опасаясь связывать РОА с именем этого генерала, прославившегося во время гражданской войны в качестве командира Дроздовской дивизии врангелевской армии[67]. К тому же некоторые бывшие старшие офицеры-эмигранты, готовые вступить в РОА, выдвигали при этом невыполнимые требования, рассчитывая занять ведущие посты. Некоторые основания на это у них были: ведь в казачьем корпусе, который еще в 1945 году формировал генерал-майор Туркул, или в 1-й Русской национальной армии генерал-майора Хольмстона-Смысловского командование было прерогативой старых эмигрантов, а бывшие советские офицеры занимали низшие посты. Между тем, пожилые офицеры в большинстве своем отстали от последних достижений военной науки, а переучиваться им было нелегко. Во всяком случае, отмеченные еще в добровольческих соединениях трения между старыми эмигрантами и бывшими советскими военнослужащими проявились и в РОА. Об этом свидетельствует, например, история генерал-майора Б. С. Пермикина, бывшего штабного ротмистра царской армии, основателя и командира Талабского полка, входившего в состав северо-западной армии Юденича и отличившегося в боях под Гатчиной и Царским селом в 1919 году. В 1920 году Перми-кин командовал 3-й армией генерала Врангеля в Польше. В РОА Власов назначил его старшим

преподавателем тактики в офицерской школе[68]. Но в лагере 1-й дивизии РОА к бывшему белогвардейскому офицеру относились так грубо, что в феврале 1945 года Пермикин предпочел присоединиться к формировавшемуся в Австрии казачьему корпусу РОА под командованием генерал-майора Туркула.

Назначение командующего и формирование высшего командования означали по крайней мере внешне — завершение процесса обособления РОА, становления ее как самостоятельной единицы. Действительно, вскоре стало ясно, что Освободительная армия обрела самостоятельность, по крайней мере, в двух таких важных областях, как военное правосудие и военная разведка. О военном суде мы располагаем лишь обрывочными данными[69], однако из них ясно, что при штабе армии была учреждена должность главного военного прокурора, были предприняты попытки создать судебный инстанционный порядок движения „сверху донизу“ и в сотрудничестве с юридическим отделом КОНР разработать инструкции и предписания для прокурорского надзора и проведения судебных процессов. Имеется невольное свидетельство советской стороны о том, что Власов, будучи главнокомандующим, выполнял также функции верховного судьи РОА: на московском процессе 1946 года ему инкриминировался расстрел нескольких „военнопленных“. На самом деле история такова[70]. Шесть бойцов РОА, приговоренные военным судом к смертной казни за шпионаж в пользу СССР, в апреле 1945 года находились под арестом в районе штаба воздушных сил РОА в Мариенбаде, так как только там имелись помещения, откуда невозможно было бежать. Власову во время его пребывания в Мариенбаде показали приговор, который он, по свидетельствам очевидцев, утвердил крайне неохотно, да и то лишь после того, как ему доказали, что нелогично убеждать немцев в автономии РОА и при этом отказываться от выполнения основных юридических функций. Самостоятельность РОА проявилась и в том, что военный суд 1-й дивизии в последние дни войны приговорил к смертной казни немецкого офицера Людвига Каттерфельда-Куронуса по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза[71].

Что касается разведывательной службы, то вначале и военная, и гражданская разведка находились в ведении управления безопасности[72], созданного при КОНР по настоянию русских под руководством подполковника Н. В. Тензорова. Это был человек с характером, хотя и никогда не занимавшийся подобными делами, бывший физик, сотрудник одного из харьковских научно-исследовательских институтов. Его заместителями были майор М. А. Калугин, бывший начальник

особого отдела штаба Северокавказского военного округа, и майор А. Ф. Чикалов. Отделом контрразведки руководил майор Крайнев, следственным отделом — майор Галанин, отделом секретной корреспонденции — капитан П. Бакшанский, отделом кадров — капитан Зверев. Часть офицеров разведки — Чикалов, Калугин, Крайнев, Галанин, майоры Егоров и Иванов, капитан Беккер-Хренов и другие — раньше работали в НКВД и, очевидно, имели какое-то представление о работе тайной полиции. Возможно, и остальные, хотя и были до войны рабочими, архитекторами, режиссерами, директорами школ, нефтяниками, инженерами или юристами, тоже оказались хорошими разведчиками. Были в этом отделе и представители старой эмиграции, как, например, офицер для особых поручений капитан Скаржинский, старший лейтенант Голубь и лейтенант В. Мельников.

После переезда штаба армии из Берлина на полигон Хейберг в Вюртемберге (к месту обучения войск) в феврале 1945 года военная разведка организационно отделилась от гражданской, и под наблюдением генерал-майора Трухина началось создание собственной разведывательной службы РОА. Разведывательный отдел, организованный в штабе армии, был, как уже упоминалось, доверен майору, а затем подполковнику Грачеву, выпускнику Академии имени Фрунзе. 22 февраля 1945 года отдел был разделен на несколько групп: разведданные о противнике — во главе с лейтенантом А. Ф. Вронским; разведка — ею командовал сначала капитан Н. Ф. Лапин, а затем старший лейтенант Б. Гай; контрразведка — командир майор Чикалов. По приказу генерал-майора Трухина от 8 марта 1945 года[73]отдел получил пополнение, так что кроме начальника в нем работал теперь двадцать один офицер: майор Чикалов, четыре капитана (Л. Думбадзе, П. Бакшанский, С. С. Никольский, М. И. Турчанинов), семь старших лейтенантов (Ю. П. Хмыров, Б. Гай, Д. Горшков, В. Кабитлеев, Н. Ф. Лапин, А. Скачков, Твардевич), лейтенанты А. Андреев, Л. Андреев, А. Ф. Вронский, А. Главай, К. Г. Каренин, В. Лованов, Я. И. Марченко, С. Пронченко, Ю. С. Ситник). Позже в состав отдела вошли капитан В. Денисов и другие офицеры.

После войны на некоторых сотрудников разведслужбы пало подозрение в том, что они были агентами Советов. Речь идет, в первую очередь, о капитане Беккере-Хренове, опытном контрразведчике, занимавшем в Красной армии пост начальника особого отдела танковой бригады, и о старшем лейтенанте Хмырове (Долгоруком). Оба фигурировали на московском процессе 1946 года как свидетели обвинения, причем последний выдавал себя за адъютанта Власова. Загадочна и роль начальника

контрразведки РОА майора Чикалова, служившего в пограничных войсках НКВД, затем политработника крупного партизанского объединения, действовавшего в районе Днепр — Плавня. Чикалов попал в плен в конце 1943 года вместе с командиром этой группы майором И. В. Кирпа (Кравченко), и в 1944 году оба присоединились к Освободительному движению[74]. У руководителей РОА не было никаких сомнений в подлинности духовного переворота Чикалова, однако, по некоторым сведениям, Власова еще в 1944 году предупреждали, что доверять Чикалову не следует. После войны Чикалов действовал в Западной Германии как советский агент и в 1952 году, незадолго до разоблачения, был отозван в СССР. Примечательна в этой связи статья бывшего старшего лейтенанта Хмырова в советском еженедельнике „Голос Родины“, где утверждается, что Чикалов был убит в Мюнхене в 1946 году, причем Хмыров клеветнически связывает с этим убийством полковника Позднякова[75]. Будучи начальником отдела кадров, Поздняков как никто знал офицеров штаба армии и даже после войны сохранил некоторые анкеты. В одной из своих статей Поздняков писал, что Чикалов был несимпатичен ему как бывший чекист, подчеркивая, однако, что никаких претензий к работе Чикалова у него не было и что послевоенные дела могут не иметь Никакой связи с делами военных лет[76]. Впрочем, Поздняков вообще категорически отрицал, что советским агентам удалось пробраться в разведывательный отдел.

Отдел столкнулся с трудностями другого рода. Такими, например, как методы работы офицера контрразведки 1-й дивизии РОА капитана Ольховника (Олчовика), который привык действовать самостоятельно и о результатах докладывал только командиру дивизии генерал-майору С. К. Буняченко, не осведомляя разведывательный отдел штаба армии. К тому же сведения контрразведки часто оказывались незначительными, касались некомпетентных высказываний того или иного офицера или солдата, нарушений дисциплины, пьянства на службе, использования бензина для частных поездок и т.д.[77], и Трухин, для которого важнее всего было выявление советских связей, всерьез задумывался над тем, чтобы заменить майора Чикалова капитаном Беккером-Хреновым, которому он еще в 1944 году хотел присвоить звание подполковника. Пока группа контрразведки с переменным успехом боролась против советского шпионажа, группа разведки наконец-то занялась делами, не предназначенными для немецких глаз: по распоряжению генерал-майора Трухина попыталась в конце войны установить связи с американскими войсками. В целом на работе разведывательной

службы штаба РОА сначала отрицательно сказывалось недоверие немецкой контрразведки, затем организационные неполадки и ревнивое отношение со стороны добровольческих объединений, не подчиненных Власову. Тем не менее разведслужба достигла определенных успехов.

О растущем значении разведки в РОА говорит создание в начале 1945 года в „Охотничьем домике“ под Мариенбадом разведывательной школы РОА под руководством одного из самых талантливых офицеров разведки старшего лейтенанта Еленева[78]. В советской трактовке эта школа, предназначенная для подготовки разведчиков и агентов, главным образом, в области тактики, выглядит опасным центром шпионажа, диверсий, террора и даже подготовки восстания в тылу советской армии — последнее обвинение предъявили лично Власову. Именно существование этой школы Военная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала как особо тяжкий пункт обвинения[79], хотя в советской армии военная разведка считается законным и почетным родом войск, а практическая подготовка в „Охотничьем домике“ вряд ли сильно отличалась от обучения в соответствующих советских учреждениях. Более того, школа по своей структуре напоминала советское учебное заведение. Кроме царившего здесь духа, все в ней было советским: курсанты носили советскую форму и советские ордена и медали, называли друг друга „товарищ“ вместо принятого в РОА „господин“, читали советские книги и газеты, слушали советское радио и даже питались по порядку, заведенному в Красной армии. Курсанты изучали ориентирование по карте и картографию, методы сбора и передачи разведданных, советские уставы, учились пользоваться автомашинами, оружием и радиопередатчиками советского производства, учились обращаться со взрывчатыми веществами и т.д. 11 марта 1945 года в школу по случаю выпуска первых двадцати человек приехали Власов и генерал-майор Мальцев. Власов обратился к выпускникам с речью, в которой еще раз подчеркнул значение военной разведки. Он сказал:

Лишь те немногие, кто безраздельно предан идеям Освободительного движения и готов нести все тяготы этой чрезвычайно важной в условиях войны работы, достойны почетного звания разведчика РОА. Освобожденная от большевизма Россия никогда не забудет их подвигов.

Группа была самолетами переброшена за линию фронта с заданием организовать совместно с антисоветским движением сопротивления борьбу против советской армии[80]. С большим трудом удалось достать 20 тысяч литров бензина, необходимых для проведения этой акции. Есть также сведения, что подобные

группы не раз водил через линию фронта разведчик старший лейтенант Тулинов, причем они несли большие потери. При формировании офицерского корпуса, так же как и при создании военной юридической службы и военной разведки, русские руководствовались собственными представлениями. Офицер Освободительной армии определялся как представитель новой России в „европейском обществе“ и отличался от своих товарищей в добровольческих соединениях, находившихся под немецким командованием. Это был не просто военный специалист, овладевший своим делом, но еще и русский патриот, преданный идеалам освободительной борьбы, своему народу и отечеству. В опубликованной в 1945 году брошюре „Воин РОА. Этика, облик, поведение“[81]первым из качеств офицера называется выдвинутое Суворовым требование абсолютной честности на службе и в личной жизни. В отношении к подчиненным за образец принимается распространенный в старой русской армии тип „отца-командира“, который личным примером, справедливостью и отеческой заботой завоевывает уважение и любовь солдат. Офицер РОА не имеет права унижать достоинство своих подчиненных или других людей. Стоит упомянуть еще один пункт: офицер РОА обязан щадить мирных жителей, уважать их национальные и религиозные чувства, быть великодушным к побежденному противнику. Под редакцией генерал-майора Трухина к декабрю 1944 года было разработано положение о прохождении службы офицерами и военными чиновниками РОА, о котором мы можем судить по отзывам полковников Боярского и Меандрова[82]. Согласно этому положению, в военное время при присвоении званий от прапорщика до предложенного Боярским звания генерала армии следовало исходить только из достижений данного офицера, а не из принципа старшинства по службе, при этом заслуги на фронте должны были оцениваться выше, чем в тылу. Следовало различать звание и должность и учитывать звания, полученные в Красной армии. Таким образом, методы назначения и продвижения офицеров тоже свидетельствуют о своеобразии и самостоятельности Освободительной армии.

До 1944 года назначением и продвижением офицеров занимался Кестринг, немецкий генерал добровольческих соединений, и он под собственную ответственность мог назначать лишь „соотечественников“ (фольксдойчей), то есть в случае СССР — выходцев из прибалтийских республик[83]. В отношении летчиков соответствующие функции выполнял инспектор по иностранным кадрам Люфтваффе „Восток“. Исходя из „личных качеств, военных заслуг и политической надежности“, офицеру

присваивалось определенное звание внутри данного добровольческого соединения (в большинстве случаев соответствующее его званию в Красной армии), а отдел кадров армии или Люфтваффе разрешал ему носить немецкую форму с соответствующими знаками различия. После того, как в сентябре 1944 года рейх признал Русское освободительное движение, был временно установлен порядок, по которому русские подавали представления для офицеров формирующейся РОА генералу добровольческих соединений. Наконец, 28 января 1945 года сам Власов получил право как главнокомандующий ВС КОНР назначать офицеров в подчиненные ему формирования по собственному усмотрению, определять их звание и повышать их[84]. Однако имелись некоторые ограничения, свидетельствующие о том, что немцы все еще цеплялись за последнюю возможность контроля над Власовым. Например, для продвижения генералов — или присвоения генеральского звания — требовалось получить через ОКВ согласие начальника Главного управления СС. Как и раньше, кроме данного теперь Власову права на присвоение очередного звания была необходима еще и санкция на присвоение немецких знаков различия, которые распределял отдел кадров армии по поручению генерала добровольческих соединений и отдел кадров Люфтваффе по поручению тогдашнего инспектора по восточным кадрам Люфтваффе[85]. Это условие, вызванное требованием соблюдения известных правил равенства, оставалось в силе лишь до тех пор, пока солдаты РОА носили немецкие знаки различия. Русская сторона предпринимала усилия вернуть в Освободительной армии русские погоны, введенные еще в 1943 году в тогдашних Восточных войсках, но замененные затем немецкими[86]. Заметим, кстати, что это был единственный пункт, в котором пожелания русских были созвучны устремлениям Гитлера, 27 января 1945 года высказавшегося против выдачи власовцам немецкой формы.

На практике, однако, продвижение офицеров уже тогда производилось исключительно так, как того желали русские. Организованная при штабе армии квалификационная комиссия под началом майора Демского определяла звание новоприбывших офицеров. Назначения младших офицеров производились генерал-майором Трухиным совместно с начальником отдела кадров штаба полковником Поздняковым, а вопрос о назначении штабных офицеров решался генералом Власовым совместно с Трухиным и Поздняковым. У нас нет сведений о возражениях немецкой стороны. Так, например, начальник Главного управления СС, обергруппенфюрер Бергер, пытавшийся, как и его

представитель у Власова оберфюрер СС доктор Крегер, поддержать Освободительное движение, в феврале-марте 1945 года безоговорочно согласился на предоставление полковникам В. И. Боярскому, С. К. Буняченко, И. Н. Кононову, В. И. Мальцеву, М. А. Меандрову, М. М. Шаповалову и Г. А. Звереву звания генерал-майора. Что до остальных офицеров, то дружеское взаимопонимание, установившееся между полковником Поздняковым и капитаном Унгерманном, ответственным за личные дела в штабе генерала добровольческих соединений, служило гарантией доброжелательного отношения к запросам русских.

Заботясь о своем престиже в отношениях с немцами, Власов считал излишним лично готовить представления о повышении в должности. Их подписывал начальник отдела кадров штаба армии Поздняков. После войны это интерпретировали так, что для немцев слово главнокомандующего Власова не имело никакой ценности, они прислушивались к мнению другого человека „немецкого агента“ в штабе РОА[87]. Советская пропаганда, ухватившись за этот довод, попыталась представить ненавистного ей своей публицистической и политической деятельностью Позднякова орудием СД, гестапо и СС, приписывая ему всевозможные злодеяния. Чтобы убедиться в нелепости этих утверждений, из которых следует, что Власов и ведущие офицеры Освободительной армии были во власти агента гестапо, достаточно лишь взглянуть на служебное положение Позднякова. По службе он был связан со штабом генерала добровольческих соединений, но не имел никакого отношения к гестапо и СД, и сотрудничество с ними абсолютно исключалось по организационным причинам. Об этом писал генерал добровольческих соединений Кестринг, это подчеркивал бывший начальник отдела пропаганды вермахта полковник Ганс Мартин, уверявший, что хорошо знал Позднякова по прежней работе. Оба они, как и бывший адъютант Кестринга ротмистр Хорват фон Биттенфельд (после войны — государственный секретарь и начальник канцелярии федерального президента) говорят о безукоризненной честности Позднякова, его патриотизме и организаторских способностях[88]. Впрочем, не обладай он этими качествами, вряд ли ему удалось бы стать оперативным адъютантом Власова, а затем занять ответственный пост начальника командного отдела.

После назначения Власова главнокомандующим солдаты РОА были приведены к присяге[89]:

„Я, верный сын своего отечества, добровольно вступаю в ряды войск Комитета по освобождению народов России. Перед лицом

моих соотечественников торжественно клянусь честно сражаться под командованием генерала Власова до последней капли крови за благо моего народа, против большевизма“*.

Немецкая сторона не могла примириться с тем, что солдаты будут присягать лично Власову, и в присягу были внесены пункты, намекающие на союз с Германией. В частности, говорилось: „Эта борьба ведется всеми свободолюбивыми народами во главе с Адольфом Гитлером. Клянусь быть верным этому союзу“. Эту формулировку одобрил лично рейхсфюрер СС, а русские таким образом сумели избежать принесения присяги лично Гитлеру.

В самом конце войны солдаты РОА все еще носили на серых формах немецкие знаки различия, что привело к роковому недоразумению: американцы увидели в этом доказательство их принадлежности к вермахту. Между тем, не говоря уж о том, что французских солдат де Голля и польских генерала Андерса в 1944-45 гг. тоже не без труда отличали от американских или британских солдат, у власовцев даже чисто внешне отсутствовал главный признак принадлежности к вермахту: эмблема орла со свастикой. 2 марта 1945 года ОКВ срочным порядком издало запоздалый приказ на эту тему[90]:

Члены русских формирований, подчиненных главнокомандующему Вооруженных сил Комитета освобождения народов России, обязаны немедленно снять с шапок и мундиров германскую эмблему. Вместо германской эмблемы на правом рукаве носится нарукавный знак, а на шапке — кокарда Русской освободительной армии (РОА). Немецкому персоналу, осуществляющему связь с РОА, предписывается снять нарукавный знак РОА.

С этого момента знаменем Освободительной армии становится — вместо знамени рейха — бело-сине-красный военно-морской флаг с андреевским крестом, учрежденный Петром I, а штандарт главнокомандующего был с трехцветными кистями и изображением Георгия Победоносца на голубом фоне[91]. На служебной печати РОА было написано „Вооруженные силы народов России“[92]. Если требуются дальнейшие доказательства для подтверждения автономного статуса Освободительной армии, то можно добавить, что вермахт в ней представляли — как и в союзных армиях Румынии, Венгрии и других стран лишь офицеры связи, не имеющие командных полномочий: генерал ОКВ при главнокомандующем Вооруженными силами КОНР и группы связи при русских дивизиях. За исключением некоторых связей чисто формального свойства, Русская освободительная армия была юридически и

фактически полностью отделена от вермахта[93].

Итак, вермахт и РОА теперь официально считались союзниками. Свершилось то, чего вот уже несколько лет добивались многие высшие офицеры немецкой армии[94]. Но это отнюдь не означало перехода к новым, безоблачным отношениям между русскими и немцами. В армии, особенно на низшем уровне, бытовало недоверие к русским, порожденное невежеством и непониманием. Немцам было трудно видеть в русских равноправных союзников. Имеется немало примеров, наглядно демонстрирующих, с какой легкостью это недоверие перерастало в серьезные конфликты. Такова история капитана Владимира Гавринского, офицера из личной охраны Власова. Находясь при выполнении задания главнокомандующего, капитан на вокзале в Нюрнберге поспорил с немецким летчиком из-за места в купе второго класса[95]. Подоспевший фельдфебель-железнодорожник моментально разрешил конфликт, хладнокровно застрелив русского офицера. А ведь дело происходило в феврале 1945 года... Известие об убийстве этого заслуженного офицера, получившего несколько орденов за отважные действия в тылу Красной армии, дошло до членов КОНР во время заседания в Карлсбаде, вызвав у них глубокое возмущение. Присутствовавшие на заседании немцы тоже были очень огорчены этим инцидентом. Власов отправил рейхсфюреру СС телеграмму с выражением протеста, и немцы постарались замять дело. Капитану Гавринскому устроили военные похороны по высшему разряду, на которых присутствовали городской комендант Нюрнберга и старшие немецкие офицеры. Однако требование Власова о предании убийцы суду выполнено не было, а фельдфебеля просто без лишнего шума перевели в другую часть.

Но и русские не забывали о былой вражде и прежних унижениях. Так, в тайном донесении отдела разведки при штабе армии, датированном 1945 г., отмечен рост враждебного отношения к немцам в 1-й дивизии РОА. В этом явлении усматривали влияние майора М. А. Зыкова, человека выдающегося, но крайне противоречивого и загадочного. В 1943 году Власов назначил Зыкова ответственным за прессу в зарождавшемся тогда Освободительном движении. Летом 1944 года Зыков, по-видимому, был арестован в Берлине гестапо[96]. Его идеи пользовались большим успехом среди слушателей курсов пропагандистов в Дабендорфе, занимавших теперь офицерские посты в формированиях РОА. Поэтому некоторые авторы считают, что политические офицеры, наподобие Зыкова, который был раньше доверенным Бухарина и комиссаром корпуса в Красной армии, сознательно сеяли недовольство в офицерской

среде, вбивая клин между РОА и вермахтом[97]. Явные намеки на влияние „гениального еврея Зыкова“ имеются также в заявлении бывшего сотрудника Власова от 23 декабря 1944 года[98]. Он сообщил Восточному министерству, которое и без того не питало особо дружеских чувств к Власову, что в окружении генерала находятся люди, „настроенные против всего немецкого“, „заранее изымающие из программ курсов пропагандистов все, что направлено против англо-американцев“ и — что отмечалось особо — „хранящие полное молчание насчет еврейского вопроса“. Примером такого образа мыслей могло послужить также зарегистрированное тогда же, провокационно звучавшее для национал-социалистических ушей высказывание капитана Воскобойникова: „Евреи — симпатичные, интеллигентные люди“[99].

Согласно тому же источнику, в РОА шла тайная агитация не только против самих немцев, но и против добровольческих соединений, все еще находившихся под их командованием. Агенты или доверенные лица РОА якобы пытались сеять смуту в Восточных войсках, уговаривали солдат присоединиться к Власову, „который решит русский вопрос без немцев“. В духе советской пропаганды эти агитаторы называли офицеров Восточных войск, многие из которых воевали уже не первый год, „гестаповцами, предателями и наймитами“, противопоставляя им подлинных вождей, которые „не продались немцам“[100], то есть прямо из плена попали к Власову. Эти утверждения выглядят малоправдоподобными, поскольку такое различие противоречило бы самим принципам КОНР, считавшего всех русских добровольцев участниками Освободительного движения, независимо от их местонахождения[101]. Наконец, не следует забывать, что большинство ведущих деятелей РОА выдвинулись из Восточных войск, как, например, генерал-майор Буняченко, который командовал русским полком еще в период германского наступления. Руководство РОА решительно выступало против всех подобных антинемецких течений, развивавшихся скорее подспудно, чем на поверхности. Начальник главного управления пропаганды КОНР генерал-лейтенант Жиленков был склонен расценивать такие настроения как целенаправленную вражескую провокацию. В военной газете КОНР „За Родину“ от 7 января 1945 года он писал[102]:

Воин армии освобождения в отношении союзников должен проявлять максимум уважения и повседневно заботиться об укреплении боевой дружбы русских и немцев... Поэтому солдаты и офицеры армии освобождения должны проявлять максимум корректности и полное уважение к национальным порядкам и

обычаям той страны, на территории которой они вынуждены будут сражаться против большевизма.

Сам Власов, бывший свидетелем того, как после битвы за Киев Сталин в Кремле требовал у Берии всеми средствами разжигать „ненависть, ненависть и еще раз ненависть*“ против всего немецкого[103], именно в преодолении этой ненависти между двумя народами видел основы своей политики, хотя сам относился к немцам достаточно критически и трезво. Об его личном отношении к немецким союзникам свидетельствует его высказывание в речи, произнесенной 10 февраля 1945 года на учебном полигоне в Мюнзингене по случаю вступления в командование 1-й и 2-й дивизиями РОЛ. В присутствии именитых немецких гостей он сказал собравшимся войскам:

В годы совместной борьбы зародилась дружба русского и немецкого народов. Обе стороны совершали ошибки, но пытались исправить их-и это говорит об общности интересов. Главное в работе обеих сторон — это доверие, взаимное доверие. Я благодарю русских и немецких офицеров, которые участвовали в создании этого союза. Я убежден в том, что мы скоро вернемся на нашу родину с теми солдатами и офицерами, которых я вижу здесь. Да здравствует дружба русского и немецкого народов! Да здравствуют солдаты и офицеры русской армии![104]*

В своей речи Власов ни разу не упомянул о Гитлере и национал-социализме. Поэтому в служебном немецком донесении о церемонии в Мюнзингене подчеркивается, как трудно придерживаться требуемого Власовым равенства. Л ведь именно это условие выдвигалось Власовым в качестве основного принципа взаимоотношений между немцами и РОЛ.

Глава 3.
Сухопутные войска РОА

23 ноября 1943 года, через несколько дней после провозглашения Пражского манифеста, организационный отдел генштаба ОКХ отдал приказ о формировании 1-й русской дивизии[105](в немецкой номенклатуре 600-й пех. див. (русс.)) [106]как ядра вооруженных сил КОНР. Но приготовления на учебном полигоне в Мюнзингене (Вюртембург, V военный округ) были начаты заблаговременно, еще до приказа. Сначала Власов намеревался назначить командиром дивизии полковника В. И. Боярского, но в конце концов его выбор пал на полковника (с февраля 1945 года генерал-майора) Буняченко[107]. Сергей Кузьмич Буняченко родился на Украине, в бедной семье, в 1939 году командовал дивизией на Дальнем Востоке. Будучи командармом 389-й танковой дивизии, он на основании приказа Сталина & No 227 от 28 июля 1942 года был приговорен 5 сентября того же года к расстрелу за то, что преждевременно отдал приказ о разрушении железнодорожной линии Изерская Осетинская[108], помешав тем самым вступлению в бой бронепоезда. После помилования ему удалось перейти к немцам, и в начале 1943 года он присоединился к освободителыюму движению. В сентябре 1943 года Буняченко, состоявший в должности штабного офицера для особых поручений при командующем Восточными войсками военного округа „Юг“ генерал-майоре графе Столберге, высказался за переброску русских войск в Западную Европу: он считал, что это даст возможность, независимо от поражений на немецком Восточном фронте, создать Освободительную армию в составе „нескольких армейских корпусов“[109]. В июле 1944 года он отличился, командуя русским полком на Западном фронте, это способствовало росту его военного престижа, и он не колеблясь пользовался своим авторитетом в интересах создания крупных русских формирований. Как явствует из беседы полковника Буняченко, генерала-майора Малышкина и командующего Восточными войсками при главнокомандующем западной группой армий генерал-майора профессора доктора Риттера фон Нидермайера 21 июля 1944 года в Париже, русские не переставали настаивать на создании независимой Освободительной армии под русским командованием[110].

По всем своим данным Буняченко был прекрасной кандидатурой на пост командира дивизии: он получил

основательное военное образование, был способным тактиком и энергичным, хотя временами и грубоватым, командиром. Его своеволие и внутренняя независимость доставляли немало хлопот немецким руководителям в Мюнзингене, особенно во время действий 1-й дивизии на Одере и в Богемии. Буняченко единственный из генералов РОА осмеливался пререкаться с самим Власовым. Так, при разгрузке дивизии в районе Эрлангена дело дошло до неприятного конфликта, в результате которого Буняченко получил от главнокомандующего официальный выговор[111]. Начальником штаба 1-й дивизии РОА был назначен подполковник Н. П. Николаев, опытный штабной офицер, выпускник Военной академии им. Фрунзе, в 1941 году служивший в оперативном отделе штаба 4-го механизированного корпуса, которым в районе Львова командовал генерал-майор Власов[112]. Дивизионный штаб был организован по русскому образцу и имел, насколько известно, следующий состав:

• 1-й адъютант: подполковник Руденко;

• адъютант командира дивизии: лейтенант Семенов;

• дивизионный адъютант: старший лейтенант Машеров;

• офицер-переводчик: лейтенант Рябовичев;

• начальник оперативного отдела: майор Фролов, позднее — подполковник Синицкий;

• начальник отдела снабжения/командир полка снабжения: подполковник Герасимчук;

• начальник разведывательного отдела: капитан Ольховник (Олчовик);

• начальник отдела пропаганды: капитан Б. А. Нарейкис, позднее — майор С. Боженко;

• дивизионный интендант: капитан Паламарчук;

• дивизионный священник: игумен Иов.

Политическими вопросами занималось Главное управление СС, а формирование 1-й дивизии РОА проходило под руководством войск, стоящих в Мюнзингене, под командованием генерала добровольческих соединений в ОКХ, генерала кавалерии Кестринга[113]. Последний назначил „командиром штабов формирования“ полковника Х. Герре[114], еще молодого офицера генштаба, который с мая 1943 по июль 1944 гг. занимал пост начальника штаба при генерале Восточных войск, был хорошо знаком с русскими проблемами, много общался с русскими, и они считали его своим другом. Задачей Герре было в сотрудничестве с центральными и местными войсковыми службами создать материальную и организационную базу для формирования дивизии и консультировать русский дивизионный штаб по вопросам комплектования и боевой подготовки подразделений.

Для этого он организовал свой собственный штаб так, чтобы каждый из офицеров имел соответствующего партнера в русском дивизионном штабе[115]. Таким образом, если Герре мог обращаться непосредственно к командиру дивизии, то его заместитель майор Кайлинг вел переговоры с начальником штаба подполковником Николаевым, а офицер следующего ранга — с русским офицером разведки капитаном Ольховником и так далее. Быть может, благодаря тому, что взаимоотношения с самого начала строились на переговорах, а не на приказах, сотрудничество между немцами и русскими развивалось весьма плодотворно[116]. Правда, Герре пришлось не раз сталкиваться с недоверием Буняченко, склонного принимать объективную невозможность за намеренное затягивание и считавшего своим долгом всячески отстаивать автономию вверенной ему дивизии от реальных или воображаемых покушений немецкой стороны[117]. Например, Буняченко, стремясь избежать подражания немецким .образцам, решительно выступал против предложения немцев формировать 1-ю дивизию РОА по типу так называемой „фольксгренадерской дивизии“. Он не понимал, что только такой подход позволял обеспечить бесперебойное снабжение, поскольку „фольксгренадерские дивизии“ были наиболее современными в немецкой армии, особенно в смысле вооружения. В этой связи следует также отметить, что, например, действующая на советской стороне с 4 октября 1943 года румынская добровольческая дивизия Тудора Владимиреску по структуре соответствовала советской гвардейской дивизии, солдаты были одеты в советскую форму и обучены по советским уставам[118]. Правда, если в 1-й дивизии РОА младшие офицеры-немцы командовали лишь немногочисленными учебными группами, то обучением и формированием небольшой по численности румынской дивизии занималось не менее 158 опытных советских офицеров-инструкторов, следивших за соответствием дивизии советским нормам.

При экипировке дивизий РОА в условиях последней военной зимы полковнику Герре пришлось преодолеть немало трудностей. Дело было не только в нехватке оружия, материальной части и амуниции, не только в катастрофическом положении с транспортом. Помимо всех этих сложностей, местные военные власти нередко отказывались выполнять требования дивизии, например, казначей гарнизона отказался выдать амуницию, в том числе крайне необходимый котел, „потому что русским жалко давать“. И в этом смысле упрек русских, что немцы намеренно препятствовали развертыванию дивизии, можно признать справедливым. Впрочем, когда Герре заручился поддержкой

командующего военным округом генерала танковых войск Вайеля[119], такое сопротивление удалось преодолеть, и новые солдаты получали все необходимое.

Разумеется, привести в жилое состояние ветхие бараки в Мюнзингене, обеспечить русских солдат питанием и снабдить одеждой и обувью было делом нелегким и требовало больших затрат труда и времени. Одним из больных вопросов стала проблема снабжения углем для отопления помещений. Транспорт с углем, извещение об отправке которого пришло уже давно, прибыл в лагерь дивизии лишь после энергичного представления Герре по начальству и вмешательства Кестринга, который лично обратился к начальнику службы снабжения армии[120]. Благодаря неослабевающим усилиям Герре, ежевечерне излагавшего свои пожелания непосредственно генералу Кестрингу, к февралю в дивизию начали доставлять личное огнестрельное оружие, орудия, гранатометы, противотанковые пушки, самоходные противотанковые орудия, автомашины и прочее снаряжение[121].

Зато комплектование личного состава дивизии протекало почти без проблем. О готовности служить в Освободительной армии заявили десятки тысяч добровольцев, восточных рабочих и военнопленных. И все же было решено прежде всего свести в состав дивизии уже находившиеся под немецким командованием русские формирования. Здесь в первую очередь следует назвать бригаду Б. Каминского, которая представляла собой отряд народного ополчения, организованный в 1941 году и частично состоявший из гражданских лиц, не служивших прежде в армии. Действуя в тылу 2-й немецкой танковой армии, бригада (ее называли также РОНА — Русская освободительная народная армия) полностью очистила от партизан обширную область Локоть между Курском и Орлом и установила там автономное правление. В конце декабря 1942 года РОНА состояла из 13 батальонов численностью в 10 тысяч человек и была прекрасно экипирована орудиями, гранатометами и пулеметами[122]. Впоследствии численность РОНА возросла до 20 тысяч человек, организованных в пять полков, танковый батальон, саперный батальон, батальон охраны и зенитно-артиллерийский дивизион. РОНА проявила себя осенью 1943 года во время отступления, а в 1944 году полк РОНА под командованием подполковника Флорова участвовал в подавлении Варшавского восстания. Но с переменой обстановки на фронте в РОНА проявились признаки деморализации. Среди введенных в Варшаву частей РОНА процветали грабежи и мародерство. Несущий ответственность за эти безобразия „бригадный генерал“ Каминский, инженер польского происхождения, был расстрелян по приговору

немецкого военно-полевого суда.

После всего этого СС отказалось от первоначального намерения переформировать бригаду в 29-ю гренадерскую дивизию Ваффен-СС (русс. 1) и предоставило ее личный состав в распоряжение Освободительной армии[123]. В начале ноября 1944 года части РОНА прибыли в Мюнзинген и были переданы РОА подполковником Беляем, бывшим лейтенантом Красной армии. Солдаты РОНА, сами по себе представлявшие, по словам полковника Герре, „ценный человеческий материал“, внешне производили впечатление совершенно опустившихся людей, и первым делом рядовых немедленно вывели из-под начала их прежних командиров. Буняченко сперва категорически возражал против дальнейшего использования этих офицеров, но в конце концов пошел на компромисс, согласившись взять к себе в дивизию каждого десятого при условии, что каждый такой офицер предварительно пройдет курс подготовки в офицерской школе РОА. Солдаты РОНА, в количестве 3-4 тысяч человек, составили всего лишь четверть личного состава 1-й дивизии, в основном они были сосредоточены во втором полку и, оказавшись под началом новых офицеров, проявили себя надежными бойцами[124].

Кроме бригады Каминского, в состав 1-й дивизии вошли также части 30-й гренадерской дивизии Ваффен-СС (русс. 2), состоявшей из четырех полков полицейской бригады Зиглинг[125]. Затем из района штаба главнокомандующего группой армий „Запад“ был переведен ряд русских батальонов, различных по составу и численности, — 308-й, 601-й, 605-й, 618-й, 621-й, 628-й, 630-й, 654-й, 663-й, 666-й, 675-й, 681-й, а также 582-й и 752-й артиллерийские дивизионы и другие формирования[126]. Лишь ничтожное меньшинство личного состава дивизии пришлось набрать из числа военнопленных. О том, насколько к тому времени изменилась обстановка, свидетельствует передача РОА в Мюнзингене 13 декабря 1944 года русского 628-го батальона. Бывший командир батальона, немец, вынужден был теперь рапортовать русскому полковнику, который запретил майору покидать подчиненных, так как „на счету была каждая минута“[127].

Уже в декабре 1944 года дивизия насчитывала почти 13 тысяч человек, и ее численность все увеличивалась. Во время марша на Одерский фронт в начале марта 1945 года выяснилось, что дивизия притягивает большое число так называемых „восточных рабочих“. Их зачислили в дивизию, обмундировали и сформировали из них несколько запасных батальонов. 16 апреля 1945 года к дивизии также присоединился русский 1604-й

пехотный полк, два батальона которого 24 февраля были переведены из Дании на Восточный фронт[128]. Командиром полка стал полковник И. К. Сахаров. 1-м батальоном этого полка командовал капитан Чистяков, вторым — капитан И. Ф. Гурлевский, начальником штаба полка был майор Г. Герсдорф.

Офицерские должности в 1-й дивизии РОА, численность которой скоро составила 18-20 тысяч человек, заполнялись прежде всего за счет выпускников пропагандистской школы в Дабендорфе. Ряд офицеров был переведен в дивизию из распущенных полевых батальонов, а вскоре подоспел первый выпуск офицерской школы РОА в Мюнзингене. Командиры дивизии отличались прекрасной подготовкой, особенно выгодное впечатление, как отмечали немецкие офицеры, производили командиры рот, батарей и эскадронов и многие молодые офицеры[129]. Младших офицеров не хватало, и поэтому наиболее способных и хорошо подготовленных солдат обучали в учебном батальоне на младших командиров.

В апреле 1945 года высший офицерский состав „дивизии выглядел следующим образом:

Разведотряд: майор Костенко; 1-й полк — подполковник А. Д. Архипов; 2-й полк — подполковник В. П. Артемьев (начальник штаба — майор Н. В. Козлов; 1-й батальон — майор Золотавин); 3-й полк — подполковник Александров-Рыбцов; 4-й полк — полковник И. К. Сахаров; артиллерийский полк — подполковник Жуковский;

полк снабжения — подполковник Герасимчук; запасный полк — подполковник Максаков.

Чтобы составить представление о боевой силе 1-й дивизии РОА, достаточно взглянуть на ее организацию. Структурно это крупное формирование, комплектовавшееся по образцу „народной гренадерской дивизии“[130], складывалось следующим образом: командование дивизии со штабной ротой, полевая жандармерия и топографическое отделение, три пехотных полка, разведывательный отряд, истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, артиллерийский полк, саперный батальон, отдел связи, полевой запасный батальон и полк материально-технического снабжения. В 1601-м, 1602-м и 1603-м пехотных полках имелись штаб со штабной ротой, два пехотных батальона, а также рота тяжелого пехотного оружия и противотанковая рота. Пехотные батальоны состояли из штаба и взвода снабжения, трех пехотных рот и роты тяжелого оружия. 1600-й разведывательный отряд состоял из штаба и четырех кавалерийских эскадронов; 1600-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион — из штаба и

штабной роты, тяжелой противотанковой роты, роты штурмового оружия с пехотным взводом сопровождения на бронетранспортере и зенитной батареи. 1600-й артиллерийский полк состоял из штаба и штабной батареи, одного тяжелого и трех легких артдивизионов. Тяжелый дивизион включал штаб и штабную батарею и две батареи тяжелых полевых гаубиц (всего 12 стволов), каждый легкий дивизион — штаб и штабную батарею и три батареи легких полевых гаубиц (полевых пушек, всего 42 ствола). 1600-й саперный батальон состоял из штаба и трех саперных рот; 1600-й отдел связи — из штаба и взвода снабжения, радиороты и телефонной роты. В состав запасного батальона, служившего также военной школой дивизии, входили штаб и взвод снабжения, а также пять рот, экипированных оружием различного образца. Наконец, 1600-й полк снабжения имел следующий состав: штаб, из подразделений службы снабжения — мотомеханизированная рота (120 т), два транспортных эскадрона (60 т), взвод снабжения, далее — рота артиллерийско-технического снабжения, ремонтный взвод, судебно-административная рота, санитарная рота, медицинский взвод, ветеринарная рота, полевая почта.

В силу своеобразного политического значения русской дивизии организационный отдел в генштабе ОКХ заранее согласился на изменения в боевом составе. Так, уже присоединение 4-го пехотного полка (1604-го) означало значительное расширение первоначальной организационной схемы. По нормам дивизия должна была располагать 12 тяжелыми полевыми гаубицами калибра 150 мм, 42 легкими полевыми гаубицами калибра 105 мм (или легкими полевыми пушками калибра 75 мм), 6 тяжелыми и 29 легкими пехотными орудиями (то есть всего свыше 89 артиллерийских стволов), 14 штурмовыми орудиями, а также 31 противотанковой пушкой калибра 75 мм, 10 зенитными пушками калибра 37 мм, 79 тяжелыми или средними гранатометами, 536 станковыми или ручными пулеметами, 222 ракетами (петардами) калибра 88 мм, 20 огнеметами, а также автоматическим и прочим личным огнестрельным оружием. Однако в действительности картина была несколько иной: вместо запланированных 14 штурмовых орудий дивизия располагала более чем 10 самоходными противотанковыми орудиями (ягдпанцер 38), а также более чем 10 танками Т-34, то есть всего более чем 20 бронемашинами[131]. Как пишет подполковник Архипов, „дивизия была оснащена большим количеством дивизионной и полковой артиллерии, противотанковыми средствами, а также станковыми и ручными пулеметами“[132]. Таким образом, генерал-майор Буняченко

командовал крупной военной единицей, по численности состава и по огневой мощи значительно превосходившей советскую стрелковую дивизию и приближавшейся к советскому стрелковому корпусу.

Какие настроения царили в формировании, возникшем в труднейших условиях в столь критическое время? Свидетельства очевидцев и все известные нам факты опровергают утверждения советской и просоветской печати, что речь идет о „банде“, „состоявшей в большинстве своем из военных преступников, отъявленных головорезов“, „сброда“, о „дивизии преступников, способных на все... совершенно деморализованных и не способных к борьбе“[133]. Совсем наоборот: объективные авторы высоко оценивают служебное рвение русских солдат[134]. Едва попав в Мюнзинген, они, несмотря на свои лохмотья, требовали, чтобы с ними немедленно начали курс военной подготовки. Они проявляли себя прилежными учениками, в кратчайшие сроки осваивали оружие и основы его тактического применения.

Уже первые упражнения с прицельной стрельбой дали на редкость хорошие результаты. Когда затем власовцам были выданы новейшие виды оружия, они обрадовались, по словам полковника Герре, „как дети... Целыми днями они возились на учебных плацах со штурмовыми орудиями и танками, так что им вечно не хватало горючего“. Но вот в свободное время действительно возникало множество проблем. Некоторые солдаты РОА добывали у немецких крестьян самогон, и дело часто заканчивалось ссорами, а то и рукоприкладством прикладством. Не без осложнений складывалось и общение солдат с женщинами разных национальностей, вывезенными на работы в Германию и содержавшимися в лагерях в окрестностях Мюнзингена.

Солдаты часто жаловались командиру дивизии на дурное обращение немецкого управления лагерей с русскими, в том числе и с женщинами[135]. Немецкий штаб относился к жалобам такого рода очень серьезно: их даже обсуждали в партийных группах, где старались повлиять на виновников. Личное вмешательство полковника Герре и майора Кайлинга, обратившихся к гауляйтерам Мурру и Хольцу, привело к тому, что обращение с русскими в районе 1-й дивизии изменилось к лучшему[136]. Герре пытался также поднять дух русских солдат, выписывая всевозможные отряды культурного обслуживания отдела „Винета“ министерства пропаганды, которые состояли из русских артистов, чьи выступления пользовались большим успехом. Устраивались также просмотры фильмов, которые солдаты посещали очень охотно.

В общем и целом дивизия отличалась „действительно хорошей дисциплиной“, притом эта дисциплина, как позже подчеркивал майор Швеннингер, начальник немецкой группы связи, покоилась не на страхе перед наказанием, а на убеждениях[137]. Рядовые слушались своих офицеров, которые вполне могли положиться на своих подчиненных: ведь в конечном итоге у всех у них, от генерала до последнего солдата, была только „одна цель, одно стремление, один враг и одна судьба“. Всех воинов дивизии объединяла убежденность, что от внутренней собранности и боевой готовности зависит также способность защитить собственные интересы „в любой ситуации“. Подавляющее большинство солдат было, по словам Швеннингера, готово „бороться против Сталина и его системы… пока оставалась хотя бы малейшая надежда на конечный успех“.

Впрочем, сказанное не исключает наличия небольшого числа более слабых элементов, которые в критический момент могли легко подпасть под влияние вражеских агентов. В Мюнзингене неоднократно предпринимались „акции против разоблаченных советских шпиков“, однако единственный подлинный случай заговора был заблаговременно раскрыт офицером контрразведки, капитаном Ольховником, в сотрудничестве с другими русскими офицерами, что свидетельствует о лояльности солдат и о хорошей работе службы безопасности дивизии[138]. В 4-м дивизионе артиллерийского полка в конце марта 1945 года на Одерском фронте тайное собрание в присутствии командира дивизиона обсуждало план убийства нелюбимых офицеров и сдачи Красной армии (такое случалось в Восточных войсках еще в 1943 году). По приказу командира дивизии ряд заговорщиков был арестован и допрошен; кажется, некоторых избили, но в военный суд дело не передали. К удивлению немецкой группы связи, после отступления с Одерского фронта Буняченко освободил арестованных. Они по-своему отблагодарили его за эту милость, при первой же возможности перейдя в Праге на сторону красных.

Однако, говоря о дисциплинированности, боеспособности и надежности 1-й дивизии РОА, следует заметить, что последний эпитет применим к ней с некоторыми ограничениями: надежна она была единственно с точки зрения идей Русского освободительного движения генерала Власова. Если же рассматривать дивизию как инструмент немецкого руководства, то ее никак нельзя назвать надежной. Майор генштаба Швеннингер на основании собственного опыта писал:

У каждого русского были свои причины ненавидеть советскую систему (высылка или арест близких, личные неприятности, связанные с преследованием, вмешательство системы в личную

жизнь и т.д.). Все стремились к единой цели: к созданию нового государства на других основах[139].

Но почти все они в той или иной форме пострадали и от немцев. Именно эти личные и политические обиды, укоренившиеся достаточно глубоко, вызывали антинемецкие настроения и могли привести к различным недоразумениям.

Руководство дивизии, хорошо понимая это, делало все возможное для предупреждения эксцессов. Особенно это проявилось при марше на Восточный фронт, когда дивизии пришлось достаточно близко столкнуться с гражданским населением. Генерал-майор Буняченко в специальных приказах строжайшим образом запретил солдатам вступать в конфликты с немцами[140]. И действительно, вб время похода через Южную Германию, за которым пристально следила немецкая группа связи, злоупотребления не выходили за обычные рамки, ограничившись конфискацией овса у крестьян для прокорма лошадей и тому подобными инцидентами. Русские солдаты вполне дружески относились к немецкому населению, и это немало способствовало улучшению взаимопонимания.

На Одерском фронте, а также во время перехода в Богемию в апреле, несмотря на рост напряженности в отношениях с немецким командованием, число столкновений с населением и местными властями тоже было незначительно. Командиры подразделений строго относились к нарушениям. Так, перед уходом из Шнееберга состоялась даже сессия военного суда, на которой солдат артиллерийского полка был приговорен к расстрелу за систематические акты насилия. Боевой дух и дисциплина поддерживались буквально до последнего дня существования дивизии[141]. Это проявлялось в неизменной решимости власовцев идти в бой вплоть до того момента, когда дивизия едва не была раздавлена советскими танками под Шлюссельбургом. Лишь по недвусмысленному приказу Буняченко дивизия начала самораспускаться 12 мая 1945 года, и только тогда солдатами овладели паника и отчаяние.

Формирование 1-й дивизии РОА, начатое около 10 ноября 1944 года, завершилось в первые дни марта 1945 года. Между этими двумя датами произошла формальная передача 1-й и 2-й дивизии РОА, находившейся в процессе формирования, под командование генерала Власова. Торжественная церемония в Мюнзингене еще раз продемонстрировала, что РОА отныне является союзной армией[142]. Об этом говорит и тот факт, что прибывшие немецкие и русские гости, в том числе генерал-майоры Трухин и Ассберг, были размещены в лагере и гостинице „Гардт“ по принципу равенства и в соответствии с воинским

званием. 10 февраля 1945 года, в день передачи дивизий, дивизионный командир на парадном плацу отрапортовал о прибытии соответствующих частей генералу Кестрингу. Затем Кестринг, Власов, полковник Герре и Буняченко устроили смотр войскам. После этого Кестринг передал Власову „600-ю и 650-ю русские пехотные дивизии“, сказав речь, которую закончил словами: „Ура главнокомандующему Вооруженными силами Комитета освобождения народов России!“. В этот момент на флагштоке рядом с военным флагом рейха взвился русский национальный флаг, который одновременно был поднят во всех местах расквартирования РОА. Зазвучал русский гимн „Коль славен наш Господь в Сионе“, исполнявшийся на популярную немецкую мелодию[143]. Затем Власов официально принял дивизии, обрисовав в короткой речи цели „нашей священной борьбы“. После исполнения национального гимна последовало вручение наград и был отслужен молебен. И наконец колонны 1-й дивизии начали марш в русском военном порядке и почти два часа шли мимо украшенной хвоей почетной трибуны, по сторонам которой стояли две полевые гаубицы, а их главнокомандующий по русскому обычаю подбадривал их приветственными возгласами вроде „Вперед, ребята“, „Молодцы“ и т.п. Вопреки программе, Власов не провозгласил „ура“ в честь Гитлера как верховного главнокомандующего, ограничившись прославлением „дружбы немецкого и русского народов“ и „солдат и офицеров русской армии“. День завершился большим банкетом для гостей в зале офицерского казино, украшенного в цвета русского флага, а солдаты меж тем — отчасти по собственной инициативе начали сдирать с форм германских орлов.

Вот как описывает Н. В. Ветлугин (Тензоров) свои впечатления от 1-й дивизии РОА[144]:

Конец апреля 1945 года. По полям и дорогам Чехии двигается длинной, растянувшейся на несколько километров, колонной пехота; блестят на солнце штыки, чернеют дула и диски автоматов… Оглушительно лязгая гусеницами, ползут тяжелые танки. Громыхая, катятся тяжелые пушки, влекомые тягачами. Идут самоходные орудия. …Лошади легко „уносят“ полевые пушки и гаубицы с зарядными ящиками. Снова стрелки. За ними — противотанковая часть с „танковыми кулаками“… Саперы… Полевые радиостанции. Санитарные тачанки и двуколки… Минометчики… Автомобили… Самокатчики… Мотоциклисты.

Пыля, по обочине дороги, вдоль колонны, в одном и в другом направлении проносятся, то рыся на лошадях, то подпрыгивая на „стреляющих“ и „чихающих“ мотоциклетках, штабные офицеры, адъютанты, ординарцы, посыльные.

Над нескончаемой рекой из человеческих тел плывут развернутые и развеваемые ветром знамена — трехцветные, белые с косым Андреевским крестом и снова трехцветные...

Медленно обгоняя колонну, я еду в автомобиле по полю. Сидящий рядом со мной инженер Д. В. Б., человек, проживший здесь более двадцати пяти лет, но сохранивший горячую любовь к России и поклоняющийся всему русскому, не может скрыть своего волнения. Он сжимает мою руку и с необычным выражением всегда сурового лица, изменившимся голосом, говорит:

“Ведь это русские солдаты! Снова возродилась русская армия! Неужели наши мечты о настоящей борьбе с большевиками воплощаются в действительность? Я знаю, что сейчас совершается подлинное, настоящее общероссийское дело! Как жаль, что всего этого не видят мои близкие и друзья!“

17 января 1945 года организационный отдел генштаба ОКХ издал приказ, подписанный генералом танковых войск Венком, о формировании 2-й дивизии РОА (в немецком обозначении 650-я пех. див. (русс.)) на учебном полигоне Хейберг в Вюртемберге, также под руководством генерала добровольческих соединений в ОКХ[145]. Командиром дивизии был назначен полковник Г. А. Зверев, которому Власов в феврале 1945 года присвоил звание генерал-майора[146], начальником штаба — полковник А. С. Богданов. Командирами полков были полковник М. Д. Барышев (1-й полк, „1651-й пех. полк“), майор Коссовский (2-й полк, „1652-й пех. полк“), подполковник М. И. Головинкин (3-й полк, „1653-й пех. полк“) подполковник Н. (1650-й артиллерийский полк), подполковник Б. Власов (1650-й полк снабжения). Зверев, „искусный офицер“, солдат „почти прусского образца, с манерами светского человека“, отличался, однако, при всем при том „непробиваемым упрямством“, которое командующий округа, генерал танковых войск Вайель и комендант учебного полигона генерал-майор Б. всячески старались смягчить приглашениями на чай[147]. Выходец из рабочей семьи, Зверев сделал в Красной армии стремительную карьеру. Уже во время советско-финской войны он командовал дивизией, в начале войны с Германией был ранен и вскоре попал со своей дивизией в окружение. Ему удалось с несколькими офицерами пробиться к советской линии фронта. Там он был арестован как шпион, и его шесть месяцев продержали в тюрьме, а затем, с понижением в должности, направили в Среднюю Азию. Но в 1942 году он вновь командовал дивизией на советско-германском фронте. В марте 1943 года он, будучи военным комендантом Харькова, попал в плен, оказался в днепропетровском лагере и там, вместе с другими советскими офицерами-их было 780 человек — присоединился к

Освободительному движению.

Условия формирования в Хейберге были такие же, как в Мюнзингене, но трудности, тормозившие дело, проявились здесь еще сильнее. Относительно спокойно прошло лишь комплектование личного состава. В распоряжение дивизии был предоставлен целый ряд добровольческих формирований[148]: 427-й, 600-й, 642-й, 667-й, 851-й русские батальоны, 3-й батальон 714-го русского пехотного полка, 851-й саперно-строительный батальон и другие. 621-й русский артиллерийский дивизион, которым на Западном фронте командовал нынешний руководитель штаба формирования, кавалер Железного креста майор Кайлинг[149], взял на себя укомплектование личного состава и материальной части артиллерийского полка. Кроме того, личный состав дивизии пополнялся за счет бессчисленных добровольцев прямо из лагерей для военнопленных. Офицерский корпус набирался в основном из учащихся первого курса новой офицерской школы РОА. Однако немецкому штабу формирования не удалось обеспечить боекомплект дивизии, особенно в отношении тяжелых орудий, специальных орудий и автомашин. Даже когда в Хейберг уже прибыли современные советские пушки калибра 122 мм для вооружения артиллерийского полка, часть их была отозвана по требованию группы армий „Г“[150]. Поэтому, покидая 19 апреля 1945 года учебный полигон, 2-я дивизия РОА была в полном боевом составе, но оружия не хватало[151]. Предпочтение при вооружении отдавалось, по распоряжению генерал-майора Зверева, запасному полевому батальону как гвардейскому, противотанковый артиллерийский дивизион располагал противотанковыми ракетами, но в распоряжении пехотных полков были всего лишь личное огнестрельное оружие и частично — пулеметы. В конце апреля главнокомандующий группой армий „Юг“ генерал-полковник доктор Рендулич пытался обеспечить дивизию недостающим вооружением в районе применения севернее Будвайса, но из этого ничего не вышло.

Если 1-я и 2-я дивизии РОА все-таки успели стать реальностью, то 3-я дивизия — по немецкой номенклатуре 700-я пех-див. (русс.) — под командованием генерал-майора М. М. Шаповалова, с начальником штаба полковником А. Н. Высоцким-Кобзевым, так и не сдвинулась с подготовительной стадии[152]. Практически существовал лишь дивизионный штаб. К 12 февраля 1945 года дивизия располагала 10 тысячами добровольцев[153]и прилагались усилия по добыванию учебного оружия. При более благоприятных обстоятельствах эта дивизия сформировалась бы в кратчайший срок — порукой тому личность командира дивизии, значительного, хотя и мало известного деятеля Освободительной

армии. Михаил Михайлович Шаповалов, родившийся в 1901 году в деревне Новостровенка под Курском в семье бедного крестьянина, принадлежал к числу тех высших командиров, которые были обязаны своей карьерой исключительно Красной армии[154]. В 1937 году, будучи начальником штаба укрепленного района возле Владивостока, Шаповалов был арестован и под страшными пытками подписал признание своей вины. Однако после восьмимесячного заключения в тюрьмах НКВД его внезапно освободили и направили в Севастополь, на пост командира артиллерийской школы. В 1939-41 гг. Шаповалов учился в Академии им. Фрунзе, в августе 1941 года командовал сформированной им под Феодосией 320-й стрелковой дивизией, затем моторизованной группой у Керчи и, наконец, с 30 июня 1942 года был командиром 1-го отдельного стрелкового корпуса Особой армии Северо-Кавказского фронта, державшего береговую оборону на Черном море от Благовещенской до Лазаревской. 30 июля 1942 года корпус был брошен на оборону Кубани и вскоре разбит под Армавиром. 14 августа 1942 года Шаповалов, убежденный противник сталинского режима, сдался под станицей Ярославской войскам 16-й моторизованной пехотной дивизии, чтобы „активно участвовать в борьбе против ненавистного ему сталинского правительства и существующей в СССР системы“*. По-видимому, он так и не успел узнать, что 1 октября 1942 года постановлением Совета Народных Комиссаров ему было присвоено звание генерал-майора[155]. Те, кто принял это решение, явно не знали, что Шаповалов уже давно перешел на сторону немцев и что с начала сентября 1942 года в советских войсках на Кавказе циркулировали написанные им листовки, которые, по словам офицеров-перебежчиков, „оказывали большое воздействие“ и обсуждались „даже в высших офицерских кругах“[156].

Из сухопутных войск высшему командованию РОА, кроме нескольких армейских частей и трех дивизий, подчинялась еще запасная бригада и офицерская школа, а также противотанковая бригада (последняя, правда, лишь до ее вступления в боевые действия). В РОА эта противотанковая бригада играла роль особой ударной группы[157]. Она была сформирована с согласия Власова по приказу организационного отдела генштаба ОКХ генералом добровольческих соединений, чтобы доказать боеспособность Освободительной армии и таким образом ускорить ее создание. Бригада состояла из четырех отдельных противотанковых дивизионов (10-го, 11-го, 13-го, 14-го — 12-й состоял из кавказцев), каждый из которых подразделялся на три истребительных группы и 30 отделений истребителей танков[158].

Личный состав дивизиона насчитывал 35 офицеров и 275 рядовых, так что противотанковая бригада в общем счете имела 140 офицеров, 1100 унтер-офицеров и солдат и располагала 1200 штурмовыми орудиями и 2400 ручными противотанковыми гранатометами „панцерфауст“, которые благодаря простоте обращения с ними особенно пришлись по душе русским солдатам.

Формировавшийся в Мюнзингене с 1 февраля 1945 года 10-й противотанковый дивизион уже с середины месяца оказалось возможно приписать к 9-й армии (группа армий „Висла“) на Восточном фронте, в конце марта за ним последовал 11-й противотанковый дивизион, а формировавшиеся с 8 марта 1945 года на учебном полигоне в Деберице (III округ) 13-й и 14-й противотанковые дивизионы были в состоянии боевой готовности в начале апреля[159]. В бригаде, сформированной из отборных добровольцев и руководимой „молодцеватыми молодыми власовскими офицерами“[160], царил самый боевой дух. Это особенно проявилось 8 апреля 1945 года, когда немецкие отряды забрали у 13-го и 14-го противотанковых дивизионов большую часть их штурмовых орудий. Русский командир, майор Второв, не раздумывая, припрятал часть орудий у своих людей. Дело дошло до рукопашной с немецкими офицерами, Второв был арестован тайной полевой полицией, и из тюрьмы его выпустили только после вмешательства начальника инспекции в ОКХ подполковника Ханзена[161].

В тяжелых условиях протекало в Мюнзингене формирование запасной бригады РОА (в немецком обозначении — учебно-запасной бригады)[162], задача которой состояла в подготовке добровольцев из лагерей для военнопленных. Она являлась также резервной бригадой для подвижных частей Освободительной армии, и ее состав вполне соответствовал ее многообразному назначению. У командира бригады полковника С. Т. Койды были два помощника — по военной подготовке и материальному снабжению. Начальником штаба был подполковник Садовников. Из высших офицеров в бригаде служили также полковники Трофимов и Скухаревский. Командиром саперного батальона был майор Полницкий, погибший в апреле вместе с другими офицерами и солдатами при налете американской авиации. Организационно бригада выглядела следующим образом: штаб, взвод полевой жандармерии и военный оркестр, 1-й полк (штаб, три батальона, батарея с орудиями калибра 75 мм , танковая рота, кавалерийский взвод), затем артиллерийский дивизион, моторизованный батальон, батальон „панцерфаустов“, кавалерийский эскадрон, отдел связи, саперный батальон,

батальон артиллерийскоˆгехни-ческого снабжения, школа для младших командиров и батальон выздоравливающих. Количество оружия и техническое оснащение были самыми минимальными, обеспечение солдат даже самым необходимым из одежды и сапогами представляло большие трудности. Тем не менее бригада очень скоро разрослась до 7 тысяч человек, и можно было приступить к обучению. И хотя материальная часть запасной бригады РОА находилась в самом плачевном состоянии, этого никак нельзя было сказать о настроении солдат. Это стало ясно после выступления бригады из Мюнзингена, когда солдаты, несмотря на лишения и трудности, продемонстрировали высокую дисциплинированность и организованность, так что начальник штаба РОА генерал-майор Трухин хвалил их в самых лестных выражениях. После войны полковник Койда утверждал, что солдаты и офицеры „даже в тяжелейших обстоятельствах не теряли веры в идеи РОА“*.

Офицерская школа РОА[163]возникла из курсов подготовки молодых офицеров, созданных в ноябре 1944 года при 1-й дивизии РОА. Понимая, что с формированием армии нужда в офицерах будет расти, Власов и Трухин преобразовали эти курсы в самостоятельную школу для всей Освободительной армии. По словам генерала Кестринга, они рассчитывали „вырастить в этой школе несколько тысяч русских офицеров“[164]. Во главе школы стоял сначала полковник Койда, его сменил на этом посту генерал-майор В. Ассберг, а затем — генерал-майор М. А. Меандров, начальником штаба был полковник Климов. В январе 1945 года к школе была присоединена „школа для командиров народов Востока“ под командованием полковника Киселева[165]. Офицерская школа РОА получила при этом слиянии весь учебный материал, оружие и автомашины, так что условия для 'обучения были самые благоприятные. Штаб офицерской школы[166]подразделялся на учебный отдел, хозяйственный отдел с хозяйственной ротой и санитарный отдел. В школе имелась батарея с орудиями калибра 75 мм и минометами, а также другое вооружение и техническое оснащение. В кадровый состав входили кроме командира 18 штабных и 42 строевых офицера, 120 унтер-офицеров и -рядовых. Преподавательский состав включал шесть полковников, пять подполковников, четыре майора и капитана. В школе было проведено два курса. Первый продолжался с 3 ноября 1944 года до февраля 1945, на нем было 244 слушателя, в том числе отдельная группа бывших командиров батальонов, начальников полковых штабов и прочих штабных офицеров Красной армии. Выпускники заняли командные посты в 1-й и 2-й дивизиях РОА. На втором курсе было 605 слушателей, но выпуск

не состоялся: шел апрель 1945 года.

Сухопутные войска РОА, состоявшие, кроме дивизий, из противотанковой бригады, запасной бригады и офицерской школы, насчитывали 40 тысяч человек, а с высшим командованием и частями армейского подчинения — 45 тысяч. Если добавить сюда личный состав военно-воздушных сил РОА в количестве 5 тысяч человек, то получится, что под прямым командованием Власова состояло 50 тысяч человек. По объему Освободительная армия приближалась к другой армии, проделавшей во многом сходный путь развития, а именно — к Чехословацкому легиону времен первой мировой войны[167], который в 1918 году получил статус самостоятельной „Чехословацкой армии в России“. В чешских легионах тоже с помощью и под контролем вражеской державы были организованы военнопленные с целью борьбы против своего правительства за освобождение родины и создание собственной государственности. Обе армии подчинялись национальному зарубежному комитету. Однако между Русской освободительной армией 1945 года и Чехословацкой армией в России 1918 года имеется существенное качественное различие. Чехословацкой армией командовали низшие офицеры, не имевшие военного опыта[168]. Главнокомандующий генерал-майор Суровый лишь за год до того получил унтер-офицерское звание, командиры дивизий — генерал-майор Чечек и полковник Швец — были до своего назначения на эти посты лейтенантами, генерал-майор Гайда (Гайдль) еще в 1915 году был простым солдатом-санитаром в австро-венгерской армии. Такие ведущие офицеры, как Клецанда и Гусак, тоже выдвинулись из низов. В РОА дело обстояло совсем не так: все командные посты здесь занимали опытные офицеры генерального штаба и армейские командиры, генералы и полковники, выполнявшие соответствующие функции еще в Красной армии. Так, командиры крупных частей были опытными командирами дивизий, а Шаповалов даже командовал в Красной армии корпусом. И хотя советская литература пытается представить командиров РОА полными ничтожествами в военном плане, говоря о „некоем Буняченко“ или никому не известном „предателе Звереве“[169], на самом деле это совсем не так. Прежде чем присоединиться к Освободительному движению, генерал-майоры Буняченко, Зверев и Шаповалов прошли в Красной армии путь от рядовых солдат до высших командных постов.

К концу войны численность сухопутных войск РОА почти удвоилась, так как к ним присоединились казачья группа генерал-майора А. В. Туркула, Казачий стан генерал-майора Т. И. Доманова и 15-й Казачий кавалерийский корпус под

командованием немецкого генерал-лейтенанта Гельмута фон Паннвица. Казаки в массе своей горячо поддерживали объединение с общерусским Освободительным движением, символом которого с 1943 года стал Власов, — это неоднократно проявлялось еще до основания КОНР и подписания Пражского манифеста.

Полковник К. Г. Кромиади в 1943 году пытался через генерал-майора С. Н. Краснова в Париже установить связь между Власовым и генералом П. Н. Красновым, легендарным полководцем гражданской войны. (В 1918 году Краснов, захватив район Дона, осадил Царицын, создав тем самым серьезную угрозу для советской власти. Позднее он приобрел всемирную известность как писатель. С 1944 года он занимал пост начальника Главного управления казачьего войска в Германии[170].) Однако попытка Кромиади ни к чему не привела: Краснов, отстаивавший идею полной социальной самостоятельности казаков, относился к Власову настороженно. Кроме того, он мог сослаться на заявление правительства рейха от 10 ноября 1943 года, в котором казаки объявлялись союзниками и им гарантировались права, привилегии и неприкосновенность их земель[171].

Многие влиятельные представители казаков из старой эмиграции не разделяли этого отрицательного отношения к Власову, тем более что в Пражском манифесте подчеркивалось право всех народов я социальных групп России, в том числе и казаков, на самоопределение — да и сам Власов при каждом удобном случае повторял это[172]. В ноябре 1944 года после провозглашения Пражского манифеста оба генерала Донского войска Ф. Ф. Абрамов и Е. И. Балабин вступили в КОНР[173]. Этот поступок вполне отражал настроения большинства казаков, которые вопреки утверждениям так называемых „казацких националистов“ всегда считали себя русскими[174]. Вскоре и другие казачьи руководители — атаман Донского войска генерал-лейтенант Татаркин, генерал-лейтенант А. Г. Шкуро, кавалер британского Ордена Бани, полученного за заслуги в борьбе против большевиков, генералы С. К. Бородин, Голубинцев, Морозов, И. А. Поляков, Полозов и другие, а также атаман Кубанского казачьего войска генерал-майор В. Г. Науменко — выступили в поддержку Власова и руководимого им Освободительного движения. Даже генерал Краснов понял, что не может не считаться с таким развитием событий. Под Рождество 1944 года и 7-8 января 1945 года состоялись беседы Краснова с Власовым о координации действий Освободительной армии и казачьих войск, оставшиеся, однако, безрезультатными[175]. При

всем взаимном уважении Власов и Краснов представляли собой по мировоззрению и психологии крайние противоположности. Об этом свидетельствуют их открытые письма, опубликованные в марте-апреле 1945 года в газетах „Казачья земля“ и „Путь на родину“[176]. Краснов в письме Власову от 16 марта 1945 года отстаивает идею тесного союза с немцами с признанием их ведущей роли[177]и считает, что казачьи формирования, объединенные в 15-м Казачьем кавалерийском корпусе под его идейным предводительством, следует рассматривать как составную часть немецкого вермахта. Краснов был против воссоединения казаков с РОА, он стоял за то, чтобы казаки, имея собственных командиров, остались под немецким началом. Что касается послевоенного времени, то его политические устремления ограничивались созданием для возрожденного казачества некоего подобия протектората Германии. Для Власова же, по словам доктора Крегера, „безраздельно преданного“ идее „единой, неделимой, святой Руси“[178], достижение взаимопонимания на таких основах было немыслимо. Он был готов признать особый статус казаков внутри национального российского государства, но когда генерал Краснов потребовал, чтобы Власов заявил, что Вооруженные силы КОНР, так же как „1-я Русская национальная армия генерал-майора Хольмстона-Смысловского“, являются „частью немецкой армии“, Власов сослался на принципы, изложенные в Пражском манифесте, и на статус РОА как самостоятельной армии. В „Открытом письме“ от 3 апреля 1945 года Управление казачьих войск при КОНР уведомляло Краснова:

Мы никогда не отрицали, что состоим в союзе с Германией, но мы не перестанем повторять вновь и вновь, что мы равноправные союзники и боремся за наше независимое отечество, которое не может существовать под чьим-либо протекторатом или защитой, но должно стать свободным и совершенно самостоятельным*.

Управление казачьих войск при КОНР возникло в феврале 1945 года в противовес верховному правлению Краснова именно потому, что надежды на соглашение между Власовым и Красновым не было[179]. Между тем назрела необходимость собрать казаков, находившихся в германской армии, под политическим и военным руководством Власова. В качестве руководящего органа объединенного казачества был создан Совет казачьего войска, который состоял из полевых атаманов Донского войска, Кубанского войска, Терского войска, представителей оренбургских, уральских, астраханских, сибирских, семиреченских, забайкальских, амурских и уссурийских казаков,

а также начальника штаба Совета казачьего войска. Председатель, так же как и другие члены Совета, был в то же время членом КОНР и подчинялся генералу Власову как главнокомандующему Вооруженными силами и председателю КОНР. В задачу Совета входило руководство всеми внутренними делами казаков, формирование и подготовка казачьих войск и пропаганда в соответствии с „приказами, инструкциями и предписаниями для ВС КОНР“. Хотя казачьи отряды считались составной частью Освободительной армии, за ними, по их желанию, признавалось особое место внутри РОА. Так, командный состав мог пополняться лишь за счет командиров данного войска, офицеры до ранга войскового старшины (подполковника) могли сохранять свои традиционные звания. Кроме того, казаки сохранили право носить на форме знаки отличия в цветах своего войска, а также, в зависимости от принадлежности к степным войскам, фуражки и лампасы или папахи, принятые в кавказских войсках. Председателем Совета казачьего войска 23 марта 1945 года был выбран полевой атаман Донского войска генерал-лейтенант Татаркин. Членами Совета были полевой атаман Кубанского войска генерал-майор Науменко и начальник штаба Совета казачьего войска полковник Карпов. В качестве представителя отсутствующего полевого атамана Терского войска выступал полковник Вертепов. К исполнительному органу штаба принадлежали[180]: инспектор по военной подготовке и обучению войск генерал-майор Полозов, начальник организационного отдела подполковник Дмитриев, начальник отдела комплектования подполковник Потехин, начальник отдела кадров подполковник Черкесов (они должны были согласовывать все свои действия с соответствующими отделами главного командования РОА) и начальник канцелярии капитан Агафонов. Поначалу не были заполнены должности начальников отдела пропаганды, санитарной службы и финансового отдела, а также место возглавителя духовенства.

С созданием Управления казачьих войск при КОНР появились организационные предпосылки для слияния казачьего войска с Освободительной армией. Не представляла никаких трудностей в этом отношении и группа генерала Туркула, преобразованная в марте 1945 года в казачью кавалерийскую бригаду, пусть и плохо вооруженную[181], она и без того с самого начала считалась частью РОА, хотя в ней основную роль играли старые эмигранты, занимавшие все командные посты. Сложнее обстояло дело с Казачьим станом генерал-майора Доманова в Толмеццо, войсками ополчения, где было несколько тысяч гражданских лиц[182]. Доманов, бывший казачий ротмистр, а во время войны — майор

Красной армии, возглавлял войска, в массе своей настроенные недружелюбно по отношению к Власову, и пользовался поддержкой генерала Краснова, который с начала 1945 года находился в Стане. Но в марте 1945 года сюда прибыл также представитель Власова полковник А. М. Бочаров, само присутствие которого являлось поддержкой для сторонников КОНР в штабе Доманова, а таких было немало. Популярность идеи присоединения к РОА сильно возросла после того, как 22 марта 1945 года генерал-майор Науменко объявил по радио о подчинении Кубанского войска Власову[183]. Краснов в приказе No 12 от 28 марта 1945 года возражал против этого присоединения, ставя под сомнение авторитет Науменко как атамана Кубанского войска[184]. Но Доманову были прекрасно известны настроения, царившие в Казачьем стане, и во второй половине апреля он встретился с Бочаровым и согласился подчиниться Власову[185]. Сообщение об этом, напечатанное в последнем номере газеты „Казачья жизнь“, было встречено с большим воодушевлением. Своим согласием на соединение с РОА Доманов фактически предотвратил открытый мятеж, назревавший в его полках, недовольных враждебной политикой командующего в отношении Власова.

Аналогичная ситуация сложилась в 15-м Казачьем кавалерийском корпусе, крупнейшем из казачьих формирований, полностью интегрированном в вермахт, но формально в целях лучшего снабжения подчинявшемся войскам СС. Здесь также в конце 1944 года умами казаков овладела идея присоединения к общерусскому Освободительному движению: как сказано в одном немецком донесении, по самым осторожным оценкам, „95% казаков считают Власова своим политическим лидером“[186]. Командир корпуса генерал-лейтенант фон Паннвиц, и без того считавший „конечной целью, к которой следует стремиться, образование чисто русских формирований“, относился к этим настроениям вполне положительно. После его беседы в Берлине в феврале 1945 года с оберфюрером доктором Крегером, представителем обергруппенфюрера Бергера (и тем самым Гиммлера) у Власова, оба собеседника пришли к выводу о желательности соединения казаков с Освободительной армией[187], хотя это и потребовало бы коренных преобразований в корпусе, и прежде всего удаления немецких офицеров. Между тем, немецких командиров в ту пору не было только в 3-й пластунской дивизии под командованием полковника Кононова. Иван Никитович Кононов был чрезвычайно оригинальной личностью. Он родился в 1900 году в станице Ново-Николаевская в семье казачьего есаула, убитого большевиками; в 1920 году

вступил в Красную армию, в 1935-38 годах учился в Академии им. Фрунзе, в финской кампании командовал полком, получил орден Красного Знамени[188]*. В сентябре 1941 года, будучи командиром 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии, перешел к немцам, „чтобы воевать против большевиков“*. Он с самого начала произвел „прекрасное впечатление“ на высшее командование 4-й немецкой армии, которое допрашивало его[189]. Кононов командовал различными русскими формированиями, был командиром 600-го Донского полка, 5-го конного полка донских казаков, 3-й пластунской бригады и 3-й пластунской дивизии, с 1 апреля 1945 года был генерал-майором РОА[190].

В отличие от 3-й пластунской дивизии все командные посты в 1-й и 2-й дивизиях 15-го Казачьего кавалерийского корпуса были заняты немецкими офицерами. Исключение составляли лишь несколько дополнительных штабных офицеров, несколько командиров эскадронов и взводных. Такое положение, естественно, располагало к мысли об объединении с русской армией, против которого резко возражал генерал Краснов. Но ему не удалось помешать проведению 25 марта 1945 года Конгресса фронтовиков 15-го Казачьего корпуса в Вировитице (Хорватия) под председательством полковника Кулакова[191], известного и уважаемого казака, ветерана, у которого были ампутированы обе ноги. (По сведениям очевидца, в 1946 году его замучили до смерти в советской тюрьме в Австрии[192].) На конгрессе полковник Кононов изложил свою программу, с восторгом встреченную казаками (среди которых, между прочим, находился недавно сбитый советский летчик, капитан в полной советской форме). Программа сводилась к следующему: немедленное подчинение всех казачьих частей главнокомандующему РОА генералу Власову, удаление всех немецких офицеров, которые не понимают устремлений казаков, роспуск Главного управления казачьим войском и отставка генерала Краснова, который не может более представлять интересы казаков, установление связи с генералом Драга Михайловичем, военным министром югославского правительства в изгнании и коман-диром отрядов четников, концентрация кавалерийского корпуса и всех казачьих формирований в районе Зальцбург — Клагенфурт с Целью создания ударной армии, публикация на всех языках декларации о военных целях казаков. Генерал-лейтенант фон Паннвиц, которого казаки 13 марта 1945 года выбрали походным атаманом всего казачьего войска (впервые этой чести удостоился иностранец), оставался на своем посту, но ему придавался штаб, начальником которого конгресс назначил Кононова. Решение оставить пока генерала фон Паннвица командиром корпуса

вызвало недовольство некоторых высших офицеров РОА, но Власов заявил о своем согласии с этим предложением[193]. 28 апреля 1945 года рейхсфюрер СС, которому с недавних пор формально подчинялся корпус, после некоторых колебаний санкционировал принятое в Вировитице решение о переходе 15-го Казачьего кавалерийского корпуса под верховное командование Власова. Сообщение об этом появилось в газете „Казачья земля“[194].

На какое увеличение боевого состава могла формально рассчитывать РОА в момент, когда до конца войны оставались считанные недели? Об этом с известной точностью свидетельствует „Ведомость боевого состава РОА“[195], составленная начальником оперативного отдела штаба армии полковником А. Г. Неряниным в качестве основы для переговоров с 3-й американской армией о сдаче в плен в начале мая 1945 года. Судя по этой ведомости, в случае с группой генерал-майора Туркула речь шла об отдельном полке под командованием полковника Кржижановского (район Линца), об отдельном полке „Варяг“ под командованием полковника М. А. Семенова (район Любляны) и о казачьем полке (район Виллаха), всего — 5 200 человек[196]. Казачий стан генерал-майора Доманова состоял из четырех полков, расположенных под Удиной, численностью в 8 тысяч человек, с офицерским резервом в 400 человек, а также 1-м Казачьим юнкерским училищем под командованием полковника Медынского в составе 300 человек[197].

Уцелевший, несмотря на все военные поражения, 15-й Казачий кавалерийский корпус на 1 апреля 1945 года имел следующий боевой состав[198]: штаб корпуса с конвойной сотней, разведотряд, моторизованный отдел связи, находившиеся в стадии формирования танковый батальон и батальон штурмового оружия, первая и вторая кавалерийские дивизии (каждая состояла из штаба дивизии с охранной ротой, полевой жандармерии, корпуса трубачей, взвода пропаганды, трех конных полков, артиллерийского дивизиона, отдела связи, саперного батальона, а также групп снабжения и обеспечения и ремонтного подразделения), 3-я пластунская дивизия (состоявшая из штаба дивизии, трех пластунских полков, разведотряда, отдела связи, артиллерийского дивизиона, а также из служб обеспечения и снабжения, находившихся в стадии формирования). Точные данные о численности боевого состава и соотношении немцев и казаков имеются лишь для 1-й Казачьей дивизии. Составленная 4 ноября 1943 года из нескольких казачьих конных полков (2-го Донского, 2-го Кубанского, 3-го Терского и 1-го Сибирского), дивизия насчитывала 18 555 человек, в том числе 222 немецких

офицера, 3 827 немецких унтер-офицеров и рядовых, а также 191 казачьего офицера и 14 315 казачьих унтер-офицеров и рядовых[199]. По данным некоторых авторов, среди которых можно назвать и Нерянина, численность казаков в 15-м Казачьем кавалерийском корпусе, состоявшем из трех дивизий, превышала 40 тысяч (во всяком случае, она была никак не меньше 30 тысяч[200]. К этому добавлялся также Казачий учебный и резервный полк, номинально находившийся под командованием Шкуро, но фактически подчиненный немецкому командиру, численность боевого состава которого была непостоянной, однако иногда достигала 10 тысяч человек[201]. В марте 1945 года Шкуро пытался создать в память о временах гражданской войны — особую боевую группу „волчий отряд“ из двух тысяч человек под командованием полковника Кравченко. Однако этот план, судя по всему, так и не был осуществлен.

В начале 1945 года к РОА присоединилось еще одно формирование Русский корпус, „шуцкорпс“, до 1944 года находившийся под командованием генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона[202]. Корпус был сформирован 12 сентября 1941 года в Сербии, с согласия главнокомандующего Сербии, из русских эмигрантов, по большей части принадлежавших когда-то к армии Врангеля. Вообще приток русских, живущих за границей, был на удивление многочисленен, многие офицеры царской и белой армий, такие как генералы Анге-леев и Белогорцев, изъявляли готовность служить даже не на командных постах. Национальный порыв одушевлял и молодое поколение — студентов, гимназистов, служащих, которые стремились вступить в Русскую армию. Но привлечение к войне против СССР русских Эмигрантов — за исключением особых случаев противоречило немецкой политике[203], поэтому корпус предназначался для действий лишь внутри Сербии. К тому же немцы сняли первого командира корпуса генерал-майора М. Ф. Скородумова, заменив его генерал-лейтенантом Штейфоном, бывшим начальником штаба, из-за чего возникла конфликтная ситуация. В сентябре 1943 года численность боевого состава корпуса, не считая кадрового состава, составляла 4769 человек[204], и, по оценке главнокомандующего Сербии, это было исключительно надежное формирование. По желанию ОКХ и при поддержке германского министерства иностранных дел корпус стал пополняться за счет приема русских добровольцев из Германии, Франции, Венгрии, Хорватии, Болгарии, Греции, Румынии и принадлежавшей лежавшей ранее СССР Бессарабии и, наконец, за счет советских военнопленных и в короткое время набрал пять полков, в которых служило 16 тысяч человек[205]. Офицерские кадры готовились в

собственном кадетском корпусе (1-й Русский имени Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус) под командованием генерала Воскресенского и в нескольких юнкерских ротах.

С 1943 года Русский корпус применялся в боях против партизан Тито, а с 1944-го — против проникавших в страну советских войск. В сражениях корпус отличался безудержной отвагой, что привело к большим потерям. По словам очевидца, в этих боях погиб цвет эмигрантского офицерства[206]. Остатки сильно поредевшего корпуса, около 4 тысяч человек, осенью 1944 года прорвались из Сербии в Хорватию и с радостью восприняли известие о создании КОНР и формировании национальных русских военных сил. Генерал Штейфон, отправившийся к Власову, заявил от имени своих солдат о готовности подчиниться главнокомандующему Освободительной армией[207]. Было решено поручить руководство корпусом генерал-майору Боярскому, а Штейфона назначить инспектором по личным делам солдат. Немцы, с которыми в январе-феврале 1945 года вел переговоры по этому вопросу полковник Поздняков из штаба армии, в общем и целом выразили согласие, но возражали против отвода надежных полков с фронта с целью реорганизации. 12 мая 1945 года Русский корпус под командованием полковника А. И. Рогожина, принявшего полк после смерти Штейфона, сдался англичанам в районе Клагенфурта.

Кроме групп, которые по собственной инициативе и собственными путями пытались присоединиться к армии Власова, имелось еще одно русское формирование, которое сознательно шло собственной дорогой и „ничем не было связано с генералом Власовым ни в политическом, ни в оперативном отношении“*. Мы имеем в виду уже упоминавшуюся „1-ю Русскую национальную армию“ генерал-майора Хольмстона-Смысловского[208]. Это самое удивительное из всех добровольческих соединений находилось целиком под влиянием своего командира, бывшего капитана царской гвардии, который в промежутке между войнами получил польское гражданство и окончил офицерское училище рейхсвера. Будучи майором вермахта и действуя под псевдонимом „фон Регенау“, Хольмстон-Смысловский еще в июле 1941 года сформировал на северном участке Восточного фронта русский учебный батальон, который постепенно превратился в оборонительную часть под русским флагом в составе 12 батальонов, считавшую себя ядром национальных русских военных сил. Это соединение, получившее название „Особая дивизия Р“, было распущено в декабре 1943 года, а Хольмстон-Смысловский, имевший к тому времени звание

полковника, был на короткое время взят под стражу, однако уже в апреле 1944 года отдел иностранных армий Востока генштаба ОКХ поручил ему восстановить его дивизию для организации партизанской войны за линией фронта. 22 февраля 1945 года формирование получило название „Зеленая армия особого назначения“, с 10 марта 1945 года оно было переименовано в „1-ю Русскую национальную армию“. Рассеянное по всему Восточному фронту, формирование официально получило статус союзных вооруженных сил, но тактически и организационно подчинялось вермахту. Его численность составила 6 тысяч человек, из них 80% были советские военнопленные и перебежчики, из которых, однако, сравнительно немногие имели офицерское звание[209]. Все более или менее важные руководящие посты занимали старые эмигранты: начальник штаба полковник Рязнянский, первый офицер штаба — подполковник Мосснер, второй офицер — майор Климентьев, третий офицер — подполковник Истомин, офицер войсковой разведки — майор Каширин, начальник снабжения — подполковник Сондырев, командир штаб-квартиры — подполковник Колубакин, командир 1-го полка — полковник Тарасов-Соболев, командир 2-го полка — полковник Бобриков. Как и генерал Краснов, Хольмстон-Смысловский считал, что русский народ невозможно освободить от рволыпевизма без помощи извне, то есть, в первую очередь, без немецкой помощи. Поэтому, хотя внешне у РНА установились вполне хорошие отношения с РОА, никаких шагов для соединения с армией Власова не предпринималось. В апреле 1945 года в телефонном разговоре с Власовым и генерал-майором Трухиным Хольмстон-Смысловский отклонил предложение соединиться с частями РОА в Богемии, тем более что мысль о сотрудничестве с чехами вызывала у него ассоциации с судьбой адмирала Колчака. Вместо этого он, очевидно, в силу секретного соглашения, повернул на юго-запад и увел свою часть, состоявшую из штаба и двух полков и насчитывавшую 73 офицера и около 400 рядовых, в большинстве своем бывших красноармейцев, в Княжество Лихтенштейн, где они были интернированы.

Кроме „1-й Русской национальной армии“ и многочисленных полков и полевых батальонов восточных легионов, состоявших из цставителей нерусских национальностей, которые также считали себя национальными армиями своих народов, в вермахте до конца войны оставалось еще много русских формирований, в общем плане подчиненных генералу добровольческих соединений в ОКХ, но тактически подчиненных главному командованию полевых или тыловых частей. Самой крупной из них была русская 599-я бригада, сформированная 10 января 1945 года под

командованием генерал-майора фон Хеннинга и насчитывавшая 13 тысяч человек[210]. Она подразделялась на штаб с военной школой, два пехотных полка (каждый состоял из штаба со штабной ротой, трех батальонов, роты тяжелой артиллерии), артиллерийский полк (штаб со штабной батареей, два дивизиона), разведотряд, противотанковую роту, роту связи, саперную роту, части снабжения — и практически соответствовала небольшой дивизии. Следует также упомянуть украинский кадровый 3-й добровольческий полк, русский кадровый 4-й добровольческий полк, русский саперно-строительный полк и полк снабжения из шести батальонов, 25 отдельных русских, украинских или казачьих боевых батальонов и дивизионов, 14 отдельных саперно-строительных батальонов и батальонов снабжения и неисчислимое множество отдельных рот и других боевых единиц[211]. Следует назвать также 14-ю гренадерскую дивизию Ваффеи-СС, наполовину состоявшую из украинцев с советской Украины и из Польши, которая в качестве 1-й дивизии Украинской освободительной армии (Украинске Вызвольне Вийско — УВВ)[212]номинально подчинялась генералу П. Шандруку, председателю Украинского национального комитета, созданного 12 марта 1945 года, но в действительности находилась под командованием генерал-майора Ваффен-СС Фрайта-га. Разумеется, Власов охотно включил бы все эти формирования в РОА, то есть в ВС КОНР, но осуществить это не удалось. Его беседа с генералом Шандруком 30 января 1945 года не дала никаких результатов из-за разницы во мнениях, прежде всего по национальному вопросу. Да и немцам нечем было заменить эти части, если бы Власов забрал их с фронта. Этим отчасти можно объяснить, почему генерал Кестринг неохотно поддерживал „власовскую акцию“ и его отношения с Власовым, при всей внешней корректности, оставались весьма прохладными[213].

Глава 4.
Военно-воздушные силы РОА

При КОНР формировались также собственные военно-воздушные силы под командованием В. И. Мальцева, получившего звание генерал-майора. В этой книге мы впервые подробно изложим историю возникновения и развития военно-воздушных сил КОНР, о самом существовании которых даже посвященным известно немногое.

Начало организационного объединения русских летчиков на немецкой стороне относится к августу 1942 года, когда группа бывших советских летчиков — майор Филатов, капитан Рипушинский, лейтенант Б. П. Плющев предложила создать самостоятельную русскую воздушную часть в рамках Русской национальной армии РОА), дислоцированной в районе Орши, в Осиновке. Это было вполне логичное предложение: РНА, провозгласившая себя ядром ; „Русской освободительной армии, представляла собой в значительной мере самостоятельную военную единицу с личным составом в 10 тысяч человек (одетых в русскую форму). В РНА имелся дивизионный штаб, четыре пехотных батальона, саперный батальон и артиллерийский дивизион. Хотя формального согласия немецкой группы армий „Центр“ летчики не получили, в конце лета 1942 года из бывших советских авиакомандиров, штурманов, бортовых стрелков и радистов было создано летное подразделение, во главе которого встал майор Филатов[214]. Руководство РНА, и в частности начальник штаба „полковник В. Ф. Риль, а затем сменивший его на этом посту полковник В. И. Боярский, опасаясь осложнений с немцами, относились к летному подразделению весьма сдержанно, тем не менее оно просуществовало почти до момента переформирования РНА в феврале 1943 года. Под руководством старших офицеров здесь даже были созданы курсы повышения квалификации, хотя объединить теорию с практикой летчикам не удалось.

Куда большую роль играли подразделения, обязанные своим созданием непосредственно командным инстанциям германских Люфтваффе, которые, как и армия в целом, в 1942 году начали брать на службу советских военнопленных. В этот период в немецкую армию влилось множество русских добровольцев, а в Люфтваффе вскоре возникли подразделения, целиком состоявшие из бывших советских летчиков. Так, в 4-м военно-воздушном флоте сформировался кавказский полевой батальон, в 6-м —

восточная пропагандистская рота, затем добавились пропагандистские роты хиви, а на аэродроме Заднепровье в районе Смоленска из русских авиамехаников была сформирована рота технического обслуживания, прекрасно выполнявшая поручения немецких командиров[215].

На немецкую сторону добровольно перелетело довольно много советских самолетов — к 1943 году их было 66, в первом квартале 1944 года прибавилось еще 203. Осенью 1943 года подполковник генштаба Холтерс, начальник пункта обработки разведывательных данных „Восток“ в штабе командования Люфтваффе (ОКЛ), обрабатывавший результаты допросов советских летчиков, предложил сформировать летное подразделение из пленных, готовых воевать на стороне Германии. При этом Холтерс заручился поддержкой бывшего полковника советской авиации Мальцева, человека редкого обаяния. Виктор Иванович Мальцев[216]родился в 1895 году во Владимирской губернии в бедной крестьянской семье, в 1918 году пошел в Красную армию, вступил в партию, после гражданской войны успешно закончил школу военных летчиков. В 30-е годы он занимал пост командующего ВВС Сибирского военного округа, в 1937 году стал начальником гражданской авиации Средней Азии и Кавказа, тогда же был арестован. В 1939-м — реабилитирован и назначен начальником санатория Аэрофлота в Ялте. Однако месяцы в застенках НКВД, допросы и пытки оставили неизгладимый след: Мальцев стал непримиримым противником сталинского режима[217]. В 1941 году в Крыму он перешел на сторону немцев, некоторое время был бургомистром Ялты. Мальцев с самого начала настойчиво искал возможностей связаться с Власовым, стремясь внести свой вклад в дело создания РОА. И для него было немалым разочарованием, когда в октябре 1943 года тогдашний генерал восточных армий в генштабе ОКХ генерал-лейтенант Гельмих смог предложить ему работу лишь в рамках пункта обработки разведданных „Восток“, то есть под началом германских Люфтваффе. Но подполковник Холтерс в первой же беседе в Лотцене пообещал Мальцеву место русского командира новосформированной авиагруппы и предоставил полномочия набирать добровольцев среди военнопленных из всех лагерей, находившихся в ведении Люфтваффе, и организовывать подразделение по собственным принципам. Мальцев был убежден, что создание самостоятельной освободительной армии лишь вопрос времени, и он решил начать подготовительную работу по формированию будущих русских военно-воздушных сил.

С октября 1943 года добровольцы из различных лагерей для

военнопленных, число которых все росло, свозились в лагерь в районе Сувалок. Здесь они проходили медицинское обследование, подвергались проверке в профессиональном плане и психологическим тестам[218]. Признанные годными обучались на двухмесячных подготовительных курсах, после чего им присваивалось воинское звание и они приносили присягу, а затем переходили в „группу Холтерса“ („авиационную группу“) в Морицфельде около Истенбурга, где использовались соответственно своей спецподготовке. Технический персонал занимался в основном ремонтом советских трофейных самолетов. Группа квалифицированных инженеров и техников совместно с немецкими авиаинженерами изучала новейшие советские модели в технической авиашколе в пригороде Берлина, Темпелгофе. Летный персонал переучивался на немецких машинах. Некоторые летчики в составе немецкой эскадрильи, базировавшейся в Хильдесхайме, перегоняли самолеты с заводских площадок на аэродромы Восточного фронта. Вскоре русский персонал получил возможность непосредственно участвовать в боях на Восточном фронте. При 1-м воздушном флоте в Прибалтике была сформирована дополнительная группа ночного боя „Остланд“, в которой кроме 11-й эстонской группы (три эскадрильи) и 12-й латышской группы (две эскадрильи) имелось также русское авиаподразделение, 1-я восточная эскадрилья[219]. До расформирования в июне 1944 года эскадрилья осуществила не менее 500 вылетов в тыл врага. В составе немецких истребительных, бомбардировочных и разведывательных эскадрилий тоже были самолеты с русскими экипажами, отличившимися в воздушных боях, при бомбежках и в разведывательных полетах[220]. Русские летчики неоднократно принимали участие в так называемых аэродромных акциях в советском тылу, забрасывая разведчиков, благодаря чему некоторым из них удалось переправить через линию фронта свои семьи. Кроме того, в Белоруссии действовала вероятно, в боях против партизан — легкая эскадрилья, оснащенная девятью трофейными самолетами типа У-2. В общем и целом, опыт с русскими летчиками оказался удачным. Многие из них получили награды за храбрость. Многие экипажи понесли большие потери ранеными и убитыми, часть самолетов была сбита.

Немецкие и русские наблюдатели в один голос отмечали высокие боевые и морально-политические качества личного состава авиагруппы Холтерса-Мальцева[221]. Это объясняется благоприятными условиями, в которых формировалась группа. Тут следует упомянуть, в частности, то, что в Люфтваффе к сбитым и взятым в плен экипажам советских самолетов

относились с особым участием, а в лагерях Люфтваффе с советскими военнопленными обращались, как правило, гораздо лучше, чем в армейских, хотя бы по той простой причине, что авиация вообще лучше снабжалась, а летчиков в плен попадало гораздо меньше, чем представителей других родов войск. Поэтому пленные советские летчики были избавлены от тех ужасов и лишений, с которыми столкнулись многие их товарищи, особенно попавшие в плен в первый период войны. Многие советские летчики вели бой до последнего, чтобы избежать плена, где, как твердила советская пропаганда, их ждал сущий ад. Действительность оказалась другой, и многим пришлось в корне пересмотреть свои взгляды. Вот что писали Герои Советского Союза Антилевский и Бычков, сбитые и взятые в плен после доблестного боя[222]:

Сбитые в честном бою, мы оказались в плену у немцев. Нас не только никто не мучил и не подвергал пыткам, наоборот, мы встретили со стороны германских офицеров и солдат самое теплое и товарищеское отношение и уважение к нашим погонам, орденам и боевым заслугам.

А капитан Артемьев выразил свои чувства в стихотворении „Немецким летчикам, товарищам по оружию“:

Вы встретили нас, как братья,
Вы сумели сердца нам согреть,
А сегодня единой ратью
Нам навстречу рассвету лететь.
Пусть родина наша под гнетом,
Но тучам солнца не скрыть
Мы вместе ведем самолеты
Чтоб смерть и террор победить.

Многие советские летчики, оказавшись в плену, с самого начала с интересом отнеслись к идеям Освободительного движения. Целый ряд офицеров от лейтенантов до полковников — заявили о своей готовности сотрудничать с авиагруппой Холтерса-Мальцева. В их числе были такие командиры, как начальник штаба ВВС Орловского военного округа, полковник А. Ф. Ванюшин, отличившийся на должности командующего авиацией 20-й армии в боях против немцев под Лепелем и Смоленском летом 1941 года[223]; командир полка бомбардировщиков полковник П.; майор П. Суханов; капитан С. Артемьев; Герой Советского Союза капитан С. Т. Бычков; капитан А. Меттль, служивший в авиации Черноморского флота; капитан И. Победоносцев; Герой Советского Союза старший лейтенант Б.

Р. Антилевский и многие другие[224]. Нашла путь к соотечественникам майор-орденоносец Серафима Захаровна Ситник, начальник разведки 205-й истребительной дивизии. Ее самолет был сбит, и она раненой попала в немецкий плен. Мать и ребенок Ситник жили на оккупированной территории, и летчица не сомневалась, что немцы их убили. Какова же была ее радость, когда самолет пункта обработки разведданных „Восток“ доставил ее близких в Морицфельде!

Залогом благоприятной атмосферы, установившейся в авиагруппе, было отсутствие разногласий между Холтерсом и Мальцевым. Оба были убежденными сторонниками немецко-русского сотрудничества. Когда в начале марта 1944 года Власов впервые посетил Морицфельде, Холтерс объяснил ему, „что (он) очень и очень счастлив“, что судьба свела его с русскими летчиками, и сделает все, чтобы целиком передать авиагруппу во главе с полковником Мальцевым в состав самостоятельной Освободительной армии. Холтерс добился того, что русских добровольцев полностью сравняли в правах с немецкими солдатами, и капитан Штрик-Штрикфельдт, немецкий помощник Власова, отмечал, что сам рейхсмаршал, попади он в Морицфельде, не сумел бы отличить русских летчиков от немецких[225].

Кроме командования авиагруппой, Мальцев вел успешную нитико-пропагандистскую работу по обе стороны фронта, публи-воззвания в газете, выступал по радио. Он умел убедительно разъяснить добровольцам глубокий смысл их борьбы. О его собственной точке зрения и позиции членов авиагруппы свидетельствуют различные сообщения 1943-44 гг. Так, по словам майора Суханова, русские летчики выражали удовлетворение тем, что сражаются на одном фронте „крыло в крыло... с достойными наследниками славных традиций Рихтхофена“* против общего врага. Они чувствовали себя товарищами немецких летчиков, их братьями по оружию, к которым относились как к равным[226]. Они придавали большое значение сохранению традиций русского воздухоплавания, их кумирами и образцами для подражания были прославленный летчик царского времени Уточкин и героический авиатор первой мировой войны штабс-капитан Нестеров, а также расстрелянный во время сталинских чисток командующий ВВС Красной армии командарм Алкснис и комбриг Чкалов, прославившийся перелетом через Северный полюс.

В отличие от немецких летчиков русские прекрасно знали не только, против чего они воюют, но и цели своей борьбы: они шли в бой за свободную счастливую великую Россию. Газета „Доброволец“ от 23 января 1944 года в фоторепортаже об

авиационной группе приводит слова одного из летчиков: „Мы ведем идейную борьбу. Мы боремся за великую и свободную национальную Россию“. Его товарищ признается, что нелегко принимать оружие из рук чужого народа и вступать в борьбу против людей, родных по крови, „но к нашему величайшему горю для честного и смелого русского гражданина нет иного пути“*. Эти люди, прекрасно знавшие, что такое сталинский режим, шли в немецкую армию из патриотических побуждений, они хотели стать „летчиками-патриотами“, „крылатыми бойцами за новую Россию“*, и они были твердо уверены в правоте своего дела. Те, кто считает их немецкими „наемниками“, забывают, что они не получали за это никаких благ, кроме скудного жалованья и обычного фронтового довольствия. Вряд ли эти блага или принуждение могли заставить их начать борьбу на стороне немцев, рискуя собственной жизнью. Вот как объясняли свой приход в Освободительное движение два бывших советских летчика:

Мы — капитан Семен Тимофеевич Бычков и старший лейтенант Бронислав Романович Антилевский, бывшие летчики Красной армии, дважды орденоносцы и Герои Советского Союза — узнали, что сотни тысяч русских добровольцев, вчерашних красноармейцев, сегодня воюют плечом к плечу с немецкими солдатами против сталинского правления. И мы тоже стали в эти ряды*.

В конце концов, никто не мог бы помешать им перелететь на советскую сторону. Но в группе Холтерса-Мальцева не было ни одного случая подобного дезертирства. Правда, несколько летчиков эскадрильи, действовавшей в Белоруссии, скрылись в лесах и, вероятно, ушли к партизанам[227].

Однако, несмотря на все эти успехи, создание авиагруппы при центре обработки разведданных „Восток“ было лишь временной мерой. Простор для осуществления собственных планов открылся перед Мальцевым только после 16 сентября 1944 года, когда пришло, наконец, время выступить с предложениями по созданию собственных военно-воздушных сил РОА. Согласно этим планам, разработанным будущим командующим полковником Мальцевым, ВВС должны были поначалу иметь следующий состав[228]: штаб, авиаформирования — по эскадрилье истребителей и самолетов-штурмовиков, а также звено бомбардировщиков, эскадрилья связи (она же запасная), зенитные формирования — зенитный полк из девяти батарей и зенитный запасный полк из пятнадцати батарей, четыре пропагандистские роты для агитации за линией фронта и работы с русскими добровольцами в Люфтваффе. Первоначально

предполагалось, что основной состав достигнет 2 594 офицеров, унтер-офицеров и рядовых, учебный и временный персонал будет насчитывать по меньшей мере 1880 рядовых; материальную часть составят: боевые самолеты (25), учебные и связные (21), а также 96 противозенитных орудий. По договоренности с Власовым Мальцев собирался развернуть ВВС РОА в каком-нибудь малодоступном месте, по возможности в Судетах, собрать экипажи на центральном аэродроме и устроить штаб где-нибудь неподалеку. Русские также брались самостоятельно решать задачи вербовки, политического обучения, организации службы безопасности и санитарной службы. Но при переучивании или обучении русского персонала, при организации информационной и административно-хозяйственной служб и снабжения, а также при добывании самолетов, оружия, транспорта, материальной части и т.д. они зависели от сотрудничества и помощи немцев.

Представляя в конце лета 1944 года свои предложения, Мальцев вполне мог рассчитывать на поддержку ОКЛ. Всяческое содействие Оказывал Мальцеву инспектор иностранных кадров Люфтваффе „Восток“, генерал-лейтенант Ашенбреннер, бывший авиаатташе немецкого посольства в Москве, представлявший предложения Мальцева командованию Люфтваффе в самом выигрышном свете. Но и не старшие офицеры Люфтваффе выступали за военный союз с силами „новой России“ на основе абсолютного равенства, причем к этому их привели убеждения, а не оппортунизм. В этой связи следует назвать прежде всего начальника 8-го (военно-исторического) отдела генштаба ОКЛ генерал-майора Герхудта фон Родена. Будучи начальником штаба 1-го воздушного флота, он 13 мая 1943 года в письме тогдашнему начальнику генштаба ОКЛ генерал-полковнику Ешоннеку подчеркивал „решающее значение“ национального русского движения сопротивления — письмо, однако, не возымело никакого действия[229]. 5 октября 1944 года в докладной записке начальнику генштаба ОКЛ генералу авиации Коллеру фон Роден решительно высказался за крупномасштабное формирование русских ВВС, и именно благодаря этому предложения Мальцева нашли быстрый и благоприятный отклик. Руководство Люфтваффе заявило о безоговорочной готовности освободить в желаемом объеме находившийся под его опекой русский персонал (речь, вопреки утверждениям советской стороны, шла о добровольцах, а не о военнопленных), обеспечить самолеты, оружие, транспорт и т.п., предоставить соответствующие аэродромы и вообще всемерно поддерживать формирование ВВС РОА. Однако на первых порах руководство не могло обеспечить горючее, необходимое для проведения учебных, тренировочных и

боевых полетов, трудности возникли также с оружием и орудиями для зенитных формирований. Поэтому было решено постепенно заменить русскими кадрами персонал немецких батарей в районе боевого применения, не снимая с них задач обороны, и затем передать эти формирования в подчинение ВВС РОА. 23 ноября 1944 года генерал-лейтенант Ашенбреннер предложил в качестве мест для формирований аэродром Эгер — для эскадрильи истребителей и прочих авиагрупп, кроме связной эскадрильи, а также для роты связи; аэродром Карлсбад — для дополнительной эскадрильи и для места сбора и проверки летного и технического состава; город Брюкс для зенитно-артиллерийских формирований[230].

19 декабря 1944 года „на основе заявления от 14.11.1944 г. в Праге“ был издан приказ за подписью „рейхсмаршала Великого германского рейха и главнокомандующего Люфтваффе“ Геринга о создании ВВС РОА[231]. Кроме авиаформирований и зенитной артиллерии сюда должны были войти также парашютно-десантные войска и войска связи. В рамках военной авиации предусматривалась, прежде всего, истребительная эскадрилья с 15 истребителями Ме-109 Г-10. Кроме того, ставилась задача постепенно, хотя и в кратчайшие сроки, сформировать :

• штурмовую эскадрилью с двенадцатью штурмовыми самолетами Ю-87,

• эскадрилью бомбардировщиков с пятью средними бомбардировщиками Хе-111,

• эскадрилью связи с двумя самолетами связи Фи-156 и двумя советскими трофейными самолетами У-2,

• запасную эскадрилью с двумя бомбардировщиками Хе-111, двумя штурмовыми самолетами Ю-87, двумя истребителями Бф-109, двумя тренировочными истребителями Ме-108, тремя учебными самолетами У-2.

Персонал запасной эскадрильи, которую на деле можно считать летной школой, должен был состоять из экипажей шести бомбардировщиков, двенадцати штурмовых самолетов и двенадцати истребителей. Было получено разрешение на формирование мобильного зенитно-артиллерийского полка, состоящего из штаба и моторизованного взвода связи, двух тяжелых и одного легкого дивизионов, обладающих повышенной огневой мощью. В тяжелом зенитном дивизионе предусматривался штаб с моторизованным взводом связи, и четыре батареи с шестью противозенитными орудиями калибра 88 мм в каждой; в легком дивизионе — штаб, моторизованный взвод связи, одна батарея с пятнадцатью противозенитными орудиями калибра 37 мм и две батареи по пятнадцать

противозенитных орудий калибра 20 мм. Дополнительно предусматривалось формирование парашютно-десантного батальона в обычном составе: штаб со взводом связи, три парашютно-десантных роты, парашютно-десантная рота пулеметчиков, вооружение — пятнадцать легких пехотных орудий или средние минометы. В приказе предусматривалось также одновременное формирование роты связи. Личный состав ВВС РОА должен был на первых порах состоять из 4.500 офицеров, унтер-офицеров и рядовых, но в действительности он скоро превысил эту цифру, так как и зенитный полк, и парашютно-десантный батальон оказались переполнены; кроме того, многие русские проходили специальную подготовку в школах и других заведениях Люфтваффе[232], и какая-то часть выпускников приписывалась к незапланированным формированиям — таким, как пропагандистские части и учебно-запасная рота связи.

В приказе Геринга от 19 декабря 1944 года указывалось, что „руководство формированием находится в руках РОА“. Но окончательно все формальности были урегулированы лишь после назначения Власова 28 января 1945 года главнокомандующим ВС КОНР.

Одновременно было принято решение подчинить ВВС РОА „во всех отношениях“ непосредственно Власову[233]. 2 февраля 1945 года Власов и Мальцев по приглашению рейхсмаршала приняли участие в совещании в Каринхалле[234]. Ход совещания полностью удовлетворил русских представителей, в значительной мере благодаря тому, что Геринг пошел на уступки в вопросе об изменении условий жизни для так называемых „восточных рабочих“. В соответствии с решением, принятым на совещании, и на основании приказа начальника генштаба ОКЛ генерала Коллера от 4 марта 1945 года, русские ВВС в организационном плане окончательно отделялись от немецких. Мальцев, еще в феврале ставший по представлению Власова генерал-майором, получил полномочия командующего ВВС РОА, по официальной номенклатуре — „командующего военно-воздушными силами КОНР“ или „начальника военно-воздушных сил народов России“, и ему были подчинены военная авиация, зенитная артиллерия, парашютно-десантные войска и войска связи ВВС РОА.

Своим личным адъютантом Мальцев назначил лейтенанта Плющева, начальником канцелярии — капитана Г. Петрова. Штат штаба ВВС РОА, утвержденный главнокомандующим 13 февраля 1945 года, выглядел следующим образом[235]:

Командующий: генерал-майор В. И. Мальцев. Начальник штаба: полковник А. ф. Ванюшин. Адъютант штаба: капитан Н. Л. Башков. Офицер для особых поручений: майор Б. Климович.

Начальник оперативного отдела: майор А. Меттль. Начальник отдела безопасности: майор В. П. Тухольников. Начальник отдела кадров: капитан Науменко. Начальник отдела пропаганды: майор А. П. Альбов. Редактор газеты „Наши крылья“: А. Усов. Военный корреспондент: лейтенант Жюно. Начальник юридического отдела: капитан Крыжановский. Начальник интендантской службы: лейтенант Г. М. Голеевский. Начальник санитарной службы: подполковник доктор Левицкий.

Военные врачи: капитан Добашевич, капитан В. А. Мандрусов. Командир взвода охраны: старший лейтенант В. Васюхно. Кроме того, при штабе находился генерал-майор царской армии П. Х. Попов с группой эвакуированных из Югославии кадетов младших классов „1-го Русского имени Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса“, из которых старший лейтенант Фатьянов сформировал взвод особого назначения.

При назначении на командные посты генерал-майор Мальцев руководствовался исключительно интересами дела, не проводя никаких различий между бывшими советскими офицерами и офицерами царской или добровольческой армий времен гражданской войны, предложившими свои услуги РОА. Штаб должен был приступить к работе в ближайшее время — поэтому большинство вакансий заняли старые эмигранты, хотя среди боевых офицеров они составляли меньшую часть. Среди эмигрантов выделялась группа бывших царских офицеров, которые в промежутке между войнами служили в авиации армии югославского короля, а затем — в Русском корпусе: полковники Л. И. Байдак и Антонов, подполковник Р. М. Васильев, майор С. К. Шебалин, командир авиационного полка югославской армии, а также старшие лейтенанты Филатьев, М. А. Гришков, Лягин, Потоцкий и другие[236]. Майор Альбов был корреспондентом лондонской газеты „Дейли Мейл“ и американского агентства „Ассошиэйтед Пресс“ в Белграде. Майор М. Тарновский жил в Чехословакии. Но наряду со старыми эмигрантами ключевые посты в штабе занимали также и бывшие советские офицеры — сам начальник штаба, полковник Ванюшин, начальник оперативного отдела майор Меттль, начальник отдела безопасности майор Тухольников и другие. Большинство бывших советских летчиков, вошедших в состав ВВС РОА, давно присоединилось к Освободительному движению, и 4 февраля 1945 года, во время первого смотра авиачастей, находившихся в стадии формирования, Власов многим вручил боевые награды[237]. Ордена получили: майоры С. Т. Бычков, Илюшин, А. Меттль, капитаны Б. Р. Антилевский, С. Артемьев, Арзамасцев, Науменко, Д. Соколов, старшие лейтенанты Кузнецов, П.

Пескоголовец, В. Шиян, лейтенанты А. Алексеев, А. Григорьев, А. Ярославец, И. Ляхов, Н. Лушпаев, В. Пискунов, М. Сашин, Н. Щербина, П. Сердюк, Г. Школьный, А. Скобченко, О. Соколов, В. Строкун и П. Воронин. Влилась в ВВС и большая группа молодых офицеров, которые еще совсем недавно воевали на советской стороне против немцев и встали „под знамена КОНР“ лишь несколько месяцев назад; среди них — капитаны А. Иванов и В. Микишев, старший лейтенант И. Стежар, лейтенанты И. Бачурин, В. Беликин, Н. Чебыкин, Г. Хамитов, С. Цургин, В. Грилев, Г. Юла, А. Новосельцев, И. Петров, И. Попонин, В. Рвачев, В. Сининых, Е. Табулья и другие.

11 марта 1945 года газета „Наши крылья“ опубликовала „Открытое письмо“ двенадцати членов этой группы Власову и Мальцеву, яркое свидетельство боевого духа летчиков[238]:

Перед лицом свободолюбивых русских людей и всего мира мы открыто заявляем: мы, нижеподписавшиеся русские летчики, вступаем в ряды Русской Освободительной армии и торжественно клянемся отдать все наши силы, а если понадобится — то и жизнь за освобождение нашей родины от большевизма. Мы ждем только приказа, чтобы взять в руки штурвалы наших самолетов и направить наши машины в бой за светлое будущее нашей любимой родины*.

В общем и целом такое соединение разнородных элементов оказалось вполне удачным, так как все добровольцы были твердо убеждены в том, что своей работой они вносят вклад „в великое дело создания ВВС РОА“. Конечно, полностью преодолеть пропасть между старыми эмигрантами и новыми добровольцами не удалось, и противоречия между ними принимали порой самые причудливые формы. Например, бывшие члены Русского корпуса образовали внутри зенитного полка особый круг, в который не допускались другие офицеры. К тому же проводимая Мальцевым политика интеграции отнюдь не всегда вызывала одобрение авторитетных представителей высшего командования, в политическом отношении ориентировавшихся на идеи НТС, что, в свою очередь, не устраивало Мальцева. Судя по рассказам очевидцев, Мальцев с его либеральными и внепартийными взглядами не пользовался популярностью среди ведущих офицеров Освободительной армии (исключение составлял Власов, с которым у Мальцева установились тесные доверительные отношения). Даже назначенный РОА городской комендант Мариенбада генерал-майор Благовещенский относился к командующему ВВС с подчеркнутой сдержанностью и свел служебные контакты с ним до минимума[239].

Зато отношения Мальцева с Ашенбреннером развивались

наилучшим образом. Хотя официально ВВС РОА с 5 марта 1945 года — а фактически с 4 февраля подчинялись исключительно и „во всех отношениях“ Власову, на стадии формирования они зависели от помощи немцев, прежде всего в вопросах материально-технического снабжения и при подготовке кадров в немецких учебных заведениях. Для ускорения дела было решено, не ущемляя командных полномочий Мальцева, поручить формирование парашютно-десантного батальона РОА генералу, командующему учебными и запасными группами немецкой парашютно-десантной армии, а формирование зенитного полка — командованию воздушного флота „Рейх“. Урегулированием возникавших в связи с этим вопросов надлежало заняться Ашенбреннеру, оказавшемуся вследствие этого в двойственном положении. В качестве инспектора восточных кадров Люфтваффе он отвечал за русских добровольцев и советских пленных, значительное число которых осталось в Люфтваффе. Ему непосредственно подчинялись особый лагерь Люфтваффе „Восток“, Восточные пропагандистские роты Люфтваффе, а также запасная эскадрилья „Восток“. С другой стороны, он выступал также в качестве представителя высшего командования ОКЛ при полномочном генерале немецкого вермахта при КОНР и был советником начальника генштаба ОКЛ по делам РОА. Согласно служебному предписанию, составленному им самим и вступившему в силу 1 февраля 1945 года, в обязанности инспектора входило консультировать ВВС РОА и оказывать им поддержку в организации, вооружении и подготовке кадров, а также прислушиваться ко всем пожеланиям и просьбам представителей ВВС РОА и доводить их до сведения соответствующих учреждений вермахта[240].

При выполнении своих задач Ашенбреннер, несколько позже по личной договоренности взявший на себя также функции полномочного генерала вермахта при КОНР, пользовался услугами штаба связи при штабе ВВС РОА, во главе которого в качестве его личного представителя стоял сначала полковник генштаба Зорге, а затем, с 1 марта 1945 года, подполковник генштаба Гофман. Во все формирующиеся части были немедленно разосланы немецкие офицеры связи и инструкторы, в задачи которых входило, в частности, материальное оснащение аэродромов, доставка самолетов, оружия и боеприпасов, инструктаж русских кадров и контакты с немецкими службами. Ни генерал-лейтенант Ашенбреннер, ни его штаб и офицеры, подчиненные ему, не имели никаких командных полномочий по отношению к органам ВВС РОА, выполняя исключительно консультативные функции. Так что утверждение советских

специалистов, будто Ашенбреннер был начальником Мальцева, а русские были подчинены немцам[241], — абсолютно неверно. Достаточно прочитать служебные инструкции для инспектора восточных кадров Люфтваффе, а также описание полномочий командующего ВВС РОА. Ашенбреннер сам придавал большое значение строгому соблюдению принципа автономии и самостоятельности ВВС РОА и побуждал офицеров связи и инструкторов рассматривать русских как представителей союзной державы. Это подтверждает и бывший адъютант Мальцева Плющев-Власенко[242]:

Чины штаба генерала Ашенбреннера, офицеры связи и инструктора никогда не вмешивались в дела командиров русских частей... Везде царила атмосфера взаимопонимания, уважения и полного доверия*.

Если на стадии формирования и возникали какие-то трудности, они решались в дружеских беседах Мальцева с Ашенбреннером.

Изменение статуса РОА, санкционированное Герингом, отразилось и на внешнем виде солдат. 6 февраля 1945 года по приказу Мальцева немецкие кокарды были заменены русскими, вместо немецких эмблем солдаты и офицеры надели нарукавную повязку с эмблемой РОА. Отныне решающими для солдат стали указания главнокомандующего Освободительной армией. Мальцев в начале февраля 1945 года договорился в Карлсбаде с митрополитом Анаста-сием о назначении военных священников в авиаформирования — такого в Люфтваффе не было. Большое значение придавалось изображению на фюзеляже и крыльях самолетов символа РОА — голубой андреевский крест на белом фоне. На русской стороне готовились к крупной пропагандистской акции за линией фронта, и такие национальные символы должны были произвести особый эффект. Но после некоторых колебаний организационный штаб ОКЛ был вынужден запретить это мероприятие — для маркировки самолетов в таком роде требовалась предварительная международная нотификация. Было, однако, дано согласие скомбинировать германскую эмблему с андреевским крестом, по образцу маркировки самолетов итальянских ВВС[243]. Аналогичные правила действовали также и на советской стороне. Самолеты отдельного истребительного полка „Нормандия-Неман“, созданного по договоренности генерала де Голля с советским правительством, в конце войны имели лишь советские опознавательные знаки, хотя члены полка считали себя „представителями воюющей Франции“ и экипажи самолетов носили французскую форму[244].

Как именно протекало формирование русских ВВС? После приказа об их формировании от 19 декабря 1944 года штаб ВВС РОА, находившийся сначала в Карлсбаде, а затем — с 10 февраля 1945 года — в Мариенбаде, приступил к активному осуществлению уже разработанных планов.

Первый авиационный полк с соответствующими техническими и аэродромными службами был сформирован в Эгере[245]. Командиром полка стал полковник Л. И. Байдак, начальником штаба майор С. К. Шебалин, адъютантом — лейтенант Г. Школьный. Благодаря хорошо налаженному сотрудничеству группы русских офицеров-летчиков с немецкой группой связи удалось в кратчайшие сроки подготовить аэродром, ангары, лагерь и казармы, обеспечить доставку самолетов, горючего, оружия и боеприпасов и укомплектовать полк к декабрю 1944 года. В донесении начальнику генштаба ОКЛ от 14 января 1945 года Ашенбреннер сообщает, что летчики истребительной эскадрильи — „вполне квалифицированы“, но другие экипажи и наземный обслуживающий персонал нуждаются в дополнительной подготовке[246]. Быстрее всего была сформирована 5-я истребительная эскадрилья имени полковника Казакова под командованием Героя Советского Союза майора С. Т. Бычкова. Эскадрилья, переведенная в конце февраля из-за перегрузки летного поля в Эгере в Немецкий Брод, насчитывала 16 истребителей МЕ-109 Г-10 и, по расчетам Ашенбреннера, могла быть задействована „для боев на востоке“ в марте (майор Грассер после проверки уточнил, что это будет возможно лишь в апреле)[247]. 2-я эскадрилья бомбардировщиков под командованием Героя Советского Союза капитана Б. Р. Антилевского тоже в целом комплектовалась вполне успешно. Так как Мальцев, зная о советском превосходстве в воздухе, считал использование самолетов днем менее выгодным, а русские экипажи обладали значительным опытом в ночных боях, по его приказу от 28 марта 1945 года соединение было преобразовано в 8-ю эскадрилью ночных бомбардировщиков. В ней имелось 12 легких бомбардировщиков Ю-88[248]. Велись приготовления к тому, чтобы „тактически и пропагандистски“ использовать 5-ю истребительную эскадрилью и 8-ю эскадрилью ночных бомбардировщиков совместно в рамках дивизий РОА. Организационный штаб ОКЛ 5 апреля 1945 года дал согласие сделать их „на время пребывания в распоряжении 600-й и 650-й дивизий РОА“ независимыми от основной организации и предоставить им необходимые для этой цели специальные транспортные средства[249]. Обе эскадрильи как „самостоятельные боевые группы ВВС РОА“ были готовы к

применению на фронте в середине апреля 1945 года.

В процессе формирования находились и прочие авиационные соединения 11-я эскадрилья бомбардировщиков, 14-я эскадрилья связи и учебно-запасная эскадрилья, но 15 февраля 1945 года начальник генштаба ОКЛ генерал Коллер, исходя из необходимости максимальной экономии горючего, приказал приостановить их развертывание[250]. Формирование ВВС РОА, однако, продолжалось за спиной начальника генштаба, что свидетельствует об энергии Ашенбреннера, а также о том, что он располагал поддержкой различных учреждений Люфтваффе[251]. Приостановилось лишь формирование эскадрильи бомбардировщиков: там никак не могли прийти к единодушному решению относительно того, какие самолеты более пригодны для целей РОА — Хе-111 или, как хотел Ашенбреннер, Хс-123 (Хс-129). Сохранилось ядро 3-й разведывательной эскадрильи под командованием капитана Артемьева, располагавшей для фотографирования местности тремя самолетами-разведчиками ближнего действия Фи-158, которые использовались также в качестве самолетов связи, а также одним реактивным самолетом Ме-262. К концу марта 1945 года были заложены основы 4-й транспортной эскадрильи под командованием майора М. Тарновского, располагавшей вначале двумя транспортными самолетами Ю-52. В задачи эскадрильи входило сбрасывание парашютных десантов в тылу врага. Кроме того, полностью укомплектована была 5-я учебно-тренировочная эскадрилья — имевшая по два Ме-109, Ю-88, Фи-156, У-2 и по одному Хе-111 и До-17; при ней существовала школа летчиков, развернувшая активную учебную работу под командованием начальника учебного штаба майора Тарновского.

В отличие от летных подразделений, 9-й полк зенитной артиллерии под командованием подполковника Р. М. Васильева (адъютант — лейтенант Гришков) не удалось обеспечить оружием и боеприпасами в предполагаемом объеме. В принципе в районе формирования ВВС РОА предполагалось заменить персонал немецких орудийных батарей русскими кадрами и затем постепенно, повзводно передать их командующему. Но в этих местах — Плана и Мис — немецкие зенитные части не стояли и, соответственно, не было подвоза оружия и боеприпасов. Поэтому Ашенбреннер был вынужден 12 марта 1945 года предложить начальнику генштаба ОКЛ вооружать русский зенитный полк — насчитывавший уже 2 800 человек — в основном трофейным оружием[252]. Между тем объем ВВС РОА к тому времени уже превзошел первоначально планируемые рамки. В Нейерне (Нырско) формировалась 6-я рота связи под командованием

майора Лантуха. 16 февраля 1945 года в Дрездене, в казарме Короля Георга, началось формирование 1-го моторизованного подразделения 12-го полка строительства и телеграфной и воздушной связи „РОА“ под русским командованием[253]. Власов согласился на временное использование этого подразделения в системе связи Люфтваффе и выразил уверенность, что этот полк в случае использования РОА на фронте, и особенно при возможном „продвижении на русскую территорию“, будет подчинен исключительно его командованию.

В конце марта 1945 года, учитывая все ухудшавшееся военное положение и трудности, связанные со специальной подготовкой, особенно зенитного полка, Ашенбреннер и Мальцев решили подготовить наземные подразделения ВВС для применения в качестве пехоты, а также создать условия для объединения подразделений аэродромно-технического обеспечения в боевое формирование в виде бригады или дивизии с целью поддержки сухопутных сил РОА на Востоке. Важное место отводилось при этом парашютно-десантному батальону в Кутной Плане (Плана Ходова), сформированному за несколько месяцев до того из бывших членов советских воздушно-десантных войск под командованием подполковника Коцаря (начальник штаба — майор Безродный, командир одной из рот — старший лейтенант Сперанский). Основательную тактическую подготовку проводили здесь опытные русские и немецкие офицеры-десантники, батальон был хорошо экипирован автоматическим оружием и боеприпасами и по праву мог претендовать на звание гвардейского. Мальцев и Ашенбреннер уделяли ему особое внимание. В апреле 1945 года полк был готов выполнить любое боевое задание в тылу противника[254].

Впрочем, к тому моменту вопрос о применении на фронте сменился другой задачей — спасти подразделения РОА ввиду надвигавшегося поражения Германии. Правда, ВВС РОА все же пришлось вступить в бой с частями Красной армии: 13 апреля 1945 года самолеты эскадрильи ночных бомбардировщиков поддержали наступление 1-й дивизии РОА на советский плацдарм Эрленгоф, к югу от Фюрстенберга[255]. 15 апреля Власов сообщил Мальцеву в Мариенбад о намерениях верховного командования стянуть все вооруженные силы КОНР, в том числе 15-й Казачий кавалерийский корпус и Русский корпус, к востоку от Зальцбурга или в Богемии. Только таким образом, „собрав в кулак все наши части“, как выразился Власов, можно было продемонстрировать истинный масштаб РОА, рассчитывая привлечь внимание и интерес англо-американского командования. За этим планом стояло желание спасти армию от

гибели удалось же это когда-то генералу Врангелю! Власов намеревался отправиться в Прагу и попробовать вступить в контакт с чешским национальным движением[256]. Он договорился с Мальцевым, чтобы тот к вечеру 18 апреля подготовил самолеты для перевода при необходимости на резервные аэродромы, где их будут ждать запасы горючего и боеприпасов. В случае, если не удастся достичь временного союза с чехами до прихода американцев, самолеты предполагалось официально передать Ашенбреннеру, а подразделения ВВС РОА 20 апреля 1945 года перебазировать по суше к югу. Для соединения с остальными частями РОА Мальцев предложил район Будвайс — Линц. Полковник Ванюшин и старший лейтенант Плющев немедленно составили соответствующий приказ, который командующий тут же подписал.

Излишне объяснять, что планы Власова были обречены с самого начала: во-первых, американцы не собирались вступать в Богемии в какие-либо соглашения, направленные против советских союзников, во-вторых, они не рассчитывали продвинуться дальше Пльзеня. Переговоры с чешским генералом Клецандой тоже ничего не дали. Как сообщил Власов по телефону из Праги 17 апреля 1945 года, руководители чешского национального движения заняли уклончивую позицию. Поэтому он предложил, при поддержке Ашенбреннера, начать подготовку по отводу подразделений из Мариенбада. Вывод войск 20 апреля — лишнее свидетельство внутренней сплоченности и оптимизма, царившего в рядах ВВС РОА до самого конца. Это подтверждается воспоминаниями лейтенанта авиации Хаким-оглу, волжского татарина, незадолго до того переведенного из Потсдама[257]. 20 апреля 1945 года после полудня штаб, части авиационного полка, технические службы и взвод охраны, с флагами на правом фланге, построились перед штаб-квартирой, расположенной в гостинице „Люкер“[258]. Полковник Ванюшин перечислил в рапорте собравшиеся подразделения, затем с короткой речью выступил Мальцев. Он призывал даже в этих трудных условиях соблюдать воинскую дисциплину, считая это необходимым условием для спасения личного состава подразделений. В эти дни Мальцев явно еще надеялся, что „в новых обстоятельствах и новой политической ситуации“* возможно продолжение освободительной борьбы. Только в этом смысле можно истолковать заключительные слова его речи :

Я глубоко верю в конечную победу идеи Русского освободительного движения и в освобождение нашей страны от проклятого коммунистического режима. Армия и народ помогут нам. А теперь, мои храбрые орлы, вперед к победе! Да здравствует

свободная Россия!*

В 14.30 войска двинулись в путь, намереваясь в тот же вечер соединиться в Кутной Плане с парашютно-десантным батальоном. В полном боевом порядке, выставив охранение с фронта и с флангов, но имея строгий приказ избегать столкновений с немецкими или американскими частями, 21 апреля они достигли Планы, где к ним присоединился зенитный полк. 23 апреля в Нейерне в марш влились части связи ВВС. По дороге по просьбе делегации офицеров во главе с капитаном Якитовичем они приняли в свои ряды около 800 человек — остатки 1-го полка белорусской дивизии „Беларусь“. Связи с Власовым и штабом армии не было, с 1-й и 2-й дивизиями РОА — тоже, но 24 апреля к великому облегчению Мальцева в Нейерне появился Ашенбреннер.

Сразу же был созван военный совет, в котором кроме Мальцева и Ашенбреннера и их адъютантов Плющева и Бушмана приняли участие полковники Ванюшин и Байдак, а также майоры Альбов и Меттль. Ашенбреннер сообщил о военном положении, обрисовав его в самых мрачных тонах: окончательное поражение вермахта — дело нескольких дней, повсюду хаос и паника, добраться до Линца или Будвайса невозможно. Бесперспективной казалась Ашенбреннеру также и попытка соединиться с 1-й дивизией РОА, которая с неизвестной целью „маневрировала“ в области действий группы армий под командованием фельдмаршала Шернера. Так как американцы, скорее всего, уже достигли линии Фюрт — Кам — Фихтах и в любую минуту могли наткнуться на войска РОА, Ашенбреннер считал нужным немедленно начать переговоры с противником, чтобы, независимо от других частей РОА, сдать в плен формирования ВВС и тем самым даже, может быть, „открыть дверь“ для остальных частей РОА. Немецкий генерал по собственному почину уже предпринял первые шаги в этом направлении, послав 23 апреля к американцам капитана запаса Оберлендера, ученого, хорошо знавшего восточную проблематику. Оберлендер встретился с начальником штаба 12-го корпуса 3-й американской армии бригадным генералом Кенином[259], ему удалось даже заинтересовать американца, однако тот полагал, что переговоры о сдаче в плен должны вестись на более высоком уровне. Поэтому Ашенбреннер предложил Мальцеву как командующему ВВС РОА и доверенному лицу Власова немедленно отправиться вместе с ним — в качестве полномочного генерала вермахта — к американцам, чтобы подробно обсудить сдачу в плен. Давая этот совет, Ашенбреннер показал себя поистине бескорыстным другом и советником руководства РОА. Все его поведение настолько явно

диктовалось заботой о сохранении хотя бы личного состава ВВС РОА, что Мальцеву оставалось лишь с благодарностью согласиться[260]. После короткого обсуждения было решено вести переговоры о предоставлении членам ВВС статуса политических беженцев. На время отсутствия Мальцева командующим ВВС оставался начальник штаба полковник Ванюшин. Войска получили приказ выйти на Цвизель и, если командующий не вернется к 27 апреля, предпринять попытку пробиться на Пассау — Линц. Ашенбреннер пообещал оказать всяческую поддержку Ванюшину в его попытках восстановить связь с армейским штабом или другими частями РОА.

Во время переговоров Мальцева и Ашенбреннера 24-25 апреля в штабе 12-го корпуса американцы вели себя чрезвычайно корректно, однако скоро выяснилось, что они не имеют ни малейшего понятия о том, что на немецкой стороне существует Русская освободительная армия, и не понимают ее целей. 25 апреля бригадный генерал Кенин ограничился заявлением, что 12-й корпус и 3-я армия не уполномочены вести какие бы то ни было переговоры о предоставлении политического убежища, так как это политический вопрос, находящийся в компетенции президента и конгресса. Сам Кенин соглашался лишь вести переговоры о безоговорочной сдаче оружия, но добавил, отвечая на вопрос парламентеров, что до окончания войны и окончательного урегулирования вопроса относительно предоставления убежища военнопленные члены ВВС могут не опасаться выдачи. В это время американские войска уже подходили к Баварии, так что план о воссоединении с другими частями РОА становился и вовсе неосуществимым. Поэтому Мальцев, не видя другого выхода, почел за лучшее принять предложенные ему условия капитуляции и безоговорочно передать свои войска американцам. По достигнутой в американском штабе договоренности, 27 апреля в 10 часов части ВВС РОА должны были сложить оружие на развилке между Цвизелем и Регеном.

Несмотря на малоутешительный исход своей миссии, Мальцев вернулся к своим войскам несломленным. Он по-прежнему верил, что не все еще потеряно, что надо только как следует разъяснить союзникам цели Освободительного движения. До сих пор они не проявляли большого интереса к этим вопросам. Поэтому при прощании с Ашенбреннером он попросил немецкого генерала уговорить Власова отправиться в какую-нибудь нейтральную страну, Испанию или Португалию, и попытаться оттуда установить связь с западными державами. Через несколько дней для этой цели был подготовлен специальный самолет, за

штурвал которого должен был сесть капитан Антилевский. Но Власов отклонял все предложения такого рода, считая, что командир не имеет права в критический момент бросить своих людей.

Вечером 25 апреля Мальцев сообщил командирам частей о результатах переговоров и приказал начать подготовку к сдаче оружия. Он лично посетил все подразделения, даже теперь не оставляя попыток внушить солдатам и офицерам свою веру в то, что все уладится, что надо положиться на „демократические принципы“ и „чувство справедливости“ американцев — больше рассчитывать было не на что. „Мы надеемся, что они все же примут нас под свое покровительство“*, — заявил он[261]. Впрочем, отнюдь не все разделяли эту надежду: вечером 26 апреля начальник отдела безопасности майор Тухольников доложил об исчезновении командира авиационного полка полковника Байдака, майора Климовича и начальника отдела пропаганды майора Альбова все трое были старые эмигранты. Именно на майора Альбова, имевшего благодаря своей деятельности в мирное время обширные связи с англо-американскими кругами, Мальцев возлагал особые надежды при будущих переговорах с американцами. Теперь он, как выразился адъютант Плющев, остался „без языка“.

Сдача оружия 27 апреля в Лангдорфе, между Цвизелем и Регеном, прошла организованно, в полном порядке. Американцы немедленно отделили офицеров от рядовых и распределили военнопленных на три категории (так что военные организационные формы сразу распались). В первую группу вошли офицеры авиаполка и часть офицеров парашютно-десантного и зенитного полков. Эта группа, состоявшая из 200 человек, после временного интернирования во французском городе Шербуре была в сентябре 1945 г. передана советским властям. В их числе оказались капитан истребительной эскадрильи майор Бычков и начальник учебного штаба летной школы, командир транспортной эскадрильи майор Тарновский (последний, будучи старым эмигрантом, не подлежал выдаче, но он настоял на том, чтобы разделить судьбу своих товарищей).

Вторая группа — около 1.600 человек — некоторое время провела в лагере для военнопленных под Регенсбургом. Третья группа — 3.000 человек — еще до окончания войны была переведена из лагеря для военнопленных в Каме в Нирштейн, к югу от Майнца — очевидно, это было вызвано желанием бригадного генерала Кенина спасти русских от насильственной репатриации. Действительно, обе эти группы в большинстве своем избежали выдачи, так что судьба частей военно-воздушных

сил КОНР оказалась не столь трагична, как судьба 1-й и 2-й дивизий РОА[262].

Но поистине трагический конец ожидал основателя и командующего ВВС национальной России генерал-майора Мальцева, которого глубоко чтили его солдаты и о котором немцы, имевшие с ним дело, тоже отзывались с величайшим уважением. Мальцев вместе с майорами Меттлем и Лантухом был взят в плен 3-й американской армией. Сначала его подвергли основательным допросам в Бад-Тольце. Затем представители ККР (Корпуса контрразведки) и ОСС (Отдела стратегических служб) допрашивали его в лагере Оберурсель под Франкфуртом. После этого его перевели в лагерь для немецких генералов в Шербуре, но советские власти, выяснив местонахождение Мальцева, в августе 1945 года официально потребовали его выдачи. Судя по всему, американская сторона не сразу пошла навстречу этому требованию и лишь после повторного запроса его передали НКВД, имевшему в окрестностях Парижа экстерриториальный лагерь Боригар. Здесь Мальцев попытался — безуспешно — покончить с собой. Он повторил попытку самоубийства еще раз, в мае 1946 года, в строго охранявшемся советском госпитале в Париже, вскрыв себе вены на обеих руках и нанеся глубокие порезы на шее[263]. Несмотря на крайне опасное состояние, его самолетом доставили в Москву. 2 августа 1946 года „Известия“ в лаконичной заметке сообщили, что Военная коллегия Верховного Суда приговорила Мальцева, Власова и других к высшей мере наказания.

В заметке не упоминалось о том, что перечисленные люди — генералитет Русской освободительной армии. Лишь в 1973 году над обвинениями, перечисленными в газете, была приподнята завеса молчания. Общественности поведали о том, что Мальцев пытался создать „авиацию РОА“ методами грубого насилия. Перед Военной коллегией Верховного Суда СССР выступил в качестве свидетеля обвинения Бычков, который рассказал, как в конце января 1945 года в лагере Морицфельде Мальцев вербовал пленных советских летчиков[264].

Когда на предложение Мальцева пойти на службу в „авиацию РОА“ Бычков ответил отказом, он был так избит, что его отправили в лазарет, где он и пролежал две недели. Мальцев и там не оставлял его в покое. Запугивал тем, что в СССР его все равно „расстреляют как изменника“, а если он все-таки откажется служить в „РОА“, то он, Мальцев, позаботится о том, чтобы Бычкова отправили в концлагерь, где он несомненно погибнет.

Однако режиссеры этого спектакля допустили несколько ошибок. Во-первых, в Морицфельде никакого лагеря для

военнопленных не было: там располагался лагерь для бывших летчиков Красной армии, которые давно уже заявили о своем добровольном согласии вступить в РОА и, следовательно, никакой необходимости принуждать их к этому шагу не было. Во-вторых, в январе 1945 года Морицфельде, расположенный неподалеку от Петербурга, уже давно находился в руках советской армии. И в-третьих, майор Бычков, Герой Советского Союза, награжденный орденами Ленина и Боевого Красного Знамени, капитан истребительной эскадрильи имени полковника Казакова ВВС РОА, уже в начале 1944 года вместе с Мальцевым, бывшим в то время полковником, и Героем Советского Союза старшим лейтенантом Антилевским выступал в лагерях военнопленных и восточных рабочих, открыто призывая к борьбе против сталинского режима и в составе Авиационной группы лично принимал участие в боевых вылетах против войск Красной армии. Священник Плющев-Власенко, бывший адъютант Мальцева, с полным основанием назвал советский спектакль „явной фальшивкой“. Однако сам факт использования таких методов для демонстрации принудительного характера создания ВВС РОА и представления их в неблагоприятном свете свидетельствует о высоком морально-политическом духе, царившем в рядах ВВС.

Глава 5.
Военнопленные становятся солдатами РОА

Перед исследователем, занимающимся историей РОА, неизбежно встает вопрос: каков был путь советских солдат из Красной армии через немецкий плен к вступлению в армию генерала Власова? В этой связи имеет смысл взглянуть на условия службы в Красной армии в то время. Только зная позицию советского правительства по отношению к собственным солдатам, можно понять глубокий переворот, совершавшийся в их душах.

Советские Вооруженные Силы с момента своего создания ставили перед собой цель вырастить из каждого красноармейца „воина, безгранично преданного своей социалистической родине“, привить ему „чувство высокой ответственности... за возложенную на него задачу по защите социалистического отечества“, воспитать в нем „советский патриотизм... высокие моральные качества, выносливость, мужество и героизм“. Каждого красноармейца готовили к выполнению „священного долга по защите социалистического отечества“ до последнего патрона, до последней капли крови. Представление о том, как это должно было происходить, дает нам брошюра „Боец Красной армии не сдается“[265], изданная политическим управлением Ленинградского военного округа после советско-финской войны 1940 года. Эта брошюра, чрезвычайно характерная для советской агитации, была выпущена с целью доказать красноармейцам, что советский солдат должен предпочесть смерть плену и истратить последний патрон на самого себя или сгореть заживо, но не сдаться врагу. Солдатам внушалось, что и в гражданскую войну, против „белогвардейцев“, и в 1939, в войне с „белополяками“, и в 1939-40 гг. в войне с „белофиннами“, плен всегда означал пытки и мучительную смерть от руки бесчеловечного врага. Особое место уделялось в брошюре „белофинским бандам“, „финским головорезам“, „бело-финским подонкам“ (в их числе оказались и финские медсестры!), которые якобы подвергали военнопленных и раненых советских солдат изощренным и жестоким пыткам, замучивали их до смерти. А для тех, кого еще не убедили приведенные примеры, предназначался последний и действительно очень веский аргумент, а именно — что по советским законам плен приравнивается к „измене Родине“. „Того, кто сдался по трусости, предал Родину, — говорилось в брошюре, — ожидает бесславный конец... Его ждет ненависть, презрение и проклятие близких, друзей и всего советского народа

и, наконец, позорная смерть“*. Воинская присяга, статья 58 Уголовного кодекса РСФСР и прочие служебные предписания, такие как Устав внутренней службы, не оставляют ни малейших сомнений в том, что сдача в плен рассматривается как „переход на сторону врага“, „побег за границу“, „измена Родине“ и „дезертирство“ и неизменно карается смертной казнью[266].

И все же, вопреки всей этой пропаганде и угрозам, в течение войны в плену оказались около 5,24 миллиона советских солдат[267], из них 3,8 миллиона попали в плен в первые месяцы войны — чудовищный прецедент для советской власти. Деморализация в рядах Красной армии, угрожавшая самому ее существованию и охватившая в равной степени рядовых и офицеров, политработников и генералов, коммунистов и беспартийных, комсомольцев и не комсомольцев, уже в первые недели войны вызвала самую ожесточенную реакцию советского руководства[268].

Недоверие Сталина распространялось даже на высших офицеров армии: об этом красноречиво свидетельствует то, что в начале июля 1941 года были расстреляны командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба генерал В. Е. Климовских, начальник оперативного отдела генерал Семенов, командующий войсками связи генерал Григорьев, командующий артиллерией генерал Н. А. Клич и другие генералы штаба фронта. Были обвинены в измене и, насколько известно, расстреляны командующий 4-й армией Западного фронта генерал-майор А. А. Коробков, командир 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майор Кособуцкий, командир 60-й горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майор Селихов, командир 30-й стрелковой дивизии генерал-майор Галактионов, начальник Главного Управления Военно-Воздушных сил Красной армии генерал-лейтенант П. В. Рычагов и многие другие высшие офицеры[269].

В речи 3 июля 1941 года Сталин объявил „беспощадную борьбу“ против „дезорганизации тыла... паникеров... распространения слухов“. В этом ряду на первое место вскоре выдвинулись советские солдаты, попавшие в плен и названные в сталинской речи „дезертирами“. 16 августа 1941 года был издан приказ No 270, подписанный председателем Государственного комитета обороны Сталиным, его заместителем Молотовым, маршалами Советского Союза Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым и генералом армии Жуковым[270]. В этом содержательном документе, который зачитывался во всех частях и подразделениях Красной армии, обосновывались репрессии против „попавших в окружение“ и „дезертиров“. Так,

погибший под Рославлем командующий 28-й армией Западного фронта генерал-лейтенант В. Я. Качалов, командующий 12-й армией Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Понеделин и командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов объявлялись „трусами“, „клятвопреступниками“ и „преступниками“ лишь потому, что попали в окружение и были взяты в плен. Красноармейцам еще раз напоминали об их долге в любых обстоятельствах — а в окружении особенно — сражаться „самоотверженно, до последнего“, то есть стоять насмерть. Отныне командирам надлежало следить за подчиненными, а подчиненным — за командирами, и каждый был обязан любыми средствами уничтожать собственных товарищей, которые предпочли плен смерти. Семьи офицеров и политработников, оказавшихся в плену, подлежали аресту как „родственники дезертиров“, семьи попавших в плен красноармейцев лишались всех видов государственного пособия. Более того, согласно статье 58 Уголовного кодекса РСФСР, семьи красноармейцев, попавших в плен, могли быть преданы суду, а также высланы в необжитые районы Сибири. О применении принципа ответственности по родству можно судить также по приказу No 0098 Военного совета Ленинградского фронта от 5 октября 1941 года и трофейным актам Главной военной прокуратуры СССР[271].

В приказах Сталина, Ставки и советских органов власти лета 1941 года проявилось отношение советского государства к своим попавшим в плен гражданам, определившееся еще в первые послереволюционные годы. Уже в 1917 году советское правительство заявило о своем непризнании Гаагской конвенции — „рабоче-крестьянская власть“ считала недопустимым, чтобы революционные солдаты Красной армии спасались в плену у классового врага. В 1929 году СССР отказался ратифицировать Женевскую конвенцию по защите военнопленных[272]. Как неоднократно заявляли Сталин, Молотов и другие советские деятели, в том числе посол А. Коллон-тай, в Советском Союзе не существует понятия „военнопленные“ — есть лишь „дезертиры, предатели Родины и враги народа“[273]. Неудивительно поэтому, что советское правительство никак не было заинтересовано в относительно благополучном существовании собственных солдат, попавших в плен, — скорее наоборот, оно не имело ничего против того, чтобы им пришлось там как можно хуже. В этом случае из них можно было бы извлечь хоть какие-то пропагандистские выгоды с целью отбить у солдат охоту впредь сдаваться классовому врагу. Содержащееся в приказе No 270 требование уничтожать сдавшихся в плен красноармейцев „всеми наземными и воздушными средствами“ претворялось в жизнь: советские

летчики бомбили лагеря для военнопленных. Имеются доказательства, что советские агенты в немецких лагерях для военнопленных, часто выступавшие в роли переводчиков, служащих и лагерной полиции, всячески старались провоцировать репрессии лагерных властей против своих соотечественников[274]. Нелегко складывалась судьба красноармейцев, попавших в плен, и после окончания военных действий. Так, после советско-финской войны репатриированные из Финляндии советские пленные были под строжайшей охраной перевезены в отдаленные районы: с тех пор их никто не видел. Скорее всего, они были ликвидированы[275]. После второй мировой войны все военнопленные были осуждены как враги народа и предатели Родины, независимо от того, сдались ли они в плен по собственной воле или, как майор П. М. Гаврилов, мужественный защитник Брестской крепости, попали в руки врага после тяжелого ранения. Все они исчезли в лагерях архипелага ГУЛаг или подверглись другим преследованиям[276].

Однако советское правительство сочло все же необходимым сделать вид (вероятно, с оглядкой на Великобританию и США), что в обращении с военнопленными оно придерживается если не Женевской конвенции 1929 года, то хотя бы Гаагской конвенции 1907 года[277]. Так, в ответ на инициативу Международного Красного Креста (МКК) 27 июня 1941 года Молотов заявил о готовности на основах взаимности пойти навстречу предложениям об обмене списками военнопленных[278]. 1 июля 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР издал Положение о военнопленных, находящихся в СССР, вполне отвечающее духу Гаагской конвенции[279]. 17 июля советское правительство официально сообщило в ноте государству-протектору Швеции, что оно считает обязательным соблюдать, на основах взаимности, условия Гаагской конвенции[280]. Эти заявления вкупе с расплывчатым заявлением Вышинского от 8 августа 1941 года[281]еще и сегодня приводятся в некоторых публикациях как доказательства готовности советского правительства „положить в основу обращения с военнопленными обеих сторон принципы гуманности“[282].

В действительности советская сторона не проявила ни малейших намерений уважать международные нормы. Об этом свидетельствует обращение с немецкими пленными, которые официально представлялись не иначе как „бандиты“ и „звери“. Не менее 95% военнослужащих вермахта, попавших в советский плен в 1941-42 гг., были убиты при сдаче в плен или погибли несколько позже[283]. Не имело советское правительство и серьезных намерений обеспечить советским пленным условия,

оговоренные Гаагской конвенцией. С самого начала оно категорически отказалось выполнять важнейшие пункты конвенции (обмен списками пленных, доступ в лагеря представителей Красного Креста, разрешение на переписку и посылки) и больше к этому вопросу не возвращалось. Оно игнорировало все усилия МКК, который, ссылаясь на советские заявления, пытался достичь соглашения или хотя бы встречи в Москве[284]. (Заметим, что аналогичные попытки предпринимались также во время войны с Польшей в 1939 году и советско-финской войны 1939-40 годов и тоже безрезультатно.) Уже 9 июля 1941 года МКК сообщил советскому правительству о готовности Германии, Финляндии, Венгрии и Румынии обменяться списками военнопленных на взаимных началах. 22 июля согласие на это дали также Италия и Словакия. 20 августа 1941 года в МКК был передан первый немецкий список военнопленных. Аналогичные списки передали МКК и другие страны — Финляндия, Италия, Румыния. Списки были доставлены в советское посольство в Анкаре, указанное Молотовым в качестве передаточного пункта. Однако советская сторона даже не подтвердила их получения, не говоря уже о соблюдении принципа взаимности[285]. Именно это обстоятельство дало Гитлеру желанный повод задержать назначенную на начало 1942 года передачу списка 500 тысяч советских военнопленных, за который отвечали Управление иностранных дел, ОКВ и министерство пропаганды[286]. Не понимая упорного молчания советского правительства, МКК, в надежде устранить мнимые недоразумения путем устных переговоров, пытался через различные каналы, такие как советские посольства в Лондоне или Стокгольме, получить согласие на отправку в Москву делегата или делегации. Но ответа на неоднократные запросы не последовало[287]. Та же участь постигла и предложение МКК об организации посылок советским военнопленным в Германии: Советский Союз не отреагировал на запрос из Женевы. Все параллельные старания государств-протекторов, нейтральных стран и даже союзников добиться соглашения по вопросу о военнопленных не вызывали в Москве ни малейшего отклика. В начале 1943 года МКК был вынужден в официальном послании советскому правительству напомнить о заявлении Молотова, сделанном 27 июня 1941 года, констатируя одновременно, „что МКК с самого начала военных действий практически безрезультатно предлагал свои услуги“. Но и это ничего не изменило. Об оценке СССР работы МКК в годы войны говорит тот факт, что в 1945 году находившаяся в Берлине делегация МКК „внезапно“ была отстранена от работы и без

всяких объяснений вывезена в Советский Союз.

Можно утверждать, что советские солдаты, находившиеся в руках у немцев, попали в немилость к своему правительству лишь потому, что позволили себе сдаться в плен вместо того, чтобы умереть в бою[288]. И именно эти миллионы красноармейцев, которые в силу обстоятельств вольно или невольно отвернулись от советского режима и стали, следовательно, потенциальными союзниками немцев, были обречены на ужас и страдания лагерной жизни.

Перенесенные ими лишения можно отчасти объяснить развалом системы транспорта на восточном театре военных действий, но этого объяснения, конечно, недостаточно. Должны были иметься другие — и очень веские причины. Иначе непонятно, почему смерть буквально косила людей именно в лагерях для военнопленных в генерал-губернаторстве (в Польше), где не было сколько-нибудь серьезных осложнений с транспортом, или даже в лагерях, расположенных в пределах рейха[289]. При обсуждении этого вопроса часто ссылаются на то, что Советский Союз не признавал ни Гаагскую конвенцию 1907 года, ни Женевскую 1929-го. МКК тоже привел этот довод как решающий, сделав вывод, что вследствие этого Германия тоже не имела аналогичных обязательств перед СССР, вытекающих из текста этих конвенций. Если, учитывая все эти обстоятельства, попытаться выяснить, что именно определяло судьбы советских пленных до начала 1942 года, то можно назвать три главных момента. Во-первых, по техническим причинам было невозможно, особенно в конце года, создать соответствующие условия для миллионов советских солдат, в большинстве своем попадавших в плен в крайне истощенном состоянии. Во-вторых, большую роль сыграли акции уничтожения, проводившиеся боевыми группами гестапо и СД, жертвами которых становились в первое время „нежелательные элементы“, то есть прежде всего неугодные в политическом и расовом отношении, в том числе представители народов Средней Азии и Закавказья, среди которых было немало непримиримых противников советского режима. Их расстреливали часто либо из-за внешнего вида — многим они казались воплощением „азиатского“, „монгольского“ большевизма, либо же просто потому, что они были обрезаны и их принимали за евреев[290]. И наконец, третья причина — это просто черствость и равнодушие или же политическая слепота части служащих вермахта, хотя здесь значительно труднее привести конкретные доказательства, да и роль этого фактора была относительно невелика.

Данные о численности красноармейцев, расстрелянных в

немецком плену или погибших от голода и эпидемий, сильно расходятся. В советских работах приводится, по понятным причинам, значительно заниженная цифра — „десятки“ или „сотни тысяч“[291], в западногерманских — явно завышенная цифра в 3,3 миллиона. В последнее время эта цифра снизилась до 2,525 миллиона, но и ее следует считать завышенной[292]. При критическом анализе документа „Сведения о местопребывании советских военнопленных по состоянию на 1.5.1944 года“[293], составленного ОКВ, и других материалов приходишь к выводу, что число погибших в немецком плену советских солдат составляет примерно 2,1 миллиона (в советском плену погибло-в основном после окончания войны — 1,110-1,185 миллиона немецких пленных). Столь высокая смертность была вызвана прежде всего, как уже говорилось, технической неподготовленностью, а также отсутствием или недостатком доброй воли. Но с какой бы меркой ни подходить к этим событиям, несомненно одно: сталинскому режиму было только на руку то обстоятельство, что в немецком плену гибнет более двух миллионов солдат, объявленных „дезертирами, предателями и преступниками“. Слухи об условиях в немецких лагерях с быстротой ветра обежали фронт и тыл, и советская пропаганда получила мощный козырь. По бытовавшему среди русских уважению к немцам был нанесен непоправимый удар, и даже когда после зимы 1941-42 гг. условия в лагерях начали улучшаться и скоро стали вполне сносными, это не исправило положения.

Министр рейха Розенберг в своем известном письме протеста начальнику штаба ОКВ фельдмаршалу Кейтелю от 28 февраля 1942 года совершенно справедливо назвал судьбу советских солдат, попавших в немецкий плен, „трагедией огромного масштаба“[294]. И все же картина будет не полной, если не рассказать об усилиях сохранить жизнь и здоровье советских пленных, предпринимавшихся еще на ранних стадиях войны. Так, начальник иностранного отдела Управления разведки и контрразведки адмирал Канарис 15 сентября 1941 года в меморандуме начальнику штаба ОКВ требовал применения к советским военнопленным норм международного права, одновременно заявляя протест против принятых незадолго до того строгих установлении Общего управления ОКВ о содержании пленных[295]. Как неодобрительно заметил Кейтель, в этой позиции за видимостью военно-практической необходимости скрывалось „солдатское понимание рыцарской войны“, возрождавшееся у ведущих офицеров вермахта. Можно вспомнить также заявление генерал-фельдмаршала фон Бока от 9 ноября

1941 года об ответственности армии „за жизнь и безопасность военнопленных“ или решительный призыв генерал-полковника Люфтваффе Рюделя от 19 декабря 1941 года к гуманному обращению с советскими военнопленными[296].

Следует сказать и о практических мерах, предпринимавшихся генерал-квартирмейстером в генштабе ОКХ. В приказах от 6 августа, 21 октября и 2 декабря 1941 года генерал-квартирмейстер установил пищевые рационы для всех советских военнопленных, находившихся в оккупированных восточных районах, в том числе в районах Украины, Прибалтики и генерал-губернаторства, а также в Норвегии и Румынии[297]. Даже при самом поверхностном анализе этих пищевых рационов становится ясна полная безосновательность попыток на основании именно этих приказов связать верховное командование армии и генерал-квартирмейстера с гитлеровской „политикой уничтожения“[298]. Даже нормы, установленные для неработающих советских военнопленных, теоретически были не просто вполне достаточны, но отчасти превышали уровень потребления немецких граждан даже в первые послевоенные годы: Эти нормы никак не могли быть причиной массовой гибели. Тут историку уместно задаться другим вопросом: выполнялись ли эти распоряжения ОКХ, возможно ли было их выполнить, а если нет, то почему? Говоря о начальном периоде войны, с крупными боями в окружении и колоссальным числом военнопленных, следует иметь в виду еще один момент: советские солдаты часто попадали в плен в состоянии крайнего истощения. Иногда они „по 6-8 дней во время боя“ ничего не ели. 8 декабря 1941 года квартирмейстер командующего тыловым районом группы армий „Центр“ писал:

Даже когда им дают еду в достаточном количестве, они не в состоянии принимать пищу. Почти из всех лагерей поступают сообщения, что военнопленные после первого приема пищи просто теряли сознание и умирали.

Этим состоянием смертельного истощения[299], о котором единодушно свидетельствуют рапорты, объясняется, вероятно, и то, что из 64 188 советских солдат, попавших в плен во время финской войны, умерло не меньше 18 700 — почти треть.

В целом, однако, можно утверждать, что командующие войсковыми тылами и коменданты тыловых районов в рамках своих ограниченных возможностей старались улучшить положение военнопленных[300]. До сентября 1941 года питание в лагерях было относительно нормальным. Резкое увеличение числа военнопленных осенью 1941 года совпало с ухудшением снабжения немецкой армии на Восточном фронте, а затем и с полным развалом транспортной системы. Однако в районе боевых

действий предпринимались усилия по мере возможностей утеплить помещения для военнопленных и хотя бы приблизительно выполнять „установленные“ рационы, заменяя при необходимости недостающие продукты питания другими. Квартирмейстер командующего тыловым районом группы армий „Север“ разослал всем службам снабжения, складам и хозяйственным командам „строгое“ указание „обеспечить для лагерей военнопленных установленные приказом ОКХ нормы питания“. Квартирмейстер командующего тыловым районом группы армий „Центр“ тоже пытался, „используя все имеющиеся возможности (пекарни, мельницы, трофейные склады и т.д.), обеспечить питание военнопленных“, хотя в этом районе положение со снабжением немецкой армии было буквально катастрофическим. В районе сосредоточения армий „Юг“ 11-я армия генерал-полковника фон Манштейна сумела, несмотря на трудности со снабжением, „используя, все подсобные средства“, выделять „указанные пищевые рационы“ и путем постоянного контроля за „питанием, одеждой и жилищем“ так укрепить здоровье пленных уже к концу 1941 года, что смертность — по крайней мере, в этот период снизилась до минимума.

К тому моменту, когда Розенберг в своем запоздалом письме протеста начальнику штаба ОКВ от 28 февраля 1942 года потребовал, чтобы с пленными обращались „по законам человечности“, лед в действительности уже тронулся[301]. В директивах ОКХ от 7 и 16 марта, а также в директиве ОКВ от 24 марта 1942 года излагался целый ряд мер, направленных на постепенное изменение условий жизни советских военнопленных с весны 1942 года. К тому времени уже имелась большая группа пленных, пользовавшихся „особенно привилегированным положением, питанием и жильем“, а именно представители нерусских национальных меньшинств: среднеазиатские народы и жители Кавказа, а также казаки. Все они могли быть приняты в ряды вермахта как „полноправные солдаты“ и для них, как 31 августа 1942 года подчеркнул сотрудник организационного отдела генштаба ОКХ подполковник граф Штауффенберг, „заранее“ устанавливались немецкие нормы питания. Вскоре и сам Гитлер „в пространных заявлениях совершенно однозначно высказался за абсолютно достаточные рационы для русских“[302]. Генерал-квартирмейстер в меморандуме от 13 апреля 1942 года подчеркнул, что практически всем советским солдатам следует обеспечить „с момента взятия в плен … достаточное питание и хорошие условия“[303]. В меморандуме предлагалось поставить дело так, чтобы советские военнопленные считали, что им „повезло“, что они попали в плен и „в безопасности пересидели

такую страшную войну“.

Пути к этим целям были сформулированы в различных директивах и правилах, в которых намеренно учитывались условия Гаагской конвенции[304]. В июне 1942 года была создана должность „командующего военнопленными в районе боевых действий“, имевшего инспекционные и командные полномочия, а также право сообщать командующему группы армий о недостатках в снабжении военнопленных. В меморандуме генерал-квартирмейстера о „вывозе новых военнопленных“, появившемся в тот же период, предписывалось оставлять в распоряжении военнопленных личные вещи, одежду и предметы снаряжения, а также посуду и полевые кухни, срочно удалять их из зоны боев, избегая по возможности изнурительных переходов и обеспечивая им необходимое довольствие, чтобы всячески смягчить страшную картину плена прошлого года[305]. Дальше говорится о том, что раненым и больным следует обеспечить медицинскую помощь, а нормы питания устанавливать „в соответствии с немецкими рационами“[306]. Рационы для пленных, находившихся в оккупированных районах СССР, а также в Норвегии, Франции, Бельгии и Румынии, в силу необходимости заниженные весной 1942 года, теперь были пересмотрены, и указом генерал-квартирмейстера от 24 октября 1942 года установлены новые, повышенные нормы. В „Особых распоряжениях по содержанию военнопленных в районе боевых действий (Восток)“, издававшихся ОКХ с декабря 1942 года, всем командирам и службам еще раз напоминалось о необходимости „безупречного обращения“ с пленными. Была организована почта военнопленных, в лагерях распространялись газеты „Клич“ и „Заря“, которые не только вели политическую пропаганду, но и пытались вызвать эмоциональный отклик в душах русских пленных. Так, номер газеты военнопленных „Клич“ от 5 апреля 1942 года был целиком посвящен Пасхе[307].

С целью противодействия эффективной советской пропаганде и в поддержку собственных усилий по разложению вражеской армии ОКХ довольно рано начало придавать значение тому, чтобы перебежчикам были созданы лучшие условия, чем прочим военнопленным. 7 марта 1942 года директивы по этому вопросу были даны генерал-квартирмейстером, затем вопрос был окончательно отрегулирован в приказе No 13 от 20 апреля 1943 года, изданном начальником генштаба ОКХ генералом Цейтцлером по поручению Гитлера[308]. Всем служащим Красной армии (будь то „офицер, политрук, комиссар, унтер-офицер или рядовой“), добровольно сдавшимся в индивидуальном порядке или группами, гарантировались привилегии при устройстве,

питании, выдаче одежды в соответствии с условиями Женевской конвенции, которую не признавало советское правительство. Указывалось, что пленным „будут оставлены имеющиеся при них деньги, ценности, одежда, знаки отличия, ордена“[309].

Одновременно при всех дивизиях Восточного фронта, в местах сбора пленных, а также в транзитных лагерях организовывались „русские подразделения обслуживания“[310], состоявшие из офицера, четырех унтер-офицеров и 20 рядовых „РОА“. Опыт показал, что наличие внутри структуры немецкой армии русских офицеров, унтер-офицеров и рядовых, привлекавшихся к организации жизни и быта русских же военнопленных, оказывало большое пропагандистское влияние и на военнопленных, и на красноармейцев. Вероятно, это в значительной мере способствовало успеху пропагандистской акции „Серебряная полоса“, проведенной вскоре после издания приказа No 13[311].

Какое развитие претерпевали политические взгляды советских солдат на разных стадиях плена? Здесь тоже исходным моментом являлось то, что красноармеец в силу самого факта пленения оказывался в неразрешимом конфликте с собственным правительством. По наблюдениям Кромиади, позже полковника РОА, который в составе комиссии Восточного министерства объезжал лагеря для военнопленных на Востоке в сентябре-декабре 1941 года, огромное большинство пленных были в ту пору „антибольшевиками“, пусть и подсознательно. Он считал, что эти миллионы людей „с большим успехом могли быть использованы в антибольшевистской борьбе“, и это убеждение разделяли многие взятые в плен советские генералы и высшие офицеры[312]. Среди тех, кто советовал немцам использовать пленных для борьбы против сталинского режима, были командующий 22-й (20-й) армией генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков, командир 49-го стрелкового корпуса генерал-майор С. Огурцов, командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор Снегов, командир 72-й горно-стрелковой дивизии генерал-майор П. Абранидзе, командир 102-й стрелковой дивизии генерал-майор Бессонов, командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор Кирпичников и многие другие. Как сообщил в октябре 1941 года пленный командир 21-й стрелковой дивизии генерал-майор Д. Е. Закутный коменданту Офлага ХШд (Нюрнбергский военный округ), из десяти находившихся в лагере генералов восемь — Ф. И. Трухин, И. А. Благовещенский, Егоров, Куликов, Ткаченко, Зыбин, а также, при определенных условиях, Х. Н. Алавердов и командующий 5-й армией М. И. Потапов — готовы принять активное участие в борьбе против Советского Союза как оплота

мирового коммунизма. Закутный также готов был поручиться, что большинство офицеров украинского и белорусского происхождения и почти половина всех штабных офицеров являются сторонниками социального и политического переустройства России на национальных началах.

Примечательна также позиция уже упоминавшегося здесь генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, командующего 19-й армией и всей группировкой сил, окруженной под Вязьмой в октябре 1941 года (в нее входили 19-я, 20-я с влившейся в нее 16-й, 32-я, 24-я армии, а также оперативная группа Болдино). Этот выдающийся военачальник одно время занимал пост коменданта гарнизона Москвы; вернувшись из плена, он был реабилитирован лишь после многомесячного следствия, до самой смерти в 1970 году состоял в советском комитете ветеранов войны. В СССР о нем пишут как о „верном сыне коммунистической партии“, как о генерале, отдавшем всю свою сознательную жизнь на службу отечеству, не упоминая, однако, о том, что в немецком плену он показал себя не только русским патриотом, но и открытым противником советского режима.

В декабре 1941 года Лукин так характеризовал настроение широких масс в СССР[313]:

Большевизм мог найти поддержку у народов сегодняшнего Советского Союза только в результате конъюнктуры, сложившейся после мировой войны. Крестьянину пообещали землю, рабочему — участие в промышленных прибылях. И крестьянин, и рабочий были обмануты. Если у крестьянина сегодня нет никакой собственности, если рабочий зарабатывает в среднем 300-500 рублей в месяц (и ничего не может купить на эти деньги), если в стране царят нужда и террор и жизнь тускла и безрадостна, то понятно, что эти люди должны с благодарностью приветствовать избавление от большевистского ига*.

По оценкам компетентных исследователей, советские солдаты в массе своей вначале были готовы принять немцев как своих освободителей и вместе с ними воевать против большевизма[314], однако пребывание в немецком плену многих отрезвило. После страшной зимы 1941-42 года немецкая система внушала им не меньше отвращения, чем советская, и многие задавались вопросом — кто же все-таки хуже враг: Сталин или Гитлер?

Тем не менее, приступив в 1941-42 гг. к формированию Восточных войск, немцы не испытывали недостатка в добровольцах из числа военнопленных. Количество бывших красноармейцев, которые по разным причинам были готовы променять судьбу пленного на жребий солдата или „хиви“,

воюющего на немецкой стороне, уже в начале года достигло сотен тысяч. Но с течением времени все острее вставал вопрос о политических целях такой борьбы. Уже генерал-лейтенант Лукин указывал, что по прошествии какого-то времени русские будут воевать не за немецкие, а за свои собственные, национальные цели. 12 декабря Лукин на одном из допросов, протоколы которых Розенберг передал Гитлеру, от имени всех находившихся в плену советских генералов предложил создать русское контрправительство, чтобы показать русскому народу и красноармейцам, что можно выступать „против ненавистной большевистской системы“ и в то же время — за дело своей родины. Он так подытожил свои размышления:

Народ окажется перед лицом необычной ситуации: русские встали на сторону так называемого врага — значит перейти к ним — не измена родине, а только отход от системы… Даже видные советские деятели наверняка задумаются над этим, может, даже те, кто еще может что-то сделать. Ведь не все руководители заклятые приверженцы коммунизма.

Несомненно, после первой военной зимы престижу немцев был нанесен тяжелый урон, драгоценное время было упущено. Достаточно привести хотя бы имена военачальников, взятых в плен или Ц перешедших на немецкую сторону в 1942 году (сам Власов, а также командир 1-го отдельного стрелкового корпуса генерал-майор Шаповалов, командир 41-й стрелковой дивизии полковник Боярский, командир 126-й стрелковой дивизии полковник Сорокин, командир 1-й воздушно-десантной бригады полковник Тарасов и другие[315]), чтобы понять, какие возможности еще имелись у немцев в тот период. Приведем высказывание командующего 3-й гвардейской армией генерал-майора Крупенникова[316], взятого в плен 21 декабря 1942 года к северо-западу от Сталинграда. Советник посольства Хильгер характеризует Крупенникова как „человека с огромным чувством достоинства“, который „лишь после длительной внутренней борьбы нашел в себе готовность сделать заявление немецким военным властям“ и на суждения которого „можно положиться“. Крупенников резко критиковал оккупационную политику немцев на востоке и сказал, что немцы совершают „кардинальную ошибку“, полагаясь в войне против Советского Союза „лишь на силы собственной армии“. Не исключая возможности формирования русской добровольческой армии из пленных красноармейцев с целью борьбы против советского режима, он считал обязательным условием этого создание политической базы для такого русско-немецкого сотрудничества. Германия, говорил он, должна доказать народам России, что рассматривает их не как

„неполноценные колониальные народы“, а как „равноправных членов европейской семьи народов“. В первую очередь, по его мнению, необходимо было сформировать русское независимое правительство. Эти условия он считал необходимыми для создания достаточно многочисленной и надежной русской национальной армии, состоящей из дивизий и корпусов. В этом случае, по мнению генерала, можно было рассчитывать на „большой приток добровольцев из лагерей для военнопленных“. Из находившихся в немецком плену советских офицеров „70%, по его оценке, готовы воевать против советской системы“.

Открытые высказывания командующих армиями генерал-лейтенантов Ершакова и Лукина, генерал-майора Крупенникова и других и проскальзывавшие в дружеских беседах намеки таких пленных, как командующий 5-й армией генерал-майор Потапов, командующий 6-й армией генерал-лейтенант Музыченко и командующий 12-й армией генерал-лейтенант Понеделин[317], сводились к одному: если немцы стремятся к военно-политическому сотрудничеству с русскими, они должны признать Россию своим союзником. Немцы на это не соглашались, но после 1942 года стало ясно, что без такого признания ничего не получится. На это указывает первое публичное выступление Власова, его „Открытое письмо“, распространенное в миллионах экземпляров, воззвание Смоленского комитета и другие публикации, а также то, что с апреля 1943 года „все вступившие в вермахт русские хиви и добровольцы в национальных соединениях“ считались солдатами „Русской освободительной“ или соответственно „Украинской освободительной“ армий[318]. И не принципиальные соображения, а лишь нежелание немцев предпринимать шаги по созданию русского правительства и затягивание формирования национальной армии стали причиной отказа многих военнопленных, в том числе и вышеназванных генералов, от сотрудничества с ними.

Поэтому морально-политическое состояние советских военнопленных оставалось двойственным. После 1942 года их материальное положение улучшилось, а вскоре и вовсе нормализовалось, так что вопрос о выживании в лагерях уже больше не стоял. Но влияние начавшейся в тот же период национально-русской пропаганды было не слишком значительным, поскольку немцы медлили с решительными мерами. Советские агенты моментально воспользовались таким положением, в корне перестроив свою тактику. Первое время они пытались провоцировать немцев на жестокие репрессии против пленных, теперь же они развернули агитационную работу в плену, уверяя, что победа Советского Союза неизбежна, и намекая

на глубокие перемены, которым наверняка подвергнется после войны советская система. Они говорили о возрождении религиозной жизни и национальных традиций, о якобы намеченном на конец войны роспуске ненавистных для многих колхозов, о прекращении террора[319]. Их усилия увенчались успехом: многие пленные начали готовиться к возвращению на родину, всячески старались обелить себя, избегали каких-либо антисоветских высказываний. Но в офицерских лагерях, обитатели которых в соответствии с Гаагской конвенцией были освобождены от работы, располагали большим досугом, чем другие пленные, и потому имели возможность лучше узнать друг друга, пока что срабатывало правило — один за всех, все за одного. Здесь говорили: „Как все! Все идут в РОА, иду и я!“[320]Так, в одном лишь Владимиро-Волынском офицерском лагере в июне 1943 года из 600 офицеров все, кроме 30, заявили о готовности вступить во „власовскую армию“, думая, что она уже существует[321]. Но в 1944 году вербовавшие военных специалистов пропагандисты Освободительной армии, такие как подполковник Поздняков, отмечали, что некоторые офицеры уже не решались беседовать с ними публично, предпочитая разговор наедине.

Создание РОА и провозглашение 14 ноября 1944 года Пражского манифеста вызвали колоссальный отклик — свидетельство того, что стремление служить делу национальной России было живо среди солдат или, во всяком случае, его нетрудно было возродить. Действительность полностью опровергает все утверждения советской печати о том, каким образом создавалась РОА. Те советские авторы, которые вообще признают, что советские солдаты становились на сторону ненавистных „немецких оккупантов“, утверждают, что при вербовке в армию применялось — прямо или косвенно — насилие. Они пишут о „невыносимом голоде“ в „концентрационных лагерях“, о „жестоких истязаниях“, которым пленные не в силах были противостоять[322]. Истощенные „голодом и пытками“ и „доведенные до отчаяния“, они „под угрозой физического уничтожения“ были вынуждены вступать в Освободительную армию. „Несогласных расстреливали“ или, как сказано в другом месте, наказывали непосильным трудом. В 1974 году во Франции демонстрировался советский пропагандистский фильм о Курской битве, где в одном из эпизодов генерал Власов хладнокровно приказывает расстрелять изможденных пленных, отказавшихся вступить в его армию.

Однако связывать создание власовской армии с физическими лишениями пленных и насильственными методами вербовки —

занятие довольно бессмысленное: к началу формирования РОА положение военнопленных давно уже нормализовалось. На самом деле, оно стабилизировалось еще раньше — к моменту создания Восточных войск. Один офицер РОА позже писал: „Необходимо подчеркнуть, что питание военнопленных в лагерях к тому времени было удовлетворительным, так что желание вступить в РОА никак не диктовалось голодом“*. К тому же Власов вовсе не был заинтересован в пополнении своей армии за счет людей, не желавших воевать. Даже немцы при формировании Восточных частей придавали большое значение соблюдению принципа добровольности: Гитлер в приказе No 46 „0б усилении борьбы с бандитизмом на Востоке“ от 18 августа 1942 года связывал дальнейшее развертывание „национальных формирований“ с наличием „непременно надежных добровольцев, исполненных готовности воевать „60. Постановлением No 500 от 29 апреля 1943 года ОКХ категорически запрещалось принимать в армию военнопленных без „тщательного отбора“, нескольких месяцев испытательного срока и принесения присяги[323]. В советской литературе имеется также версия, по которой „гитлеровцам“ удавалось привлечь добровольцев единственно „с помощью демагогической пропаганды, всяческих посулов, разжигания национальной розни“[324]. С другой стороны, эти добровольцы характеризуются как „бывшие кулаки, лавочники, разного рода националистический и разложившийся сброд“, и, разумеется, мы нигде не найдем признания, что путь в РОА по собственной воле находили обычные советские офицеры и солдаты. Это явление противоречит догматическим заверениям о морально-политическом единстве советского общества, о „самоотверженном патриотизме советского народа“, сплоченного вокруг „родной“ коммунистической партии и „безгранично преданного“ ей. Только в одной книге, появившейся в послесталинский период „оттепели“, встречается краткое упоминание о политических мотивах этого явления. Л. Н. Бычков в работе о партизанском движении пишет:

Используя последствия чуждых советскому строю политических ошибок и нарушений социалистической законности, допущенных по вине и при попустительстве Сталина (“левацкие“ перегибы при проведении коллективизации, массовые репрессии 1937-39 гг., огульно-подозрительное отношение к окруженцам и т.д.), гитлеровцам удалось вовлечь в полицейские формирования в оккупированных районах наряду с классово враждебными и уголовными элементами и некоторую часть гражданского населения и военнопленных[325].

Если даже немцам удавалось использовать в своих интересах

недовольство системой, наличие которого в какой-то степени признает советский автор, то какого же успеха мог добиться Власов, говоривший о создании свободной России! Сообщение о событиях в Праге 14 ноября 1944 года вызвало подлинный взрыв патриотических чувств. В течение нескольких недель в личную канцелярию Власова в пригороде Берлина Далеме, Брюммерштрассе 32, шел нескончаемый поток писем от русских, находившихся в Германии, военнопленных, восточных рабочих, беженцев[326]. Согласно доверенному лицу Власова Сергею Фрелиху, после провозглашения Пражского манифеста количество заявлений о приеме в армию ежедневно достигало двух с половиной — трех тысяч. Только 20 ноября 1944 года зарегистрировано 470 коллективных телеграмм из лагерей военнопленных, 298 из них подписало 43 511 человек, 172 были написаны от имени „всех“ членов соответствующей рабочей команды или трудового лагеря. Если прибавить к этому индивидуальные заявления, то только в один этот день более 60 тысяч военнопленных заявили о своей готовности взять в руки оружие и воевать под командованием Власова за цели, провозглашенные Пражским манифестом. В конце ноября 1944 года число заявлений о солидарности с власовским движением достигло, вероятно, 300 тысяч. Канцелярия начальника штаба РОА и заместителя главнокомандующего генерал-майора Трухина, получавшая в день до 500 писем, заявила 16 декабря 1944 года в газете „Воля народа“, что не в состоянии обрабатывать все заявления[327]. А 23 декабря 1944 года президиум КОНР был вынужден объявить в печати о невозможности учесть все просьбы о приеме в РОА. Тех, кто не попал в армию, должна утешать мысль о том, что судьба Освободительного движения решается не только в боях на фронте, но также и в тылу, в самоотверженной работе в промышленности и сельском хозяйстве[328].

В это же время, в декабре 1944 года, полковник Зверев объезжал лагеря военнопленных в Норвегии, вербуя добровольцев в РОА. „Тысячи советских военнопленных“ — цифра колеблется от 10 до 20 тысяч — заявили о своей готовности вступить в РОА, среди них было немало советских солдат, совсем недавно попавших в плен. Эти цифры, о которых Зверев и его спутник, бывший комендант Ленинграда полковник Ананьин, объявили на пресс-конференции в Осло, вызвали пристальное внимание всей норвежской прессы[329]. Цифры эти не были преувеличены — доказательством тому могут служить слова генерала добровольческих соединений в ОКХ Кестринга.

Скептически настроенный в отношении власовского

движения, генерал, тем не менее, говорит о „десятках тысяч добровольцев, готовых встать под знамена Власова“. Правда, Кестринг не санкционировал перевода военнопленных из Норвегии в „Германию, представляющую собой сейчас котел ведьм“, — по той простой причине, что „из-за нехватки оружия им тут все равно нечего делать“[330]. Начальник личной канцелярии Власова полковник Кромиади в своих воспоминаниях пишет о том, как нищие военнопленные и восточные рабочие отдавали на нужды Русского освободительного движения последние гроши и ценности[331].

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что трудностей с личным составом не было. Однако ощущался недостаток в специалистах по различным родам оружия. Покажем на примере ВВС, как в РОА решали эту проблему. Когда в конце октября 1944 года было принято окончательное решение о формировании ВВС, личная канцелярия Власова опубликовала объявление о наборе в русской газете[332]. В ближайшие дни о своей готовности служить в РОА заявили около двух тысяч летчиков, штурманов, бортовых стрелков, техников, зенитчиков и других специалистов. Недостающие три тысячи рядового персонала инспектор по иностранным кадрам Люфтваффе „Восток“, по предложению полковника Мальцева, собирался набрать из 22 500 русских добровольцев и 120 тысяч военнопленных, которые в то время еще воевали в Люфтваффе и составляли значительный процент обслуживающего персонала в зенитных батареях и строительных частях. Конечно, это вовсе не означает, как пишут некоторые авторы, что Геринг предоставил Власову полномочия командовать лишь теми советскими военнопленными, которые „использовались в качестве рабочих в Люфтваффе“. Главнокомандующему ВС КОНР было дано право „по договоренности с частями вермахта и их службами согласно установленным правилам“ проводить вербовку и призыв в армию. Что касается ВВС, то рейхсмаршал в приказе от 19 декабря 1944 года санкционировал проведение вербовки добровольцев среди „русских военнопленных и хиви“. При штабах 1-го, 4-го, 6-го и 10-го воздушных флотов, а также при других штабах были организованы сборные пункты и немецко-русские мобилизационные комиссии[333]. Как 10 марта 1945 года сообщал генерал-лейтенант Ашенбреннер начальнику генштаба ОКЛ, мобилизация в военно-воздушных частях и лагерях военнопленных проходила в целом „очень успешно“.

Однако с января 1945 года ситуация несколько изменилась. Военное положение ухудшалось, и советские военнопленные стали относиться к РОА гораздо сдержаннее[334]. Показательно,

что после успешного советского зимнего наступления резко снизилось число советских перебежчиков. Если еще в декабре 1944 года на семь военнопленных приходился один перебежчик, то в январе 1945 года соотношение уже совсем другое — один перебежчик на 26, а в феврале — на 29 военнопленных; правда, в марте пропорции опять меняются: один перебежчик на 14 военнопленных[335]. Впрочем, по сравнению с союзными армиями на немецком Западном фронте число перебежчиков в Красной армии по-прежнему оставалось поразительно высоким. Так, по неполным сведениям, из взятых в плен в декабре 1944 — марте 1945 года 27 629 красноармейцев не менее 1710 были перебежчиками, тогда как из 28 050 американских, английских и французских солдат, взятых в плен во время немецкого наступления в Арденнах в декабре 1944 — январе 1945 года, перебежчиков было всего лишь пять. Следовательно, даже победоносное продвижение Красной армии не помешало тому, что из каждых 16 советских военнопленных один был перебежчиком, тогда как среди союзников, взятых в плен во время отступления западных держав, один перебежчик приходился на 4 692 пленных, иными словами — на 330 советских перебежчиков приходился один перебежчик от союзников. Даже в феврале 1945 года, например, из 85 военнопленных особого лагеря отдела иностранных армий Востока в Луккенвальде, где работала комиссия РОА под руководством подполковника Сахарова и старшего лейтенанта Лемухина, 22 человека тут же заявили о готовности вступить в РОА[336]. Но вообще в начале 1945 года советские военнопленные проявляли большую осторожность при решении вопроса о вступлении в РОА. Об этом свидетельствует опыт майора Теникова и лейтенанта Агеенкова, проводивших вербовку в районе зенитных групп Штуттгарт и Швейнфурт (21-я зенитная дивизия)[337].

Лейтенант Агеенков, работавший в группе Швейнфурт, .встретил здесь военнопленных, материальное положение которых было вполне сносным, а у некоторых — даже хорошим, хотя в отдельных случаях Агеенкову приходилось в своих донесениях излагать обоснованные жалобы пленных[338]. Там, где немецкие командиры батарей и других подразделений заботились о подчиненных им военнопленных и установили определенный контакт с ними, солдаты проявляли интерес к политическим вопросам. Рассказы Агеенкова об истории большевизма, о политических целях Пражского манифеста и задачах Освободительной армии воспринимались с большим вниманием и, как ясно из вопросов, с сочувствием. Но лишь незначительная часть солдат записалась в РОА после первого

призыва. Военнопленные явно опасались променять их нынешний статус и знакомую обстановку на неясную судьбу солдата РОА, они подыскивали всяческие отговорки, в частности, ссылаясь на то, что, служа в немецкой зенитной батарее, они и так вносят свой вклад в освобождение своего отечества[339]. Немецкий командир 953-го легкого зенитного дивизиона майор Ламмерер писал в своем отчете о необходимости повторных пропагандистских акций[340]. Однако и в марте 1945 года военнопленных не удалось вывести из состояния апатии, несмотря на доводы пропагандистов, что в любом случае для презренных „предателей“ и „дезертиров“ путь на родину заказан. Трудности с мобилизацией в РОА возникали не только среди военнопленных. Офицеры, занимавшиеся вербовкой, в большинстве своем хорошо подкованные пропагандисты, обучавшиеся в Дабендорфе, распространили свою деятельность на членов нерусских добровольческих формирований вермахта, большинство которых не испытывало никакого желания подчиняться русским, предпочитая оставаться в своих национальных легионах, организованных по этническому признаку. В отдельных случаях излишне ретивые офицеры РОА заявляли туркестанцам и кавказцам, не желавшим служить в РОА, что они „дезертиры, угрожали им трибуналом и тем самым вынуждали пойти в РОА“[341]. Были составлены регулярные мобилизационные предписания и иногда применялись методы вербовки, аналогичные тем, что использовались, например, при формировании Чехословацкого легиона в России в первую мировую войну, но противоречащие принципу добровольности. Поэтому и ОКВ, и Главное управление СС высказались против превышений органами власовской армии их полномочий.

Впрочем, все это были побочные явления, не оказавшие влияния на создание РОА. Когда осенью 1944 года началось формирование Вооруженных Сил КОНР, настоящие трудности были связаны не с мобилизацией, а с вопросами материального обеспечения. Десятки, если не сотни тысяч советских военнопленных осенью 1944 года по доброй воле заявили о готовности вступить в РОА. В кругах так называемых восточных рабочих тоже проявилась солидарность с власовским движением. Власов мог также рассчитывать на сотни тысяч русских солдат, служивших в добровольческих формированиях под немецким командованием или в немецких частях: подавляющее большинство их выразило желание присоединиться к настоящей русской армии[342]. Начальник командного отдела штаба армии полковник Поздняков, по долгу службы прекрасно осведомленный о положении с личным составом, подчеркивал,

что наплыв добровольцев в РОА настолько велик, что из-за острой нехватки оружия возможно удовлетворить лишь часть заявлений. Удалось также создать обширный офицерский резерв и выбрать из него наиболее подходящие кандидатуры для уже сформированных подразделений.

Глава 6.
РОА на Одерском фронте

По всей вероятности при создании РОА по русско-немецкому соглашению предполагалось как можно скорее дать русским войскам возможность проявить себя на Восточном фронте. Генерал Власов и штаб армии исходили из того, что все три дивизии, или по крайней мере 1-я и 2-я, после формирования объединятся с Казачьим кавалерийским корпусом и прочими частями армии под верховным командованием Власова и возьмут на себя самостоятельный участок фронта на Востоке[343]. Мы не знаем точно, каковы именно были их планы, но до какой-то степени о них можно судить по беседе постоянного представителя Главного управления СС у Власова обер-фюрера СС доктора Крёгера с Гиммлером 8 января 1945 года. Доктор Крёгер сказал, что желательно

формировать новые дивизии постепенно, сначала вывести на поле боя две дивизии в полном составе, чтобы они показали, на что способны... Главнокомандующим будет генерал Власов... Было бы важно после формирования первых двух дивизий провести хорошо продуманную операцию[344].

При подготовке к боевым действиям большое значение придавалось пропаганде. Как уже упоминалось, предусматривалось массовое распространение Пражского манифеста и призыва к солдатам, офицерам и генералам Красной армии переходить на сторону РОА. Лишь доказав свою боеспособность, РОА могла рассчитывать на расширение своего состава до 10 дивизий. Еще в начале апреля 1945 года командование Люфтваффе, рассчитывая на наступление 1-й и 2-й дивизий РОА на Восточном фронте, развернуло работу по созданию условий для совместных действий „тактического и пропагандистского“ характера уже сформированных летных подразделений РОА и сухопутных войск. С этой целью 5-я русская истребительная эскадрилья и 8-я эскадрилья ночных бомбардировщиков на время своего боевого применения получили независимость от ВВС РОА, и им были приданы машины специального назначения.

Между тем к началу 1945 года ситуация решительно изменилась. Красная армия, смяв немецкий Восточный фронт, продвинулась к Одеру, и вопрос о дальнейшем развертывании РОА был снят с повестки дня. В этот период, когда на фронт были брошены последние немецкие резервы, временные боевые

формирования и даже необученные запасные части, когда из курсантов военных школ пришлось создать отряды юнкеров, чтобы хоть какого противостоять противнику, многие обратили взгляд к частям РОА, находившимся еще в процессе формирования. Гитлер, не понимавший политических целей РОА, в выступлении 27 января 1945 года заявил, говоря о 1-й дивизия, что имеются лишь две возможности -“либо она на что-то годится, либо нет“. В первом случае ее следует рассматривать как „регулярную дивизию“, во втором — было бы идиотизмом вооружать [такое формирование], когда я, за неимением оружия, не в состоянии обеспечить даже немецкую дивизию. Я бы с гораздо большим удовольствием сформировал немецкую дивизию и отдал бы все это оружие ей.

В этой критической ситуации начальник Главного управления СС, обергруппенфюрер СС, генерал Ваффен-СС Бергер предложил незамедлительно проверить боеспособность русских солдат на деле. Генерал Власов не возражал, напротив — он и сам давно уже хотел предпринять что-нибудь, что привлекло бы внимание к РОА и способствовало бы дальнейшему развитию Освободительного движения.

По приказу Власова и генерал-майора Трухина полковник Сахаров составил из отборных добровольцев батальона охраны, учебного лагеря в Дабендорфе и юнкерской роты ударную группу из трех взводов, которыми командовали лейтенанты Анихимовский, Малый и А. Высоцкий[345]. Командиром группы стал Сахаров, его заместителем — капитан граф Ламсдорф. О своей готовности участвовать в первом фронтовом сражении заявили подавляющее большинство личного состава батальона охраны и многие курсанты дабендорфских курсов, причем бывшие офицеры Красной армии готовы были пойти в бой рядовыми, что свидетельствует о высоком боевом духе власовских солдат. Ударная группа Сахарова была вооружена штурмовыми винтовками, автоматами, фауст-патронами. Перед выступлением на фронт Власов на учебном полигоне к юго-востоку от Берлина обратился к группе с прощальной речью, в которой дал солдатам понять, что от них зависит дальнейшее существование РОА. Действительно, значение планируемой акции не ограничивалось чисто военными целями — это понимал и Гиммлер, занимавший теперь пост командующего группой армий „Висла“ и лично проследивший за подготовкой выступления ударной группы Сахарова. 6 февраля 1945 года он сообщил командующему 9-й армией генералу Буссе, что в район дивизии „Доберицъ“ следует „штабной караул“ генерала Власова, состоящий из „отборных солдат“, и приказал уведомить командующего армейским

корпусом С1 генерала Берлина и дивизионного командира полковника Хюбнера, что необходимо встретить русских „с особым вниманием и дружелюбием“ и вести с ними „очень умную политику“[346]. Так, нельзя подчинить их какому-либо немецкому подразделению, следует им самим предоставить выбор целей атаки и тактику боя. Никто и не думал идти против пожеланий Гиммлера, но полковник Сахаров сам с величайшей готовностью согласился на предложение командира корпуса принять участие в уничтожении советского плацдарма между Вриценом и Гюстебизе[347]. Обсуждение применения русских сил проходило в соответствующих немецких полковых и батальонных штабах в духе полного взаимопонимания. Согласно плану, ударная группа Сахарова ночью, под прикрытием темноты должна была войти в район местечек Ней-Левин, Карлсбизе и Керстенбрух, занятый советской 230-й стрелковой дивизией, в пять часов утра ворваться в эти селения, открыв стрельбу из всех видов оружия, и навязать бой советским солдатам (дав им при этом понять, что они имеют дело с русскими). Немецкий батальон получил задание прорваться при поддержке штурмовых орудий в брешь и сломить сопротивление противника.

Ход сражения 9 февраля 1945 года, в котором главную роль сыграла группа Сахарова, во многих отношениях представляет чрезвычайный интерес. Эта операция лишний раз продемонстрировала взаимную симпатию русских и немцев, которая не однажды проявлялась в „исключительном дружелюбии“ к немцам гражданского русского населения в глубоком тылу. Так, лишь благодаря тому, что власовцы вовремя заметили замаскированную батарею советских противотанковых пушек, готовых к бою, немецкие подразделения не стали жертвой кровавого побоища. Между прочим, в моральном отношении русские значительно превосходили измотанных немецких солдат: как отмечено в рапорте офицера штаба по национальным вспомогательным силам от 26 марта 1945 года, русские добровольцы группы армий „Висла“ в основном настроены оптимистично, группа характеризуется как надежная[348]. Уже при занятии исходных позиций русским бросилось в глаза подавленное настроение немецких „горе-вояк“. Лейтенант Высоцкий присутствовал при сцене, когда немецкий офицер гнал своих людей в бой, размахивая заряженным пистолетом. „Господи, до чего дошла немецкая армия“, — подумал он. А что стало с „немецкой пунктуальностью и порядком“, если батальон поддержки со штурмовыми орудиями появился на поле боя на час позже назначенного времени, а после начала атаки долго не было связи со штабом полка! Власовцы буквально проложили немцам

путь в Ней-Левин. Когда в течение дня левый фланг, несмотря на сильную артиллерийскую поддержку, был остановлен, русские, которых вожделенно ждали измученные и павшие духом немцы, были, с согласия Сахарова, использованы в качестве „кулака“. Власовцы добродушно шутили: „Ну что, фрицы, сами не справляетесь, помощи запросили?“ Немецкие солдаты не решались продвигаться вперед без РОА, и даже штурмовые орудия были спрятаны за домами. Рейхсминистр Геббельс писал 7 марта в своем дневнике, отмечая „выдающиеся достижения отрядов генерала Власова“:

Стыдно читать в донесениях офицеров этих отрядов о том, что немецкие солдаты произвели на них впечатление усталых и деморализованных, не желающих наступать на врага. Они без конца приставали к русским офицерам… с вопросом: „Как Советы обходятся с немецкими пленными?“[349]

Поведение русской боевой группы в бою под Вриценом вызвало всеобщее уважение. Еще находясь на поле боя, немецкие командиры выражали русским свою благодарность. Генерал Берлин лично явился вручить солдатам, по поручению Гиммлера, Железные кресты и другие награды. Вечером 9 февраля командование 9-й армии смогло доложить о взятии — после „ожесточенных наступательных боев против засевшего в укрепленных строениях и оказавшего упорное сопротивление врага“[350]- Ней-Левина и южной части Карлсбизе и Керстенбруха. Это был один из немногих успехов в те критические дни и недели на берлинском фронте. В сообщении группы армий „Висла“ верховному командованию сказано и о тех, кому принадлежит главная заслуга: „При взятии Ней-Левина отличилась группа власовской армии, проявившая высокие боевые качества и незаурядное мужество“. В печати также сообщалось об „образцовом мужестве“ и „высоком боевом искусстве“ власовцев, которые 12 часов подряд сражались „с фанатичной самоотверженностью и твердой верой в правоту своего дела“ и тем самым вдохновили „своих немецких соратников по оружию“[351]. Но особое впечатление произвели эти события на Гиммлера, который в тот же день через своего представителя в ставке фюрера, группенфюрера СС генерал-лейтенанта Ваффен-СС Фегелейна сообщил Гитлеру о положительном исходе акции[352]. Вряд ли Гитлеру было приятно узнать от рейхс-фюрера СС, олицетворения военного духа „арийской расы“, что „неполноценные“ русские проявили „невероятный наступательный порыв“ и „отчасти увлекли за собой этим порывом немецкие войска“.

Ради полноты картины приведем и советскую версию

событий. В книге „Они среди нас“, с подзаголовком „Сборник статей о предателях и изменниках Родины“, из очерка Ковалева „Дело Сахарова“ читатель узнает, что в группе Сахарова, состоявшей, как нам известно, из отобранных добровольцев, „часто“ заходили разговоры о переходе на сторону Красной армии и о том, чтобы повернуть оружие против немцев и тем „искупить свою вину“. За это Сахаров приказал расстрелять семерых солдат, а также майора Кезарева и капитана Подобеда (этих имен мы не обнаружили ни в одном источнике). Когда же группа на другой день вступила в бой с советскими танками, вся она была уничтожена „буквально за несколько минут“[353].

Генерал Власов, которого Гиммлер поздравил с успехом его „смелой и отважной боевой группы“[354], на заседании КОНР 27 февраля 1945 года в Карлсбаде сообщил членам Комитета об этом первом бое подразделения РОА с частями Красной армии. Члены Комитета с энтузиазмом встретили это сообщение. Стойкость и мужество власовцев, проявленные в трудных обстоятельствах, были расценены как пример нерушимой боевой морали, как свидетельство политической силы РОА. И это было вполне справедливо. Советские солдаты проявляли солидарность с соотечественниками из РОА : услышав русские призывы, красноармейцы несколько раз прекращали огонь, а некоторые прямо на поле боя перешли на сторону РОА[355]- причем, как подчеркнул Власов, происходило все это в тот момент, когда Сталин уже нисколько не сомневался в победе.

Успех под Вриценом заставил снова обратиться к мысли об использовании боевой мощи РОА для укрепления Восточного фронта, на котором положение было особенно угрожающим. 9 февраля 1945 года Гиммлер сообщал Гитлеру: „В настоящее время я буду больше применять эти русские подразделения“. С этой целью в группу армий „Висла“ были переброшены из Мюнзингена 10-й и 11-й истребительно-противотанковые дивизионы из состава 1-й дивизии РОА, а из дивизии „Доберитц“ — русские 13-й и 14-й истребительно-противотанковые дивизионы, которые присоединились к противотанковой бригаде „Россия“ под командованием подполковника Галкина![356]и вместе с несколькими немецкими бригадами были подчинены штабу новосформированной противотанковой дивизии „Висла“. Начальник штаба группы армий генерал-лейтенант Кинцель выдал бригаде боевые предписания на предстоящие бои в Берлине 16. Вооруженная штурмовыми винтовками и фаустпатронами и оснащенная грузовиками, русская противотанковая бригада стояла „в полной боевой готовности к применению в особо опасные моменты“ в районе Альт-Ландсберг

— Вернейхен, к востоку от Берлина, за „позицией Вотана“, параллельной Одеру линией обороны между Эберсвальде и фюрстенбергом[357]. Незадолго до начала крупной советской наступательной операции бригада была переброшена во Фридланд, куда к этому времени была стянута 1-я дивизия РОА.

Среди частей, брошенных на Восточный фронт, были также два батальона 1604-го пехотного полка (бывшего 714-го), входившего ранее в постоянно дислоцированную русскую 599-ю бригаду и переданного теперь РОА. 24 февраля 1945 года эти батальоны были переброшены из Дании в район группы армий „Висла“. В рамках 3-й танковой армии (корпус „Одер“) 1604-й полк был подчинен бригаде „Клоссек“ и 10 марта 1945 года под командованием полковника Сахарова выведен на участок фронта по обеим сторонам Гарца[358]. На учебном полигоне Креков под Штеттином началось формирование третьего батальона, так как бывший 3-й батальон 714-го полка был предоставлен в распоряжение 2-й дивизии РОА в Хейберге.

О действиях русского полка, принадлежавшего теперь власовской армии, на передовой в течение следующих четырех недель имеются разноречивые сведения. Согласно русским свидетельствам, полк одним своим присутствием оказывал столь сильное воздействие на сосредоточенные против него части Красной армии, что к власовцам ежедневно перебегали „десятки, если не сотни красноармейцев“ и через неделю в плен был взят „почти батальон“ советских солдат![359]. Но эта версия бездоказательна, так как за весь март 1945 года во всей группе армий „Висла“ зарегистрировано всего 410 пленных и 18 перебежчиков[360]. С другой стороны, однако, сомнительно и сообщение, будто на совещании у командующего 9-й армией 1 апреля 1945 года все высказывались о „русском формировании как о самом слабом“[361]. В ходе перегруппировок перед началом советского наступления группа армий с конца марта 1945 года готовилась к удалению с фронта румынского гренадерского полка Ваффен-СС, стоявшего к северу от Шведта, венгерского батальона, дислоцированного к северу от Гарца, а также русского пехотного полка, с тем чтобы присоединить его к 1-й дивизии РОА[362]. Заместитель начальника оперативного отдела генштаба ОКХ подполковник де Мезьер[363]

2 апреля 1945 года сообщал о настоятельном пожелании начальника генштаба генерала Кребса, сторонника власовского движения и бывшего заместителя военного атташе в Москве, провести запланированное в русском полку изъятие крайне необходимого немцам оружия очень осторожно и „с учетом политических соображений“.

3 апреля подполковник фон Гумбольдт получил от оперативного отдела сообщение о том, что роспуск русских запланирован „на послезавтра“[364]. Но еще 5 апреля, то есть в тот день, на который был назначен роспуск, полк Сахарова был единственным (если не считать знаменитую 1-ю дивизию морской пехоты), который раздобыл пленных, крайне нужных для получения сведений о начале советского наступления[365]. Этот факт ярко свидетельствует о необычайной силе духа русских солдат: ведь в то время добыть даже одного „языка“ было, как свидетельствует участник событий, „чрезвычайно трудно“[366]. К тому же 3-я танковая армия теперь не возражала против того, чтобы оставить полку по меньшей мере половину его вооружения. После того, как Главное управление СС и старший квартирмейстер группы армий согласились возместить вооружение командованию 3-й танковой армии, 1604-й пехотный полк был 9 апреля 1945 года выведен с фронта и со всем оружием передан дивизии Буняченко[367].

Назначенная на 2 марта 1945 года переброска 1-й дивизии РОА в район группы армий „Висла“ на Восточном фронте протекала не без осложнений. Еще и сегодня в рассказах русских свидетелей событий сквозит разочарование „очередным обманом“ немцев, обещавших формирование по меньшей мере трех дивизий, а теперь бросавших первую же боеспособную дивизию „в бессмысленное и бесцельное предприятие“[368]. Командир дивизии генерал-майор Буняченко заявил протест, не без оснований утверждая, что его дивизией можно распоряжаться лишь с согласия главнокомандующего РОА генерала Власова. Судя по воспоминаниям командира 2-го полка подполковника В. П. Артемьева, уже в Мюнзингене в дивизии втайне принимались свои меры: в частности, был сформирован батальон, вооруженный автоматическим оружием и противотанковыми средствами, а на командирском совещании обсуждался план вести дивизию на юг, к швейцарской границе, и там попытаться вступить в контакт с союзниками. Но в действительности все протекало гораздо спокойнее, хотя полковник Герре и говорит о „бурных“ сценах с Буняченко в дни перед выступлением на фронт[369].

Власов, вызванный из Карлсбада и приехавший 5 марта в Мюнзинген, не поддержал Буняченко, подтвердив приказ командующего резервной армией. Впрочем, как пишет Кромиади, сделал он это против собственной воли, потому что не хотел доводить дело до открытого разрыва и потому что видел, что у немцев „в полном смысле этого слова земля горела под ногами“[370]. По-видимому (так, во всяком случае, полагает Герре), Власов возлагал „надежды на то, что дивизия успешно

справится со своей задачей“, и рассчитывал, что готовность к формальному сотрудничеству даст ему возможность ускорить формирование Вооруженных сил РОА.

Приказ о переводе 1-й дивизии на фронт отдал Гиммлер, в тот момент командующий резервной армией, и отдал не потому, что, как с обидой утверждают русские, хотел использовать дивизию в качестве „пушечного мяса“ ради немецких целей, а из-за чрезвычайно тяжелого положения, предварительно проконсультировавшись с начальником штабов формирования и намереваясь поставить дивизии на поле боя ограниченную задачу, при выполнении которой она могла бы проявить свои истинные „достоинства“. В этой связи в весьма двусмысленном положении оказался начальник штабов формирования полковник Герре, которого русские по праву считали своим другом. Не исключено, конечно, что именно он невольно дал повод к применению 1-й дивизии РОА на фронте. Однако не кто иной как Герре 21 февраля 1945 года настоятельно отговаривал командование группы армий „Висла“ от преждевременного применения дивизии, подчеркивая при этом прежде всего политические последствия такого решения[371]. Перевод дивизии в тыл группы армий он считал целесообразным лишь после окончания формирования, не раньше 15 марта. Но его рекомендации проигнорировали и перевод назначили на первые дни марта, после комплектования материальной части, особенно с трудом раздобытых самоходных противотанковых орудий. Правда, заместитель начальника оперативного отдела подполковник де Мезьер указывал в своих донесениях, что процесс формирования подразделений еще не завершен и его следует довести до конца, прежде чем применять дивизию на фронте, в противном случае она окажется негодной для „сложных задач“, „для ответственного рейда“. Он предупреждал: „Если опыт не удастся и дивизия будет использована в неправильном месте, это может представить большую опасность также и в пропагандистском отношении“[372].

6 марта 1945 года 1-я дивизия РОА в походном порядке вышла из лагеря Мюнзинген, прошла через Донауверт — Нюрнберг в район Эрланген — Форххайм, ще ее, несмотря на недовольство русских, погрузили в поезда. 26 марта 1945 года последний из 34 поездов благополучно прибыл в группу армий „Висла“ в Либерозе[373]. В те последние недели войны, под непрерывными бомбежками, это было значительным достижением транспорта и „произвело сильное впечатление“ даже на Буняченко и всех русских командиров[374].

Неоднократно повторяемые возражения против

преждевременного и бесперспективного применения дивизии возымели свое действие. Командование группы армий решило использовать дивизию до достижения полной боевой готовности лишь в качестве охранного гарнизона в тыловом районе 3-й танковой армии. Сначала оперативный отдел генштаба ОКХ намеревался дислоцировать дивизию в Шорфхейде, затем в районе Пазевалька, но, поскольку Пазевальк был переполнен, первые прибывшие поезда 12 марта были направлены в район Анклам — Фридланд[375]. К этому времени командующий 3-й армией генерал фон Мантейфель составил план „решающего“ наступления крупными силами для уничтожения частей противника под Штеттином, с целью, во-первых, обеспечить работу гидроэлектростанции, а во-вторых, дать возможность восстановить движение судов между Свинемюнде и Штеттином. Командующий хотел, чтобы новоприбывшая русская дивизия тоже приняла участие в этой операции, назначенной на 20 марта 1945 года. Перед ней была поставлена задача — путем активных наступательных действий захватить и оборудовать в качестве опорного пункта плацдарм на восточном берегу Папенвассера между Кепицем и Штепеницем и обеспечить проход судов по Одеру у выхода в штеттинский порт[376]. Однако этому плану не суждено было осуществиться: 15 марта Гитлер отдал 3-й танковой армии приказ перейти в оборону. Все имевшиеся силы, в том числе и только что прибывшие части 1-й дивизии РОА, ввиду предстоящего советского наступления перебрасывались на юг, для усиления участка фронта 9-й армии под Берлином.

По решению Гитлера командованию 9-й армии предстояло возглавить сильный превентивный удар (кодовое обозначение „Оборона Берлина“, „Студия „ФФ“, „Бумеранг“) по силам 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова, продвигавшимся восточным берегом Одера между Франкфуртом и Кюстрином. Генерал Буссе намеревался неожиданно ударить по флангам советской 69-й армии, расширить франкфуртский плацдарм к югу и востоку и, повернув на север, атаковать вражеские позиции вплоть до линии Сепциг Гориц, захватив одновременно опасные плацдармы у Лебуса, Ретвейна и к югу от Кюстрина и лишить противника важных позиций для наступления в берлинском направлении. В этом плане определенное место предусматривалось и для 1-й дивизии РОА, хотя Буссе отводил ей „в силу ее особенностей“ лишь ограниченное участие и ставил перед ней второстепенную задачу[377]. По приказу о наступлении от 18 марта 1945 года ей предстояло взять Треттинские высоты перед северным фронтом немецкого плацдарма Франкфурт и, примкнув к дивизии поддержки и двигающимся к западу

мотопехотным дивизиям, прорваться на фронте до Ней-Лебуса. Командование армии рассчитывало на то, что появление „земляков“ из РОА произведет сильное впечатление на противника советский 61-й стрелковый корпус — и вызовет замешательство в его рядах. Тщательно подготовленная операция „Оборона Берлина“, которую должен был „всеми имеющимися в его распоряжении боевыми, истребительными и штурмовыми эскадрильями“ поддерживать 6-й воздушный флот, была проведена 27 марта 1945 года не в полном объеме, без участия русской дивизии. Завоевав первые несколько километров, немцы в итоге потерпели поражение.

После всех этих мытарств 1-я дивизия РОА по приказу командования группы армий была наконец стянута на учебном полигоне „Курмарк“ со штаб-квартирой в Грос-Мукрове и получила возможность завершить процесс формирования[378]. В монастырском лесу в районе Нейцелле, в 10 километрах к западу от одерского фронта, она немедленно приступила к развертыванию тыловой полосы обороны, уделяя особое внимание артиллерийской подготовке, определению простреливаемого пространства для орудий и гранатометов, а также противотанковой обороне[379]. У русских солдат завязались хорошие отношения с немецкой 391-й дивизией охраны. Русские командиры знакомились с особенностями участка фронта, совместные русско-немецкие разведывательные акции укрепляли чувство боевого братства.

Пока русские формирования в лесах Нейцелле и Даммендорфа готовились к обороне, командир немецкой группы связи майор Швеннингер установил контакт с 9-й армией, которой в тактическом отношении подчинялись власовские части, а также с группой армий, под руководством которой дивизия должна была начать боевые действия[380]. При этом возникли известные сложности. Генерал-полковник Хейнрици, ставший 20 марта командующим группой армий и, естественно, придававший первостепенное значение военным вопросам, счел весьма сомнительной формулировку, что дивизия сама по себе (то есть не в составе власовской армии) „при бесперспективности общего положения не готова принимать участие в бесперспективном бою, который неминуемо кончится поражением“. Он попросил Швеннингера передать эту фразу также и инициатору всей затеи Гиммлеру. Швеннингер обратился к обер-группенфюреру Бергеру, начальнику Главного управления СС. И только когда Бергер объяснил командующему 9-й армией политическое значение успешного выступления дивизии и лично поручился за нее[381], в командовании армии приступили к разработке плана по

применению дивизии в деле.

В начале апреля 1945 года на участке фронта 5-го горнопехотного корпуса СС, на котором находилась дивизия Буняченко, было два опасных — в свете предстоящего советского наступления — плацдарма: первый, более 12 километров в ширину и 6 километров в глубину, был оборудован в феврале к западу от Ауриха, между Франкфуртом и Фюрстенбергом, второй, значительно меньший, находился южнее, между Фюрстенбергом и Нейцелле, в так называемом 119-м укрепленном районе советской 33-й армии[382]. Как сообщает Швеннингер, „по зрелом размышлении“ генерал Буссе и начальник штаба армии полковник Хольц предложили ограниченную операцию по ликвидации меньшего из двух плацдармов „Эрленгоф“. Только здесь можно было надеяться добиться заметного военного успеха и оказать политическое воздействие на советских солдат, „придав всей операции пропагандистское значение“. Наступление же на укрепленный плацдарм западнее Ауриха, который удерживали четыре советские стрелковые дивизии (49-я, 222-я, 383-я и 323-я) и за который уже в течение нескольких недель шли ожесточенные бои, с самого начала представлялось совершенно бесперспективным.

В воспоминаниях непосредственных участников событий — командиров 1-го и 2-го полков подполковников А. Д. Архипова и В. П. Артемьева, а также наблюдателей (таких как начальник личной канцелярии Власова полковник Кромиади и адъютант генерала Мальцева старший лейтенант Плющев-Власенко) резко критикуется боевое задание, полученное в конце концов дивизией. По их мнению, преждевременное использование дивизии в бою противоречило обещанию немцев — мнимому или действительному. Этот аргумент кажется не очень убедительным, поскольку сам Власов подтвердил приказ о переводе дивизии на Восточный фронт от 5 марта 1945 года, тем самым одобрив применение дивизии на фронте. Но особенно эти авторы подчеркивают то обстоятельство, что дивизии намеренно было дано невыполнимое задание с целью погубить ее — так, во всяком случае, они считают[383]. Подполковник Архипов считает поставленную задачу — „отбросить красных между Франкфуртом и Фюрстенбергом на восточный берег Одера“ — „безумием“, подполковник Артемьев, отмечая крайне неблагоприятные условия боя и фланговый огонь с восточного берега Одера, называет наступление „нелепостью“. Полковник Кромиади и старший лейтенант Плющев-Власенко указывают, что дивизии был намеренно предоставлен один из „труднейших участков фронта“ между Франкфуртом и Фюрстенбергом. При этом во всех

свидетельствах и опирающихся на них описаниях Торвальда и Стеенберга, а также последовавших затем версиях советских авторов Тишкова и Титова признается, что 1-я дивизия РОА предприняла попытку наступления не на большой плацдарм под Аурихом, южнее Франкфурта, но на существенно меньший плацдарм „Эрленгоф“, расположенный к югу от фюрстен-берга, там, где Одер поворачивает на запад и где условия для боя были хотя и трудными, но все же более благоприятными, чем у Ауриха[384].

Да и командование русской дивизии отреагировало на приказ вовсе не так резко, как следует из послевоенных сообщений. Буняченко, не слишком склонный — по понятным причинам — к применению дивизии на Восточном фронте, тем не менее заявил о своей готовности выполнить приказ, как только его подтвердит главнокомандующий. Власов 8 апреля еще раз приехал в дивизию. Положение его было двойственно. С одной стороны, он мог рассчитывать, что его готовность пойти навстречу немцам в вопросе применения дивизии на фронте будет способствовать ускорению формирования других дивизий и прочих частей РОА. С другой стороны, ему крайне не хотелось подвергать опасности единственное боеспособное крупное формирование армии. В этих обстоятельствах Власов мог согласиться на применение 1-й дивизии на фронте только в том случае, если имелась гарантия, что участие дивизии в бою будет сопряжено с незначительными потерями и приведет к быстрому успеху[385]. Это предположение подтверждается и тем, что на последнем совещании КОНР 28 марта 1945 года в Карлсбаде было решено стянуть все части РОА в одном месте в районе австрийской Богемии. 15-й Казачий кавалерийский корпус тоже высказался за присоединение к силам РОА и выслал в качестве своего представителя к Власову генерал-майора Кононова. После подробных обсуждений дела с командующим группой армий генерал-полковником Хейнрици[386]в его штаб-квартире в Биркенхайне под Пренцлау и командующим 9-й армией генералом Буссе в штаб-квартире армии в Саарове на озере Шармютцель Власов наконец оставил все сомнения и скрепя сердце санкционировал приказ о наступлении. Он лично приказал Буня-ченко следовать отныне указаниям командующего 9-й армией[387]. Перед командирами 1-й дивизии он обосновал свое решение соображениями политического характера, выразив веру в силу воздействия РОА. По свидетельствам очевидцев, он сказал: „Война на Востоке будет выиграна, если 1-й русской дивизии удастся отбросить советские части хотя бы на пять километров“[388]. Обращаясь к солдатам 1-й дивизии, Власов призвал их стойко и мужественно сражаться за

Родину.

При разработке планов наступления дивизионное командование успешно сотрудничало с командованием армии, что полностью опровергает более поздние утверждения о „крупном разговоре“ и постоянном недоверии русских по отношению к немцам. Буняченко и его начальник штаба подполковник Николаев нашли у генерала Буссе и начальника штаба полковника Хольца „полное понимание особенностей этого случая“, и им даже „чисто формально“ оказывалось полное уважение как союзникам[389]. Как свидетельствует майор Швеннингер, в результате такой позиции дивизионное командование с интересом относилось к пожеланиям и распоряжениям немцев и стремилось „со своей стороны тоже создавать предпосылки для продолжения столь плодотворного сотрудничества“. Переводчик, предоставленный немецкой группой связи, отмечает в разговорах немецкого командующего армией и русского командира дивизии „совпадение мнений по вопросам тактики, доходящее порой до смешного… Бывало, пока он бился над переводом той или иной фразы, и немецкий, и русский генералы повторяли ему ход мыслей своего собеседника“.

Хотя плацдарм „Эрленгоф“ — около четырех километров шириной и максимум два километра глубиной — представлял собой чрезвычайно благоприятный объект для атаки, задача перед 1-й дивизией РОА была поставлена трудная. Гарнизон советского 119-го укрепленного района состоял из „молодых, хорошо обученных солдат“, и за два месяца они превратили плацдарм в неприступную с виду систему укреплений, защищенную гигантскими минными полями и проволочными заграждениями[390]. Кроме того, красноармейцы могли рассчитывать на поддержку „огромного числа артиллерийских орудий“ с возвышенного восточного берега Одера. Ввиду „явного превосходства противника, особенно в тяжелых орудиях“, всякая попытка проникнуть на плацдарм должна была неизбежно вызвать „ожесточенное сопротивление врага“. 1233-му фанен-юнкерскому полку под командованием подполковника фон Нотца, составленному из выпускников знаменитой офицерской школы в Потсдаме, удалось лишь окружить плацдарм, но не захватить его. Поэтому Буняченко считал, что успех операции будет зависеть от артиллерийской и воздушной поддержки. Он потребовал, в частности, „ураганной артподготовки“ с применением 28 тысяч снарядов (экстраординарное требование в условиях недостатка вооружения на этом этапе войны!)[391]. Он также поставил условие, что никакие немецкие войска не

принимают участия в атаке, успех — если он будет достигнут — должен безраздельно принадлежать РОА. К немалому удивлению некоторых немецких командиров, эти требования были приняты безоговорочно. Генерал Буссе и командование 9-й армии обещали русским „всю ту помощь, какую только может предоставить армия“, „артиллерийская поддержка“ была не только обещана, но и предоставлена, гарантирована была также воздушная поддержка. По воспоминаниям майора Швеннингера, обеспечение атаки „консультациями и артиллерийской поддержкой“ было проведено немецким командованием „хорошо“ или, как говорится в другом месте, „образцово“[392]. Подготовка и проведение атаки русской дивизии на советский плацдарм „Эрленгоф“ свидетельствуют, что, вопреки утверждениям командиров полков Архипова и Артемьева[393], немецкая сторона сделала все возможное для обеспечения успеха РОА.

На командном пункте передового батальона Буняченко подробно обсудил с командиром немецкого фанен-юнкерского полка тактические детали операции с учетом местных особенностей. Подполковник фон Нотц, приветливо встретивший офицеров дивизионного штаба и командиров РОА и угостивший их „обильным завтраком“, остался не самого высокого мнения о методах руководства у русских. Но Буняченко, заявивший ему, что террор и лживость режима на родине сделали его убежденным противником сталинизма, произвел на него впечатление энергичного и способного военачальника[394][395].

На основании опыта предшествовавших месяцев перед каждым фронтальным наступлением с запада войска сосредотачивались за пределами плоской и частично заболоченной поймы. На этот раз, напротив, сосредоточение планировалось на ближних подступах к противнику. План сражения был таков: двумя глубоко эшелонированными группами, усиленными саперными отрядами, с севера поддерживаемыми танками разведотряда, прорваться одновременно с севера и юга и смять плацдарм, в случае необходимости используя подкрепление. 1233-й фанен-юнкерский полк (391-я дивизия охраны), не участвовавший в атаке непосредственно, получил задание поддержать наступление власовцев, имитируя подготовку к атаке с целью отвлечения противника, а в случае успеха — сменить русские полки в районе отвоеванного плацдарма. Кроме русского артиллерийского полка под командованием подполковника Жуковского, в операции „Апрельский ветер“ — таково было ее кодовое наименование — должны были принять участие и другие артиллерийские силы: мортирная батарея, батарея дальнобойных орудий, 3-й дивизион

32-го артиллерийского полка СС и два тяжелых зенитных дивизиона. Таким образом, на небольшой площади планировалось сосредоточить мощный артогонь.

Операция была назначена на пятницу 13 апреля, на 5.15 утра. 12 апреля начальник штаба 9-й армии полковник Хольц сообщил план атаки в группу армий и оперативный отдел[396]. Вечером 12 апреля русские войска заняли исходные позиции; артиллерия, расположившаяся на взгорьях западнее Одера, начала осторожную пристрелку. Паролем в ту ночь для русских и немецких солдат были слова „Хайль Власов“.

В назначенное время, в 4.45 утра, за полчаса до атаки, русская и немецкая артиллерия открыла сильный огонь по противнику. На советские позиции на плацдарме и переправы обрушился „настоящий град снарядов“. Эта артподготовка, по воспоминаниям очевидцев, произвела „чрезвычайное впечатление“. Подполковник Нотц сообщает, что в тот день он в последний раз за всю войну видел столь сильный артиллерийский натиск немецкой стороны. После того, как огонь был перенесен вперед и артиллерия начала обстреливать позиции батарей противника, подступы и аналогичные цели на восточном берегу Одера, с севера в атаку двинулся усиленный 2-й полк под командованием подполковника Артемьева, а с юга — усиленный 3-й полк под командованием подполковника Александрова-Рыбцова. Дивизионный штаб и немецкая группа связи еще ночью перенесли командный пункт на взгорье на берегу Одера и теперь следили за ходом операции в стереотрубу. И русские, и немцы возлагали на операцию „большие надежды“[397]. Майор Швеннингер отчетливо вспоминает свое тогдашнее ощущение, что от исхода операции „Апрельский ветер“, в которой русские солдаты под русским командованием сражались против красноармейцев, „зависит дальнейшая судьба всего дела Власова и одновременно решается вопрос, существенно важный для Германии“. Когда поступили первые донесения об успехе и условными световыми сигналами было передано требование перенесения огня еще дальше, Буняченко, бросивший в бой все свои резервы и „боровшийся за всякую возможную поддержку“, был, по сообщениям Швеннингера, „очень напряжен и радостно взволнован“[398]?.

С первой атаки полкам РОА удалось прорваться сквозь линию советской обороны с севера и юга. К 8 часам было взято несколько советских ДОТов и опорных пунктов, отвоевано 500 метров земли. В перехваченных радиодонесениях противника сообщалось о „смертоносном“ воздействии артподготовки и серьезном положении на плацдарме[399]. В утреннем донесении

командования армии говорилось о том, что операция „Апрельский ветер“ развивается по плану, но упоминалось также об усилении сопротивления противника и массированном огне гранатометов по наблюдательным пунктам береговой артиллерии[400]. Чтобы предотвратить фланговый артиллерийский огонь с восточного берега Одера, утром началась обещанная „поддержка военно-воздушными силами“. 26 штурмовиков 4-й авиационной дивизии Люфтваффе, а также самолеты ВВС РОА с голубыми андреевскими крестами на крыльях попытались расчистить путь русской пехоте и саперам. Это были, по сообщению офицера связи армии, „малочисленные формирования“[401], но они представляли собой десятую часть всех воздушных сил, имевшихся в тот день на всем Восточном фронте. В дневных донесениях 9-й армии также подчеркивалось, что артиллерия и авиаформирования 4-й авиационной дивизии эффективно поддержали наступление русской дивизии[402]1.

Однако после первых успехов оба полка оказались под фланговым огнем противника, перед советскими полевыми фортификациями и „мощными проволочными заграждениями“, о которых их предупреждали немецкие командиры. Вторая атака полка Артемьева не удалась. Вероятно, только в этот момент и возникли разногласия между русскими и немцами.

Как уже упоминалось, Буняченко, вначале неохотно согласившийся на эту операцию, затем посвятил все силы планированию и подготовке атаки, очевидно, надеясь „прорваться“. Но когда продвижение русских замедлилось и в конце концов вовсе остановилось, „настроение его разом переменилось“. С этой минуты у него была только одна цель: прекратить операцию и вывести дивизию из боя. Как командир Буняченко проявил себя сильной и непокорной личностью. После провала операции „Апрельский ветер“ он неизменно сопротивлялся всем попыткам немцев „использовать целиком оснащенную и укомплектованную дивизию для укрепления фронта, трещавшего по всем швам“. Действуя силой, умом, а иной раз и хитростью, он сумел вывести с фронта свои части и, несмотря на все требования и угрозы немцев, повести 20 тысяч солдат в Богемию, на соединение с другими частями РОА. Чтобы избежать прямого неподчинения приказу, он пользовался методами, которые один немецкий источник определяет как „многообразные, интересные и часто типично русские“. Например, он предпочитал прибегнуть к нехитрой отговорке, нежели признать невыгодную ему правду[403]. Но сам факт того, что он сумел добиться своего и прошел с 1-й дивизией РОА несколько сотен километров до Праги, поразителен. В сложной

обстановке последних недель войны это было настоящим достижением. Именно в таких тонах — как о шедевре мастера — пишет о походе 1-й дивизии бывший командующий группой армий „Центр“ фельдмаршал Шернер, восхваляя также патриотизм строптивого русского генерала.

Но вернемся к операции „Апрельский ветер“. Между 8 и 10 часами утра командиры полков Артемьев и Александров-Рыбцов поняли, что продолжать атаку бессмысленно. После их донесения Буняченко приказал частям вернуться на исходные позиции, чтобы избежать уничтожительного флангового огня противника. Это отступление кое-где проходило довольно беспорядочно: подполковник Нотц, следивший в качестве наблюдателя за русскими штурмовыми группами, обнаружил на месте боя большое количество брошенного оружия, пулеметов, огнеметов и автоматов, принадлежавших нападавшим[404]. Дивизия получила разрешение вернуться в свой старый район расположения, но некоторые части, особенно артиллерия, должны были по приказу 9-й армии остаться на позиции перед плацдармом. А именно этого — раздробления своей армии — больше всего опасался Буняченко. Он немедленно заявил протест, сославшись на то, что в приказе Власова речь шла только об одной атаке. Он обратился к начальнику немецкой группы связи, прося содействия в отмене немецкого приказа и получении разрешения на безотлагательный поход всей дивизии в Богемию[405]. Пока майор Швеннингер связывался с армейским командованием, Буняченко самовольно приказал стоявшим на позиции частям, в том числе и артиллерийскому полку, отступать в район Грос-Мукрова, известив, впрочем, о своем решении соседние германские части, которые никак не могли понять, что происходит[406].

Такое неподчинение приказам перед лицом противника потрясло генерала Буссе и полковника Хольца, тем более что Буняченко под различными предлогами отказывался лично явиться в штаб-квартиру и объяснить свое поведение. До этого Буссе еще подумывал о том, чтобы перевести русских на фронт южнее Фюрстенберга и взамен получить немецкую дивизию для укрепления армейского корпуса С1, но сейчас он счел за благо избавиться от этой своенравной дивизии еще до начала советского наступления. В тот же вечер Хольц представил соответствующий запрос подполковнику де Мезье-ру из оперативного отдела, а начальнику генштаба ОКХ сообщили по телефону из штаба группы армий, что „в связи с некомпетентностью дивизии во время сегодняшней атаки и поступившими сведениями о недисциплинированности дивизии, предлагается разоружить ее и перевести в другой район“. После

этого вечером 13 апреля ОКХ отдало приказ об отходе дивизии на юг, в район Котбуса[407].

Атака 1-й дивизии РОА на плацдарм „Эрленгоф“ была одним из последних наступлений немецкой армии на всем Восточном фронте. Тут следует подчеркнуть два важных момента. Во-первых, эта атака готовилась совместно немцами и русскими и была осуществлена русскими при обеспечении максимально возможной поддержки немецкой стороны — в тот поздний час войны это был пример практической реализации немецко-русского братства по оружию. Во-вторых, даже в последние дни войны солдаты РОА под русским командованием вступали в вооруженную борьбу против советской системы и воевали мужественно и смело. Это признает даже советский автор Тишков, который пишет:

власовские части... дрались с упорством, которое придает человеку отчаяние. Таким образом, в потерях, понесенных Советской Армией в берлинской операции, есть доля вины и Власова[408].

Действительно, советские части, оборонявшие плацдарм, понесли большие потери, но и потери власовцев убитыми и ранеными все источники называют „значительными“[409]“. Подполковник фон Нотц, проникший на плацдарм с юга, сообщает, что видел „множество трупов с обеих сторон“.

Когда 1-я дивизия РОА в марте 1945 года прибыла на Одерский фронт, Буняченко был вынужден снять с постов начальника отдела пропаганды штаба дивизии капитана Нарейкиса и его заместителя старшего лейтенанта Апрельского и назначить начальником майора Боженко[410]. Основанием для этого решения послужило то, что оба офицера высказывались против участия в боях на Одере. Но по этому эпизоду нельзя судить о настроениях, царивших в дивизии, и о боеготовности этого первого крупного формирования РОА. Подполковник Артемьев позже писал:

На протяжении трех недель, когда дивизия находилась в 12 километрах от передовой линии фронта, в ходе боя и особенно в период напряженных отношений с немцами, когда с их стороны можно было ожидать самых жестоких и крайних контрмер, ни один солдат русской дивизии не перешел на советскую сторону, хотя для этого имелись все возможности. В тот период каждый скорее погиб бы, чем перебежал бы к большевикам.*[411]

Что касается „недисциплинированности“, о которой вечером 13 апреля доносили из группы армий начальнику генштаба ОКХ, то под этим определением подразумевалось нежелание Буняченко, ссылавшегося на статус союзника, следовать

приказам, которые могли бы привести к распаду его войск. А обвинение в „некомпетентности“ тоже отпадает, если вспомнить о том, что ведь и немецкие войска „после тяжелых, кровопролитных боев“ не достигли успеха, сумев только лишь помешать расширению плацдарма „Эрленгоф“. Кроме того, из-за местных особенностей объекта атаки и слишком тесной в пространственном отношении исходной позиции у дивизии не было возможности развернуться в полную силу. В дневнике боевых действий штаба ОКВ под 14 апреля отмечено, что, хотя атаки „примененных на нашей стороне русских сил“ не дали результата, они показали „готовность этих сил к наступлению“[412].

Глава 7.
Поход в Богемию

Сразу же после перевода 1-й дивизии из группы армий „Висла“ в группу армий „Центр“ возобновились попытки присоединить это боеспособное крупное соединение к обороняющемуся немецкому фронту. 13 апреля 1945 года в 21.30 был отдан приказ ОКХ о передислокации, а в 2 часа ночи Буиячеико через посыльного получил приказ группы армий „Центр“, согласно которому его дивизия передавалась в подчинение немецкой 275-й пехотной дивизии (5-й армейский корпус, 4-я танковая армия) и на нее возлагалась задача оборудования тыловых промежуточных позиций сразу за линией обороны немецкой дивизии. На утреннем совещании командиров 14 апреля Буняченко в присутствии вызванного сюда начальника немецкой группы связи Швеннингера назвал это распоряжение позором и оскорблением[413]. Он заявил, что будет придерживаться полученного ранее приказа ОКХ и что в любом случае дивизия двинется сначала в южном направлении и вечером расположится в районе Пайца, со штаб-квартирой севернее, в Шенхее[414]. Разумеется, гнев Буняченко никак не относился к майору Швениингеру, который пользовался исключительным доверием штаба дивизии (даже подполковник Артемьев, человек весьма своенравный, после войны писал о „большой помощи“, которую немецкий майор оказал русским) [415]. Буняченко резко возражал против подчинения своей дивизии, „привыкшей к совсем иному обращению“, немецкому командиру. По его требованию Швеннингер немедленно отправился в штаб 5-го армейского корпуса, но переубедить командующего и штаб ему не удалось. Лишь прибывший вскоре генерал-фельдмаршал Шернер, прислушавшись к доводам Швеннингера, что дивизия вряд ли сумеет развернуться во всю боевую мощь в районе 5-го корпуса, отменил приказ о подчинении русских 275-й пехотной дивизии, но принимать окончательное решение относительно русских отказался.

Буняченко же не замедлил воспользоваться полученной отсрочкой и предпринял собственные шаги. 15 апреля после совещания со своими командирами он поручил Швеннингеру сообщить в 5-й корпус, что „по зрелом размышлении“ он, Буняченко, пришел к выводу, что может выполнить либо приказ Власова, которому он подчиняется, либо немецкий приказ о походе на юг[416]. В подчинение же к немцам он перед тем

поступил лишь временно, при выполнении приказа об атаке южнее Фюрстенберга. Кроме того, Буняченко просил Швеннингера передать командующему, генералу Вегеру, что 1-я дивизия в полном составе сосредоточивается в районе Пайца:

Я нашел место, где мы будем ограждены от всех опасностей... благодаря лесу нас не смогут засечь с воздуха, а наша противотанковая оборона, штурмовые орудия и танки расположены так, что мы в состоянии отбиться от всяческих атак, в том числе и от прорыва вражеских танков.

Русские прекрасно понимали, что немцы расценят их поведение как мятеж. Начальник штаба подполковник Николаев был очень обеспокоен, как бы за это не пришлось отвечать лично Швеннингеру, и настоял на том, чтобы дать ему с собой рацию — для связи в случае необходимости с дивизионным штабом. „Мы вас тогда вытащим“, — сказал он немцу. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует, насколько сложны и запутаны были отношения в тот период: русская союзная дивизия была готова принять меры против немецких военных властей для освобождения начальника приданной ей немецкой группы связи, майора немецкого генштаба! Но когда утром 16 апреля Швеннингер прибыл на командный пункт 5-го корпуса, 1-й Украинский фронт маршала Конева как раз перешел в наступление в районе 4-й танковой армии между форстом и Мускау и добился первых прорывов. Тем не менее в дневнике боевых действий штаба ОКВ за тот день отмечалось, что ожидается прибытие „600-й (русс.) дивизии“[417]. Однако в такой обстановке командир корпуса никак не был заинтересован в концентрации в своем тылу сил, в надежности которых он мог сомневаться. Он попросил по телефону, чтобы группа армий разрешила дивизии двигаться дальше и, по словам Швеннингера, явно был не прочь „избавиться от этого непрошенного гостя“. Таким образом, только упорству Буняченко дивизия РОА обязана тем, что генерал-фельдмаршал Шернер и командование группы армий „Центр“ отказались от намерения бросить дивизию на опасный участок фронта к юго-востоку от Котбуса, тем самым обрекая ее на неминуемую гибель.

Конечно, разрешение на продолжение похода на юг не означало, что группа армий окончательно отказалась от мысли об использовании русской дивизии на фронте. Совсем наоборот — Буняченко еще не раз пришлось сопротивляться попыткам Шернера подключить русских к немецкому фронту обороны, причем он отнюдь не всегда сообщал начальнику немецкой группы связи свои истинные намерения. Едва ускользнув от 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, 1-я дивизия РОА в боевом порядке, обеспечивая защиту обращенных к врагу левых

флангов от неожиданных танковых атак, 16 апреля прибыла в Зенфтенберг, а 17 — в Хойерсверда[418]. Но вместо того, чтобы согласно последнему приказу группы армий отклониться резко на восток и занять оборонительную позицию у Козеля, северо-западнее Горлица, Буняченко продолжал идти в южном направлении и 18 апреля достиг Каменца. Командующий группы армий, казалось, смирился с этим самоуправством и не возражал против похода дивизии в Богемию, несмотря на указание фюрера от 1 февраля 1945 года, запрещающее перевод добровольцев славянского происхождения в протекторат во избежание возможного братания с чехами[419]. Однако генерал-фельдмаршал Шернер потребовал погрузить дивизию на железную дорогу в Радеберге, под Дрезденом. Это опять же никак не могло понравиться Буняченко, который еще в марте, перед походом дивизии на Одерский фронт, возражал против перевозок своей дивизии в поездах, опасаясь, что это отрицательно повлияет на сплоченность и боевой дух солдат. Поэтому, вступив 19 апреля в Радеберг и устроив штаб-квартиру в Уллесдорфе, он отказался провести погрузку под предлогом, что место посадки якобы находится под угрозой нападения противника. Вопреки приказу, дивизия отправилась на юго-запад и 22 апреля достигла Бад Шандау.

Здесь Шернер предпринял еще одну попытку отправить русских на восток, на фронт. 23 апреля он послал Буняченко приказ о занятии дивизией промежуточной позиции у Хайды, к северу от Богемского Лейпа. Приказ был отправлен в обход немецкой группы связи, через офицера связи майора Нейнера. (Майору Швеннингеру в группе армий больше не доверяли, упрекая в том, что он утратил независимость суждений и находится „под сильным влиянием“ Буняченко[420].) Буняченко сделал вид, что согласен, и заявил о готовности 24 апреля в 17.00 лично приехать в Хайду и встретиться с Шернером, чтобы тот ознакомил его с заданием. Но вместо него в назначенное время явился командир разведотряда майор Костенко и объяснил фельдмаршалу, который едва сдерживал раздражение, что генерал не смог приехать по техническим причинам: его машина попала в аварию. На самом деле Буняченко воспользовался этим временем для решительных действий, имевших серьезные последствия для дивизии. В ночь на 24 апреля его войска перешли мост через Эльбу в районе Бад Шандау. Выразительное описание этой переправы оставил нам подполковник Артемьев[421]. Мост уже был подготовлен к взрыву и занят немецкой группой саперов, которые отказывались пропустить дивизию. Не сумев уговорить немецкого офицера, Буняченко

попросил пропустить хотя бы раненых. Тот согласился. По узкому проходу на мост въехали машины с ранеными, вплотную за ними последовали танки, кавалерия и артиллерия, занявшая огневые позиции на противоположном берегу. В это время из группы армий „Центр“ прибыл офицер — выяснить положение и заставить дивизию повернуть назад. Пока подполковник Николаев вел с ним переговоры, колонны непрерывной чередой „в полном порядке и при соблюдении строжайшей дисциплины“ тянулись по мосту. Ранним утром 24 апреля 1-я дивизия РОА оказалась на западном берегу Эльбы — здесь до поры до времени ей были не страшны ни приближавшаяся Красная армия, ни притязания фельдмаршала Шернера. Буняченко, вероятно, пытался из Бад Шандау установить связь с американскими войсками, но эта попытка не увенчалась успехом[422]. Во всяком случае теперь, когда путь на запад был закрыт, дивизия двинулась по пригорьям Эльбы. В районе Шнее-берга, западнее Тетшен-Боденбаха, дивизия устроила двухдневный привал.

26 апреля дивизионный штаб получил радиосообщение о том, что на следующий день в штаб-квартиру в Шнееберге прибудет самолетом сам Шернер. Буняченко, чувствовавший себя в районе старой германо-чешской границы в относительной безопасности, подготовил немецкому командиру торжественную встречу. Такая любезность отчасти объяснялась тем, что запасы продовольствия и горючего в дивизии подходили к концу и их было необходимо срочно пополнить[423].

Утром 27 апреля в назначенное время офицеры штаба и почетный караул с оркестром были выстроены для встречи фельдмаршала, но вместо Шернера прибыл начальник штаба группы армий генерал-лейтенант фон Нацмер и под гром „труб и литавр“ вручил категорический приказ фельдмаршала о выступлении на фронт в районе Брюнна в Моравии[424]. Буняченко заявил, что согласен, однако вновь отказался грузить дивизию в поезда. Фон Нацмер не стал спорить. Он предложил дивизии двигаться прямо в тыл группы армий и распорядился о выдаче горючего и продуктов на неделю[425]. Казалось, договоренность была достигнута, все разногласия преодолены, оба генерала при прощании „заверили друг друга во взаимном уважении и расположении“. Но это была всего лишь видимость.

Начальнику своего штаба Буняченко сказал: „Идти за хлеб? Нет!“[426]Менее чем когда-либо он был расположен участвовать в боевых действиях на фронте, однако возразить открыто боялся, так как Нацмер был готов принять серьезные меры. Понимая, что он уже не один отвечает перед немецким командованием, он созвал своих командиров и каждого по очереди спросил о его

мнении — подчиняться немецкому приказу или нет. За исключением подполковника Архипова, все командиры полков — Артемьев, Александров-Рыбцов, Сахаров, Жуковский, Максаков, начальник штаба и командир разведотряда — высказались за то, чтобы, игнорируя немецкий приказ, продолжать поход на юг до запланированного воссоединения с остальными частями РОА. Принимая это решение, офицеры исходили из того, что всякое применение дивизии на фронте кончилось бы неминуемой гибелью формирования, а плен для русских солдат, в отличие от немецких, исключался. Подполковник Архипов, заявив, что он как старый солдат, естественно, подчинится любому приказу своего дивизионного командира, предложил все же последовать приказу немецкой группы армий, двинуться в боевом порядке на Брюнн и попытаться присоединиться в районе Праги к отступающим немецким войскам[427]. Но Буняченко был согласен с большинством своих командиров, и утром 28 апреля дивизия — вместо того, чтобы переправиться через Эльбу и идти в восточном направлении на Лейпа — Турнау, — повернула на юго-запад, в тот же вечер достигла Теплица — Шонау и 29 апреля расположилась в районе Лауни со штаб-квартирой в Козоедах[428].

Как отнесся фельдмаршал Шернер, привыкший к беспрекословному повиновению, к своеволию русского генерала, маневрировавшего в районе группы войск фельдмаршала и к тому же, по мнению Шернера, подчиненного ему? По сообщению Швеннингера, фельдмаршал заявил, что „русского“ (Буняченко) за неподчинение приказам следовало бы поставить к стенке и расстрелять, а на дивизию „направить эскадрилью бомбардировщиков и бомбить, пока они не запросят пощады“[429]. Генерал-лейтенант Нацмер таких высказываний не помнит. Сам Шернер признает, что „грозил строгими мерами“, так как дивизия „открыто саботировала“ его приказы и сознательно прибегала к тактике затягивания[430]. И все же он предпринял последнюю попытку достичь взаимопонимания. Сообщив предварительно о своем приезде по рации, он 29 апреля приземлился в Кланах, к югу от Лобозиц, и демонстративно явился в штаб-квартиру в Козоедах, как пишет Швеннингер, „прикинувшись простачком (с бутылкой водки и ящиком сигар“), чтобы выпытать у Буняченко, собирается тот воевать или нет. Беседа с командиром дивизии протекала с соблюдением всех формальных приличий, однако не привела ни к каким результатам: Буняченко не собирался связывать себя твердым обещанием и явно не желал вести дивизию на фронт. Хотя Шернер больше не выдвигал никаких возражений против выбранного Буняченко маршрута, разговор

настроил его на решительные меры. Впрочем, на такие меры, которые ему потом приписывались и которых опасались русские, у него уже не было достаточных средств.

Некоторые основания для принятия мер давало выпущенное 9 апреля 1945 года указание начальника генштаба ОКХ генерала Кребса, со ссылкой на решение Гитлера[431]. В случае появления явных признаков ненадежности „иностранных формирований“, независимо от их национальности (имелись в виду прежде всего венгерские войска), предусматривалось их разоружение, а затем использование в качестве стройбатов или групп по охране объектов либо придание солдат по отдельности и группами немецким частям для усиления пехотного состава. Но генерал-лейтенант фон Нацмер опровергает утверждения некоторых русских авторов, будто Шернер отдал приказ об уничтожении дивизии. Речь шла лишь о разоружении, что неизбежно привело бы к вооруженному конфликту, так как Буняченко, разумеется, не стал бы складывать оружие по доброй воле. 29 апреля командующий округом Рудных гор генерал-полковник Хот получил от Шернера задание совместно с командующим вермахта в Праге генералом Туссеном провести разоружение дивизии.

В эти критические дни Власов был в разъездах: до 20 апреля он находился по большей части в ставке КОНР в Карлсбаде, а после ее переезда в Фюссен — в различных районах Южной Германии, 25-27 апреля он останавливался в частях 2-й дивизии, вышедшей с учебного плаца в Хейберге на Линц, и в других частях РОА[432]. Судя по русским источникам, Буняченко в этот период не раз пытался установить с ним контакт, посылая к нему своих офицеров, но эти попытки не увенчались успехом, хотя, по мнению Швеннингера и других, секретная курьерская связь поддерживалась постоянно. Во всяком случае, 29 апреля, находясь в Бад Рейхенхалле, Власов узнал от генерала добровольческих соединений в ОКХ Кестринга о грозящем конфликте и в ночь с 29 на 30 апреля в сопровождении обер-фюрера доктора Крёгера отправился в штаб-квартиру группы армий „Центр“ в Йозефштадте, к северу от Кенигграца[433]. Власов в тот момент был болен, температурил, тем не менее и генерал-лейтенант фон Нацмер, и сам Шернер, прибывший вечером, вспоминают о „прекрасном впечатлении“, которое произвел на них командующий РОА[434]. Шернер был покорен силой личности Власова и тем, что тот все еще „строил планы и выдвигал какие-то задачи“, в то время как немецкая сторона уже полностью примирилась со своим поражением. Только при этой встрече фельдмаршал начал понимать сущность Освободительной армии. Во всяком случае, долгая беседа кончилась

„примирением“, и Шернер отменил все свои приказы. Группа армий отказалась от попыток отправить 1-ю дивизию на фронт и больше не препятствовала ее походу на юг. Как пишет фон Нацмер, „мы ограничились поверхностным наблюдением за этим походом“. Шернер после войны говорил полковнику Кромиади:

Пока я не узнал подробности о власовской дивизии, я не уничтожил ее только потому, что у меня не было авиации, а когда узнал, в чем дело, то предпочел закрыть глаза на то, что делал Буняченко[435].

Командующий округом Рудных гор, по-видимому, не знал о том, что вечером 30 апреля события приняли новый оборот[436]. Генерал-полковник Хот, предвидя бунт в дивизии, был очень удручен перспективой, как он выразился, „гражданской войны, братоубийства“ и, чтобы воспрепятствовать этому, попросил находившегося поблизости и хорошо знакомого русским по его деятельности в Дабендорфе старшего лейтенанта барона фон Клейста отправиться парламентером к Буняченко и попробовать вступить с ним в переговоры[437]. Ранним утром 2 мая Клейст явился в штаб-квартиру в Козоедах, навстречу ему вышел командир дивизии „в короткой ночной рубашке, с накинутой сверху новехонькой немецкой генеральской шинелью“ и заявил ему, что дивизия постарается во время похода избегать каких бы то ни было столкновений и будет воевать только в том случае, если на нее нападут, но зато тогда уж будет воевать в полную силу. Власов по дороге из Йозефштадта в Козоеды заехал на командный пункт к Хоту и сообщил ему о договоренности с Шернером. Тем самым опасность вооруженного столкновения была снята, к вящему удовлетворению Хота, у которого не хватало людей для проведения разоружения дивизии.

В дни пребывания в районе Козоед с 29 апреля до 4 мая в жизни дивизии наметился коренной перелом. За кулисами, незаметно для немцев начали разворачиваться какие-то события, смысл которых стал ясен лишь через несколько дней. Пока же было очевидно, что в отношениях между союзниками появилась трещина и дивизия охвачена беспокойством. Причина выяснилась лишь через несколько дней.

Глава 8.
РОА и Пражское восстание

Марш 1-й дивизии РОА с Одерского фронта в Богемию отвечал плану, разработанному на последнем заседании президиума КОНР 28 марта 1945 года в Карлсбаде[438]. Тогда было решено стянуть все части РОА в одном пункте в районе Альп и там соединиться с 15-м Казачьим кавалерийским корпусом, формально тоже подчиненным Власову. Руководители РОА надеялись таким образом продемонстрировать силу и мощность армии и привлечь политический интерес западных держав, которые пока относились к власовской армии весьма прохладно. На случай, если бы в обозримом будущем не произошло ожидаемого разрыва союзнической коалиции, предполагалось присоединиться к отрядам четников бывшего военного министра югославского королевского правительства в изгнании Драга Михайловича и продолжать борьбу в горах Балкан до изменения общей обстановки[439]. Обсуждался в КОНР также и весьма авантюрный с виду план — пробиться к Украинской повстанческой армии (УПА), которая до сих пор представляла собой значительную силу в тылу у советской армии[440]. Подходящим местом для соединения армии казался сначала Инсбрук, так как оттуда можно было в любую минуту уйти через альпийский переход Бреннер на юг[441]. Власов думал также и о Зальцбурге, но потом он оставил мысль об объединении своих войск в районе „альпийского укрепления“, предпочитая держаться подальше от эсэсовских „янычар“, которые, как он предполагал, там находились. Во второй половине апреля, когда южная группа РОА (армейский штаб, офицерская школа, 2-я дивизия, запасная бригада и другие части) вышла в поход, а обширные области Южной Германии уже были заняты американскими и французскими войсками, единственным местом для сосредоточения армии оставался лишь район между Будвайсом и Линцем, „богемские леса“[442]. Части РОА начали постепенно прибывать туда, но в это время северной группе (1-я дивизия) представилась возможность, не предусмотренная первоначальным планом, — присоединиться к национальному чешскому восстанию, которое как раз разгоралось в той области, куда вступили русские войска. Руководство 1-й дивизии далеко не сразу решилось на этот шаг, понимая, что чешское национальное восстание плохо организовано и плохо вооружено, а главное — внутри него нет политического единства[443]. Только

коммунистические группировки, в которых находились сброшенные на парашютах советские агенты, четко представляли себе свои цели: они стремились не просто к национальному освобождению, но и к радикальным социальным переменам. Именно поэтому Буняченко весьма осторожно отнесся к попыткам сближения, предпринятым представителями местных партизан[444]. Начальник управления безопасности КОНР подполковник Тензоров, в конце апреля встретившийся в сопровождении группы вооруженных солдат РОА в местечке Лани с чешскими офицерами (которые на самом деле были переодетыми советскими агентами), немедленно отклонил все предложения о совместных действиях РОА и Красной армии. А командир полка 1-й дивизии отказался встретиться с офицером Красной армии, который находился у чешских партизан[445]. Точки соприкосновения могли возникнуть только после формирования в Праге 30 апреля национального чешского руководства восстанием — группы „Алекс“ под командованием генерала Слунечко, опиравшейся в основном на соединения правительственных войск, жандармерии, полиции и т.п. и представлявшей собой военную единицу, родственную РОА. В это время была также организована военная группа „Бартош“, взявшая на себя фактически военное командование восстанием. Командиром „Бартоша“ был генерал Кутлвашр, а начальником штаба — подполковник Бюргер. Когда делегация этой группы появилась в Козоедах, где стояла 1-я дивизия (по-видимому, это случилось 2 мая[446]), с предложением принять участие в предстоящем антинемецком восстании, многим показалось, что это выход из безнадежного положения. Подполковник Артемьев пишет:

Поздним вечером в дивизию прибыла делегация чешских офицеров, отрекомендовавшихся представителями штаба восстания. Делегаты заявили, что в Праге готовится восстание, которое нуждается в помощи и поддержке. Откладывать восстание нельзя, потому что немцы могут узнать о нем и тогда оно обречено на провал. Они надеются единственно на власовскую армию и безоговорочную поддержку „власовцев“. „Чешский народ, — сказали они, никогда не забудет, что вы помогли нам в трудный час“*.

На совещании, созванном Буняченко, все командиры полков и прочие офицеры дивизии, в том числе и начальник штаба подполковник. Николаев, высказались за помощь восставшим и за союз с чехами. Исключение снова составил командир 1-го полка подполковник Архипов-Гордеев. Много лет спустя он писал полковнику Позднякову: „Еще раз напоминаю Вам, что я был

против похода на Прагу и высказал это на военном совете незадолго до похода"*[447].

Участие дивизии в чешском восстании, за которое однозначно высказался Буняченко, означало открытый разрыв с немцами и нарушение решения КОНР от 28 марта 1945 года. Какую же позицию занял в этом вопросе Власов? Главнокомандующий, более всех в РОА ратовавший за союз с немцами, и на сей раз, похоже, не отступил от своей политической линии. Оберфюрер Крёгер, бывший последние полгода немецким представителем у Власова и его доверенным лицом, характеризует генерала как человека, „которому были отвратительны всякий обман и предательство“, который обладал „прямым характером“ и „упорно шел к цели, не прибегая к обходным маневрам или каким-либо интригам — словом, был настоящим солдатом“ 11. Кроме того, важную роль, вероятно, сыграло тут и неверие Власова в успех Пражского восстания.

Еще 16 апреля 1945 года Сергей Фрелих связался по поручению Власова с чешским генералом Клецандой на предмет выяснения возможностей союза с чешским национальным движением до прихода американских войск 1[448]. Теоретически такая комбинация представлялась вполне реальной, поскольку (и это признает даже коммунистический чешский автор Бартошек) „как немецкие фашисты, так и державы антигитлеровской коалиции (США и Англия) и силы в Чехословакии, причислявшие себя якобы к антифашистскому фронту,“ — все хотели, чтобы Прагу заняли американцы[449]. Однако в начале мая подобные предположения потеряли всякий смысл[450]. Даже сам генерал Клецанда считал план бесперспективным. Зная психологию западных правительств, он не надеялся на их поддержку и, кроме того, считал, что большая часть населения Чехословакии по крайней мере поначалу приветствовала бы советские войска как освободителей. Поэтому никаких возможностей для совместных действий с Власовым он не видел.

Все это заставило Власова отказаться от мысли о временном союзе с чехами, и теперь он никак не мог согласиться с Буняченко, рисовавшим ему радужные перспективы: чешское национальное антикоммунистическое правительство предоставит дивизии политическое убежище и непременно добьется признания западных держав, у которых тогда просто не останется другого выхода, как терпеть Русское освободительное движение[451]. Для Власова важней всего была позиция американцев, с которыми, по его мнению, следовало вступить в прямые переговоры, без всяких обходных путей. К тому же ему явно не хотелось наносить удар в спину немцам, и не потому, что

он питал к ним симпатию, но скорее всего просто из нежелания взваливать на себя осложнения, связанные с переменой фронта. Очевидно, он до последней минуты рассчитывал на возможность совместного выступления западных союзников с немцами против наступающей советской армии[452]. И вполне вероятно, что не он один думал об этом. Стоит вспомнить хотя бы о тайных мероприятиях, проводимых весной и летом 1945 года английским правительством и командующим 21-й группой армий фельдмаршалом Монтгомери[453]. Впрочем, возможно, что главным фактором, определившим позицию Власова, было его глубокое разочарование, и это само по себе очень важно[454]. Так, по одной из версий, Власов ушел с военного совета 1-й дивизии РОА со словами: „Если мои приказы больше не являются для вас обязательными, то мне здесь нечего делать“*[455]. Согласно другим источникам, его слова были не столь резкими. Во всяком случае, он был против пражской акции и, как свидетельствует немецкий адъютант генерала Ашенбреннера старший лейтенант Бушман, его угнетала перспектива военных действий против немцев[456]. Тем не менее, не давая Буняченко официального согласия, он в конце концов предоставил командиру 1-й дивизии полную свободу действий[457]. По мнению доктора Крёгера, в этой отчаянной ситуации генерал решил не вмешиваться, чтобы не мешать последней, пусть даже во многом иллюзорной, возможности спасения. Измученный болезнью, Власов поселился в небольшом замке западнее Праги и оттуда по донесениям следил за ходом событий[458].

Утром 4 мая дивизия, с полком Сахарова в арьергарде, продолжила свой марш в юго-восточном направлении. Вечером, пройдя через реку Бероунку, она достигла окрестностей Сухомасти, где расположился дивизионный штаб. На следующее утро в результате переговоров между руководством дивизии и офицерской делегацией группы „Бартош“ (по-видимому, во главе с майором Машеком) было подписано соглашение о помощи[459]. К сожалению, подлинник этого важного документа утерян, но его содержание в основном поддается реконструкции. Начальник штаба дивизии подполковник Николаев передал документ майору Швеннингеру, перевел и объяснил отдельные пункты[460]. Как после войны вспоминал Швеннингер, это было соглашение русских и чехов о совместной борьбе против „нацизма и большевизма“. В таком же тоне были написаны и листовки на чешском и русском языках, в которых дивизия при вступлении в Прагу призывала „чешских и русских братьев“ к борьбе как против „национал-социалистической Германии“, так и против „большевизма“[461]. Идея борьбы против „большевиков и немцев“

находит отражение также в рапорте, поданном в группу „Бартош“ 6 мая в 0.44 часов чешским полковником, комендантом города Требон, о переговорах, по-видимому, с командиром 2-й дивизии РОА генерал-майором Зверевым[462]. На этом моменте стоит остановиться, потому что советские источники пытаются создать впечатление, будто только отдельные неорганизованные группы власовцев, на свой страх и риск и вопреки приказу командиров, начали борьбу против „немецких оккупантов“, надеясь „оправдаться в своих преступлениях против человечества“ и тем самым хотя бы отчасти заслужить прощение советской власти[463]. В действительности речь идет отнюдь не об отдельных группах: на основании русско-чешского военного соглашения от 5 мая 1945 г. в пражском восстании приняла участие вся 1-я дивизия РОА. Выступление против немцев никак не изменило антибольшевистских настроений русских солдат и отнюдь не означало разгула враждебности по отношению к немцам. Для командования дивизии речь шла лишь о решении, связанном с определенной политической ситуацией, что не оставляло места для каких-либо эмоций против бывших союзников.

Во избежание конфликтов с мирным населением и местными властями Буняченко издал строгие приказы, еще когда дивизия находилась в Германии[464]. Нарушения, связанные с воровством, и прочие мелкие проступки разбирались офицерами на месте, и потерпевшим щедро возмещались понесенные убытки. В более серьезных случаях полагались строгие наказания. Так, военный суд дивизии, приговорил к смертной казни за грабежи и мародерство по меньшей мере одного солдата, который сразу после вынесения приговора был расстрелян перед строем, чтобы, как заявил Буняченко, все видели в РОА высокодисциплинированную армию, чтобы никому, „в том числе и нашим врагам, не давать повода упрекнуть нас. В этом наша честь и наше спасение“. Хотя, по наблюдениям майора Швеннинге-ра, офицеры до самого конца „крепко держали в руках“ своих людей[465], после вступления в Богемию в дивизии наметился некоторый спад и ухудшение дисциплины. Солдаты завязывали теплые отношения с чехами и вскоре почувствовали себя хозяевами в области. Случаи нарушения дисциплины участились: русские начали мешать военным передвижениям, доходило даже до столкновений солдат РОА с немецкими органами инспекции и служащими вермахта[466]. Есть сведения о разграблении военных складов. В одном месте солдаты наткнулись на запас метилового спирта для двигателей реактивных самолетов: в результате многие умерли или тяжело

заболели. Серьезное столкновение между русскими и немцами случилось 2 мая 1945 года, когда штаб-квартира дивизии находилась еще в Козоедах. В соседнем городке Лоуни два офицера — лейтенант Семенов, недавний адъютант командира дивизии, сын советского генерала, и старший лейтенант Высоцкий — в поисках бензина на вокзале начали по собственному почину проверять документы солдат в эшелоне и отбирать у них оружие. В результате завязалась беспорядочная перестрелка, погибло шесть русских, в том числе и Семенов, и четыре немца, многие были ранены. Русские и немецкие участники инцидента были доставлены в штаб дивизии, и Власов немедленно приказал провести расследование, в ходе которого была неопровержимо доказана вина русских, в первую очередь Семенова. Власов, по сведениям многих источников, был крайне возмущен поведением своих солдат[467]. Высоцкого спасло от ареста лишь то, что генерал знал его еще со времен его службы в личной охране Власова, да еще то, что Высоцкий отличился при наступлении в феврале 1945 года у Ней-Левина. Немцев, среди которых было несколько офицеров, по приказу Власова тут же отпустили, дав им надежную охрану. Но этим конфликт не кончился: власовцы, решив отомстить, застрелили позднее несколько солдат и офицера из этой части, никак не связанных с эпизодом на вокзале.

Тем не менее перемена фронта, решение о которой было принято 5 мая, была осуществлена, по желанию руководства дивизии, без излишней резкости. Об этом можно судить по отношениям с немецкой группой связи. Утром 5 мая майора Швеннингера встретили в штабе дивизии с тем же радушием, что и всегда. Правда, офицер разведки капитан Ольховник потребовал, чтобы немецкий майор сдал оружие, но при этом передал извинения командира дивизии[468]. Начальник штаба подполковник Николаев счел своим долгом немедленно со всей точностью и прямотой сообщить Швеннингеру о случившемся. Он разъяснил майору, что ввиду надвигающегося крушения рейха они больше не могут связывать свои надежды с немцами, а с другой стороны, им никак нельзя „попасть в руки Советам“, и поэтому единственный выход для них — это пойти навстречу просьбе представителей чешского национального движения о помощи, в надежде получить политическое убежище в новой Чехословакии. Перед офицерами группы связи был поставлен выбор:

либо чехи немедленно переправят их в Германию, либо они могут и дальше оставаться в дивизии на положении пленных. При этом Буняченко просил передать Швеннингеру, что, если тот

останется в дивизии, генерал и впредь будет с благодарностью прислушиваться к его советам. Швеннингер и его штаб доверяли Николаеву больше, чем чехам, и предпочли остаться с дивизией, однако другие немцы были немедленно вывезены чехами и на следующий день оказались в Германии.

Утром 5 мая, когда русско-чешские переговоры успешно завершились, в Праге спонтанно началось восстание против немецких оккупационных властей. Хотя в тот момент немцы уже сами решили отказаться от власти в протекторатах Богемия и Моравия, восстание могло, в случае успеха, отрезать путь к отступлению на запад расположенных восточнее Праги сил группы армий „Центр“. Уже в первый час повстанцам, среди которых было немало сброда, удалось овладеть половиной города, и они жестоко расправлялись с мирным населением и пленными[469]. Но стоящие в окрестностях Праги хорошо вооруженные немецкие части утром б мая перешли в наступление и в течение дня сильно потеснили повстанцев. 5 мая 1-я дивизия РОА вышла из района Бероун — Сухомасти несколькими колоннами к Праге. Им предстояло пройти 50 километров. Днем разведотряд под командованием майора Костенко был послан в район к юго-западу от Праги. За ним на правом фланге следовал 1-й полк под командованием подполковника Архипова, прорвавшийся через Литтен — Корно к Радотину, к юго-востоку от города[470]. На левом фланге вдоль шоссе Бероун — Прага двигался 3-й полк под командованием подполковника Александрова-Рыбцова и 4-й полк под командованием полковника Сахарова, а в центре по шоссе Сухомасти — Корно — Будняны — Моржина — Кухарж — Ржепорие Йинонице шел 2-й полк под командованием подполковника Артемьева и дивизионные части и подразделения. Дивизионный штаб 5 мая находился в Бутовице, а с 6 мая до конца пражской операции — в пригороде Йинонице. Вечером 5 мая русские войска вошли в город. С запада в Прагу ворвался колесный взвод 2-го полка под командованием лейтенанта Золина[471], а разведотряд с юго-запада достиг Радотина и двигался дальше по берегу Влтавы к Збраславу (Кенигзаал). Жители Праги встретили власовцев как освободителей[472]. В ночь на б мая дивизионный штаб и представители группы „Бартош“ распределили цели атаки в Праге. Поскольку солдаты 1-й дивизии были в немецкой форме, их решили снабдить трехцветными — бело-сине-красными — флагами.

Бои 1-й дивизии в Праге начались днем 6 мая атакой на аэродром Рузине, находившийся к северо-западу от города. На этом самом крупном из пражских аэродромов в то время

располагалась 6-я боевая эскадрилья, боевое формирование под названием Хогебак, усиленное звеньями нескольких истребительных эскадрилий с реактивными истребителями типа Ме-262[473]. Немецкое командование пока еще рассчитывало удержать за собой аэродром и прилегающую территорию с казармами, а группа „Бартош“ придавала захвату Рузине особое значение — во-первых, чтобы исключить возможность использования аэродрома немцами для операций Люфтваффе, а во-вторых, чтобы дать возможность для посадки самолетам западных держав, на помощь которых все еще рассчитывали повстанцы. Генерал-майор Буняченко пошел навстречу пожеланиям чехов: утром 6 мая 3-й полк под командованием подполковника Александрова-Рыбцова свернул с шоссе Бероун — Прага на север, в направлении Храштаны — Собин — Гостивице.

Боям за аэродром предшествовали несколько попыток переговоров, оставшиеся, однако, безрезультатными и приведшие даже к трагическим последствиям. Находясь на подступах к аэродрому, 1-й полк вступил через парламентера в контакт со штабом эскадрильи: по немецким источникам — с целью договориться о перемирии, по русским (которые, кажется, ближе к истине) — чтобы добиться немедленной сдачи аэродрома. После безуспешных переговоров только что приземлившийся в Рузине начальник штаба 8-го авиакорпуса полковник Зорге, бывший начальник штаба при генерал-лейтенанте Ашенбреннере, вызвался лично отправиться к власов-ским войскам[474], по-видимому, полагая, что вчерашние союзники стали врагами в силу недоразумения, тем более что, как ему было известно, все войска РОА должны были соединиться у Будвайса. Заявив, что Власов — его лучший друг и что он уладит все дело за несколько минут, Зорге распорядился предоставить ему машину. Однако вскоре после отъезда Зорге его адъютант капитан Кольхунд вернулся один с ультиматумом: если аэродром не капитулирует в ближайшее время — власовцы расстреляют полковника. И солдаты РОА выполнили свое обещание: Зорге, немало сделавший для создания ВВС РОА и достижения взаимопонимания между русскими и немцами, был расстрелян. Этот эпизод можно сравнить с не менее трагической историей убийства капитана Гавринского немецкими солдатами на вокзале в Нюрнберге. Однако детали этого дела остались невыясненными[475].

Тем временем на немецкой стороне начал действовать командующий 8-м авиакорпусом генерал Зейдеман, которому подчинялась 6-я эскадрилья (боевое формирование Хогебак). 6 мая Зейдеман приказал адъютанту генерал-лейтенанта

Ашенбреннера старшему лейтенанту Бушману, который находился в частях первого авиаполка РОА, ушедших из Немецкого Брода, выяснить „недоразумение“ с власовскими частями. После безуспешной попытки встретиться с Власовым Бушман перелетел на самолете „Физель Шторх“ в район южнее Рузине, но там самолет сбили части 3-го полка, и Бушман был ранен, не выполнив задания. По распоряжению Александрова-Рыбцова, его в бессознательном состоянии доставили в дивизионный лазарет в Йинонице, где он пробыл до конца пражской операции. Это был тот самый летчик, который еще два дня назад предлагал переправить Власова в Испанию, и русские при отступлении не бросили его на произвол судьбы, а взяли с собой в санитарной машине[476].

Воздушная разведка заблаговременно сообщила немцам о вступлении „всей власовской армии по нескольким шоссе в район Прага — Рузине“. Когда попытки переговоров провалились и передовые отряды „прекрасно вооруженных и оснащенных власовских частей“ уже вели бои с немцами, штаб эскадрильи принял решение неожиданно напасть на русские колонны всеми имевшимися в распоряжении самолетами Ме-262 и расстрелять их с бреющего полета. Эта атака остановила батальоны 3-го полка, танки которых безуспешно пытались прорваться на взлетно-посадочную полосу и которые затем начали обстрел аэродрома из гранатометов и тяжелых пехотных орудий, не решаясь двигаться дальше. Но к тому моменту аэродром утратил свое значение для немцев. Боеспособные немецкие машины были переведены в Заац, а немецкие экипажи на следующее утро прорвались через русское кольцо окружения. Однако аэродромом 3-й полк РОА овладел лишь после многочасовой перестрелки с опытным арьергардом Ваффен-СС.

В это время разведотряд под командованием майора Костенко находился еще в районе Радотин — Збраслав, фронтом на юг. Утром 6 мая в штабе дивизии в Йинонице шло совещание командиров. В 10 часов командир отдела разведотряда сообщил по радио, что его теснят части Ваффен-СС с шестью танками „Тигр“ и он отходит вниз по Влтаве в направлении пражского пригорода Смихов[477]. Буняченко немедленно приказал Архипову, командиру 1-го полка, идущего из Корно, отправляться на выручку Костенко. В результате неожиданной атаки 1-го полка немецкая боевая группа „Молдауталь“ (части дивизии СС „Валленштейн“), занявшая берег Влтавы между Збраславом и Хухле, была днем отброшена к югу на другой берег[478]. Подполковник Архипов, полк которого пробился через Смихов в район мостов Ирашека и Палацкого, до вечера оставил для

охраны мостов через Влтаву роту с противотанковой пушкой. 6 мая 1945 года, около 23 часов, основные силы 1-й дивизии РОА заняли линию Рузине — Бржевнов — Смихов — берег Влтавы — Хухле. 1-й полк находился в районе между Смиховым и мостами через Влтаву, 2-й полк — у Хухле — Сливенеца, 3-й полк — у Рузине — Бржевнова, 4-й полк и разведотряд — в Смихове и к северу от него. Артиллерийский полк занял огневые позиции на Цлиховских высотах, оборудовав передовые наблюдательные пункты.

Как развивались в эти дни отношения между русскими и чехами? Этот вопрос имеет решающее значение для оценки пражской операции. Основой для участия 1-й дивизии РОА в Пражском восстании послужило русско-чешское военное соглашение, подписанное в Сухомасти 5 мая. Даже просоветские авторы признают, что власов-ские войска вошли в столицу „по инициативе и по просьбе чехословацких офицеров и офицерских групп в Праге и провинциях“ и что при них находились полномочные чехословацкие офицеры связи[479]. Но после захвата Праги советскими войсками группа „Бартош“, заключившая соглашение с Буняченко, ухитрилась исказить этот очевидный факт. 11 мая 1945 г. генерал Кутлвашр письменно заявил „командованию Красной армии в Праге“, что РОА вмешалась в восстание „по собственной инициативе“ и по наущению чешских офицеров, находившихся в районе дислокации дивизии, но отнюдь не на основании решения группы „Бартош“. Имеются, однако, неопровержимые доказательства тесного сотрудничества чешской группы с командованием русской дивизии[480]. Так, 6 мая в 5.30 часов „Бартош“ приказал генералу Фишеру, находившемуся в Кладно, немедленно „вместе с власовцами“ пробиться с запада на Прагу и прежде всего в ускоренном темпе занять район Рузине с аэродромом. Через двадцать минут, в 5.50, пражское радио, которым овладели повстанцы, впервые обратилось к „офицерам и солдатам власовской армии“ с просьбой о помощи. Потом эти обращения повторялись несколько раз. Капитан Рендль, комендант летней резиденции президента в Лани, который просил Буняченко оказать помощь восставшим, 6 мая в 13 часов получил от генерального инспектора правительственных войск полномочия присоединиться к русскому дивизионному штабу в качестве офицера связи. В тот же день в 17.30 подполковник Шкленарж из группы „Бартош“ сообщил о „приближении значительных сил наших помощников“, которые шли к Праге тремя колоннами по трем шоссе: 1. Радотин — Хухле — Смихов; 2. Душники — Мотол — Коширже; 3. Йинонице — Бржевнов — Дей-вице.

По распоряжению группы „Бартош“ навстречу русским в качестве советника был выслан знакомый с местностью офицер — очевидно, лейтенант Хорват. 6 мая в 17.35 была издана директива использовать власовцев для укрепления участков обороны[481]. В это же время в группу „Бартош“, расположенную на Бартоломейской улице, явились несколько офицеров РОА. Им выдали карту с обозначением главных центров сопротивления и подробно обсудили назначенное на 7 мая вступление 1-й дивизии в Прагу. Кроме того, „Бартош“ предоставил русским нескольких проводников, хорошо знающих местность.

Из изложения этих событий видно, что чешские военные круги, — а они были ведущей силой на первой стадии Пражского восстания, не видели ничего предосудительного в сотрудничестве с армией генерала Власова. Это подтверждает также бывший полковник главного политического управления министерства обороны Чехословацкой народной армии доктор Степанек-Штемр[482], который в ночь на 10 мая прибыл в Прагу в качестве начальника отдела связи 1-го Чехословацкого корпуса, сформированного в СССР. Степанек-Штемр рассказывает, что среди офицеров штаба корпуса и даже среди политработников, которые в подавляющем большинстве своем были коммунистами, он не слышал „ни одного дурного слова... о приглашении власовцев и их выступлении на стороне чехов против немцев в Праге“. Против идеи русско-чешского сотрудничества возражали не вооруженные силы, а Чешский национальный совет (ЧНС), постепенно захвативший политическое руководство восстанием и сумевший подчинить себе военное командование Праги. До прибытия в город правительства Бенеша, которое находилось в Кошице, Совет представлял правительственную власть. Значительную роль в нем играли коммунисты, и он стремился с самого начала установить добрые отношения с Советским Союзом. Поэтому позиция Совета в отношении РОА, столь неожиданно вступившей в игру, была весьма противоречивой. С одной стороны, в ЧНС понимали, что русские силы, располагавшие „танками, артиллерией и тяжелым оружием“, могут стать большим подспорьем для чешских повстанцев, плохо вооруженных и не выдерживающих натиска немцев, и не возражали против этой помощи. С другой — Совет изо всех сил старался политически отмежеваться от своих помощников. Эта двойственная позиция проявилась утром 7 мая, когда в 7.45 посланный навстречу частям РОА офицер связи Хорват в сопровождении капитана РОА Р. Антонова появился на Бартоломейской улице, в резиденции Совета, и его члены впервые были вынуждены определить свое отношение к 1-й дивизии.

Сын офицера царского флота, капитан Антонов рано осиротел, был беспризорником. Командуя батареей реактивных минометов (“катюш“), попал под Сталинградом в плен, с 1943 года был личным адъютантом Власова. В ЧНС его, вероятно, прислал сам Власов[483], который, как мы уже говорили, хотя и не вмешивался в пражские события, по-видимому, все же счел своим долгом выяснить отношение новой политической организации к РОА. Во всяком случае, утром 7 мая Антонов намеревался передать ультиматум, в котором Буняченко требовал от немецкого государственного министра Богемии и Моравии франка капитулировать до 10.00, в противном случае он, Буняченко, „перейдет в наступление на Прагу“ (которое, впрочем, уже началось)[484]. Столь решительное требование, имевшее серьезное политическое значение, да еще к тому же и выдвинутое самовольно, вызвало энергичное сопротивление Совета, чрезвычайно озабоченного собственным престижем.

Исполняющий обязанности председателя Совета рьяный коммунист Смрковский немедленно начал препираться с капитаном Антоновым[485], возражая против требования о капитуляции и попытки самостоятельно вступить в переговоры с Франком, утверждая, что это внутреннее чешское дело. Он заявил, что только „чешский народ, который поднял восстание“, то есть, иными словами, ЧНС, имеет право и полномочия вести переговоры о капитуляции немцев. Стоит отметить, что Смрковский и другие коммунисты, такие как Давид и Кубат, особенно резко выступавшие против соглашения ЧНС с власовской армией, согласились, однако, с требованием „буржуазных“ политиков принять помощь РОА, избегая признания армии как политической силы и не компрометируя тем самым Совет[486]. Во всяком случае, им было важно подчеркнуть монополию ЧНС во всех политических делах. Необходимые переговоры с власовской армией были, таким образом, ограничены контактами с группой „Бартош“, которая в свою очередь была связана указаниями ЧНС.

После бурных дебатов о том, какую позицию занять в отношении РОА, капитан Антонов был вызван на пленум ЧНС, где генерал Кутлвашр, владевший русским, перевел ему заявление Смрковского[487]:

1. Чешский национальный совет, являясь представителем правительства, обладает в районе Богемии единоличным правом принятия решений по всем военно-политическим вопросам.

2. Чешский национальный совет благодарит войска генерала Власова, которые, вняв переданной по радио просьбе, поспешили на помощь сражающемуся народу Праги.

3. Войска генерала Власова, то есть части 1-й дивизии РОА, должны координировать все свои действия с чешским военным командованием (группой „Бартош“).

4. Все переговоры с противником ведутся чешским военным командованием по согласованию с командованием русской дивизии.

5. Чешское военное командование воздерживается от требования о капитуляции всех немецких сил, однако самостоятельно действующие русские части имеют право самостоятельно принимать капитуляцию противостоящих им сил врага.

После консультации с командиром дивизии капитан Антонов еще раз подчеркнул, что русские войска не собираются вмешиваться в чешские внутренние дела, они пришли сюда лишь для того, чтобы „помочь чешскому народу“[488]. По уполномочию Буняченко, он подписал предварительное соглашение, так что теперь, кроме военного соглашения от 5 мая, было создано также нечто вроде политического обоснования для вмешательства 1-й дивизии РОА. Утверждение, что коммунисты с самого начала отказались иметь дело с „предателем родины“ Власовым, не говоря уж о заключении соглашения с ним, опровергается тем простым фактом, что все силы, представленные в Чешском национальном совете, в том числе и коммунисты, одобрили заявление, подписанное Антоновым.

Коммунисты начали ставить под сомнение содержание предварительного соглашения только после того, как утром 7 мая капитан Антонов подписал документ. Представитель коммунистической партии Чехословакии и военной комиссии Национального совета Давид, впоследствии — министр иностранных дел ЧССР, потребовал не отправлять Власову короткое письмо с выражением благодарности от имени ЧНС, так как это может „оказать непредвиденное воздействие на позицию СССР и повлиять на советскую помощь“. Он считал, что даже упоминания имени Власова в связи с восстанием достаточно для того, чтобы породить в Москве политическое недоверие к этому предприятию и „наложить позорное пятно на всю нашу борьбу того периода“[489]. Давид рекомендовал больше не вести переговоров с Власовым и дезавуировать только что принятое соглашение, советуя вместо этого прямо обратиться к власовцам, минуя начальство. Этот совет, кстати, говорит о том, насколько основательно изучил Давид солдатскую психологию и сам дух РОА. В дивизии могут оказаться, как он выразился, либо „честные солдаты“, тогда они в любом случае „будут по-прежнему сражаться на стороне чешского народа“, либо „преступный

сброд“, который последует за своим руководством и с которым все равно связываться не стоит. Но попытка коммунистически настроенных заводских рабочих брататься с солдатами РОА, побуждая тем самым власовцев к дезертирству, окончилась, как и следовало ожидать, полным провалом. Обращенное к „солдатам так называемой власовской армии“ воззвание, в котором говорилось о „советской родине“ и „победоносной Красной армии“, не вызвало никакого отклика, а в штабе дивизии к этим махинациям отнеслись с нескрываемым отвращением.

Среди командиров дивизии царило разочарование. Соглашение как будто не нарушалось, но при этом дивизии предоставлялись самые мизерные права и, хотя она была самой значительной силой на стороне восставших, ее роль сводилась к чисто вспомогательной функции. 7 мая в 9.30 утра пражское радио передало короткое сообщение о том, что ЧНС оспорил „политические соглашения“ с русскими и передал „кооперацию военных действий“ против немцев чешским военным властям[490]. Тогда Буняченко тоже начал изыскивать возможности обратиться непосредственно к населению Праги и объяснить, что происходит.

При вступлении в Прагу 1-я дивизия РОА проявила повышенный интерес к радиостанции. По свидетельствам очевидца, „одна из частей“ даже пыталась „овладеть радиостанцией силой“[491]. Действительно, дивизии удалось передать сообщение о „продвижении Власова на Прагу“ и о намерении председателя ЧНС профессора Пражака и остальных членов Совета отправиться в штаб-квартиру Власова для переговоров с ним. Начальник пражской радиостанции Майвальд был в курсе предшествовавших переговоров с „власовскими частями“, но, очевидно, в силу ухудшающегося военного положения, не стал возражать против передачи этих сообщений, чем навлек на себя гнев ЧНС. Тут же последовало решительное опровержение, и Совет спешно посадил на радиостанцию своего человека, строжайше приказав ему хранить полное молчание относительно власовской армии.

Между тем переговоры ЧНС с 1-й дивизией продолжались. В штаб-квартиру дивизии явился член ЧНС Матуш, и Буняченко высказал ему свое недовольство тоном заявления Совета и недоумение по поводу проявленной Советом осторожности[492], подчеркнув при этом, что „русская армия“ — а не „власовская“ — вошла в Прагу, чтобы помочь чехам в их борьбе, и он готов в любой момент вывести свои войска из города, как только надобность в их помощи отпадет. Ему, в общем, совершенно все равно, какую форму правления выберут чехи, и у него нет ни

малейшего желания ввязываться в вооруженное столкновение с Красной армией. Буняченко потребовал присутствия представителя ЧНС в своем штабе.

Тем временем положение восставших ухудшилось, и ЧНС начал снова склоняться на сторону Власова. Как вспоминает член народно-социалистической партии доктор Махотка, „большинство членов Совета горячо выступали за сотрудничество с власовской армией“[493]. Даже коммунист Кнап высказался за то, чтобы „урегулировать недоразумение“ с Буняченко. С этой целью было решено послать в штаб в Йинонице официальную делегацию, доверив эту миссию коммунистам Кнапу и Давиду. Тем самым ЧНС явно отмежевался от политической линии находившегося в Кошице чешского правительства, которое считало своим долгом ориентироваться на пожелания Советского Союза. Так, в телеграмме из Кошице ЧНС призывали „быть поосторожнее с Власовым“. Представитель Бенеша в Лондоне министр Рипка, тщетно пытавшийся заинтересовать Великобританию Пражским восстанием, в выступлении по Би-Би-Си призывал отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с Власовым[494]. Разумеется, английское правительство, которое, так же как и американское, опасаясь осложнений с Советским Союзом, отказалось помочь восставшим, не могло одобрить обращения за помощью к антисоветской РОА, и министр Рипка присоединился к этой позиции.

Присланные в штаб-квартиру 1-й дивизии делегаты ЧНС Кнап и Давид старались ограничиться чисто военным аспектом соглашения, но при переговорах всплыли политические вопросы, о которых они доложили собранию ЧНС[495]. Их сообщение дает дополнительную информацию о том, какое огромное значение придавал Буняченко разъяснению чехам истории РОА, ее целей и побудительных мотивов участия в Пражском восстании. Он попросил эмиссаров ЧНС передать по радио по-русски и по-чешски подготовленное им заявление на четырех страницах. Касаясь военного положения в Праге, он приводил сведения об оснащенности своих частей оружием и боеприпасами, о потерях дивизии, говорил о необходимости сосредоточения сил и средств в направлении главного удара. В целях улучшения военного сотрудничества между чехами и русскими и координации атак он настаивал на необходимости прикомандировать к нему чешских офицеров связи, в частности, послать одного офицера на холм Петршин, куда была переброшена часть артиллерийских орудий из Злихова[496]. На этом переговоры между ЧНС и 1-й дивизией РОА закончились. Вечером 7 мая, в 21.00, когда Кнап и Давид рассказывали Совету о встрече с Буняченко и излагали его

пожелания и требования, части РОА в основном уже завершили военные действия в Праге и начали двигаться в западном направлении.

Как проходили бои РОА в Праге в тот роковой день 7 мая? Боевой приказ командира дивизии, составленный согласно представлению группы „Бартош“ и отданный в 1.00 ночи, предусматривал наступление на центр города по трем направлениям[497]. Главный удар должен был нанести в 5.00 утра полк подполковника Архипова из района Смихова. Полку, располагавшему несколькими танками, артиллерийскими орудиями и противотанковыми пушками и имевшему при себе опытных проводников, удалось пересечь мосты через Влтаву и с боями продвинуться через Виногради до Страшнице, а оттуда на юг до Панкрац[498]. Наступавший с севера 4-й полк под командованием полковника Сахарова захватил важные объекты в самом городе, в том числе холм Петршин. 3-й полк — под командованием подполковника Алексавдрова-Рыбцова — прошел через Бржевнов — Стршешовице и Градчани и, координируя свои действия с 4-м полком, сумел прорваться к западному рукаву Влтавы[499]. И наконец, артиллерийский полк подполковника Жуковского, занявший утром огневые позиции между Коширже и Злиховым, но в течение дня перенесший их частично вперед, по договоренности с группой „Бартош“ обстрелял немецкие опорные пункты в районе госпиталя, обсерватории, холма Петршин и в других местах. Бои в центре города против вошедших с юга частей дивизии СС „Валленштейн“ велись остальными силами 1-й дивизии. 2-й полк под командованием подполковника Артемьева, отделенный командиром дивизии 6 мая в районе Хухле — Сливенец, после ожесточенного боя под Лаговички-у-Праги потеснил противника до Збраслава[500], а разведотряд под командованием майора Костенко занял посты на восточном берегу Влтавы в районе Браника, развернувшись на юг.

Несомненно, все события тех дней — неожиданный поворот 5 мая 1-й дивизии из района Бероун — Сухомасти в пражском направлении, начало военных действий 6 мая на аэродроме Рузине и к юго-западу от Хухле и, наконец, наступление 7 мая на центр Праги по трем основным направлениям, а также неоднократные требования о капитуляции, выдвигавшиеся представителями РОА, в том числе полковником Сахаровым[501], — были для немецкого командования большой неожиданностью, и немцы никак не могли понять, что происходит. Ведь всего полгода назад, 14 ноября 1944 года, в Рудольфовой галерее в Пражском Бурге торжественный государственный акт провозгласил создание КОНР. Государственный министр Богемии

и Моравии Франк принимал Власова в своем дворце согласно протоколу, произносил вступительную речь в Рудольфовой галерее и вместе с представителем вермахта генералом Туссеном сидел как почетный гость в первом ряду, рядом с Власовым. А теперь вдруг РОА в мгновение ока оказалась во вражеском лагере! Генерал Туссен, государственный министр франк и группенфюрер СС, генерал-лейтенант Ваффен-СС граф Пюклер, так же как генерал Зейде-ман и полковник Зорге, сочли внезапную враждебность вчерашних союзников „недоразумением, порожденным неудачным стечением обстоятельств“. Исходя из этой ложной посылки, немцы предприняли несколько попыток договориться с войсками Власова о перемирии как на аэродроме в Рузине, так и в самой Праге[502]. 7 мая в 10 часов в передовых частях 1-го полка в окрестностях Виногради появился немецкий парламентер с требованием генерала Туссена прекратить военные действия — что в тот момент было совершенно нереально.

Подполковник Архипов не только не собирался выполнять это требование, но, напротив, сам настаивал на капитуляции немцев. В полдень немецкий лейтенант вторично пересек линию фронта с письмом от генерала Туссена, в котором тот чуть ли не умолял о перемирии. Он писал:

В этот трудный час, когда вы, власовцы, и мы, немцы, должны объединиться в борьбе против нашего общего врага — большевизма, вы подняли против нас оружие. Считая это недоразумением, я прошу вас прекратить боевые действия против нас. Утром 8 мая Прага будет очищена от чешских повстанцев. Генерал Туссен[503].

Но и этот призыв, который подполковник Архипов „незамедлительно“ передал командиру дивизии, не произвел никакого впечатления.

Однако что касается непосредственных участников боев — немецких солдат, то часть их была готова капитулировать перед русскими. 7 мая в 8 утра пражское радио сообщило, что немецкие части „массами“ сдаются власовцам; по словам очевидца, „вся улица... представляла собой военный лагерь власовских частей“[504]. 1-му полку удалось принудить к капитуляции сильную немецкую часть в районе Лобковицовской площади и взять в плен 500 человек — этот крупный успех разом изменил положение во всем городе[505]. К вечеру 7 мая РОА овладела основными районами города, за исключением центров немецкого сопротивления в Градчани, у стадиона Страгов и в Дейвице. Кроме того, 1-я дивизия рассекла Прагу на две части, помешав тем самым соединению немецких запасных частей, продвигавшихся с севера и юга[506]. Судя по русским сообщениям,

к вечеру 7 мая было взято в плен от четырех до десяти тысяч человек, однако эта цифра представляется завышенной[507]. Во многих местах солдатам РОА приходилось преодолевать ожесточенное сопротивление противника, драться буквально за каждый дом. Чехи, очевидцы событий, оставили немало свидетельств о героизме власовцев. Доктор Махотка, например, писал:

Власовцы сражались мужественно и самоотверженно, многие не скрываясь выходили прямо на середину улицы и стреляли в окна и люки на крышах, из которых вели огонь немцы... Власовцы сражались с чисто восточным презрением к смерти... Казалось, они сознательно шли на смерть, только бы не попасть в руки к Красной армии[508].

Не удивительно, что повстанцы отнеслись к русским как к освободителям и с благодарностью приветствовали участие РОА в восстании. Отношение чешского населения к солдатам РОА везде описывается как „очень хорошее, братское“: „Население встречало их с восторгом“.

Однако политические цели участия РОА в восстании были сведены на нет еще до начала операции. 6 мая главнокомандующий союзными войсками генерал Эйзенхауэр, идя навстречу просьбе начальника генерального штаба Красной армии генерала армии А. И. Антонова от 5 мая, отклонил предложение командующего американской 3-й армией (12-я группа армий) генерала Паттона о наступлении восточнее линии Карлсбад — Пльзень — Будвайс и взятии Праги[509]. Таким образом, к огорчению чешских националистов, расчеты на взятие Праги американскими войсками не оправдались, и это не могло не сказаться на настроении тех, кто сражался в Праге. Надежды власовцев и чешских националистов на то, что в столице возьмут верх „некоммунистические и антикоммунистические силы“, рушились. Но население Праги восторженно встречало власовцев, сотрудничество с группой „Бартош“ протекало без осложнений, и казалось, что все противоречия с ЧНС остались позади.

Однако 7 мая появились и начали множиться дурные предзнаменования. Утром 7 мая ЧНС отмежевался по радио от „действий генерала Власова против немецких войск“. Сразу после этого подполковник Архипов отправился в бронеавтомобиле в „Бартош“ и потребовал объяснений у начальника штаба подполковника Бюргера. Заверив офицера РОА в лояльности чешских военных. Бюргер, однако, объяснил, что военное командование не может действовать вопреки Национальному совету[510]. Тем не менее он согласился обнародовать составленное Архиповым заявление: „Героическая армия генерала

Власова, поспешившая на помощь чешским братьям, продолжает очищать город от немцев“.

В это же время, утром 7 мая, в Праге, на участке подполковника Шкленаржа, приступила к работе советская миссия, заброшенная на парашютах. Командир 1-го полка, пославший взвод для охраны радиостанции, по просьбе чехов выделил еще один взвод для охраны этой миссии. Начальник миссии капитан Соколов позвонил Архипову, и между ними состоялся следующий разговор[511]:/186]

Архипов: У телефона командир 1-го полка 1-й дивизии РОА.

Соколов: Здравствуйте, товарищ полковник. Я капитан Соколов.

Архипов: Здравствуйте, капитан.

Соколов: Товарищ полковник, вы убеждены, что Прага будет очищена от частей СС?

Архипов: Да.

Соколов: Каков состав вашего полка и насколько он оснащен? (Архипов привел удвоенное количество, чтоб звучало убедительней).

Соколов: Да, с таким полком можно воевать. Скажите, товарищ полковник, могу я сообщить в Москву, что полк идет в бой за товарища Сталина и за Россию?

Архипов: За Россию — да. Не за товарища Сталина.

Соколов: Но ведь вы присягали товарищу Сталину и, наверное, вы закончили Военную академию в Советском Союзе.

Архипов: Я закончил военное училище в Москве в 1914 году. Сталину я никогда не присягал. Я являюсь офицером РОА и я присягал генералу А.А. Власову.

Соколов: Теперь мне все ясно.

О похожем эпизоде рассказывает также майор Костенко из разведотряда. Советский агент передал командиру 1-й дивизии РОА пожелание Сталина, чтобы Буняченко „со всей своей дивизией вернулся в объятья родины“. Майор Швеннингер присутствовал при том, как Буняченко „передал Сталину ответное приглашение, не поддающееся переводу на немецкий“[512]. В довершение всего вечером 7 мая на участке полковника Сахарова появились американские бронированные машины с журналистами, которые в своей святой простоте считали солдат РОА „союзниками Красной армии“, а узнав, в чем дело, не нашли ничего лучше, как заявить, что бои русских в Праге помогут им „искупить вину перед советским правительством за сотрудничество с немцами“. Эта первая встреча с американцами и их поразительная политическая наивность произвели на офицеров РОА удручающее впечатление[513].

Вечером 7 мая в дивизионном штабе никто уже не сомневался в том, что Прагу займут советские, а не американские войска. В 23 часа Буняченко с тяжелым сердцем отдал приказ о прекращении боевых действий и отходе из города. По словам Швеннингера, при прощании с чешскими офицерами, пришедшими в штаб сообщить о положении дел, в глазах генерала стояли слезы, а на лицах всех присутствовавших застыло выражение „глубокой безнадежности“. Поздним вечером были сняты укрепления на западном берегу Влтавы, между Прагой и Збраславом, и к рассвету части РОА оставили город. Правда, 2-й полк утром 8 мая еще вел перестрелку в районе Сливенеца к юго-западу от Праги с частями Ваффен-СС. Но в тот же день в 12 часов поступило сообщение об отходе 1-й дивизии РОА в полном составе по шоссе Прага — Бероун[514]. Русские и немецкие войска, которые только что воевали друг против друга, теперь вместе двигались к американским позициям западнее Пльзеня.

Глава 9.
Значение Пражской операции

Восстание в Праге и других районах Богемии в мае 1945 года было крупным событием в истории второй мировой войны в Чехии. По словам Бартошека, это восстание „имело прежде всего огромное морально-политическое значение для нашей национальной жизни“, дав чешскому народу в последний час возможность внести свой, пусть крохотный вклад в победу над Германией[515]. Всего полтора года назад, 16 декабря 1943 года, президенту Бенешу пришлось молча выслушать в Москве язвительное замечание Молотова насчет отсутствия сопротивления в протекторате[516]. А теперь чешский народ, как выразился Бенеш, тоже доказал свою „готовность к сопротивлению“. Восстание вспыхнуло почти спонтанно, оно было направлено прежде всего против „немцев“ оккупантов и „врагов на протяжении трех столетий“. Но за ширмой вооруженной борьбы против внешнего врага скрывалась внутриполитическая борьба за будущее устройство страны между демократическими партиями и коммунистами, которые, возлагая свои надежды на Советский Союз, стремились к социалистическим преобразованиям в обществе[517]. В этом и следует искать истоки тезиса об „освободительной миссии Советской армии в Чехословакии“. Официальная версия гласит, что население Праги под руководством коммунистической партии поднялось против фашистских оккупантов, а когда борьба вступила в критическую стадию, в город в последнюю минуту ворвались танки советских 3-й и 4-й гвардейских танковых армий генералов Рыбалко и Лелюшенко, освободили Прагу и — что, вероятно, еще существеннее — довели до победного завершения первый этап „народно-демократической революции“[518]. Так были скреплены вечный союз между СССР и Чехословакией и братские узы обоих народов.

Между тем, восстание в Праге началось утром 5 мая 1945 года, а передовые части 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева достигли города только через четыре дня, утром 9 мая. Если мы хотим понять роль РОА в пражских событиях, нам следует разобраться в военном положении до и после ее вмешательства. Когда 6-7 мая 1-я дивизия генерал-майора Буняченко вступила в бои на стороне повстанцев, чехи находились в бедственном положении. 3-я американская армия, находившаяся у Пльзеня, в 70 километрах

западнее Праги, к этому моменту приостановила свое движение. Войска 1-го Украинского фронта стояли севернее линии Дрезден — Горлиц в 140 километрах от города, войска 2-го Украинского фронта — у Брюнна в 160 километрах, а войска 4-го Украинского фронта — у Оломоуца в 200 километрах от Праги[519]. Англичане и американцы не откликались на отчаянные призывы чехов о помощи (более того, американцы в занятом ими районе даже препятствовали населению в стихийной поддержке повстанцев), а советские войска были слишком далеко и не могли вмешаться. Поэтому 1-я дивизия РОА оказалась единственным источником помощи для повстанцев, и значение этой помощи трудно переоценить.

Приведем свидетельства двух чешских очевидцев событий. Бывший член Чешского национального совета доктор Махотка пишет, что вмешательство власовской армии оказалось „решающим“, существенно изменив военное положение в Праге в пользу повстанцев и сильно приободрив население.

В те часы, когда нам не помогли ни американцы, ни англичане, ни советские, когда никто не откликался на наши бесконечные просьбы по радио, они единственные поспешили к нам на помощь[520].

По мнению полковника Чехословацкой народной армии доктора Степанека-Штемра, в мае 1945 года начальника отдела связи 1-го Чехословацкого корпуса, главной заслугой власовцев было то, что

сохранилась старая историческая часть города и большая часть населения осталась целой и невредимой… Несомненно, именно благодаря участию власовцев в восстании на стороне чешских патриотов — хотя бы и продолжавшемуся всего несколько часов — Прага была спасена от разрушения[521].

В этой связи Степанек-Штемр ссылается на публикации прежних лет[522], в которых „войскам РОА отводилась ведущая роль в освобождении одного из крупнейших городов Европы“ и говорилось о том, что они „в 24 часа очистили город от немцев“. Он называет эти публикации „исторически достоверными и правдивыми“, противопоставляя их клевете просоветских чешских авторов.

Когда в ночь на 8 мая 1-я дивизия РОА преждевременно прекратила военные действия, положение повстанцев опять осложнилось, хотя и ненадолго и лишь в отдельных местах. Прекращение боев и вызванное этим уныние повлияли на решение ЧНС вступить в переговоры с немецким командующим генералом Туссеном и заключить, наконец, соглашение о беспрепятственном отходе немецких войск и учреждений и об

условиях сдачи немцами оружия Чехословацкой национальной армии[523]. Этот эпизод в просоветской исторической литературе трактуется как грубая ошибка и даже как измена „принципам освободительной борьбы“ в Праге[524]. Но Пражское восстание с самого начала было, как указывают различные авторы, „ненужным“ и „излишним“![525], а к этому моменту, когда немцы ввиду капитуляции вермахта думали лишь о том, как бы поскорее и без препятствий добраться до позиций американской армии, и вовсе потеряло всякий смысл и могло лишь осложнить идущую полным ходом капитуляцию. Таким образом, протокол об условиях капитуляции немецких вооруженных сил, который 8 мая в 16.00 подписали председатель ЧНС профессор Пражак, его заместитель коммунист Смрковский[526], доктор Котрлий, капитан Неханский, генерал Кутлвашр и подполковники Бюргер и Каданька, а также генерал Туссен, полностью отвечал интересам Праги и ее жителей^. Этот документ никак нельзя счесть оскорбительным для чешской стороны. Кстати, примеры соглашений о беспрепятственном отводе вражеских гарнизонов можно найти и в более ранних войнах. Так, в 1813 году одержавшие победу русские и прусские войска обеспечили французским гарнизонам крепостей Торн и Шпандау беспрепятственный отход на почетных условиях и даже без сдачи оружия[527].

Назвать эту капитуляцию „постыдным актом“ могли лишь те, для кого соображения престижа оказались дороже судьбы старинного города и его жителей, для кого было важно физически добить уже ...../194] сдавшегося врага и нажить на этом политический капитал. А Советскому Союзу, присвоившему себе славу освободителя Праги, просто ничего не оставалось, как дезавуировать соглашение, обеспечивавшее немецким войскам беспрепятственный отход из Праги на запад до вступления туда советских частей. Советские симпатии оказались при этом на стороне так называемых „патриотических народных сил“, представлявших собой, по определению немецкого очевидца событий, по большей части „вооруженных подонков“[528], которые, невзирая на соглашение о капитуляции, 8 мая продолжали стрельбу. Это местами задерживало продвижение немецких войск, но боевых действий все же не вызвало. 9 мая в 4.40 в Прагу вошли танки 1-го Украинского фронта. Назначенный комендантом города генерал-майор Зиберов, передовой отряд которого на рассвете прорвался в центр и захватил мосты через Влтаву, не обнаружил „организованного сопротивления“[529], а к 10.00 с последними очагами сопротивления в Праге было покончено[530]. Доктор Степанек-Штемр совершенно справедливо

замечает, что „Прага… фактически… была освобождена от немецких войск уже утром 8 мая“ и советские танки вошли „в уже освобожденную Прагу“[531].

Утверждение, будто Прага была освобождена войсками Красной армии, диктуется исключительно соображениями политико-пропагандистского характера, а держится этот тезис лишь за счет умолчания исторической роли 1-й дивизии РОА в пражских событиях 6-8 мая 1945 года и благодаря дискредитации соглашения ЧНС с немецким командующим от 8 мая. В этой связи интересно взглянуть, как оценивают роль РОА в пражских событиях советские авторы в тех случаях, когда они отказываются от метода умолчания. Гончаренко и Шнайдер в статье в армейской газете „Красная звезда“ просто переиначивают исторические факты, утверждая, что Гитлер „бросил на подавление восстания армию предателя Власова“[532]. Этой же концепции придерживается „Чехословацкий военный атлас“, изданный министерством национальной обороны Чехословакии совместно с Академией наук: в специальной карте Пражского восстания власовцы, выступление которых все же не удалось проигнорировать, обозначены той же синей краской, что и „немецко-фашистские войска“. Командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев ограничивается лишь кратким сообщением о взятии в плен Власова и „дивизии генерала Буняченко“ к юго-востоку от Праги, но ничего не пишет о предшествовавших этому боях в чешской столице[533]. По версии генерала армии Лелюшенко, командующего 4-й гвардейской танковой армией, „банда Власова“ была полностью разбита у Хемница (!)[534]. Генерал армии Штеменко, после войны — начальник Генштаба Советской армии, хотя и прибегает к оскорбительным прозвищам, говоря об „отщепенцах“, о „готовых на все головорезах“, все же пишет, что „некоторые власовцы вошли в Прагу“, „когда там назревало время решительного восстания против немецких оккупантов“, что „некоторые группы власовцев по своей инициативе“ вступили в борьбу, хотя Чешский национальный совет якобы и слышать не хотел об их помощи[535]. Разумеется, все документы, связанные с этими событиями (соглашение группы „Бартош“ с Буняченко 5 мая, а также договор ЧНС с ним 7 мая и соглашение ЧНС с генералом Туссеном) в корне подрывают версию об освободительной роли Красной армии. И отношение советских представителей к членам РОА и даже к членам ЧНС после занятия Праги советскими войсками свидетельствует, что они понимали это с самого начала.

Вскоре после вступления в город генерал Рыбалко прибыл на заседание ЧНС, чтобы выяснить чрезвычайно важные для СССР

вопросы — „узнать о смысле восстания, его течении, участии в нем так называемой власовской армии и капитуляции немцев“[536]. Судя по реакции генерала, полученные им сообщения не удовлетворили его — он без обиняков заявил, что все власовцы будут расстреляны. В ответ на „энергичные и сердечные“ просьбы председателя профессора Пражака и других членов Совета пощадить этих людей, сражавшихся за Прагу, генерал Рыбалко пошел на „великодушную уступку“, заявив, что расстреляют не всех[537].

В боях за Прагу погибли сотни солдат РОА, множество было ранено[538]. Раненым в пражских больницах выделили отдельные палаты, на которых сначала висела надпись „героические освободители Праги“. Вскоре после вступления Красной армии в город органы СМЕРШа начали регистрацию раненых. О дальнейшем рассказывает доктор Степанек-Штемр, впоследствии эмигрировавший в Израиль[539]:

У меня была знакомая, моя землячка из Моравска-Острава, Е. Р., молодая женщина, чудом пережившая Освенцим, Терезиенштадт и Дахау. В первые дни после окончания войны она работала в пригороде Праги Мотол. (Рядом с больницей находился большой лагерь для пленных немцев, я часто ездил туда проводить допросы.) Е. Р. рассказала мне, что в больнице в Мотоле лежало около 200 раненых власовцев. Однажды в больницу явились советские солдаты, вооруженные автоматами. Они выгнали из здания врачей и санитарок, вошли в палаты, в которых лежали тяжело раненые власовцы, и вскоре оттуда раздались длинные очереди... Все раненые власовцы были расстреляны прямо в кроватях.

Такая же судьба постигла и солдат, лежавших в других больницах. С. Ауски на основании достоверных источников сообщает о расстреле в Праге и окрестностях более 600 членов РОА. Могилы многих солдат РОА, проливших кровь за освобождение города и расстрелянных красноармейцами, можно найти на Ольшанском кладбище.

Подверглись преследованиям и члены Чешского национального совета, заключившие соглашения с генерал-майором Буняченко и генералом Туссеном и лишившие Красную армию лавров спасителей города[540]. Пострадали все члены ЧНС, чьи имена стояли под протоколом от 8 мая: профессор Пражак был уволен с кафедры в университете, представитель социал-демократов доктор Котлрий тоже потерял работу, генерал Кутлвашр был приговорен к 20 годам заключения, штабс-капитан Неханский — казнен. Заместитель председателя ЧНС, представитель коммунистической партии Смрковский получил

пожизненный срок. В числе предъявленных ему обвинений фигурировало то, что он „вызвал в Прагу полки Власова“, что вовсе не соответствовало действительности. Даже в 1949 году мы обнаруживаем отголоски событий тех дней: советский посол в Праге Зорин заявил на одной встрече, где присутствовал также доктор Махотка, что чехи, вступив в переговоры с русскими и немцами и подписав соглашение с генералом Туссеном о беспрепятственном отводе немецких войск, „потеряли честь“. В таких делах у Советского Союза особенно „долгая память“[541].

Пражская операция — всего лишь эпизод в истории РОА, но вместе с тем ее значение оказалось столь велико, что после войны несколько лет велись споры о смысле и мотивах участия власовцев в Пражском восстании. Соратники Власова, которым удалось уцелеть, постоянно подчеркивали, что не только сам Власов, но и политическое и военное руководство движением, КОНР и верховное командование в лице генерала Трухина выступали против вмешательства в чешские дела[542]. Участие в чешском восстании многие называют „пагубным, самоубийственным“, поскольку, задержавшись на несколько дней в Праге, 1-я дивизия РОА не успела вовремя добраться до американских позиций и попала в руки у Красной армии. Офицер РОА Свинцов даже возлагает вину на „Власова, его генералов и штаб“ (имея в виду прежде всего генерал-майора Буняченко), которые завели РОА во „враждебную Чехословакию“ на помощь „коварным и неблагодарным чехам“ и тем самым дали возможность Красной армии уничтожить власовцев[543]. По мнению другого офицера, Кармазина, Пражская операция не только ускорила выдачу власовцев „их будущим убийцам и палачам“*, но и невольно сыграла роль в массовых расстрелах чехами беззащитных немецких военнопленных и немецкой части населения Праги.

Все авторы подчеркивают, что участие в Пражском восстании на стороне чешских националистов ни в коей мере не означало изменений в антибольшевистской позиции солдат РОА. Бартошек, например, говоря о перестрелке между солдатами РОА и восставшими чехами-коммунистами 7 мая на вокзале Вршовице, высказывает предположение, что „власовские отряды проводят в жизнь обе части своего лозунга, борясь против „большевизма“, против коммунистов в рядах восставших“[544]. Тот факт, что в последние дни войны армия, основанная на принципе антисоветизма, разорвав заключенный союз, обратила оружие против немцев, тоже противостоящих Красной армии, составляет второе возражение против Пражской операции и расценивается авторами как „трагическая и преступная ошибка“*. С этим

моментом связаны кое-какие неясные предположения. Так, Державин считает, что солидаристы, сторонники НТС, внушили ведущим офицерам РОА ложную надежду, будто поддержка чехов обеспечит власовцам симпатии западных союзников. Алымов усматривает в пражском эпизоде отдаленные последствия усилий Зыкова вбить клин „между РОА и ее нелюбимым, но единственно возможным союзником немецкой армией“*[545]. Державин говорит о „позорном ударе в спину союзника“ и о „моральных последствиях этого неслыханного по низости поступка“* для репутации Русского освободительного движения[546]. Почти дословно повторяет это суждение член президиума КОНР профессор Богатырчук: „предательский удар“* в спину отступающих немцев[547].

Но хотя Пражская операция действительно началась с предательства немецких союзников и закончилась гибелью 1-й дивизии РОА, мы не можем ограничиться при ее оценке лишь негативными факторами. На фоне последних дней войны решение об участии в Пражском восстании выглядит отчаянной попыткой спасти дивизию от гибели. Интересно отметить, что два очевидца событий с немецкой стороны проявили глубокое понимание причин и мотивов этого решения. Правда, представитель Главного управления СС при Власове доктор Крёгер не согласен с выдвигаемым многими русскими доводом, что отношение немцев к Освободительному движению в предыдущие годы не обязывало Буняченко соблюдать верность заключенному с ними союзу[548]. Такая аргументация, по мнению Крёгера, лишь подрывает репутацию русских, которые погибли „как офицеры и люди чести“, это как бы признание их ненадежности и неумения сохранять верность каким-либо союзам: ведь именно так характеризует их генерал армии Штеменко, говоря о том, что никто не мог знать, когда и против кого обратят они оружие. Но Крёгер совершенно справедливо подчеркивает, что Буняченко и его солдаты были поистине „в отчаянном положении... худшем, чем положение немцев“, и осуждать их отчаянные попытки спастись было бы „ханжеством“.

Об этом же говорит и Швеннингер, во время Пражской операции интернированный в штабе 1-й дивизии. Хотя дивизия в те дни воевала против немцев, к Швеннингеру относились с прежним дружелюбием и почтением. Разумеется, будучи немецким офицером, Швеннингер решительно высказался против участия в Пражском восстании, но по-человечески он понимал, что Буняченко решился на этот „отчаянный шаг.. не из-за слепой ненависти к Германии и немцам; им руководила страстная озабоченность судьбами вверенных ему солдат“. После

разъяснении подполковника Николаева Швеннингер даже какое-то время верил в успех задуманного Буняченко предприятия[549]. После войны Швеннингер заявил, что осуждать Буняченко, его людей и власовское движение как таковое на основе пражских событий было бы несправедливо.

Вопрос об историческом значении Пражской операции следует рассматривать, исходя лишь из действительного вклада власовцев в Пражское восстание, независимо от верности русских союзу с немцами и успеха собственно плана Буняченко. Вступив в борьбу в критический момент, 1-я дивизия РОА сумела занять, за исключением нескольких островков немецкого сопротивления, всю западную часть Праги и обширный район на восточном берегу Влтавы до Страшнице. Сил РОА было недостаточно для того, чтобы занять весь город, но, разрезав город на две части, они помешали соединению немецких резервов с севера и юга. С. Ауски справедливо замечает, что, если бы не 1-я дивизия РОА, немцам удалось бы 6 мая занять западные районы Праги, а 7-го — полностью подавить восстание[550]. Даже неожиданное прекращение боевых действий в ночь на 8 мая и отход частей РОА из города имели положительные последствия, косвенно способствуя соглашению ЧНС с генералом Туссеном о беспрепятственном выводе немецких войск. И наконец какие бы возражения и споры ни вызывало решение генерал-майора Буняченко, оно стало частью истории, поскольку из хронологии событий тех дней непреложно следует, что именно 1-й дивизии РОА принадлежит основная — если не вся — заслуга в освобождении Праги от немцев. Такова историческая правда. Версия же советской историографии, по которой Прагу освободили войска 1-го Украинского фронта маршала Конева, не выдерживает научной критики и является всего лишь легендой[551].

Глава 10.
Конец Южной группы РОА

В феврале 1945 года генерал-майор Трухин добился от Главного управления СС разрешения на перевод армейского штаба РОА из Берлина в Хейберг, и теперь почти все силы РОА можно было стянуть в Вюртемберге. На учебном полигоне в Мюнзингене завершала комплектование 1-я дивизия, на учебном полигоне в Хейберге формировалась 2-я и начиналось формирование 3-й. Офицерский резерв, офицерская школа, запасная бригада и другие части тоже находились в районе Мюнзинген — Хейберг; в Берлине остались лишь подразделения армейского штаба, не принимающие участия в выполнении поставленной задачи. Правда, приказ КОНР от 28 марта о сосредоточении всех частей РОА „в богемских лесах“ в районе Линц — Будвайс был нарушен переводом 1-й дивизии в район группы армий „Висла“, но лишь временно, так как генерал-майор Буняченко отказался подчиняться немцам и прошел со своей дивизией в Богемию. 10 апреля южная группа РОА, находившаяся в Швабском Альбе, получила приказ о перемещении в район Линца. 19 (по некоторым источникам — 17) апреля колонны двинулись из Хейберга на юго-восток в направлении Меммингена[552]. Начальник штабов формирования полковник Герре сумел на первых порах обеспечить войскам довольствие из армейских управлений продовольственного снабжения округа Ульм, где еще имелись изрядные запасы, так что марш проходил вполне удовлетворительно. Даже запасная бригада, оснащенная довольно плохо, сумела показать неплохие результаты и снискать одобрение Трухина. В целом, однако, перемещение южной группы в Богемию проходило не так гладко, как переход 1-й дивизии РОА на Одерский фронт месяц тому назад: это объясняется опасностью воздушных налетов и возрастающими с каждым днем трудностями со снабжением. Коща полковник Герре обратился к командующему округом в Мюнхене генералу Крибелю с просьбой о довольствии для войск РОА, тот прямо заявил, что не может дать русским „ни грамма хлеба, ни капли бензина“[553]. Чтобы не допустить перехода армии численностью около 25 тысяч человек на самообеспечение со всеми вытекающими отсюда последствиями, пришлось прервать пеший поход и ехать по железной дороге.

Погрузка на поезда очень пугала русских офицеров, опасавшихся хаоса и дезорганизации вследствие рассредоточения

формирований. Так же как в свое время Буняченко, генерал-майор Зверев попытался помешать погрузке, утверждая, что американские танки, по дошедшим до него слухам, уже достигли района вокзала^. И только когда командир немецкой группы связи майор Кайлинг доказал ему, что хозяином положения в этом районе пока еще является вермахт, формирования удалось в ночь на 25 апреля посадить в поезда на линии Меммингеи — Бухлое. Погрузка проводилась под прикрытием противотанкового артиллерийского дивизиона 2-й дивизии и других хорошо вооруженных подразделений. Но некоторые части самовольно пустились в путь пешим порядком. У Ландсберга к ним присоединились идущие на восток узники концентрационных лагерей, их переодели в форму РОА. Офицерским патрулям и полевой жандармерии пришлось прочесать колонны и дать командирам строгие приказы погрузить людей в эшелоны. Наконец, после трудного пути поезда 29 апреля прибыли в место назначения — Линц. По расчетам немецких командных инстанций, войска южной группы РОА по прибытии в этот район должны были оказаться в подчинении группе армий „Юг“. Это противоречило желаниям армейского штаба РОА, но никакого практического значения это требование все равно не имело. Командующий группой армий „Юг“ генерал-полковник Рендулич „очень любезно“ принял Трухина в своей штаб-квартире под Линцем и дал согласие на ускоренную доставку недостающего оснащения и вооружения. Так как никаких возможностей для применения 2-й дивизии Рендулич не видел, было решено, что войска двинутся на Тржебон, к востоку от Будвайса, где займут оборонительные позиции, завершат формирование и будут ждать развития событий. Настроение в армии было еще вполне боевое, и в Дойч-Бенешау полки во всем блеске прошли парадом перед своим дивизионным командиром.

Стягивание всех частей РОА в одном районе и их объединение с Казачьим корпусом в этот период связаны также с усилиями командиров РОА установить контакт с западными державами. После провала всех предыдущих попыток оставалось последнее средство — наглядно продемонстрировать союзникам значение Освободительной армии. Активную деятельность в этом направлении развернул Жеребков[554]- сначала за спиной у недоверчивых немцев, а с апреля 1945 года — с одобрения Главного управления СС[555]. Юрий Сергеевич Жеребков, сын генерала русской царской армии, видный деятель русской эмиграции во Франции, уехал из Парижа и примкнул к Освободительному движению. В рамках главного организационного управления КОНР, подчинявшегося генерал-

майору Малышкину, он сначала руководил „отделом связи с правительственными учреждениями“, а с марта 1945 года, когда немцы полностью признали Власова, стал начальником подчиненного непосредственно Власову отдела внешних сношений, то есть фактически занимал пост министра иностранных дел КОНР, и в его задачи входило также представительство при германском министерстве иностранных дел. Жеребков с самого начала мечтал назначить в нейтральные страны представителей КОНР, во-первых, для того, чтобы разъяснять общественности и правительственным учреждениям сущность и цели Освободительного движения, а во-вторых (что было не менее важно), чтобы незаметно установить контакты с западными державами, в которых руководство РОА все еще ошибочно видело возможных союзников.

Еще в конце 1944 года правительство рейха передало союзникам требование предоставить добровольцам, служащим в вермахте, статус немецких военнопленных[556], и госдепартамент признал это требование отвечающим международному праву. В январе 1945 года Жеребков обратился в министерство иностранных дел и Главное управление СС с просьбой разрешить ему установить контакт с Международным Красным Крестом (МКК) в Женеве. Он обосновал свою просьбу желанием выяснить судьбу попавших в плен к союзникам членов добровольческих формирований, за которых КОНР считал себя ответственным, хотя, строго говоря, они не являлись солдатами власовской армии. 26 февраля 1945 года, когда уже началась выдача добровольцев русского происхождения, служивших в вермахте, Жеребков передал берлинскому представителю МКК доктору Лениху меморандум КОНР с просьбой обратить внимание союзных держав на еще одно обстоятельство[557]- на политический характер Освободительного движения: это могло явиться основанием для предоставления солдатам РОА традиционного в западных странах политического убежища. В меморандуме указывалось, что в случае выдачи советским властям солдат РОА ожидает мучительная смерть.

К этому времени делегация МКК в Лондоне уже по собственной инициативе обратилась к английскому правительству, однако ответа не дождалась. 13 апреля 1945 года, подтвердив через доктора Лениха получение меморандума, доктор Буркхардт указал на особые трудности, возникающие при обсуждении проблем добровольцев с западными державами, и заметил, что было бы очень полезно, если бы КОНР в качестве ответной услуги обратился к рейхсфюреру СС с ходатайством об улучшении условий для заключенных концентрационных лагерей.

Из этого можно заключить, что в Женеве Власова считали достаточно влиятельной фигурой, способной оказать услугу в столь важном деле. И действительно, Власов без колебаний пустил в ход весь свой авторитет. 17 апреля он в присутствии генерал-лейтенанта Ашенбреннера попросил оберфюрера СС Крёгера передать ходатайство МКК Гиммлеру, добавив, что КОНР целиком и полностью присоединяется к нему.

Обращение к МКК по вопросу о военнопленных преследовало цель установить связь с англо-американцами. Этой же цели должна была послужить и поездка Жеребкова в Швейцарию, задуманная самим Власовым, с тем чтобы через посредников вступить в переговоры с дипломатическими представительствами Великобритании и США в Берне. Выездная виза была выдана Жеребкову 12 апреля государственным секретарем министерства иностранных дел бароном фон Штенграхтом, а швейцарский поверенный в Берлине советник посольства доктор Цендер, много лет проживший в России и с явной симпатией относившийся к Русскому освободительному движению, ходатайствовал за Жеребкова в Берне. Но, несмотря на его вмешательство, швейцарское правительство, опасаясь вызвать недовольство Советского Союза, отказало представителю КОНР во въездной визе. Жеребков получил лишь рекомендательное письмо доктора Цендера и совет самому попытать счастья на границе — то же самое порекомендовал ему представитель МКК доктор Мартин. Власов, в эти дни находившийся в Фернпассе, 27 апреля составил доверенность, в которой назначал Жеребкова начальником дипломатической и иностранной службы КОНР и поручал ему ведение всех переговоров с швейцарскими, испанскими, французскими, английскими и американскими властями, дипломатическими и военными кругами и Международным Красным Крестом[558]. Но, разумеется, в последние дни войны такая миссия вряд ли могла увенчаться успехом: Жеребкову не удалось даже уговорить пограничников пропустить его через границу.

Правда, используя в интересах Освободительного движения свои обширные международные связи, Жеребков заблаговременно предпринял кое-какие шаги. В частности, он обратился к Густаву Нобелю, с которым когда-то познакомился в Париже. В марте 1945 года Жеребков написал Нобелю письмо, которое военный атташе Швеции в Берлине полковник фон Данефельд вызвался отправить курьерской почтой в Швецию. Еще более обещающими выглядели перспективы в Испании: генерал Франко, дипломаты которого в Берлине проявили интерес к Освободительному движению, не скрывал симпатий к Власову. Несколько офицеров

из окружения Власова участвовали в испанской войне на стороне инсургентов: например, полковник Сахаров, бывший некоторое время адъютантом Власова, и капитан барон Людингхаузен-Вольф, офицер для особых поручений в армейском штабе. К тому же Жеребков в бытность свою в Париже был хорошо знаком с генералом графом Ниродом, дядей графини Кудашевой, жены недавно назначенного американского посла в Мадриде Нормана Армура. В марте 1945 года Жеребков передал испанскому дипломату письмо для графа Нирода с настоятельной просьбой использовать все его личные связи в США и Англии, чтобы спасти от гибели Освободительное движение. 27 апреля Власов вручил Жеребкову доверенность и письмо к Франко и через сопровождающего его немецкого офицера обеспечил Жеребкову самолет на ближайшем аэродроме в Инсбруке.

Но поездка Жеребкова в Испанию так и не состоялась, безрезультатными оказались и все прочие попытки связаться с союзниками. Нам известно о нескольких таких попытках. В январе 1945 года швейцарский журналист Брюшвайлер предложил Жеребкову по своим каналам передать западным союзникам в Швейцарии меморандум с разъяснением целей и сути Русского освободительного движения и напечатать серию статей о РОА в „Нойе Цюрхер Цайтунг“. Статьи так и не появились: очевидно, их не пропустила цензура. В марте 1945-го всемирно известный ученый Вышеславцев после встречи с Власовым в Карлсбаде отправился в Швейцарию с той же миссией. И наконец, профессор права Рашхофер и профессор философии Эйбл уговаривали Власова обратиться по пражскому радио с призывом к собравшейся в Сан-Франциско сессии Лиги наций и разъяснить мировой общественности суть политического движения, цели которого базируются на демократических принципах. Государственный министр Франк не возражал против содержания заявления, составленного Рашхофером и Эйблом вместе с Жеребковым, но не счел возможным дать разрешение на такой „в высшей степени политический акт“, тем более что в тексте обращения говорилось, среди прочего, о равноправии евреев в будущем русском государстве.

Помочь спасти РОА пытался и архиепископ митрополит Анастасий, глава Православной русской церкви за рубежом. 19 ноября 1944 года он вместе с митрополитом Германии Серафимом отслужил в православной церкви в Берлине торжественный молебен в честь провозглашения Пражского манифеста[559]. В феврале 1945 года Анастасий, находясь в Карлсбаде, готовился к поездке в Швейцарию по делам церкви, и генерал-майор Мальцев, воспользовавшись разговором о роли

военных священников в ВВС РОА, посвятил его в планы Власова установить контакт с союзниками и просил его о помощи[560]. Митрополит, горячо сочувствовавший Освободительному движению, заверил Мальцева, что, если поездка в Швейцарию состоится, он сделает все возможное, чтобы лично или через посредников связаться с союзниками и помочь своим страждущим соотечественникам.

В течение весны 1945 года было предпринято также несколько попыток установить непосредственный контакт с наступающими войсками союзников, на сей раз с целью достичь соглашения о капитуляции с единственным условием не выдавать членов РОА Советам. В последние дни апреля в Фюссене, куда перебрался КОНР, Власов, генералы Малышкин, Жиленков, Боярский, уполномоченный немецкий генерал Ашенбреннер и капитан Штрик-Штрикфельдт обсудили дальнейшие действиян. Все склонялись к предложению Ашенбреннера немедленно послать парламентеров к американцам и договориться о капитуляции. 29 апреля генерал-майор Малышкин и капитан Штрик-Штрикфельдт (под именем полковника Веревкина) в качестве переводчика перешли линию фронта. Американские офицеры встретили их вполне корректно, но тут же обнаружилось их полное непонимание проблемы (они ничего не знали о РОА). Малышкину представилась возможность подробно обсудить проблемы Русского освободительного движения с командующим 7-й армией генералом Пэтчем. В разговоре выяснилось отрицательное отношение американцев к тому, что русские добровольческие соединения воевали во Франции и Италии против союзных войск, и Малышкину пришлось положить немало труда на то, чтобы убедить их, что эти добровольцы в немецких формах с эмблемой „РОА“ на левом (а не на правом) рукаве подчинялись исключительно немцам и не имели никакого отношения к власовской армии. После беседы генерал Пэтч заверил Малышкина в своих личных симпатиях, однако взять на себя ответственность в решении этих вопросов не решился. Он мог лишь пообещать обращаться с солдатами РОА после капитуляции как с военнопленными, но решение их дальнейшей судьбы оставалось за Вашингтоном.

Одновременно штурмбаннфюрер СС фон Сивере и капитан РОА барон Людингхаузен-Вольф предприняли попытку передать меморандум Власова главнокомандующему союзными силами в Средиземноморье фельдмаршалу Александеру. Сивере когда-то воевал под началом подполковника Александера в прибалтийском ландсвере против большевиков и теперь надеялся договориться с фельдмаршалом благодаря этим старинным

связям. Но оба посланца были доставлены к офицеру разведки и после короткого допроса интернированы[561].

В свою очередь, генерал-майор Трухин перед отходом южной группы РОА из Хейберга тоже попытался установить связь с союзниками. Он поручил начальнику 2-й секции отдела разведки штаба армии капитану Лапину сообщить американским войскам дислокацию частей РОА в Южной Германии и одновременно попросить их о предоставлении политического убежища, так как в противном случае солдатам обеспечена верная гибель[562]. Лапин нес американцам послание КОНР с заготовленным текстом листовки, которую следовало сбросить над частями в случае согласия американцев на единственное условие капитуляции — не выдавать власовцев Советам. Но Лапин бесследно исчез, и 28 апреля Трухин послал еще одного офицера разведки, капитана Денисова, который оказался удачливее и сумел добраться до американцев. В первые дни мая его вполне доброжелательно допросил начальник контрразведки американской 7-й армии, но никаких результатов эта беседа не возымела.

Между тем в армейском штабе, который после кратковременного пребывания в Будвайсе в начале мая 1945 года был переведен на австрийскую территорию, в Райнбах между Будвайсом и Линцем, продолжались оживленные дебаты[563]. Было решено, что следует немедленно восстановить прерванную связь с Власовым и 1-й дивизией РОА. С этой целью генерал-майор Шаповалов 3 мая отправился в Немецкий Брод на аэродром ВВС РОА и вылетел оттуда в штаб-квартиру 1-й дивизии в Сухомасти, ще приземлился 4 мая[564]. В тот же день в армейском штабе было принято решение немедленно официально объявить о капитуляции перед приближающимися американскими войсками, разъяснив при этом американцам, что РОА — не войска вермахта, а самостоятельные национальные вооруженные силы. Речь шла, следовательно, о том, чтобы при капитуляции узаконить существование РОА как политической организации. 4 мая генерал-майору Ассбергу и полковнику Позднякову была выдана генеральная доверенность на французском языке, подписанная заместителем командующего РОА и членом президиума КОНР генерал-майором Трухиным и членами КОНР генерал-майорами Боярским и Меандровым, майором Ю. А. Музыченко и профессором истории капитаном В. М. Гречко[565]. Перед парламентерами была поставлена задача ознакомить союзные армии с целями Русского освободительного движения, олицетворением которых являлся КОНР под председательством командующего Вооруженными силами генерал-лейтенанта Андрея Власова, и заверить их, что РОА ни

при каких обстоятельствах не вступит в вооруженный конфликт с англоамериканскими войсками.

Вечером 4 мая парламентеры вышли из Райнбаха и не без труда пересекли линию фронта[566]. Их провели к командиру 11-й танковой дивизии бригадному генералу Дейгеру, и тот беседовал с ними в присутствии начальника отдела разведки подполковника Слейдена. Дейгер принял предложение о капитуляции и внимательно выслушал разъяснения генерала Ассберга, но, переговорив с вышестоящими инстанциями (командованием 3-й армии), выдвинул требование безоговорочной капитуляции, то есть такой, которая была бы сугубо военным актом, без политических нюансов. Он заявил, что не в состоянии гарантировать невыдачу власовцев советским властям или хотя бы даже скорое их перемещение в тыл американской армии. Позднякову ничего не оставалось, как прибегнуть к последнему аргументу: он показал генералу Дейгеру подготовленную полковником Неряниным сводку о боевом составе РОА и разъяснил ему, что самое страшное для РОА — это попасть в руки Советов; чтобы избежать этого, армия будет вынуждена сражаться до конца и погибнуть в бою. Американскому генералу явно не улыбалась перспектива военных действий РОА на участке фронта 11-й танковой дивизии, и он снова связался со штаб-квартирой 3-й армии и разъяснил положение, говоря о РОА как о „власовском белогвардейском корпусе, белогвардейских силах освобождения, численностью около 100 тысяч человек“. И хотя по сути изменить ничего не удалось, он все же добился согласия на некоторые послабления[567].

Вооруженные силы КОНР получили разрешение пересечь линию фронта к югу от Будвайса и двигаться в район севернее Линца, то есть в глубокий тыл американской армии. Войскам разрешалось оставить при себе все оружие и амуницию. Даже в районе интернирования офицерам и 10 представителям от каждой роты разрешалось иметь оружие. Американцы поставили условие, чтобы никакое вооружение не досталось немцам, и потребовали освобождения союзных военнопленных — последнее требование носило чисто теоретический характер. 3-я армия, со своей стороны, гарантировала всем русским солдатам, что до конца войны они не будут выданы СССР; дальнейшая же их судьба зависит от решений, принятых на более высоком уровне. Передав парламентерам два экземпляра этих условий капитуляции и карту, Дейгер заявил, что в случае согласия Власов или Трухин должны вернуть ему подписанный экземпляр в течение 36 часов, приняв за точку отсчета 18.00 6 мая[568]. Они

также договорились заранее выслать в район интернирования группу русских офицеров, человек семь-восемь, которые возьмут на себя функции квартирмейстеров. Затем парламентеры получили свое оружие и их проводили к линии фронта.

Как можно оценить результат этих переговоров? С одной стороны, это было признание Вооруженных сил КОНР в качестве партнера по переговорам и капитуляция на внешне вполне сносных условиях. С другой стороны, американцы отказались выполнить главное условие — признать РОА политически самостоятельной организацией, и это должно было навести парламентеров на размышления. Так, адъютант генерал-майора Ассберга лейтенант П. Будков из разговора с американским переводчиком, офицером русского происхождения, вынес впечатление, что американцам важно лишь скорейшее прекращение боевых действий со стороны РОА, все остальное их не интересует[569]. Вернувшись с переговоров, он посоветовал своим друзьям немедленно переодеться в штатское и по одному пробираться на юг. Интересно и то, что при американской дивизии находился советский офицер связи, который попытался завязать знакомство с переводчицей Н. С. Смирновой и шофером С. Трутневым. Трухин счел неразумным проводить капитуляцию при таких обстоятельствах. К тому же 5 мая из района 1-й дивизии, где находился Власов, прибыл генерал-майор Шаповалов с неожиданным известием: Буняченко собирается принять участие в Пражском восстании, и южная группа РОА должна присоединиться к нему в Праге[570]. Трухин, рассчитывавший, что северная группа (1-я дивизия) соединится с южной в районе Будвайса, послал к Власову своего заместителя Боярского выяснить недоразумение и получить более подробные инструкции относительно капитуляции.

Настало 7 мая, от Боярского все еще не было никаких вестей, и Трухин, вопреки всеобщим возражениям, решил лично поехать в Прагу и обсудить положение с Власовым. Но сначала он по настоянию Нерянина подписал экземпляр договора о капитуляции и приказал Позднякову вручить его американцам, если он, Трухин, не вернется до вечера. Потекли часы ожидания. Напряжение росло: срок ультиматума истекал, а Трухин как в воду канул. Вечером 7 мая, узнав о капитуляции вермахта, генерал-майор Меандров решил немедленно послать к американцам парламентеров[571]. Делегацию, во главе с Поздняковым, составили майоры Музыченко, Тархов и Чикалов, капитаны Агафонов, Иванов и Зинченко, переводчица Смирнова. В 18.00 7 мая они выехали на двух грузовиках и добрались до штаба 11-й танковой дивизии только 8 мая, в 5.30, когда

капитуляция Германии уже стала фактом и всякая частная капитуляция потеряла смысл[572]. Однако по настоятельной просьбе Позднякова подполковник Слейден, переговорив с Дейгером, согласился еще раз подтвердить оговоренные ранее условия капитуляции, так что считалось, что она совершилась еще до конца войны[573]. Это было важно потому, что в этом случае русские солдаты, с американской точки зрения, подпадали под статус военнопленных, а не под расплывчатое определение „кадров сдавшейся армии“. Слейден сначала хотел послать в русские части американских офицеров, но потом, дав делегации надежный эскорт, отправил их одних. 8 мая в 14.00 Поздняков вернулся в штаб.

К вечеру никаких известий от Трухина и Боярского не поступило, и на совещании офицеров генерал-майор Севастьянов попросил генерал-майора Меандрова, пользовавшегося всеобщим доверием, принять командование южной группой РОА. Одновременно было решено перейти на следующий день в американскую зону. На рассвете 9 мая колонны армейского штаба, офицерского резерва, офицерской школы и других частей достигли Каплице и в районе американской 2б-й пехотной дивизии беспрепятственно пересекли со всем вооружением американский фронт и собрались в парке замка на западной окраине Крумау. Положение их было крайне неопределенно. Если бы советским войскам удалось, как опасались, прорвать американское заграждение у Крумау, состоявшее лишь из одной роты, русские оказались бы в расположенном на холме парке в настоящей ловушке. Поэтому генерал-майору Меанд-рову пришлось просить разрешения немедленно продолжать продвижение на запад в духе соглашения с генералом Дейгером. С этой целью он еще раз послал генерал-майора Ассберга и полковника Позднякова в ближайший американский штаб. К делегации присоединился также полковник Герре, которого Меандров освободил от его обязанностей в РОА и который направлялся к генералу Кестрингу[574]. Командиры РОА решили, что свидетельство Кестринга, пользовавшегося большим уважением, окажется очень полезным, когда придется доказывать американцам, что РОА — самостоятельная армия, зависящая от немцев лишь в плане снабжения. Но эмиссаров вскоре остановил командир 101-го (или 104-го) пехотного полка полковник Хендфорд. Он хотел направить их в штаб генерала танковых войск Неринга, который ведал всеми пленными немецкими частями в этом районе. В штаб-квартире этого командира полка произошел неприятный инцидент[575]. Советский офицер связи спросил Позднякова: „Что вы тут делаете, адъютант генерала

Власова?“, на что Поздняков коротко ответил: „Спасаю наши части“. Тогда советский офицер повернулся к генерал-майору Ассбергу и со словами: „А мы вас знаем, генерал!“* плюнул ему на форму. Американский командир, как пишет Герре, „был крайне возмущен этой неслыханной наглостью и тут же выставил советского офицера из комнаты“. Не согласился он и на требование советского офицера на 2-3 дня задержать делегатов РОА. Ассберг и Поздняков добрались до штаба генерала Неринга и утром 11 мая вернулись назад в штаб русской армии, который теперь находился в Кладенске Ровне, в пяти километрах к юго-западу от Крумау. Американцы пошли лишь на единственную уступку, разрешив стянуть части южной группы РОА в лагере, расположенном западнее. Через несколько дней русским сообщили о том, что они считаются военнопленными, и им было приказано сдать оружие.

Таким образом армейскому штабу, офицерскому резерву, офицерскому училищу и некоторым другим частям РОА удалось без осложнений перейти в район, занятый американцами. Но как обстояло дело с запасной бригадой и 2-й дивизией РОА, стоявшими к северо-востоку от Крумау? Поведение штаба 2-й дивизии, который еще утром 9 мая не предпринимал никаких действий, представляется довольно странным. 6 мая генерал-майор Трухин лично передал командиру дивизии приказ подтянуть дивизию ближе к остальным частям РОА. 8 мая генерал-майор Зверев участвовал в совещании в штабе, так что он был в курсе принятого там решения[576]. 9 мая в 4.00 до отхода штаба и других частей в район, занятый американцами, во 2-ю дивизию был послан майор Шейко с приказом немедленно двинуться в путь. 9 мая начальник немецкой группы связи майор Кай-линг, тоже получивший приказ уходить, хотел доложить об отбытии Звереву[577]. В штабе царил хаос, вокруг сновали ординарцы. Зверев пригласил Кайлинга позавтракать вместе и попросил его раздобыть оружие, „сколько сумеете... мы будем драться...“*. Зачем ему было нужно оружие, хотел ли он просто обезопасить путь своих частей или же намеревался вступить в последний отчаянный бой — так и осталось неясным. Во всяком случае, несмотря на наличие машин и запас бензина, штаб не успел вовремя уйти на запад. В ночь на 10 мая штаб был атакован частью советской 297-й стрелковой дивизии (46-я армия 3-го Украинского фронта). По сообщению начальника отдела разведки капитана Твардевича, раненный в перестрелке Зверев попал в руки противника. К тому времени начальник штаба полковник А. С. Богданов решил на свой страх и риск повести дивизию в тыл[578], и, в отличие от полка снабжения, 2-го полка и других

формирований, нескольким соединениям, таким, как артиллерийский полк, и большому числу солдат удалось пересечь границу американской зоны[579].

Запасная бригада, собравшаяся в Каплице под командованием полковника Койды, сумела перейти к американцам в полном составе. 8 мая, не дождавшись приказов из штаба и возвращения мотоциклистов-связных, командир бригады решил вести свои части на запад[580]. По проселочным дорогам колонна спокойно пересекла демаркационную линию. Остановивший их вскоре американский полковник приказал русским сложить оружие и очистить шоссе. Но полковник Койда твердо знал, чего он хочет. На следующую ночь, двигаясь по боковым дорогам, он привел бригаду в район города Фридберга (Фрымбурка), где они остановились. Идущий по шоссе обоз под командованием подполковника Трофимова запаздывал, и им пришлось пустить на мясо часть лошадей дивизии. Койда завязал дружбу с комендантом Фридберга, американским майором, очень милым человеком, говорящим к тому же по-русски. И эти дружеские отношения сыграли решающую роль в судьбе многих членов бригады.

Между тем генерал-майор Трухин и другие генералы, направлявшиеся в Прагу, ехали навстречу своей гибели. Генерал-майор Боярский 5 мая въехал в Пршибрам, который уже два дня назад захватили партизаны-коммунисты. Боярского задержали и привели к командиру отряда „Смерть фашизму“, капитану Советской армии Олесинскому (он же Смирнов), который стал осыпать его оскорблениями. Боярский, человек вспыльчивый и горячий, не сдержавшись, дал советскому офицеру пощечину, и тот, вне себя от ярости, приказал повесить генерала[581]. Трухин, выбравший с генерал-майором Шаповаловым и немецким офицером связи майором Оттендорфом тот же путь, утром 8 мая попал у Пршибрама в засаду. Подробности стали известны из рассказа его адъютанта, старшего лейтенанта Ромашкина, которого позже освободили власовцы[582]. Пригрозив оружием, Трухина заставили выйти из машины перед партизанским штабом. Шаповалова, привезенного в штаб в первой машине, уже увели куда-то и затем расстреляли. Капитан Красной армии в полной форме, видимо, тот же Олесинский, отобрал у Трухина и сопровождавших его власовцев оружие и документы и посадил всех под стражу в одиночки. Утром 9 мая генерал-майора Трухина передали представителям советских военных властей, которые отправили его из Дрездена самолетом в Москву. По всей видимости, в районе Пршибрама в руки к партизанам попали также и генерал-майоры Благовещенский и М.В. Богданов. Таким

образом, в эти критические дни бесследно пропала группа ведущих офицеров РОА, пытавшаяся установить связь с главнокомандующим. Полковник Поздняков позже задавался вопросом, не следовало ли в связи с восстанием в Богемии соблюдать большую осторожность[583]. Даже с учетом того, что восставшие чехи считали власовцев своими союзниками, Трухин поступил крайне неосторожно, отправившись в путь без вооруженной охраны. Вообще Поздняков выражает удивление тем, что начальник отдела связи штаба подполковник Корбуков не смог установить прямой радиосвязи с главнокомандующим и с 1-й дивизией, в то время как 2-я дивизия располагала соответствующим оборудованием, а расстояние от Праги составляло немногим больше 150 километров.

Глава 11.
Конец Северной группы РОА

Во время описанных выше событий северная группа РОА, то есть главнокомандующий и 1-я дивизия, еще совсем недавно контролировавшая значительную часть Праги, отступала, как после проигранной битвы. Но паники в дивизии не было: солдаты по-прежнему глубоко верили в генерала Власова и не сомневались, что он найдет выход из трудной ситуации!. Буняченко разрешил вернуть оружие майору Швеннингеру и остальным офицерам немецкой группы связи и отдал приказ прекратить все действия против немецких сил. Дивизия с 4-м полком в арьергарде двигалась через Сухомасти — Пршибрам Рожмиталь к американской демаркационной линии южнее Пльзеня.

Утром 9 мая, когда большая часть южной группы уже вошла в американскую зону, колонны северной группы находились в окрестностях Пршибрама, занятого партизанами. Разведка донесла командиру 1-го полка подполковнику Архипову о том, что генералы Трухин, Шаповалов и Боярский взяты в плен, и Архипов с несколькими бронемашинами направился в штаб чешских партизан с требованием немедленно освободить генералов[584]. Но он опоздал: Трухина уже увезли, Боярского и Шаповалова — убили. Днем, когда дивизия уже почти миновала Пршибрам, капитан Ю. Б. Будерацкий из 3-го полка в поисках бензина забрел на окраину. Вдруг из тюрьмы, находившейся неподалеку, до него донеслись крики о помощи на русском языке[585]. Будерацкий поспешил за подкреплением и окружил здание. Ему удалось освободить старшего лейтенанта Ромашкина и других взятых в плен адъютантов и шоферов. Власовцы собирались прочесать соседний лес, надеясь найти пропавших генералов (или хотя бы их тела), но от этой мысли пришлось отказаться: советские танки приближались к Пршибраму, и капитан Будерацкий со своей частью опасался отстать от дивизии.

Днем 10 мая на участке между Рожмиталем и Бельчице передовой отряд РОА наткнулся на контрольные посты американской 4-й танковой дивизии, на границе района, который, хотя и был занят незначительными силами американцев, находился восточнее временной демаркационной линии. Но американский командир не сумел правильно расценить появление перед ним укомплектованной русской дивизии в столь неожиданном месте, приняв ее за вырвавшиеся

вперед части Красной армии. Он никак не мог взять в толк, почему после окончания военных действий дивизия следует на запад, и лишь после некоторых колебаний разрешил русским проследовать в казармы, в 10 километрах к юго-западу. Так что 1-я дивизия РОА оказалась в американской зоне по чистой случайности. Тем не менее власовцы позже были взяты под стражу и интернированы как военнопленные или, по новой терминологии, „сдавшиеся в плен вражеские силы“. 10-11 мая американские офицеры приказали власовцам сдать оружие, при этом, как и в южной группе РОА, офицерам разрешалось оставить себе пистолеты и по 10 человек в каждой роте могли сохранить личное оружиеˆ. Относительно танков, противотанковых орудий и противотанкового дивизиона никаких приказов не было, да и вообще разоружение протекало довольно вяло.

Солдаты РОА получили краткую передышку, но видимость была обманчива. Американцы в Богемии проводили политику, по которой все немецкие войска, находившиеся 9 мая к востоку от стоп-линий, передавались Красной армии. В эту категорию попали части группы армий „Центр“, воевавшие против Красной армии, и РОА или, по американскому определению, „белые русские“[586]. Переговоры Власова с 3-й американской армией, начатые после Пражской операции, ни к чему не привели. Когда 1-я дивизия выходила из Праги, Власов, находясь за пределами города, послал своего адъютанта капитана Антонова в Пльзень — для установления контактов с американцами. Капитан вернулся с обычным требованием безоговорочной капитуляции и заверением, что вопросы политического характера будут решаться в Вашингтоне. (В принципе, американские военные власти придерживались этой позиции до самого конца.) После совещания с Буняченко Власов решил сам отправиться к американцам, чтобы воздействовать на них личным авторитетом и попытаться разъяснить специфику РОА и политические цели Освободительного движения[587]. Он пустился в путь в сопровождении начальника управления безопасности РОА подполковника Тензорова, нескольких офицеров и личной охраны. Первым им повстречался американский полковник, который тоже никак не мог разобраться, о какой армии идет речь и чем „русская“ армия отличается от советской. Положение спасли жители Пльзеня, восторженно встречавшие „освободителя Праги“. Тогда городской комендант пригласил Власова и его спутников на завтрак и в застольном разговоре, когда Власов разъяснил цели РОА, признал свою ошибку. Вообще американцы были исключительно приветливы и доброжелательны в отношении власовцев, но тем дело и ограничивалось.

Утром 10 мая Власова принял американский генерал, командующий округом, который лишь повторил то, что уже было сказано Антонову: безоговорочная капитуляция без каких бы то ни было гарантий от выдачи. Более того: американские офицеры намекали Власову, что ему и его спутникам лучше всего бежать, и обещали снабдить их штатской одеждой и бензином. И некоторые офицеры власовского эскорта, в частности Тензоров, склонялись к тому, чтобы принять это предложение, но Власов отказался, объяснив старшему лейтенанту В. Реслеру, что не может бросить своих беззащитных солдат на произвол судьбы. Он послал старших лейтенантов Левчука и И. Пекарского и своего адъютанта Антонова в 1-ю дивизию с поручением передать, что он не видит иного выхода, как только согласиться на капитуляцию на американских условиях. Вечером 10 мая Власов под американским прикрытием тронулся в путь по шоссе, по которому уже двигались советские части. Он направлялся в замок Шлиссельбург, в 50 километрах к юго-востоку от Пльзеня, куда должна была прибыть 1-я дивизия.

Американцы приняли капитуляцию, однако выяснилось, что они вовсе не намерены считать власовцев военнопленными. В следующие два дня власовцы прилагали отчаянные усилия к тому, чтобы 3-я армия взяла их под стражу, — а советские части продвигались все ближе и наконец образовали полукруг у района 1-й дивизии, взяли под наблюдение дороги на запад и в конечном счете грозили отрезать все пути к побегу. 10 мая разведка быстро продвигавшегося на юг мимо Праги советского 25-го танкового корпуса обнаружила власовское соединение западнее Бржезнице. Днем 11 мая командир корпуса генерал Е. И. Фоминых нанес визит командиру американского 12-го корпуса генерал-майору Ле Рой Ирвину[588]и попросил его „разоружить“ бродящих в лесах власовских бандитов. По словам Фоминых, американский генерал дал ему уклончивый ответ, сославшись, видимо, на то, что не в его компетенции решать вопрос о выдаче. Так что советскому генералу пришлось действовать самостоятельно. Он приказал командиру 162-й танковой бригады полковнику И. П. Мищенко „настичь изменников“. Это была довольно трудная задача, потому что, во-первых, советские не совсем ясно понимали позицию американских союзников, а во-вторых, как пишет генерал С. М. Штеменко в своих мемуарах, „впереди находилась целая дивизия готовых на все головорезов“, а „близость спасения“ у американцев „могла придать им силы“. Чтобы задержать дивизию, дезорганизовать ее действия и затем обрушиться на нее всей танковой мощью, было решено прибегнуть к обману. По словам Штеменко, „помогли сметка, здравый смысл и понимание

психологии врага“[589].

11 мая в расположение дивизии проникли советские агитаторы с заданием посеять разлад между офицерами и рядовыми[590]. Они убеждали власовцев, что советское правительство готово великодушно простить простым солдатам, „русским людям, друзьям и братьям“ все их заблуждения, что Родина-мать зовет своих заблудших сыновей. Зато генерала Власова и офицеров агитаторы поносили последними словами. Однако желаемого результата это мероприятие не дало. Солдаты, все еще рассчитывавшие стать военнопленными американцев, „были настроены относительно оптимистично. Царили дисциплина и порядок. Явлений возмущения и разложения не наблюдалось“*[591]. Выслушав советских офицеров, власовцы и не подумали выступить против своих командиров, да и обещаниям они верили не слишком. Очевидец описывает такой эпизод: кто-то из эскорта советского лейтенанта поднял оружие против подоспевшего к ним командира полка, и солдаты РОА немедленно направили на красноармейцев свои автоматы[592]. Но до столкновений не дошло. Советские офицеры несколько раз даже вступали в дружеские беседы с власовцами, убедившись предварительно, что за ними не следят их товарищи.

Однако вечером 11 мая настроение в дивизии начало меняться. С застав поступали донесения о приближении советских танков, цель которых могла состоять лишь в одном — отрезать путь на запад. Буняченко срочно перевел свой штаб из Гвождани к Шлюссельбургу и приказал всем частям дивизии в ускоренном темпе подтянуться в район северо-западнее города. Он связался с американским комендантом Шлюссельбурга капитаном Донахью, который обещал принять решение о дальнейшем продвижении власовцев утром 12 мая, к 10 часам. Но Донахью по собственной инициативе сослужил дивизии большую службу. Он поехал с переводчицей Рождественской в штаб 162-й танковой бригады и категорически потребовал во избежание инцидентов немедленно отвести советские танки, уже вторгшиеся в его район. Вмешательство американского офицера заставило полковника Мищенко пойти на попятную. К тому же он полагал, что 1-я дивизия вооружена и боеспособна. Тем охотнее схватился он за внезапно подвернувшуюся возможность все-таки захватить дивизию.

Вечером 11 мая командир 2-го полка подполковник Артемьев, не знавший о переезде дивизионного штаба, случайно забрел в штаб советской танковой бригады. Не растерявшись, он выдал себя за парламентера, посланного генералом Буняченко для установления связи с советскими войсками с целью

добровольного перехода на их сторону. Мищенко выказал горячую заинтересованность в этом вопросе и даже заявил о готовности принять меры, чтобы избежать столкновения с власовской дивизией. Ночью Артемьев с двумя советскими офицерами — по всей вероятности, разведчиками майором П. Т. Виноградовым и старшим лейтенантом Н. П. Игнашкиным — появился в штабе дивизии. Буняченко, сразу поняв ситуацию, сделал вид, что готов вести переговоры. Чтобы выиграть время до следующего дня, до срока, назначенного американцами, он послал Артемьева назад в Гвождани якобы за получением письменных гарантий и для обсуждения деталей перехода дивизии на советскую сторону. Мищенко, ничуть не колеблясь, собственноручно составил заявление, где власовцам гарантировалась амнистия, и пообещал ничего не предпринимать против дивизии, если она в 11 часов утра 12 мая перейдет на его сторону со всем оружием. Правда, поздним вечером после ужина с водкой он стал требовать, чтобы Артемьев привел свой полк прямо сейчас, не дожидаясь решения командира дивизии.

Через много лет этот эпизод стал предметом ожесточенных споров. Полковник Поздняков сомневается в версии Артемьева и называет этот маневр „грязным пятном“ на памяти 1-й дивизии РОА13, приводя, впрочем, также мнения полковника Кромиади, подполковника Архипова-Гордеева и капитана М. В. Шатова, начальника архива РОА1[593], которые считают, что в любом случае, независимо от того, имел Артемьев полномочия или нет, начатые им переговоры обеспечили дивизии необходимую передышку. Договоренность с Мищенко давала власовцам хоть какую-то гарантию, что советские танки не захватят их врасплох до утра 12 мая, до того момента, когда, как они надеялись, американцы разрешат им продолжать поход на запад. Ретроспективно можно также констатировать, что именно Буняченко в конце концов перехитрил советского командира. Но все же утром 12 мая события неожиданно приняли дурной оборот.

Ночью американскому коменданту Шлюссельбурга был доставлен меморандум, составленный лично Власовым — или, что вероятнее, начальником отдела пропаганды 1-й дивизии майором Боженко. В меморандуме еще раз подчеркивался особый характер РОА как самостоятельной Русской освободительной армии, ни в коей мере не состоявшей на службе у немцев, и выражалась просьба об интернировании и предоставлении власовцам политического убежища[594]. Руководители Освободительного движения заявляли также о готовности предстать перед международным судом в любом составе и нести

ответственность за свои действия. Но американцы уже приняли решение.

Еще 6 мая, когда южная группа РОА обратилась к американцам с предложением о капитуляции, командующий 3-й армией генерал Паттон заметил, что положение этих „белых русских-достойно жалости“[595]. Он записал в своем дневнике, что для спасения власовцев их следовало бы как можно скорее вывести из Чехии и зачислить в категорию перемещенных лиц. Однако в это время в 12-ю группу армий под командованием генерала Бредли поступило распоряжение из штаб-квартиры генерала Эйзенхауэра: с 00 часов 9 мая запретить немецким силам в Чехии — в том числе и армии Власова — переход границы зоны американской оккупации, а нарушителей передавать Красной армии. 11-13 мая дивизии 3-й армии разработали и передали 12-му корпусу указания об условиях передачи[596]. 12 мая офицер связи 26-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Пола передал 12-му корпусу следующее предписание: „Относительно власовцев дивизия полагает, что самый лучший способ выдачи их (Красной армии) — впустить их в зону, окружить район с власовски-ми силами, а затем отвести американские части назад“. При этом американские высшие офицеры прекрасно понимали, какой судьбе обрекают они этих людей. Командующий 12-м корпусом генерал-майор Ле Рой Ирвин в телефонном разговоре с начальником штаба 3-й армии генерал-майором Геем отметил, что „советские расстреливают всех белых русских (то есть членов РОА) и эсэсовцев“.

Так обстояло дело, когда 12 мая в 10.00 Буняченко и начальник штаба 1-й дивизии подполковник Николаев решили отправиться в американский штаб. Какой-то капитан — вероятно, Донахью — уже сообщил им по поручению вышестоящего начальства, что, к сожалению, не может дать русской дивизии разрешение пройти в американскую зону. Но от себя американский офицер добавил, что в 14.00 его часть оставит Шлиссельбург и поэтому он советовал бы власовской дивизии попытаться, разбившись на маленькие группки, добраться до американской зоны. Капитан также дал Буняченко возможность встретиться в замке Шлюссельбург с Власовым. Командующий лишь подтвердил полную безнадежность положения и отдал приказ о немедленном роспуске дивизии, чтобы предоставить солдатам возможность спасаться по одиночке.

В полдень 12 мая приказ главнокомандующего был выполнен. Буняченко в последний раз вызвал по радио командиров полков и прочих офицеров в штаб дивизии, на северо-западной окраине

Шлюссельбурга. В эти последние трудные месяцы Буняченко не раз становился единственной надеждой своих солдат, и он всегда умел найти выход из самых безнадежных положений. Но теперь даже он ничего не мог сделать![597]. От имени Власова он освободил командиров от присяги и попросил их как можно скорей отправить солдат маленькими группками, минуя шоссе и населенные пункты, по направлению к немецкой границе. „Там мы снова встретимся!“* — сказал он. После короткого прощанья он и несколько штабных офицеров, в том числе Николаев, сняв знаки различия, сели в машины и поехали в Шлюссельбург к Власову.

В долине западнее города полки РОА получили последний приказ: „Разойдись!“ До этого момента в частях сохранялся относительный порядок, но теперь все разом развалилось, начался хаос. Нет, солдаты не проклинали то дело, за которое теперь им предстояло погибнуть, но среди них царило отчаяние. Одни подходили к командирам, прощались, просили последнего совета; другие, не в силах снести надвигающийся ужас, покончили с собой, в лесу то и дело гремели выстрелы. Третьи, охваченные апатией, лежали на земле, там, где застиг их последний приказ, и покорно ждали своей участи. Но большинство все же устремилось на юг и юго-запад, к американской зоне. Теперь все зависело от того, как отнесутся к ним американские части. В тот день напротив 1-й дивизии стояли 357-й, 358-й и 359-й пехотные полки 90-й пехотной дивизии. С 13.30 из этих полков стали поступать сообщения о том, что „белые русские“ оставили свои посты и бегут от Красной армии „как зайцы“. Командир 90-й пехотной дивизии генерал-майор Ирнест приказал любыми средствами задерживать бегущих![598]. Вскоре такой же приказ получил 12-й корпус. Однако, несмотря на приказы, американцы вели себя в этой ситуации по-разному. Например, офицер связи 12-го корпуса, который отправился в район Шлюссельбурга, готов был сделать все, чтобы помочь русским; командир 359-го пехотного полка разрешил власовцам пройти в американскую зону; в то же время в других полках их не пропускали и даже угрожали оружием. Нередко американские солдаты и офицеры, понимая ситуацию и сочувствуя русским, пропускали солдат-одиночек и небольшие группы через линию. Но сам по себе переход границы американской зоны вовсе не гарантировал безопасности: прорвавшиеся могли в любой момент наткнуться на офицера, который отправил бы их в место сбора для выдачи советским властям. Бессчисленное множество власовцев попало в руки к чехам или частям Красной армии, следовавшим по пятам за отходящими американцами, и было

расстреляно на месте или взято в плен. Были в 1-й дивизии и такие, кто, как командир разведотряда майор Костенко и его группа, взял в руки оружие и углубился в лес, чтобы погибнуть в бою. И наконец, многие решили, что лучше добровольно перейти к советским войскам сегодня, чем подвергнуться насильственной выдаче завтра. Всех не расстреляют, думали они, „отсидим в лагерях, а потом выйдем на свободу“*. Как вспоминает Швеннингер (который, кстати, тоже только сейчас решился бежать), командир артиллерийского полка подполковник Жуковский сказал ему: „Что ж Вы хотите, там ведь родина. На чужбине я жить не могу“[599]. Но никаких различий между добровольно сдавшимися и взятыми в плен власовцами советская сторона не проводила. И офицер, перешедший со своим отрядом к Красной армии в ночь на 12 мая, был на другое утро расстрелян на глазах у своих солдат[600]. Тех, кто в панике бежал, расстреливали из пулеметов.

После 12 мая пленные из 1-й дивизии РОА были собраны в лагере недалеко от Шлюссельбурга. Их разделили на три категории: офицеры, унтер-офицеры и солдаты. К ним приехал советский генерал, очевидно, представитель военной юстиции, который объявил, что все офицеры приговорены к расстрелу, а рядовые — к 25 годам лагерей. Утром следующего дня „несколько десятков офицеров“ были расстреляны на глазах у подчиненных, специально выстроенных по этому случаю. Многие простые солдаты тоже были расстреляны. Не щадили даже раненых, находившихся в дивизионном лазарете, вытаскивали их из санитарных машин, невзирая на их состояние, и присоединяли к прочим. Врачи, медсестры и санитары подверглись тем же унижениям и мукам, что и прочие пленные. Продержав власовцев в этом месте несколько дней (никакой еды все это время пленные не получали), их повели на восток, навстречу неизвестному будущему.

12 мая решилась также судьба Власова, который в последние дни впал в состояние полного отчаяния, болел, страшно исхудал и был совершенно не похож на себя[601]. Вечером 10 мая, по прибытии в Шлюссельбург, Власова принял американский капитан Донахью. Он внимательно выслушал генерала, дав ему возможность лишний раз изложить историю и цели Русского освободительного движения. Очевидно, обсуждался также вопрос об эвакуации 1-й дивизии в тыл и были предприняты некоторые шаги в этом направлении. Донахью, исполненный благих намерений, предложил Власову загодя отправиться в немецкий район в сопровождении освобожденных английских пленных или штатских лиц, но Власов отказался, объяснив, что его заботит

судьба его солдат. Когда утром 12 мая было решено закрыть русской дивизии путь на запад, Власову передали, что его ждут в штабе американского генерала. По рассказам нескольких офицеров РОА можно воссоздать картину того, что произошло во время этой поездки. Если же еще добавить сюда советскую версию, то, несмотря на искажение некоторых деталей, можно все же с определенной точностью реконструировать обстоятельства ареста Власова.

По советской версии, основанной на рассказе генерала Фоминых, Власов пал жертвой измены[602]. Командир мотострелкового батальона передового отряда 162-й танковой бригады капитан М. И. Якушов сумел перетянуть на свою сторону командира батальона 1-й дивизии капитана П. Н. Кучинского, который хотел спасти свою голову или, как пишет генерал армии Штеменко, искупить в последний час свою вину. Вместе с Кучинским на его машине Якушов обогнал и остановил штабную колонну. С помощью Кучинского и одного из шоферов он нашел Власова и заставил его пересесть в машину комбата.

В рассказах офицеров РОА Пекарского, Реслера, Антонова и Донорова сцена ареста выглядит несколько иначе. Если объединить их сообщения, совпадающие не во всех деталях, то события предстанут примерно следующим образом. 12 мая в 14.00 автоколонна выехала из замка Шлюссельбург; во главе шел американский джип, за ним две машины дивизионного штаба; первую вел подполковник Николаев, в ней сидели Буняченко, старший лейтенант Пекарский и еще один офицер. За ними следовали две машины штаба армии, замыкали колонну одна или две американских бронированных машины. Власов, со своим адъютантом капитаном Антоновым, старшим лейтенантом Реслером, выполнявшим функции переводчика, и шофером Лукьяненко, находился в ведущей машине армейского штаба. По дороге Николаева окликнул знакомый шофер из машины, стоявшей на обочине:

- Куда едете, господин подполковник?

- Езжай с нами, Миша*, — ответил Николаев.

Это, очевидно, была машина Кучинского, в которой находился Якушов. Проехав вместе с колонной несколько километров к югу от Шлюссельбурга, на переправе через речку Копрживнице машина обогнала колонну и вынудила ее остановиться. Якушов сначала подошел к машине Буняченко, но тот на требование вылезти ответил, что он пленный американской армии. Тогда Якушов и советские солдаты заставили выйти пассажиров той машины, где ехал Власов. Реслер пошел к американскому офицеру, возглавлявшему

колонну, надеясь, что тот вмешается, но американцы лишь молча наблюдали за происходящим. Шофер Лукьяненко и капитан Антонов, воспользовавшись возникшей перепалкой, развернулись и поехали назад в Шлюссельбург. Власова, который добровольно присоединился к Реслеру, под угрозой оружия заставили сесть в машину Кучинского. Машина тут же сорвалась с места, и Власов был доставлен в штаб-квартиру 25-го танкового корпуса. Сообщения советской стороны о том, что Власов якобы пытался бежать, не соответствуют истине.

В штабе его приняли сравнительно корректно. Советские офицеры и солдаты с интересом и вполне доброжелательно пытались общаться с Реслером. Но генерал Фоминых, угрожая уничтожить „банду“, вынудил Власова отдать приказ 1-й дивизии сдаться Красной армии. После первых допросов в СМЕРШе Власов, Буняченко и другие офицеры были доставлены в штаб 13-й армии, а затем по приказу маршала Конева их из Дрездена самолетом отправили в Москву.

Обстоятельства ареста Власова, тот факт, что у него и у сопровождавших его офицеров заранее отобрали оружие, то, что американские офицеры позволили увезти командиров РОА, не вмешавшись, — все это позволяет заключить, что американцы намеренно подыгрывали советским. Имеются данные, подтверждающие эту гипотезу, выдвинутую Кромиади и другими авторами. В источниках РОА упоминается американский полковник Мартин, как будто комендант лагеря военнопленных в районе Хораждовице, но скорее всего офицер штаба 12-го корпуса, по долгу службы связанный с Красной армией[603]. Этот Мартин внезапно появился на месте событий и приказал американским солдатам „не вмешиваться в русские дела“.

Можно, однако, с уверенностью утверждать, что комендант Шлюссельбурга капитан Донахью не имел ничего общего с этими махинациями. Свидетели событий единодушны в том, что Донахью испробовал все средства, чтобы получить для 1-й дивизии разрешение на проход через американскую линию и устроить побег Власова. В ночь после ареста Власова он лично отвел русских, находившихся в замке (подполковника Тензорова, майора Савельева, капитана Антонова, лейтенанта Донорова, шофера Лукьяненко и еще несколько человек) глубоко в тыл американской армии, вручил им пропуска и отпустил их. И в других местах американские солдаты и офицеры не раз спасали жизнь и свободу членов РОА. В этой связи следует упомянуть коменданта города Фридберга, который немедленно откликнулся на просьбу командира запасной бригады РОА полковника Койды и выписал пропуска для всей бригады[604]. В течение десяти дней

таким способом в Баварию проникли и ушли там в укрытие 15 офицеров и 600 рядовых. Демобилизация РОА была приостановлена лишь после приказа Меандрова, который возлагал все надежды на американцев и, в качестве представителя Власова, считал важным сохранить на будущее костяк армии. Однако его ждало жестокое разочарование.

Глава 12.
Выдача

К тому моменту, когда северная группа РОА — главнокомандующий и 1-я дивизия, всего 20 тысяч человек — в основном уже находилась в руках у Красной армии, американцы собрали части южной группы, насчитывавшей 25 тысяч человек (штаб армии, офицерский резерв, офицерская школа, 2-я дивизия, запасная бригада, строительный батальон, батальон охраны и другие подразделения) в районе Кладенске Ровне — Фридберг, а после 26 мая перевели их в Ландау (Бавария). Солдаты чувствовали себя на положении военнопленных или, скорее, интернированных американской армии: в первые недели их почти не охраняли, а у офицеров даже оставалось их личное оружие. Обращались с ними очень вежливо, а благожелательные американские офицеры разъясняли (не имея, правда, на то никаких полномочий), что весь военный персонал РОА будет демобилизован и переведен на положение штатских лиц. Офицеры воспряли духом и даже решили, что смогут в новой обстановке сохранить идеи Освободительного движения[605].

Уже в первые дни плена в Кладенске Ровне офицеры штаба и находившиеся там же несколько членов КОНР решили создать ведущий политический орган для продолжения освободительной борьбы[606]. Председателем стал бывший начальник офицерской школы РОА генерал-майор Меандров, в отсутствие Трухина взявший на себя командные функции. Его заместителем был выбран бывший начальник оперативного отдела штаба армии полковник Нерянин, членами совета стали полковники Богданов (начальник штаба 2-й дивизии) и Богун, майор Чикалов (начальник контрразведки), майор Конев, полковник Денисов (начальник отдела формирований штаба), подполковник Грачев (начальник отдела разведывательного отдела штаба), капитан Гречко, подполковник Корбуков (начальник отдела связи штаба), полковник Новиков (начальник санитарного отдела штаба), майоры Музыченко и Тархов.

Заявления, с которыми они обращались к американцам на первой стадии плена, свидетельствуют об их надеждах на возобновление политической деятельности. К сожалению, историки не располагают текстом меморандума Меандрова, написанного в те дни, и его приказом No 15, но можно предположить, что по содержанию эти документы были схожи с запиской командира Донского казачьего полка группы Туркула,

старого эмигранта генерал-майора С. К. Бородина, отправленной 20 мая из лагеря для военнопленных Бишофсхофен в Главное командование англо-американских войск в Германии[607]. В послании Бородина бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, здесь говорится о продолжении борьбы против большевистской диктатуры в России, во-вторых, автор противопоставляет национал-социалистическую Германию Русскому освободительному движению, пытаясь представить последнее сопричастным демократическому направлению мировой истории. Бородин утверждает, что давно существовавшее русское освободительное движение получило возможность вести открытую идеологическую и вооруженную борьбу лишь в связи с германо-советской войной. Союз с немцами в данных обстоятельствах был исторически и логически неизбежен: только таким образом можно было обеспечить материально-организационную базу этой борьбы. Но Германия, пишет он, с самого начала относилась к Освободительному движению с недоверием, всячески тормозя его организацию и отказываясь предоставить оружие в необходимом объеме. Однако, несмотря на все трудности, главнокомандующему РОА генералу Власову и КОНР удалось выявить огромный потенциал антибольшевистского Освободительного движения и вызволить из немецкого плена множество русских. Теперь, после окончания войны, офицеры и солдаты РОА, считающие себя борцами за новую свободную Россию, не могут вернуться на родину, поскольку это означало бы для них физическую и гражданскую смерть. Далее генерал-майор Бородин просил о предоставлении личной безопасности и обеспечении человеческого существования за пределами немецкого ареала, а также о возможности как можно скорее связаться с главнокомандующим и с КОНР, который, как он думал, еще существовал.

Разумеется, отказываясь таким образом от идеи союза с немцами и подчеркивая стремление создать в России условия „справедливости и социального мира“, свойственные демократическим странам, установить „братское сотрудничество со всеми народами Старого и Нового света“*, авторы таких посланий пытались приспособиться к требованиям нового, посленацистского времени. Правда, они могли ссылаться на то, что эти же цели провозглашены в Пражском манифесте от 14 ноября 1944 года. Но, выражая готовность немедленно взять в руки оружие „для защиты культуры всего человечества против страшной и непрерывной угрозы со стороны большевизма“*, Бородин и другие упускали из виду один решающий момент — а именно то, что военный союз с СССР был в то время еще

достаточно крепок и западные державы считали своим врагом всякого, кто выступал против сталинского режима.

Поэтому все усилия привлечь таким способом к Русскому освободительному движению симпатии США и Великобритании были заранее обречены на провал. И генерал Меандров уже к 6 июля 1945 года понял всю тщетность попыток продолжения политической деятельности. Отныне речь могла идти лишь о жизни и свободе солдат РОА. Стремясь предотвратить непосредственную опасность, Меандров и генерал-майоры Ассберг и Севастьянов придавали большое значение сохранению военной структуры и поддержанию дисциплины в „группе войск РОА под командованием генерала Меандрова“*[608]. Например, офицеры по-прежнему носили русские знаки различия, сохранялась обязанность отдания чести. 4 июля Меандров заявил перед собранием офицеров и солдат, что организованность, дисциплина и внутренний порядок плюс трудолюбие, инициатива и честность — единственные средства к тому, чтобы американцы увидели в них силу, которая может быть полезна для оккупационных войск[609]. И поначалу казалось, что эти надежды небезосновательны. Генерал-майор Бородин, 30 июня переведенный в лагерь Ландау, сравнивая солдат РОА со своими собственными, уже несколько распустившимися, хвалил дисциплину и прекрасный наружный вид власовцев. На американцев, судя по всему, это тоже производило впечатление. В июле (а скорее всего уже в мае) 1945 года полковник Хендфорд задал Меандрову конфиденциальный вопрос: как отнесется генерал к переводу сил РОА на Дальний Восток для участия в войне с Японией? Для власовцев это был бы прекрасный выход из положения, и старшие офицеры, обсудив эту возможность, единогласно решили согласиться при условии, что будет создано отдельное русское формирование под русским командованием. Не возражали они и против использования власовских частей на тыловых службах американской оккупационной армии.

В эти первые недели части южной группы РОА, интернированные в Кладенске Ровне и Ландау, чувствовали себя все еще партнерами по переговорам с известной свободой выбора. Это впечатление усиливалось тем, что советские военные инстанции прилагали явные усилия по установлению контакта с командирами ускользнувших от них частей РОА. 24 мая командующий частями Красной армии в районе Крумау пригласил Меандрова к себе в штаб на беседу, а затем прислал майора с предложением Меандрову перейти со всеми его силами в советскую зону[610]. По желанию американцев в Крумау была организована даже встреча офицеров РОА с офицерами Красной

армии: командир запасной бригады полковник Койда и подчиненные ему полковники Барышев, Кобзев, Трофимов и Садовников встретились с делегацией высших советских офицеров[611]. Они обсудили вопрос о добровольном возвращении членов бригады, которого настоятельно добивалась советская делегация. Но Койда прямо заявил советским офицерам, что он и его товарищи, офицеры, попавшие в плен или перебежчики, пошли в армию Власова „не ради куска хлеба“, а как борцы за идею — вполне осознанно и по доброй воле и они не собираются возвращаться на родину, пока там не изменится режим. Эта встреча, в котором участвовал американский генерал (ему переводили особенно важные моменты), была весьма поучительна для американцев, поскольку советский представитель красноречиво напомнил членам РОА о судьбе их близких, оставшихся в СССР.

Тактика Меандрова, стремившегося завоевать доверие американцев, привела к тому, что лишь незначительная часть его людей (согласно одному источнику, 1 400 человек) воспользовалась возможностями побега, которых в Кладенске Ровне и Ландау было предостаточно. Большинство с готовностью выполняло указания генерала, спокойно ожидая дальнейшего развития событий. Но уже в начале августа 1945 года обстановка в Ландау начала заметно меняться к худшему. Советские комиссии, неоднократно посещавшие лагерь, поняли, что все усилия убедить солдат вернуться на родину останутся тщетными до тех пор, пока не будет окончательно разрушена военная структура РОА и солдаты не лишатся своих командиров. Советские представители потребовали отделения офицеров от солдат, и 7 августа 1945 года шесть генералов (бывшие советские граждане Меандров, Ассберг и Севастьянов и старые эмигранты Ангелеев, Белогорцев и Бородин) были переведены в Регенсбург, в обнесенный проволокой строго охраняемый лагерь для военнопленных. В середине месяца туда же перевели всех оставшихся офицеров, тогда как солдаты оказались в Пассау[612]. 29 октября всех собрали в Платтлинге, но 4 ноября генералов перевели в Ландсхут. В обоих лагерях был установлен строгий режим. 17 ноября начала работу комиссия по выявлению советских граждан. Над власовцами нависла непосредственная угроза выдачи.

11 февраля 1945 года в Ялте было подписано соглашение о выдаче всех находящихся в англо-американской зоне советских граждан, по состоянию границ на 1 сентября 1939 года, в особенности взятых в плен „в немецкой форме“ военнослужащих добровольческих формирований, в том числе РОА. Это

соглашение подлежало выполнению без учета индивидуальных пожеланий, при необходимости допускалось применение силы. О предыстории и процессе выдач, получивших название „репатриация“, рассказано в работах В. Науменко, Дж. Эпштейна, Н. Бетелла и Н. Толстого[613]. Мы лишь отметим в этой связи, что выдачи начались 31 октября 1944 года, то есть за несколько месяцев до подписания Ялтинского соглашения[614]. Между тем еще в 1930 году премьер-министр Великобритании Черчилль предупреждал о необходимости борьбы против „большевизма, этого презренного и позорного явления“, из-за которого „границы Азии и условия самого мрачного средневековья... продвинулись от Урала до припятских болот“, а Россия „погрузилась в вечную зиму антигуманной доктрины и нечеловеческого варварства.

Если России суждено спастись — а я молюсь об этом спасении — то спасти ее могут только русские. Только русская отвага и русская добродетель могут излечить и возродить этот некогда могущественный народ и сделать его полноправным членом европейского содружества народов.

И вот теперь, в 1944-45 году, именно эти русские, на которых делал ставку британский премьер-министр, выдавались большевикам по настоянию правительства Черчилля и британского министерства иностранных дел. Времена изменились: нынче лондонские политики старались завоевать расположение Советского Союза. Как писал министр иностранных дел Иден, британское правительство не могло позволить себе проявлений сентиментальности. Под политику насильственных выдач подпадали в первую очередь все одетые в военную форму члены добровольческих формирований на фронте вторжения союзников, которые сдались в плен англичанам, поверив союзной пропаганде, что выдач не будет[615]. В период 1944-1946 гг. из Англии в Советский Союз было отправлено морем 32 259 военнопленных этой категории[616].

Уже через несколько недель после окончания войны Ялтинское соглашение о репатриации было впервые применено к многочисленной группе, формально связанной с РОА. Это были собравшиеся в Каринтии (Австрия) казачьи формирования, воевавшие на немецкой стороне: Казачий стан генерал-майора Доманова, находившийся в районе Лиенца и насчитывавший 24 тысячи военных и гражданских лиц, группа кавказцев в Обердраубурге под командованием генерала Султан-Гирея Клыча, численностью в 4 800 человек, и 15-й Казачий кавалерийский корпус под командованием немецкого генерала фон Паннвица, численностью в 30-35 тысяч человек, находившийся в районе Фельдкирхен Альтхофен — Клайн Санкт-Пауль. За выдачу этой

категории лиц отвечал главнокомандующий союзными войсками в районе Средиземного моря (САКМЕД), английский фельдмаршал Александер, в 1919-20 гг. в должности подполковника командовавший Балтийским ландсвером в войне держав Антанты против большевиков. Фельдмаршал Александер сначала колебался и тянул время, но затем получил строгие указания от высшего начальства, очевидно, лично от премьер-министра Черчилля, и вынужден был скрепя сердце подчиниться — не без влияния своего политического советника Макмиллана, будущего премьер-министра[617]. Однако он прекрасно понимал последствия своих действий: 17 мая 1945 года в телеграмме Объединенному комитету начальников штабов он заметил, что возвращение казаков в страну их происхождения „может оказаться губительно для их здоровья“[618]. А его начальник штаба генерал Морган 28 августа 1945 года при обсуждении вопроса о депортации оставшейся группы заявил, что „этих несчастных посылают почти на верную смерть“.

Насильственная выдача 50-60 тысяч военнопленных и беженцев, обозначенная в актах английской армии как „военная операция“, была тщательно подготовлена штабом английского 5-го корпуса под командованием генерал-лейтенанта Китли и участвовавшими в этой операции соединениями (такими, как 36-я пехотная бригада, 78-я пехотная дивизия, 7-я танковая бригада, 6-я танковая дивизия, 46-я пехотная дивизия)[619]. Поначалу предполагалось применить лишь обманный маневр, но вскоре стало ясно, что придется прибегнуть к насильственным методам. Как писал позже А. Солженицын, „передача эта носила коварный характер в духе традиционной английской дипломатии“[620]. 28 мая 1945 года 2 756 офицеров генерал-майора Доманова под предлогом совещания с фельдмаршалом Александером были отделены от своих подчиненных и семей и перевезены в строго охраняемый лагерь в Шпиттале[621]. Среди них было 35 генералов, в том числе генерал кавалерии П. Н. Краснов, С. Краснов, Т. И. Доманов, Васильев, Соломахин, Бедаков, Г. П. Тарасенко, Силкин, Ф. Головко, Тихоцкий, Тихорецкий, Задохлин, Скляров, Беднягин, Беседин, Толстов, Есаулов, Голубов, А. Г. Шкуро, В. И. Лукьяненко, В. Шелест, Черногорцев. Генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро был арестован англичанами еще 25 мая 1945 года. Из 167 полковников назовем Шорникова, Бондаренко, Медынского, Маслова, Зимина, Часовникова, Чебуняева, Кочко-ногого, Якушевича, И. И. Белого, Михайлова, Н. Т. Колпакова, Зотова, Королькова, А. Тюнина, Бережневого, Чернова, Лукьяненко, Доманова, Куцуба, Егорова, Полухина, Хренникова, Копоткова, Кисьянцева. В числе офицеров

были 283 войсковых старшины (подполковника), 375 есаулов (майоров), 460 подъесаулов (капитанов), 526 сотников (старших лейтенантов), 756 хорунжих (лейтенантов), 124 военных чиновника, 15 офицеров санитарной службы, 2 военных фотографа, 2 военных священника, 2 дирижера, 2 переводчика, 5 офицеров связи РОА. Некоторые на другой день бежали, некоторые, как генерал-майор Силкин, покончили с собой, многие были застрелены англичанами при попытке к побегу. Но подавляющее большинство казачьих и 125 кавказских офицеров генерала Султан-Гирея Клыча были 29 мая 1945 года доставлены в Юденбург и там переданы органам СМЕРШа[622].

Среди выданных офицеров было 1 430 старых эмигрантов, которые не являлись советскими гражданами. Многие из них, как генерал Краснов, во время гражданской войны сражались на стороне английских войск против большевиков, а генерал-лейтенант Шкуро даже получил от английского короля Орден Бани. Но все попытки Краснова напомнить фельдмаршалу Александеру о былом братстве по оружию остались без ответа, и казачьи офицеры, к которым прибавилось еще 3 тысячи старых эмигрантов из группы Доманова, были выданы советским властям, хотя даже по Ялтинскому соглашению они репатриации не подлежали. Вряд ли такое решение можно объяснить случайностью — это была сознательная политика британских властей, составная часть их плана выдач[623]. Однако, если МИД Великобритании надеялся тем самым снискать расположение советских властей, он просчитался: у советской стороны поведение англичан вызвало сначала удивление, а затем нескрываемое презрение и было оценено как признак морально-политического разложения[624]. „Поскольку ни старые белогвардейские генералы, ни их воинство не представляли какой-либо ценности, загнали всех их в автомашины и передали в руки советских властей“, — иронически замечает в своих воспоминаниях генерал армии Штеменко. Старший лейтенант Н. Н. Краснов, внучатый племянник легендарного генерала и писателя, приводит в своей книге слова генерала МВД В. Н. Меркулова во время допроса Красновых на Лубянке[625]:

...Что вы поверили англичанам — так это действительно глупость. Ведь это — исторические торгаши. Они любого и любое продадут и даже глазом не сморгнут... Мы их заперли на шахматной доске в угол и теперь заставили их плясать под нашу дудку, как последнюю пешку... Милости нашим... пресмыкающимся и заискивающим союзничкам — не будет!

Устранение командного состава послужило прелюдией к назначенной на 31 мая — 1 июня депортации массы казаков и

кавказцев в районе Лиенц Обердраубург. В эти два дня советским властям в Юденбурге были переданы кавказцы из Обердраубурга, в числе которых находились представители горных народов карачаевцев, кабардинцев, балкар, чечен и ингушей, в 1943-1944 гг. ставших жертвой советского геноцида. 1 июня настал день, который, по словам генерала Науменко,

кровавыми буквами вписан в историю казачества. День, который навсегда останется в памяти днем невероятной жестокости и бесчеловечности, проявленной западными союзниками, англичанами, по отношению к беззащитному населению Казачьего стана на берегах Дравы*[626].

Несколько тысяч человек собралось в лагере Пеггец вокруг импровизированного алтаря. Молодые мужчины и юнкера образовали цепь вокруг пожилых, женщин, детей и священников, отправлявших литургию. Английские солдаты, которым надлежало выполнить приказы своего правительства, сначала пытались расколоть толпу, но затем, убедившись в бесполезности этой тактики, принялись беспорядочно избивать беззащитных людей дубинками, прикладами и штыками, принуждая их сесть в пригнанные в лагерь грузовики. Есть свидетельства о том, что детей вырывали из материнских рук, чтобы заставить женщин подчиниться. По беглецам был открыт огонь, их преследовали танками и даже самолетами[627]. Многие казаки бросились в Драву и утонули. В других лагерях Казачьего стана в долине Дравы в тот день разыгрывались аналогичные сцены: солдаты шотландского полка Аргайлла и Сатерленда, Королевского пехотного полка (Иннискиллинг), Королевского Вест-Кентского полка, 46-го разведывательного полка и других частей, применяя самое грубое насилие, загоняли отчаявшихся, охваченных паникой людей на грузовики и отправляли их в Юденбург. В последующие недели англичане, к которым присоединились офицеры СМЕРШа, устроили самую настоящую охоту на беглецов, скрывшихся в горах. В окрестностях лагерей были найдены сотни трупов мужчин и женщин, детей и стариков, застреленных при проведении „операции“ или покончивших с собой[628].

В те же дни, когда казаки группы Доманова были переданы советским властям, в 100 километрах восточное вершилась судьба 15-го Казачьего кавалерийского корпуса. Выдачи начались 28 мая с генерал-лейтенанта фон Паннвица и большого числа военнопленных немецких офицеров и солдат из личного состава корпуса. Следует отметить, что среди выданных находился также полковник фон Рентельн, товарищ фельдмаршала Александера по Балтийскому ландсверу, в период между войнами поддерживавший с ним деловые отношения. Благожелательно

настроенные английские офицеры посоветовали фон Паннвицу бежать, но тот, как и Власов, не воспользовался этой возможностью, объяснив, что не может бросить вверившихся ему казаков. Депортация отдельных частей казачьего корпуса, разбросанных в районе Фельдкирхена, Альтхофена и Клайн Санкт-Пауля, проходила по той же схеме, что и в других местах. Первым делом офицеров под каким-нибудь надуманным предлогом отделяли от подчиненных[629], заверяя в том, что никаких выдач не будет: так, еще 24 мая 1945 года один английский офицер в собрании казаков заявил, что выдачи несовместимы с честью Великобритании. Казакам заговаривали зубы, суля им перевод в Италию, а в дальнейшем — перспективы эмиграции в Канаду и Австралию. Там, где подобные обманные маневры не удались или где от них как в районе 6-й танковой дивизии — сознательно отказались, прибегали к насилию и, сломив волю к сопротивлению даже у самых стойких показными приготовлениями к расстрелам и демонстрацией работы огнемета, загружали их в грузовики и отправляли, согласно приказам, в Юденбург. В это же время выдачи производились во всех районах Германии и Австрии, занятых союзными войсками, а также во Франции, Италии, Северной Африке, Дании, Норвегии и других странах. Даже нейтральная Швеция неукоснительно проводила депортации интернированных и беженцев из Прибалтики. Швейцария, чтобы избавиться от русских, прибегла к методам психологического воздействия. Только Княжество Лихтенштейн сумело противостоять всем настояниям советского правительства и находившейся в стране советской репатриационной комиссии, не допустив нарушения государственных законов и христианских заповедей любви к ближнему[630]7. По сообщению уполномоченного Совета народных комиссаров по делам репатриации генерал-полковника Ф. И. Голикова от 7 сентября 1945 года, советским властям было передано к этому моменту 2 229 552 человека[631]. В это число входили, во-первых, насильственно вывезенные в Германию „восточные рабочие“ или беженцы с территории СССР, во-вторых, „освобожденные“ военнопленные, по советской терминологии „клятвопреступники и предатели“, и, наконец, военнослужащие добровольческих формирований в рамках вермахта и солдаты РОА, скопом занесенные в категорию „преступников и бандитов“[632].

Какая судьба ожидала этих людей после выдачи? Вопрос этот был особенно актуален в отношении последней категории — активных борцов против сталинского режима. Британское правительство нимало не сомневалось в том, что эти люди

выдаются „на верную смерть, пытки или нечеловеческие муки в ледяном аду 70-й параллели“[633]. После передачи депортируемые солдаты почти повсеместно сталкивались с первыми массовыми акциями возмездия. В Мурманске, Одессе, Юденбурге и Любеке массовые расстрелы производились едва ли не на глазах у англичан. Неукоснительно выполнялось одно из железных правил СМЕРШа — немедленное разделение семей. Офицеры Красной армии сначала весьма корректно отнеслись к группе старых эмигрантов, находившихся среди казаков, выданных в Юденбурге, но, как только в дело вмешался СМЕРШ, все сразу переменилось. Большая группа казачьих офицеров была переведена во Львов, оттуда их отправили в различные тюрьмы — в Лефортово и Бутырскую тюрьму в Москве (туда попали Красновы), а также в Свердловск, Новочеркасск, Владимир, Молотов и т.д.31. Приступили к работе военные суды, выносившие смертные приговоры или осуждавшие на большие сроки — чаще всего на 25 лет каторжных работ в лагерях Воркуты, Инты, Асбеста, Норильска, Тайшета, Караганды, Тапурбай-Нуры и других. Множество казаков были отправлены в лагеря Кемеровской области, где большинство раньше или позже скончалось, не выдержав чудовищных условий.

Старший лейтенант Николай Краснов, внучатый племянник генерала, рассказал в своей книге „Незабываемое“ некоторые подробности о судьбе солдат РОА, с которыми он сталкивался во время своего десятилетнего пребывания в лагерях[634]. Согласно его сведениям, офицеры из окружения Власова и штабные работники были сразу же отделены от остальных, а прочие власовцы вывезены в специальный лагерь под Кемерово, где органы СМЕРШа либо сотрудники НКВД или госбезопасности (3-е отделение управления лагерей) выискивали офицеров и пропагандистов, командиров полков и батальонов, рот, батарей и взводов, а также штабных офицеров. Большинство из них были приговорены трибуналами Восточно-Сибирского военного округа к смертной казни, остальные получили сроки в лагерях, чаще всего по 25 лет. До 1944 года в СМЕРШе расстреливали всякого только за его принадлежность к РОА[635], в 1945 году положение изменилось, но не сильно: по оценкам специалистов, 30% обитателей „власовских“ лагерей было приговорено к расстрелу. Позже, однако, все члены РОА стали получать 25 лет лагерей. Бывшие офицеры и солдаты РОА находились в большинстве своем в спецлагерях, например в спецлагере No 7 на железнодорожной линии Тайшет — Братск, но их можно было встретить и в других лагерях ГУЛага — на Колыме и Воркуте, в Камыш-лаге и Джезказгане и других местах.

Рассуждая о страшной судьбе депортированных солдат РОА и добровольческих формирований, вновь обращаешься к основной проблеме, возникающей в связи с насильственными выдачами. Правовое положение этой группы, составлявшей после окончания войны, по оценкам верховного командования вермахта, 700 тысяч человек, определялось единственно внешним признаком — формой, которую они носили в момент пленения, а не их национальностью. Поскольку эти солдаты носили форму, которая даже с точки зрения союзных войск считалась „немецкой“, все они, без исключения, имели статус военнопленных со всеми вытекающими отсюда последствиями[636]. Этот принцип был изложен в международной конвенции об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 года, и западные державы, подписавшие конвенцию, поначалу считали себя обязанными придерживаться этого положения. Так, еще 1 февраля 1945 года исполняющий обязанности государственного секретаря США Джозеф Грю в записке советскому поверенному в делах в Вашингтоне Новикову, указывая на необходимость „тщательной проверки“ вопроса соответствующими инстанциями, заметил:

В конвенции ясно говорится, что определяющим признаком в обращении с военнопленными является форма, которую они носили в момент пленения, и что сторона, берущая в плен, выясняя вопросы о гражданстве и национальности, не имеет права выходить за рамки „принципа формы“[637].

В армиях Великобритании и США воевало множество представителей других стран, в том числе стран Оси (немецкие и австрийские эмигранты, среди них было много евреев), и их следовало уберечь от опасностей, связанных с пленом. Поэтому на ранней стадии войны союзные державы недвусмысленно заявили в Берлине через тогдашние государства-протекторы, что всякий солдат английской или американской армии, попав в плен, находится под охраной Женевской конвенции[638]. Пока для союзных военнопленных существовала опасность немецких репрессий, западные державы неукоснительно придерживались „принципа формы“, по крайней мере внешне. Особенно тщательно выполняли требования конвенции США (после того как правительство рейха через государство-протектор Швейцарию пригрозило ответными репрессиями в случае передачи советскому правительству солдат вермахта русского происхождения)[639]. Но война шла к концу, опасность ответных мер уменьшалась, и союзники проявляли все меньше склонности соблюдать Женевскую конвенцию[640]. Британское правительство и здесь оказалось впереди всех: четыре месяца оно сознательно тянуло с ответом на официальный запрос делегации

Международного Красного Креста в Лондоне относительно обращения с пленными военнослужащими вермахта русского происхождения и наконец в апреле 1945 года, за несколько недель до конца войны, отделалось ответом — ничего не значащим и зловещим. Английские чиновники явно пытались скрыть тот факт, что МИД давно уже начал рассматривать эту категорию лиц не как военнопленных, а как предателей союзной державы, и обращался с ними соответствующим образом[641].

Подводя итоги, можно сказать, что выдача членов добровольческих формирований, которые являлись солдатами вермахта, носили немецкую форму и, следовательно, находились под защитой Женевской конвенции, означала явное нарушение действующего военного права. Но как обстояло дело с солдатами РОА, которые сами считали себя воинами национальной армии и, хотя вряд ли это сразу бросалось в глаза союзникам, вместо немецких знаков различия носили русские кокарды и знак РОА? Было ли уместно обвинение этой сравнительно небольшой группы в измене родине? С какой бы точки зрения ни взглянуть на это дело, обвинение это не выдерживает критики. Во-первых, следует заметить, что понятие „измена родине“ может относиться лишь к отдельным лицам или к незначительным по численности группам. Но когда в вооруженном конфликте, названном „Великой Отечественной войной“, миллион солдат активно воюет на стороне противника, речь идет уже не об измене родине, но о неком политико-историческом процессе[642]. Бегство из Красной армии на сторону врага приняло масштабы, исключающие обвинение в предательстве.

В сравнительно недавнем прошлом мы можем найти пример того, как пленные солдаты во вражеском лагере создали военную организацию для борьбы за свободу своей родины и сумели добиться законного признания их как стороны, ведущей войну: речь идет о чехословацких легионах в союзных армиях первой мировой войны, отрядах различной численности и значения, которые, состоя исключительно из военнопленных и перебежчиков родом из Австро-Венгрии, приобрели характер самостоятельной национальной армии. Возражения стран Четверного союза, которые, естественно, считали этих солдат клятвопреступниками и предателями, не помешали державам Антанты признать Чехословацкий национальный совет в Париже в 1918 году самостоятельным правительством, ведущим войну, а легионы — „единой, союзной, ведущей войну армией“ со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями[643]. Но Чехословацкий национальный совет времен первой мировой войны по истории возникновения и целям ничем не отличался от

Комитета освобождения народов России времен второй мировой войны, а чехословацкая армия примерно соответствовала РОА, даже по численности. Конечно, солдаты РОА не знали о заявлениях Великобритании от 9 августа 1918 года и США от 2 сентября 1918 года, где вводились новые, признанные всеми сторонами понятия и одновременно создавался правовой прецедент, на который они могли бы сослаться. Однако МИД Великобритании и госдепартамент, юрисконсульты которых обосновали формальную сторону выдач, могли бы быть в курсе того, что солдаты Власова в 1945 году обладали тем же статусом, что солдаты Масарика в 1918 году. Даже если считать солдат РОА не военнослужащими вермахта, а воинами самостоятельной национальной армии, насильственные выдачи были грубым нарушением существующего права[644].

Ведущая роль в политике выдач принадлежала Великобритании, а Соединенные Штаты последовали за ней, хотя и не без колебаний и в меньшем масштабе применяя насилие. Когда в январе 1945 года вопрос об этом был поставлен открыто, главный начальник военной полиции Верховного командования Экспедиционных сил союзников в Западной Европе (ВКЭСС) генерал-майор Гульон заметил, что по Женевской конвенции США не имеют права выдавать СССР русских военнопленных в немецкой форме[645]. Но, хотя американское правительство было вынуждено, как уже упоминалось, признать это правовое положение, оно давно уже отыскало способ обойти условия Женевской конвенции и практически лишить их силы, втихомолку решив отказывать в статусе военнопленных всем тем бывшим советским гражданам, служившим в вермахте, которые не будут сами настаивать на том, что являются немецкими солдатами и офицерами[646]. Вследствие этого нововведения те, кто по незнанию не мог настоять на правах военнопленных (а таких среди находившихся в США членов добровольческих формирований было большинство), не подпадали под действие Женевской конвенции и с 29 декабря 1944 года депортировались в СССР. Только небольшая группа (154 человека из 3 950), настаивавшая на своей принадлежности к немецкой армии, на какое-то время избежала насильственной выдачи, да и то лишь до тех пор, пока американские солдаты еще находились в немецком плену. С капитуляцией вермахта отпали последние преграды.

Ссылаясь на Ялтинское соглашение, представлявшее собой явное нарушение буквы и духа Женевской конвенции, американское правительство тоже приступило к выдачам советским властям бывших военнослужащих вермахта русского происхождения, независимо от их личных пожеланий[647]. 29

июня 1945 года на территории США американцы применили силу при депортации небольшой группы военнопленных, оставшихся в Форт Диксе[648]. 12 августа 1945 года в Германии жертвами насильственной выдачи стали сотни казаков и солдат РОА, собравшиеся в импровизированной церкви в Кемптене[649]. Этот эпизод послужил поводом для начала борьбы против насильственных выдач в районе Регенсбурга (Платтлинге и Ландсхуте), где были интернированы остатки РОА. Об этой отчаянной борьбе повествуют коллективные и индивидуальные письма в официальные инстанции или к известным деятелям (как, например, к госпоже Рузвельт, супруге покойного президента). В этих письмах генерал-майор Меандров и его подчиненные отвергали выдвинутое американцами обвинение в измене родине и преступном сотрудничестве с немцами и объясняли мотивы своего поведения[650]. Если подытожить содержание этих документов, перед нами окажется политическая платформа Русского освободительного движения, к которому принадлежали их авторы. К тому же эти свидетельства необычайно ценны для историка, пытающегося понять трагическое положение борцов за свободу.

За много лет до А. Солженицына[651]генерал-майор Меандров начинает с того же вопроса: как случилось, что среди военнопленных различных национальностей лишь советские солдаты всех рангов и званий организовались для борьбы против собственного правительства? При этом их было сотни тысяч или, как известно нам сегодня, почти миллион. Можно ли сыскать в истории пример подобной „массовой измены“? Меандров вновь и вновь заявляет о готовности доказать перед любым независимым судом, что члены РОА не были бандитами, разбойниками, убийцами, не были изменниками, отщепенцами и нацистскими наймитами, нет, они были участниками политического движения за лучшее будущее своего народа. Ни на минуту не сомневается Меандров в „морально-этической оправданности“* этого стремления[652]. Пытаясь отыскать истоки освободительной борьбы, он, как и другие авторы, пишет о жестокостях большевистских правителей со времен Октябрьской революции, упоминая в этой связи, что организованный террор составляет постоянный институт советского государства. Начиная с 1917 года волны террора не раз прокатывались по стране, снимая обильный урожай жертв. Одна лишь насильственная коллективизация, преследование и уничтожение всех крестьян, причисленных к „кулакам“, и искусственно организованный голод унесли миллионы жизней даже в плодородных черноземных областях Украины, Кубани и Поволжья.

В письме к госпоже Рузвельт говорится о 20 миллионах расстрелянных или погибших в концлагерях — эта цифра примерно совпадает с результатами научных изысканий Конквеста, оценивавшего число жертв сталинского террора в 1930-1950 гг. по меньшей мере в 20 миллионов, но допускавшего дополнительные 10 миллионов смертей[653]. Вряд ли в Советском Союзе найдется семья, не затронутая репрессиями. В этом смысле показательно открытое письмо „трех власовцев“, близкие которых погибли в лагерях или умерли от голода[654]. Авторы задают вопрос: как можно любить отечество, столь жестоко обошедшееся с ними? Они также пишут о широко разрекламированной сталинской конституции 1936 года, представляющей собой, по их словам, лишь ложь и обман собственного и других народов: ни одно из провозглашенных в ней прав не осуществлено, и советские люди живут в состоянии такого бесправия и несвободы, как ни один другой народ в мире. Далее в письме говорилось о подавлении христианства и других религий, ведущемся на протяжении многих лет и по тактическим соображениям приостановленном на время войны, о постоянном преследовании и дискриминации верующих со стороны воинствующей клики безбожников. Почти все служители церкви (в том числе и отец Меандрова) были расстреляны или отправлены в концлагеря, церкви и монастыри в стране повсеместно разрушены или превращены в клубы, кинотеатры, скотные дворы или склады.

Меандров в своем письме касается правительственной политики при „подготовке к большой войне“[655], обвиняя Сталина в том, что именно вследствие некомпетентности его руководства миллионы красноармейцев, сражавшихся мужественно и самоотверженно, оказались в безнадежном положении, попали в окружение, а затем — в немецкий плен. Именно это заставило многих солдат окончательно порвать с советским режимом. Говоря о причинах, приведших бывших красноармейцев в РОА, Меандров предостерегает, что ни в коем случае нельзя считать решающим фактором стремление избежать тягот плена: к тому моменту, когда русским было разрешено вступать в создаваемые немцами добровольческие формирования, условия в лагерях изменились к лучшему. Гораздо больше повлияло на это решение то, что солдаты заново оценили советскую систему, причем сделали это самостоятельно, вне воздействия большевистской пропаганды. Плен дал им опыт унижения, но он же дал возможность „свободно обсуждать друг с другом прошлое и настоящее“, так что личный опыт жизни при советском режиме претворялся в более широкую негативную картину положения в стране в целом. А последней каплей стала

позиция, которую заняло советское правительство по отношению к миллионам своих солдат, обреченных на гибель.

Меандров отмечает, что за те нечеловеческие условия, на которые были обречены советские солдаты в плену по крайней мере до февраля 1942 года, ответственно в первую очередь не немецкое, а советское правительство, не подписавшее Женевскую конвенцию, не признавшее Гаагских конвенций по регламентации правил ведения войны и тем самым лишившее своих солдат какой бы то ни было правовой защиты и совершенно сознательно обрекшее их на гибель[656]. Меандров напоминает слова Молотова о том, что в СССР нет военнопленных, а есть одни дезертиры, говорит о приказе Ставки No 270 от 16 августа 1941 года, по которому все советские солдаты, сдавшиеся в плен, заочно приговаривались к расстрелу, а их семьи подлежали аресту. В обращении в комиссию американской 3-й армии и в письме к госпоже Рузвельт есть такие строки (почти дословно совпадающие с более поздней формулировкой Солженицына[657]):

Все страны мира, кроме СССР, оказывают моральную и материальную поддержку своим солдатам, попавшим в руки врага, заботятся об их пропитании, через Международный Красный Крест организуют почтовое сообщение с родственниками. Только русские, лишенные из-за произвола Сталина всякой помощи, обречены на массовую смерть в концлагерях и с ужасом узнают, что их семьи на родине подвергаются репрессиям, а советское правительство готовит им наказание*.

Подобный прецедент уже имелся: советские солдаты, вернувшиеся из финского плена, были расстреляны или осуждены на медленную смерть в концлагерях. Поэтому для красноармейцев в немецком плену, преданных и брошенных советским правительством, оставался единственный путь возвращения на родину — путь вооруженной борьбы против советской системы.

Меандров пишет о том, что в исторической перспективе Освободительное движение генерала Власова продолжает сопротивление режиму, которое начиная с 1917 года прослеживается в восстаниях на Украине и в Белоруссии, на Кубани и Кавказе, на Алтае и в Средней Азии и во многих других местах. Организация этого движения на немецкой стороне, во вражеском лагере, объясняется полной бесперспективностью вооруженной борьбы изнутри перед лицом совершенной системы надзора и террора, а также, и даже в первую очередь, тем, что лишь немецкий рейх, ведущий войну с СССР, мог предоставить движению необходимую поддержку. Но Меандров подчеркивает,

что не немцы выдумали Русское освободительное движение. Признавая, что для достижения главной цели пришлось пойти на какие-то тактические компромиссы, генерал РОА резко возражает против довода, что вынужденный союз с немцами, обусловленный неблагоприятным историческим положением, ведет к компрометации движения как такового. В „Записках отчаявшегося“, датированных началом января 1946 года, Меандров пишет:

Мы готовились вступить в борьбу как третья сила. Немцам мы не помогали! В тот момент, когда мы собирали наши силы, им уже сам Господь Бог не сумел бы помочь. Мы оказались в невероятно трудных и сложных условиях[658].

Как следует уже из Пражского манифеста, политическая программа Русского освободительного движения принципиально отличалась от национал-социалистической, и Меандров пишет, что генерал Власов не преследовал никаких немецких нацистских интересов, для него имели значение лишь интересы русского народа. Правда, утверждение автора, что создание КОНР и РОА в ноябре 1944 года было специально приурочено к тому моменту, когда не осталось никаких сомнений в поражении Германии и все надежды РОА были связаны с западными союзниками, не соответствует действительности. Но несомненно, что Гитлер и политическое руководство Германии на протяжении нескольких лет противились организационному оформлению русского национального движения и даже после Пражского манифеста относились к нему недоверчиво, изо всех сил стараясь использовать его исключительно в собственных целях. Меандров и другие авторы могли по праву ссылаться на то, что в конце концов именно армия генерала Власова откликнулась на призыв чехов о помощи и в Праге воевала против немцев. Упоминать же об отношении к этой акции немецких союзников было в данных обстоятельствах необязательно.

На первых порах для американского командования имел значение тот факт, что власовцы сдались им еще до объявления капитуляции Германии. Именно по этой причине — „из-за того что они сдались до дня победы“[659]- американцы сочли необходимым присвоить им статус военнопленных. Представители американской армии, для которых соблюдение правовых норм еще было делом совершенно естественным, неоднократно заверяли офицеров РОА, что они находятся под защитой американской армии и им нечего волноваться. Именно тем, что он поверил этим заверениям (кстати, абсолютно искренним), объясняет Меандров свое первоначальное спокойствие. Кроме того, он не сомневался, что Соединенные

Штаты, поборники свободы и демократии, сумеют „отличить бандитов от идейных борцов и возьмут последних под свою защиту“. Ну, а если для обоснования отказа от выдач потребуются еще аргументы историко-политического характера, то можно вспомнить, что и сами США обязаны своим возникновением государственной измене британской короне. И разве Маркс и Энгельс, а позднее Ленин, Троцкий и другие большевистские руководители не получали политического убежища и возможности готовить революционный переворот за границей? И вообще — почему советское правительство, в 1941 году заклеймившее предателями миллионы своих солдат, попавших в плен, вдруг по прошествии времени проявило к ним столь настойчивый интерес? Откуда взялись насквозь лживые уверения уполномоченного Совета Народных Комиссаров по делам репатриации генерал-полковника Голикова о том, что „советское правительство, партия Ленина — Сталина ни на минуту не забывали своих граждан, страдавших на чужбине“, или заявления типа: „Вниманием и заботой встречает Родина своих многострадальных сыновей и дочерей, возвращающихся из фашистской неволи“[660]Правда, в том, что власовское движение советские пропагандисты называют бандитским, есть известная логика: ведь бандитами до сих пор всегда именовались все истинные или мнимые враги советской власти — такие, как Деникин, Врангель, Колчак, Юденич, равно как и соратники Ленина Троцкий, Рыков, Зиновьев, Бухарин, а также Тухачевский и все другие, кого уничтожил Сталин. В послании госпоже Рузвельт говорится, что власовцев необходимо было представить как предателей и бандитов, чтобы добиться их выдачи, но советское правительство настаивает на выдачах по другой причине: оно просто не может допустить, чтобы вне пределов его досягаемости оказались люди, которые на основании собственного опыта могут представить свидетельства об истинной природе сталинского режима.

Авторы писем отчаянно взывали к чувству ответственности американцев за страдания тех, кто добровольно сдался в плен, полагаясь на справедливость, человечность и любовь к ближнему. Власовцы писали, что готовы к любой работе в любом отведенном для них месте, готовы превращать в плодородные поля и сады бесплодные пустыни и целинные земли, рыть каналы, возделывать землю — словом, готовы на все, лишь бы избежать выдач[661].

На первых порах Меандров использовал все свое влияние, чтобы удержать вместе остатки РОА, помешать индивидуальным побегам, которые можно было бы расценить как признание в

вине. Он считал, что необходимо „с честью продолжать борьбу, сохраняя чистоту идеи“*. Но прошло восемь месяцев, а положение власовцев оставалось неопределенным. К началу 1946 года моральные ресурсы пленных, несколько месяцев живших между надеждой и отчаянием, были исчерпаны. В письмах, отправленных на этой последней стадии, все чаще говорится о самоубийстве и смерти как последнем прибежище. Меандров пишет о готовности умереть в условиях отсутствия правовой свободы, „умереть спокойно и достойно, твердо веря, что наша правда в конце концов победит и русский народ... будет свободен“*. И это не просто слова, их подтверждает множество примеров. Врач Быстролетов, твердо решив покончить с собой, перерезав вены либо уморив себя голодом, несколько месяцев готовился к этому шагу и, наконец, несмотря на американских часовых, совершил, как и многие, самоубийство перед выдачей. Причины своего решения он изложил в дневнике, который невозможно читать без волнения[662]. Русские не могли понять, что происходит: как говорится в послании „Спасите наши души“, отправленном непосредственно перед выдачей в феврале 1946 года:

В месте, над которым развевается звездный флаг свободы, мы вынуждены осколками стекла убивать наших жен и детей, перерезать себе вены — чтобы не возвращаться в красную Москву*.

О настроении пленных свидетельствуют слова Меандрова, сказанные им владыке Николаю: „Ложась спать, прежде всего проверяешь, на месте ли бумажник с лезвием — чтобы успеть в смерти спастись от выдачи Советам“[663]. Самоубийство многим казалось избавлением от физических и моральных мук, которые, по общему мнению, должны были неизбежно предшествовать смерти в СССР. Власовцы говорили: „Выдача равносильна смерти, но смерти после мук и издевательств“*. Для Меандрова как человека чести была непереносима сама мысль о том, что ему придется „предать и осквернить свои идеалы“*.

Американские военные власти не остались глухи к мольбам военнопленных, которые постоянно повторяли, что их судьба в руках у советских „будет хуже смерти“ и поэтому они готовы противиться ей „всеми средствами, вплоть до самоубийства“*[664]. Кровавые события в Кемптене в августе 1945 года вызвали беспокойство генерала Эйзенхауэра и начальника штаба ВКЭСС генерал-лейтенанта Беделла Смита. Политический советник штаба посланник Мерфи, запрашивая у госдепартамента более подробные указания, отмечал, что вследствие действий американской армии „значительно возросло число

самоубийств“[665]. Приказом Эйзенхауэра, поставившего этот вопрос на обсуждение в Вашингтоне, применение насилия было временно запрещено[666]. Но 20 декабря 1945 года из Вашингтона на имя военного губернатора генерала Мак-Нарни пришла директива, подтверждающая, что практически все члены РОА подлежат репатриации, в случае необходимости — насильственной[667]. Согласно этой директиве, представлявшей собой окончательное решение, 19 января 1946 года на территории бывшего концентрационного лагеря Дахау была произведена депортация группы солдат РОА под командованием капитана Протодьяконова и других военнопленных русских, всего 400 человек[668]. Пленные, узнав о готовящейся выдаче, объявили голодовку, отказались выходить из бараков, многие, срывая с себя одежду, „умоляли застрелить их“, однако сопротивление не вышло за рамки пассивного. Четырнадцать человек покончили с собой, отчасти, как сообщается, чтобы „вразумить“ американцев, двадцать один нанесли себе такие тяжелые ранения, что потребовалось стационарное лечение в лазарете. Всех остальных, в том числе и легкораненых (около ста человек), жестоко подавив попытки к сопротивлению, посадили на грузовики и передали в Хофе советским властям. Среди выданных находились старые эмигранты из Русского корпуса, такие как полковники В. Колесников и В. Болов, капитаны И. Малышев и Л. Богинский, переводчик лейтенант граф Шереметьев и другие. Несмотря на циничные комментарии, появившиеся в армейской газете „Старс энд страйпс“ и в немецкой прессе, контролируемой американцами, высшие офицеры и служащие армии и военного правительства были потрясены и остро ощущали весь абсурд происходящего: „Американская демократия хоронит свободу людей в нацистском концлагере“[669]. Так, все усмотрели мрачный символ в том, что против отчаявшихся пленных, среди которых было немало раненых, был применен газ и не где-нибудь, а в Дахау! Сотрудник штаба политического советника по делам Германии П. В. Бурман 28 января 1946 года писал посланнику Мерфи в меморандуме, который тот позже представил госдепартаменту:

Этот инцидент всех потряс. Американские офицеры и солдаты крайне недовольны тем, что американское правительство приказало им репатриировать этих русских. Инцидент еще усугубился поведением советских представителей по прибытии поезда в советскую зону. Никому из американских охранников не позволили выйти из поезда под угрозой применения оружия[670].

С этого момента американские военные власти начинают прилагать явные усилия к тому, чтобы хотя бы относительно

смягчить директиву Объединенного штаба от 20 декабря 1945 года. В этой связи становится заметно также влияние кругов русской эмиграции и, прежде всего, Православной церкви за рубежом на ведущих офицеров американской армии. Представители русского духовенства — секретарь Синода протоиерей граф Граббе, архиепископ Автономов (уполномоченный папы римского по делам католической церкви восточного обряда) и другие — добились приема в штаб-квартире американских сил на Европейском театре во Франкфурте и в штаб-квартире 3-й армии в Мюнхене и вступились за своих соотечественников[671]. Еще 25 августа 1945 года, вскоре после событий в Кемптене, митрополит Анастасий заявил протест генералу Эйзенхауэру, и это, несомненно, повлияло на решение приостановить выдачи. После депортации группы капитана Протодьяконова из Дахау 19 января 1946 года владыка Николай посетил командующего 3-й армией и главу военного правительства в Баварии генерал-лейтенанта Траскотта. Американский генерал, у которого политика насильственных выдач вызывала нескрываемое отвращение, воспользовался заявлениями владыки Николая как поводом для новых представлений по начальству. 31 января Траскотт принял уже освобожденного полковника Кромиади вместе с архиепископом Автономовым. Кромиади зачитал американскому генералу свое заявление[672]. Он сказал, что советское правительство не имеет морального права требовать выдачи солдат РОА, в частности, потому, что это оно в сговоре с Германией напало на Польшу, это оно уничтожило десятки миллионов ни в чем не повинных русских людей, это оно бросило в концлагеря миллионы своих граждан, а в 1941 году официально отказалось от своих военнопленных. Кромиади заявил:

Надеюсь, господин генерал, что события, разыгравшиеся в Дахау, можно объяснить только простым недоразумением, ибо мы свою жизнь и судьбу вверили Вам...

Генерал Траскотт, внимательно и сочувственно выслушав посетителей, сразу же ответил, что будь его воля — он немедля отдал бы приказ об освобождении всех русских военнопленных в Платтлинге и других лагерях. Но, к сожалению, у него есть приказ передать их всех советским властям. Правда, он явно пытался спасти от выдач хотя бы часть солдат РОА. Так, он согласился на отсрочку, чтобы дать духовенству возможность обратиться с воззванием к папе Пию XII и президенту Трумэну[673]. Еще большее значение имела организация им следственных комиссий, так называемых репатриационных советов, с целью выявить тех, кого советский режим лишил

насущных прав и кто поэтому не мог считаться полноправным советским гражданином. В разговоре с Кромиади и Автономовым Траскотт открыто заявил, что не хочет выдавать тех, кто в СССР подвергался политическим преследованиям, и дал своим собеседникам разрешение посетить лагеря военнопленных в районе 3-й армии. Благодаря этому Кромиади получил возможность навестить Меандрова и других генералов в Ландсхуте и власовцев в Платтлинге и проинструктировать их, как надо вести себя перед комиссией. Но власовцы отнеслись к его словам весьма скептически, и для многих это сыграло роковую роль. В 3-й армии был подготовлен ряд вопросов, на основании которых американцы пытались разделить военнопленных на полноправных граждан и тех, кто подвергался преследованиям, а потому теперь не подлежит выдаче[674]. Вопросы касались, например, права носить оружие, права участвовать в свободных выборах или права занимать общественный пост. В конце концов американские комиссии выделили несколько групп людей, не обладавших гражданскими правами и тем самым не являвшихся советскими гражданами, — „кулаки“, „белые“ и „диссиденты“. Однако многие пленные не заметили приоткрывшейся для них „лазейки к спасению“ и, когда в Платтлинге приступили к работе следственные комиссии 3-й армии, не решились признать, что на родине подвергались политическим репрессиям. А те, кто утверждал, что вступил в РОА под нажимом (от 1 590 до 3 220 человек), подлежали выдаче в первую очередь.

В феврале 1946 года папа Пий XII, откликнувшись на мольбу Православной церкви за рубежом о помощи, заявил протест против „репатриации людей помимо их воли и отказа в праве убежища“[675]. Накануне выдачи, 23 февраля 1946 года, протоиерей граф Граббе и полковник Кромиади по поручению Синода посетили штаб-квартиру во Франкфурте, тщетно пытаясь добиться отмены приказа. Их отослали к правительству в Вашингтоне, а оно ответило на послание Синода лишь 25 мая 1946 года, когда все уже было кончено. Все средства были испробованы, все оказалось тщетным. 21-22 февраля 1946 года семьям в Платтлинге было разрешено собраться в последний раз. Среди обитателей лагеря в ту пору уже царило глубокое отчаяние.

23 февраля в лагерь не допустили даже священника отца Сергия. Лагерь для военнопленных No 431, Платтлинг, был окружен двумя полками. Утром 24 февраля на территорию лагеря бесшумно вошли еще несколько батальонов всего здесь оказалось около 3 тысяч американских солдат[676]. Спящих военнопленных,

застигнутых врасплох, по сигналу выгнали из бараков, чтобы предупредить самоубийства или хотя бы свести их до минимума. После переклички пленных разделили на две группы. 1 590 человек силой посадили в грузовики, на вокзале в Платтлинге их уже ждали товарные поезда, и вскоре они были переданы советским властям в Хофе. В лагере осталось 1 630 власовцев, заявивших перед следственной комиссией, что они были лишены гражданских прав и поэтому добровольно вступили в РОА. По решению следственной комиссии, эта группа не подлежала репатриации, и американские офицеры заверили пленных в том, что им ничто не угрожает. Глава военного правительства США в Германии, командующий американскими силами в Европе генерал Мак-Парни тоже был убежден, что согласно американскому определению гражданских прав этих пленных следует освободить, и дважды — 19 и 27 апреля — обращался в госдепартамент за подтверждением[677]. В результате появилась новая директива Объединенного комитета начальников штабов от 7 июня 1946 года, в которой запрещалась введенная в 3-й армии практика следственных комиссий и подчеркивалось, что решение о том, кто является советским гражданином, а кто — нет, находится исключительно в компетенции советских властей[678]. Выдачи, прерванные на несколько месяцев, возобновились снова: из лагерей Деггендорф и Бад Айблинг в советскую оккупационную зону было вывезено от 600 до 900 военнопленных, переведенных туда ранее. Выдач избежали лишь несколько сотен бывших солдат РОА. Но и это оказалось возможно лишь потому, что генерал-лейтенант Траскотт, очевидно, заручившись поддержкой генерала Мак-Парни, существенно превысил свои полномочия.

Перед депортацией остатков армейского штаба, 2-й дивизии РОА и других частей из Платтлинга американцы передали советским властям генералов Меандрова, Ассберга и Севастьянова, находившихся в Ландсхуте. 5 февраля 1946 года при встрече с советской комиссией под руководством полковника Фроменкова в присутствии американских офицеров все трое еще раз категорически отказались добровольно вернуться в СССР. После этого они содержались в одиночном заключении, но, несмотря на строгий надзор, 6 февраля Меандров попытался покончить с собой, перерезав горло осколком стекла[679]. Американские часовые помешали ему довести дело до конца. Не удалась Меандрову и следующая попытка самоубийства, предпринятая в лазарете. 14 февраля в Ландсхут явились советские офицеры и увезли генералов. Старые эмигранты — Бородин, Ангелеев и Белогорцев — избежали выдачи. Другие

старшие офицеры — начальник главного организационного управления КОНР генерал-майор Малышкин, начальник главного управления пропаганды генерал-лейтенант Жиленков, полковники Кабанов-Риль и Кардаков из армейского штаба — в это время находились в лагере Мангейм-Секкенгейм вместе с видными немецкими военнопленными и интернированными гражданскими лицами[680]. Относительно Жиленкова, который в Тироле был взят под домашний арест вместе с другими членами КОНР и РОА, штаб верховного командующего наводил справки в Вашингтоне. 11 июля пришел ответ от исполняющего обязанности государственного секретаря Грю. Там говорилось:

“Генерала Жиленкова и генерала Власова и всех их офицеров... следует считать предателями союзной державы и военными преступниками и выдать советским властям“[681].

Малышкин и Жиленков, так же как Меандров, использовали свое пребывание в Мангейме для того, чтобы рассказать американцам историю Русского освободительного движения и разъяснить его политические цели. Подготовленные ими меморандумы, по заверению коменданта лагеря, через штаб переслали в Вашингтон. То ли вследствие этих писем, то ли благодаря высоким должностям их авторов, в октябре 1945 года офицеры были переведены в следственный лагерь Оберурзель, и представитель госдепартамента Сандерс дал им возможность письменно изложить то, что они знают о СССР. Жиленков написал все, что ему было известно о структуре партии и работе правительства, Малышкин и полковники написали о сухопутных войсках, капитан Лапин — о внутренних войсках, капитан Денисов — о военно-морском флоте. Одновременно они дали обширную и подробную информацию об Освободительном движении. Однако их судьба была уже решена: по настоятельным требованиям советского правительства 1 мая 1946 года был выдан Жиленков, а затем Малышкин[682]. Через некоторое время за ними последовали полковник Риль и другие.

Следует упомянуть, что в этот критический период немцы в рамках своих ограниченных возможностей старались помочь бывшим союзникам, попавшим в беду. Так, например, в Латвии, где почти все немецкие солдаты вынуждены были сдаться советским частям, русскому майору Васильеву и другим членам добровольческих формирований предоставили место на борту последнего танкера, покинувшего порт Виндава 8 мая 1945 года. „Немцы, — пишет один из спасенных, — вывезли нас, они не бросили нас на произвол судьбы“[683]. В Итцехо (Германия), где находился большой инвалидный лагерь добровольцев (одних только калек с ампутированными конечностями было там 400

человек), начальник инспекции по национальным частям и добровольческим соединениям в ОКХ подполковник Ханзен распорядился накануне вступления английских частей выдать обитателям лагеря удостоверения восточных рабочих, чтобы „спасти от смерти и преследований этих людей, проливших за нас кровь“[684]. Мы уже писали о генерале фон Паннвице, который отказался от предоставленной ему возможности побега, не желая бросать в беде вверившихся ему казаков. В австрийском городке Лиенц в знак протеста против выдач звонили церковные колокола, в Платтлинге в Баварии на вокзал явились жители, по большей части женщины, чтобы оказать первую помощь раненным при выдачах. В Ландсхуте полковник Хеккель, майоры Швеннингер и Крюгер обратились к американскому коменданту с ходатайством за генералов РОА[685]. В Мангейме пленные немецкие фельдмаршалы и генерал-полковник Гудериан заявили протест против выдачи группы русских офицеров, „наших русских друзей“[686]. К числу „русских друзей“, между прочим, принадлежал и Жиленков, бывший беспризорный, бывший функционер коммунистической партии, комиссар Красной армии, то есть человек, которого, по всем правилам, немцам следовало бы расстрелять еще в 1941, сразу же после того, как они взяли его в плен.

Глава 13.
Советская реакция на Власова

После войны советское правительство приложило поистине гагантские усилия, чтобы заполучить последние разрозненные остатки РОА. По настойчивости и последовательности этих усилий можно судить, что означал для СССР сам факт существования этой армии. Здесь необходимо вновь обратиться ко времени зарождения Освободительной армии, поскольку в поисках объяснения непреклонной позиции СССР в этом вопросе следует понять, что высокое самосознание Советской армии в начале германо-советской войны было поколеблено самим фактом существования РОА. В юбилейной работе по поводу пятидесятилетия советских вооруженных сил говорится: „Личный состав Красной армии и военно-морского флота закален в морально-политическом отношении и безгранично предан своей социалистической родине“[687]. В Советском Союзе всегда бытовала-и бытует до сих пор — догма о морально-политическом единстве советского общества, о неразрывной дружбе народов СССР и о самоотверженном патриотизме „советского народа“, сплоченного вокруг коммунистической партии, которой он безгранично предан. Этот миф был подорван в самом начале германо-советской войны, когда, вопреки всем мерам политического воздействия и ухищрениям пропаганды, в первые же месяцы немецким войскам и их союзникам сдалось 3,8 миллиона советских воинов всех званий, в том числе и политработники (а всего за период войны в плену оказалось 5,24 миллиона человек). Правда, вследствие политики немцев в оккупированных районах и остановки наступления и с помощью усиления мер по запугиванию и пропагандистских мероприятий, это фиаско удалось несколько смягчить.

С осени 1941 года до советского руководства стали доходить известия о том, что бывшие красноармейцы в немецком плену создают военную организацию для борьбы против сталинского режима. Разумеется, эти сообщения вызывали определенный интерес, но непосредственной опасности они не предвещали: вербовка в немецкую армию производилась децентрализованно, под жестким контролем и относительно медленно. Однако уже в 1942 году на передовых участках фронта и в тылу группы армий „А“, продвигавшейся на Кавказ, появились 25 полевых батальонов Восточных легионов, состоявших из представителей национальных меньшинств СССР. К этому же времени относится

первая попытка образования национальных русских вооруженных сил под собственным командованием — „экспериментальных армий“, по определению историка Басса[688]. В 1942 году в тылах немецкой армии на востоке действовали следующие армии такого типа:

1. Русская народная национальная армия (РННА), сформированная в Осиновке под командованием полковника К. Г. Кромиади (Санина), численностью в 10 тысяч человек, в русской форме и с национальными знаками различия, состоявшая из шести пехотных батальонов, саперного батальона и артиллерийского дивизиона. Политическим руководителем армии был С. Н. Иванов. В августе 1942 года Кромиади и Иванова сменили на этих постах полковник В. И. Боярский и генерал Г. Н. Жиленков[689].

2. 120-й полк донских казаков (с конца 1942 года — 600-й полк донских казаков), численностью около 3 тысяч человек, под командованием подполковника И. Н. Кононова, сформированный в Могилеве[690].

3. Восточный запасный полк „Центр“, сформированный в Бобруйске и состоявший из пехотных батальонов „Березина“, „Десна“, „Днепр“, „Припять“, „Волга“ и нескольких артиллерийских батарей. Командир — подполковник Н. Г. Яненко[691].

4. Русская освободительная народная армия (РОНА), сформированная в самоуправляющемся районе Локоть, численностью в 20 тысяч человек, состоявшая из пяти пехотных полков, саперного батальона, танкового батальона, зенитного дивизиона. Командир — бригадный генерал Б. Каминский[692].

5. Бригада „Дружина“ под командованием подполковника В. В. Гиль-Родионова[693]представляла собой особый случай. Она была сформирована в 1943 году под эгидой СД, но обладала полной самостоятельностью. Численность ее достигала 8 тысяч человек, она состояла из нескольких полков и специальных частей. Впоследствии из бригады выделился „гвардейский батальон РОА“ (в Пскове), первое формирование, находившееся в непосредственном контакте с кругом Власова (командир — Иванов, заместитель — полковник И. К. Сахаров, начальник штаба — полковник Кромиади)[694].

Все эти формирования, каждое по-своему, принимали участие в борьбе против советских партизан в тылу немецкой армии. И все они, несомненно, обладали большой притягательной силой для населения оккупированных районов и в какой-то мере — для советских войск. РННА, например, самым крупным своим достижением считала моральную победу над окруженным ею у

Дорогобужа 1-м гвардейским кавалерийским корпусом под командованием генерал-майора П. А. Белова: разведотдел корпуса под командованием Героя Советского Союза старшего лейтенанта Князева целиком перешел на сторону РННА и влился в ее ряды[695]. Однако „экспериментальные армии“ существовали каждая сама по себе, никакого центрального органа руководства не было, и советская пропаганда справлялась с ними местными средствами[696]. Лишь в начале 1943 года, когда разнеслось известие о создании Русского комитета политического центра на немецкой стороне, стала очевидна недостаточность этих средств.

Советское руководство наверняка было крайне обеспокоено тем, что во главе русского движения на стороне противника встал заместитель командующего Волховским фронтом, командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А. А. Власов, известный широким кругам населения со времен боев под Москвой. В сентябре 1942-го над частями Красной армии сбрасывалось его первое воззвание к „товарищам командирам“ и советской интеллигенциип. В январе 1943 года последовало „Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза“, политическая программа из 13 пунктов, подписанная председателем Комитета А. А. Власовым и секретарем генерал-майором В. Ф. Малышкиным[697]. В марте 1943 года появилось открытое письмо генерал-лейтенанта Власова под названием „Почему я стал на путь борьбы с большевизмом“[698]. В апреле 1943 года „антибольшевистская конференция бывших командиров и бойцов Красной армии“ публично признала генерала Власова вождем Русского освободительного движения[699]. В президиум конференции входили генерал-майор Малышкин, Жиленков, майор Федоров, подполковник Поздняков, майор Пшеничный, лейтенант Крылов, рядовой Коломацкий и другие. За всеми этими явлениями должно было скрываться что-то более существенное и конкретное, чем просто пропагандистские мероприятия. Это подтверждалось также появлением Власова в тылу групп армий „Центр“ и „Север“ в марте — мае 1943 г.[700]. Его выступления перед так называемыми Восточными войсками и гражданским населением оккупированных районов, апелляция к русскому национальному чувству имели, как единодушно отмечали русские наблюдатели, „огромный успех“. Особый отклик и „горячую овацию“ вызвали его слова в Сольцах 5 мая 1943 года о том, что Германия не может выиграть войну без России и что русских нельзя купить[701]: „Мы не хотим коммунизма, — сказал он, — но мы также не хотим быть немецкой колонией“, России уготовано

„почетное место… в новой Европе“*.

В это же время была проведена операция, которая получила название „серебряная полоса“ и была оплачена немцами. Над фронтом в больших количествах сбрасывался „Общий приказ No 13 Верховного главнокомандования германской армии“, призывавший военнослужащих Красной армии переходить на немецкую сторону. Перебежчикам предоставлялся срок, в течение которого они могли решить, будут ли они заниматься каким-нибудь мирным делом в „освобожденных районах“ или вступят в „Русскую освободительную армию“. Этот приказ в сочетании с появившимися затем листовками „Командования Русской освободительной армии“[702], а также введение во всех немецких дивизиях восточного фронта „русских организационных рот“ РОА как будто свидетельствовали о существовании национальной армии.

В действительности дело обстояло несколько иначе. „Русский комитет“ был чистейшей пропагандистской фикцией, а Русская освободительная армия в 1943 году представляла собой не что иное, как сборное обозначение всех в какой-либо форме организованных на немецкой стороне солдат русской национальности, куда входили и члены боевых и охранных формирований, и хиви, теперь называемые добровольцами, находившиеся в немецких формированиях[703]. Положение дел в то время довольно точно определил генерал-майор Малышкин. В своей речи в Париже 24 июля 1943 года во время „Русских дней“ он выразил сожаление по поводу того, что РОА пока не существует, добавив, однако, что ускоренная организация настоящей русской освободительной армии — дело безотлагательное[704].

С этими словами перекликается выступление полковника Боярского перед добровольцами 16 июня 1943 г. Он сказал, что в настоящий момент у русских нет освободительной армии, потому что нет правительства, которому они могли бы подчиниться. Такое Правительство, по его мнению, могло бы быть создано уже через два-три месяца[705].

Итак, самой РОА еще не существовало, но связанная с именем Власова пропаганда имела, как утверждает фельдмаршал Г. фон Клюге в письме начальнику генштаба ОКХ, „сильнейшее влияние по обе стороны фронта“, хотя поток перебежчиков возрос не так сильно, как ожидалось — вероятно, из-за принятых советским руководством контрмер. Тот же эффект отмечался в донесениях из других групп армий: например, командующий 18-й армией генерал-полковник Г. Линдеман писал, что только благодаря выступлениям генерала Власова в занятом им районе больше нет

партизан и прекратились случаи саботажа[706]. На советской стороне, естественно, возникло опасение, что немцы взяли новый курс и перешли, наконец, к ведению политической войны. После того, как в восточный район действий немецких войск проникли сообщения о Власове, Стали сбрасываться его листовки и воззвания, советской стороне Пришлось отказаться от своего первоначального метода — замалчивания этого неприятного явления.

В советской мемуарной литературе послевоенных лет можно легко обнаружить Отголоски тогдашнего восприятия феномена Власова. Генерал-лейтенант Н. К. Попель, бывший член военного совета 1-й гвардейской танковой армии, пишет о том, что листовки Власова были опаснее немецких[707]. Ему вторит маршал Советского Союза С. А. Чуйков, говоря, что один власовский агент был опаснее целой танковой роты противника[708]. Вообще, судя по испуганно-суровому тону всех сообщений о власовцах, моральное состояние советских солдат даже после победы под Сталинградом оставалась крайне неустойчивым. Так, даже тот, кто просто подбирал или хранил листовки Власова, подлежал суровому наказанию[709]. В январе 1943 года военный трибунал приговорил к расстрелу нескольких красноармейцев 48-й гвардейской стрелковой дивизии за распространение таких листовок. Но, несмотря на запрещение всякого упоминания РОА, сведения о ее существовании распространялись в частях Красной армии и производили сильное впечатление. Как рассказал 22 июля 1943 года взятый в плен генерал-лейтенант Л. А. Масанов, командный состав Красной армии располагал точной информацией о содержании листовок, подписанных Власовым, и о существовании РОА, хотя командиры и не обсуждали эту тему, „опасаясь доносов и последующих репрессий“*. По словам генерала Масанова, власовская программа обладала чертами, крайне притягательными для каждого русского, и отвечала пожеланиям русского народа, так что при дальнейшем распространении она неизбежно имела бы самый широкий отклик[710]. В феврале-марте 1943 года воззвания Власова, несомненно, содействовали падению боевого духа среди войск Воронежского и Юго-Восточного фронтов, окруженных у Харькова и Лозовой. По сообщению одного офицера, многие его товарищи тайком носили с собой власовские листовки[711]. Весной 1943 г. главной темой разговоров среди взятых в плен советских офицеров были генерал Власов, Русский комитет и РОА. В лагере военнопленных под Владимиром-Волынским 570 офицеров всех званий по собственному почину подписали просьбу о приеме во власовскую

армию и обратились к генералу с открытым письмом.

В это же время советское руководство, строжайшим образом пресекавшее всякое проявление интереса к власовскому вопросу, поняло, что необходимо предоставить частям Красной армии, подверженным массированному воздействию этой пропаганды, какое-то объяснение, официальную версию событий. Это была трудная задача, так как следовало тщательно избегать всего, что могло бы невольно способствовать популяризации Власова и его дела. Поначалу эту тему осмеливались затрагивать лишь фронтовые и партизанские газеты, предназначенные для узкого круга, а центральные советские печатные органы хранили мертвое молчание. Одновременно были усилены меры по слежке и контролю, и на фронте с весны 1943 года развернулась мощная пропагандистская кампания. Даже на Свирском фронте командование финской армии зафиксировало советские агитационные мероприятия против Власова и РОА[712].

5 апреля 1943 года в газете „Ленинградский партизан“ появилась статья Е. Александрова „Торговцы Родиной“, 29 апреля — статья Л. Кокотова „Лжерусский комитет“ в газете „За советскую Родину“, 15 мая эта же газета опубликовала статью А. Павлова „Иудушка Власов“[713]. Наконец, 4 июля 1943 года в ряде фронтовых газет (“За правое дело“, „За честь Родины“, „На разгром врага“ и др.) появилась статья „Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера“, в которой отразилась официальная позиция Главного политического управления Красной армии[714].

Уже по этим первым публикациям видно, что советской контрпропаганде не хватает настоящих аргументов. Растерянность совет русского руководства выражается даже не столько в нагромождении крепких выражений и оскорблений (это в какой-то мере понятно), сколько в том, что почти во всех пунктах советским авторам пришлось прибегнуть к передергиваниям или попросту ко лжи. Основной целью советской пропаганды было морально уничтожить Власова, в расчете, очевидно, на то, что тогда провозглашенная им политическая идея провалится сама собой. Но это было не так-то легко: ведь имя Власова было хорошо известно. В свое время советская пресса много писала о полководческих заслугах Власова, командовавшего советскими войсками на узловых участках фронта, командира 4-го механизированного корпуса под Лембергом (Льво-вом), командующего 37-й армией под Киевом, заместителя командующего Западным направлением, командующего 20-й армией под Москвой и 2-й ударной армией под Любанью и наконец — заместителя командующего

Волховским фронтом. Для дискредитации столь прославленного военачальника требовались убедительнейшие аргументы. Поэтому в ход вновь пошли обвинения в „контрреволюционной, троцкистской заговорщической деятельности“: те самые, что уже сослужили службу в период „большого террора“ 1937-38 гг., во Время ликвидации руководства Красной армии — не одних только маршалов Советского Союза Блюхера, Егорова и Тухачевского, но и 35 тысяч офицеров, половины всего офицерского состава армии, двух третей политработников Красной армии и военно-морского флота[715].

В заявлении Главного политического управления Красной армии от 4 июля 1943 года Власов предстает активным членом организации врагов народа, которая в свое время вела „тайные переговоры“ с немцами о продаже Советской Украины и Белоруссии, а с японцами — о продаже советского Дальневосточного побережья и Сибири. Тут неизбежно возникает вопрос, как же Власову после раскрытия этой заговорщической деятельности удалось избежать судьбы всех его товарищей. Оказывается, он „покаялся и умолял о прощении“*, и советское правосудие не только простило его, но еще и дало ему возможность искупить его мнимые преступления службой в Красной армии — да к тому же на посту крупного военачальника! Все это звучит совершенно неправдоподобно, и любой здравомыслящий человек без труда разглядел бы абсурдность выдвинутых против Власова обвинений. Дальше говорится о том, что Власов злоупотребил оказанным ему доверием, при первой же возможности сдался в плен „немецким фашистам“ и пошел к ним на службу в качестве шпиона и провокатора. В доказательство этого второго, „еще более тяжкого преступления * приводится лишь один аргумент — то, что Власов вернулся из немецкого окружения. В те дни быть окружением в Красной армии считалось военным преступлением, множество солдат и офицеров были расстреляны лишь за то, что попали в окружение[716]. Но в данном случае — и по отношению лично к Власову — факты представлены в совершенно ложном свете. Столицу Украины, по приказу Ставки и вопреки мнению командиров, обороняли до последнего момента, до полного окружения города немцами. Только 18 сентября 1941 года, когда организованное отступление было уже невозможно, Власов получил приказ сдать Киев и отступить[717]. Именно вследствие этого стояния в Киеве, преподносящегося почти во всех советских военно-исторических сочинениях как славная страница войны, Власов и части его армии чуть не погибли в окружении.

Но и на этом передергивания и нагромождение

несуразностей не кончаются. Тщетно стали бы мы искать в статьях о Власове объяснение тому, как же этот военачальник, находившийся на службе иностранной разведки, „вновь“ получил высокий командный пост и в критический момент битвы за Москву был брошен на решающий участок советской обороны. При такой логике уже не удивляешься выводу, что ответственность за гибель 2-й ударной армии несет не Сталин и не Ставка, а один лишь Власов. Вопреки всем фактам в статье утверждается, что Власов намеренно загнал доверенную ему армию в окружение, довел ее до гибели, а затем перебежал к своим немецким хозяевам и начальникам, „окончательно разоблачив себя“ перед советскими людьми как „гитлеровский ставленник, предатель и убийца“*.

Советская пропаганда в лучших своих традициях изображает Власова „немецким лакеем“, ползающим перед хозяевами на четвереньках и помогающим „врагам нашей родины мучить русский народ, жечь наши села, насиловать наших женщин, убивать наших детей и позорить наше национальное достоинство“*. Неудачное высказывание в „Открытом письме“ Власова — что он разовьет свои представления о новой России „в свое время“ — становится доказательством отсутствия у него каких бы то ни было конструктивных целей. Павлов, автор статьи „Иудушка Власов“, иронизирует:

В свое время, господин генерал, но почему бы не сейчас? С каких это пор честные политики скрывают от народа свои воззрения? Но в том-то и дело, что Власов не политик, он шулер, который боится раскрыть свои меченые карты*.

Между тем достаточно лишь взглянуть на 13 пунктов Смоленского обращения, чтобы понять политические цели Русского освободительного движения. Здесь в числе оснований для перестройки жизни в России названы: неприкосновенность личности и жилища, свобода совести, убеждений, религии, собраний и печати, свободная экономика и социальная справедливость, национальная свобода народов России. В свете обвинения Власова в прислужничестве немецким захватчикам странно звучит прямо противоречащее германской политике требование почетного мира с Германией и признания русского народа равноправным членом в семье новой Европы. И хотя автор статьи „Торговцы Родиной“ Александров не слишком ошибался, назвав Русский комитет „лавочкой“ (полковник Боярский в одном из писем к Власову выразился аналогичным образом[718]), но в 13 пунктах Смоленского обращения впервые сформулированы те требования, которые в развернутой форме в конце концов нашли свое выражение в Пражском манифесте 14 ноября 1944 года.

Провозглашенные в Смоленском обращении политические тезисы обладали такой взрывной силой, что советское руководство даже не осмелилось вступать с ними в пропагандистскую полемику. Впрочем, не один только сталинский режим был заинтересован в сокрытии обращения — немецкое руководство, исходя из аналогичных причин, категорически запретило его распространение по эту сторону фронта. Чтобы ознакомить с текстом обращения жителей оккупированных районов, пришлось прибегнуть к хитрости — самолеты, разбрасывавшие листовки, „по ошибке“ сбились с курса.

Гитлер 8 июня 1943 года выразил свое недовольство политической деятельностью Власова и категорически отказался менять Свою политику в свете тезисов Русского комитета, а также высказался против создания русской армии, потому что, по его словам, это означало бы отказ от первоначальных целей войны[719]. Решительность, с которой Гитлер парализовывал деятельность русского генерала, убедительно опровергает версию советской пропаганды о Власове как „фашистском наемнике и презренном лизоблюде“. Вообще само отношение Гитлера к Власову свидетельствует о том, что русский генерал никак не мог служить интересам фюрера — его усилия были направлены на создание самостоятельной национальной русской „третьей силы“ — между Гитлером и Сталиным.

Из статьи в центральном органе Главного политуправления армии красноармейцы не могли вынести ни малейшего представления об истинных намерениях Власова. Неудивительно, что в этой публикации искажен также и облик солдат РОА. Власов, говорится в статье, с помощью немцев старается „сколотить несколько частей из таких же подонков, как он сам... и силой и обманом-заманить туда немногочисленных пленных“*. Это сомнительное утверждение было тут же опровергнуто в „Открытом письме добровольцев Русской освободительной армии“, распространявшемся в виде листовки, где подчеркивалось, что невозможно силой всучить мощное оружие многотысячной армии. К тому времени речь шла уже не о тысячах, а о сотнях тысяч вооруженных борцов против сталинского режима. На 5 мая 1943 года кроме „экспериментальных армий“ и нескольких крупных полностью русских формирований под немецким командованием (таких, как 1-я казачья дивизия, три отдельных казачьих полка — „Платов“, „Юнгшульц“ и „5-й Кубанский“) имелось 90 русских „восточных батальонов“, а также 140 более мелких русских формирований, 90 полевых батальонов и многочисленные отдельные части

Восточных легионов и Калмыкский кавалерийский корпус. К тому же по меньшей мере 400 тысяч добровольцев служили на штатных должностях в немецких частях, а 60-70 тысяч работали в службе обеспечения общественного порядка местной вспомогательной полиции военного управления[720]. Все эти русские солдаты стремились к изменению политической ситуации у себя на родине, а это в существовавших условиях было возможно лишь насильственным путем путем гражданской войны. И не странно ли, что именно большевики, объявившие гражданскую войну единственно справедливой (пока дело шло об установлении их власти), сейчас особенно возмущались тем, что Власов хочет, по их словам, натравить одну часть русского народа на другую и развязать братоубийство? Тут следует вспомнить, что Русский комитет призывал к борьбе „против ненавистного большевизма“ всех русских, приглашал записываться в ряды Освободительного движения всех соотечественников, независимо от их политической позиции в советском государстве. Исключение делалось лишь для тех, кто добровольно пошел на службу в карательные органы НКВД.

В советской антивласовской пропаганде бросается в глаза один примечательный момент: она ограничивалась призывами к защите родины, России, „святого правого русского дела“, не решаясь пускать в ход аргументы о защите дела большевиков, „завоеваний Октября“ и пр. Новой была и трактовка образа большевиков, которые представлялись, в первую очередь, вернейшими и преданными друзьями и самой России, и русского народа. В этом тоже можно усмотреть симптомы растерянности, в которую повергло советских руководителей появление Власова. В ход были пущены традиционные ценности русского прошлого, получила слово и православная церковь: в годы войны многолетнее наступление против нее было по тактическим причинам приостановлено. 12 (25) апреля 1943 года митрополит Ленинградский Алексей направил пасхальное послание священнослужителям и верующим городов и деревень, еще занятых вражеской армией, где сравнивал войну с извечной борьбой добра и зла, в которой, как во времена святого князя Александра Невского, на одной стороне стояли в образе немцев темные дьявольские силы, вознамерившиеся поработить русский народ и его духовную жизнь, а на другой — силы родины и ее геройские защитники — воины Красной армии[721]. Митрополит Алексей звал всех на „священную войну“, призывал мужчин и женщин вступать в ряды партизан, воевать „за веру, за свободу, за честь родины“. Эта попытка представить картину „мирной и радостной жизни в свете истинной святой веры“ — в Советском

Союзе, где христианство подвергалось жестоким гонениям! — не могло не вызвать возражений в православных кругах.

За пределами советского господства духовенство — именно вследствие своей оппозиции к оккупационной политике Германии — проявило нескрываемую симпатию к Власову, показав тем самым несостоятельность аргументов митрополита Алексея. Митрополит Анастасий, глава Русской православной церкви за рубежом, отколовшейся от русской патриархии после съезда епископов в Карловаце, и митрополит Германии Серафим были близки к Освободительному движению. Анастасий по собственному почину обратился к Власову, обещая ему поддержку Архиерейского Синода[722]. 19 ноября 1944 года, после обнародования Пражского манифеста, он на торжественном молебне в берлинской русской православной церкви призвал верующих во имя „тысяч и тысяч мучеников... объединиться вокруг нашего национального освободительного движения“* и внести свой вклад „в великое дело освобождения нашей родины от страшного зла большевизма“*[723]. Весной 1943 года, услышав о том, что генерал Власов вроде бы назначил протопресвитером РОА архимандрита Гермогена, бывшего секретаря Серафима и, следовательно, члена зарубежной церкви, считавшейся раскольнической, с посланием к Власову обратился известный священнослужитель патриаршей церкви экзарх Прибалтики митрополит Сергий. В послании о „религиозном обслуживании власовской армии“[724]митрополит Сергий подчеркивал: то, что русской освободительной армией командует генерал-эмигрант, а во главе духовенства этой армии поставлен епископ-эмигрант, не должно отражаться на влиянии армии по обе стороны фронта. Предложив создать церковный центр для оккупированных районов, Сергий призвал, кроме того, к назначению протопресвитера также и от патриаршей церкви, объясняя, что только так можно опровергнуть советские слухи, будто немцы хотят из Берлина руководить русской православной церковью, чтобы „сломить этот бастион русского национального самосознания“*. Это означало бы, что РОА принципиально признает авторитет Московской патриархии, причем исключительно в вопросах веры, но не в политических делах (что вполне соответствует каноническому праву); только таким признанием делалась возможной борьба с большевистской пропагандой „в церковном секторе“. Так как русская патриаршая церковь, с точки зрения митрополита Сергия, пребывала в состоянии пленения, он считал политические высказывания московского и ленинградского митрополитов „навязанными или искаженными большевиками“* и потому не обязательными для

верующих. Поэтому борьба за „освобождение церкви“ от большевизма становилась священным долгом православных.

В поддержку Власова выступил также и председатель собора епископов Белоруссии митрополит Пантелеймон[725].

Тот факт, что Власова и РОА поддерживала не только зарубежная церковь, но и известные священнослужители патриаршей церкви, находившиеся в оккупированных районах, очень беспокоил советское правительство. Не исключено, кстати, что именно это и послужило причиной смерти митрополита Сергия: 23 апреля 1944 года во время поездки из Вильнюса в Ригу он был убит партизанами при странных обстоятельствах. В послевоенные годы советская пропаганда распространила версию, будто митрополит использовал свое положение для просоветской пропаганды и потому был устранен по поручению немцев[726]. Советская пропаганда без всяких оснований пыталась связать с этим делом полковника Позднякова, который в это время был уполномоченным генерала Власова и РОА при группе армий „Север“. Однако из всех имеющихся документов следует, что митрополит Сергий не скрывал своей вражды к большевизму и активно выступал за сотрудничество патриаршей церкви с власовским движением[727]. Весной 1943 года он встречался в Пскове с Власовым и подружился с ним. Не случайно и то, что его секретарь И. Д. Гримм, бывший капитан Павловского лейб-гвардейского полка и профессор государственного права Дерптского университета, позже играл ведущую роль в юридическом отделе КОНР, а его сын был в РОА пропагандистом.

С мая 1943 года в районах, оккупированных немцами, началась целенаправленная пропагандистская кампания против Власова. Здесь распространялись советские антивласовские листовки, адресованные всему населению, но в особенности — крестьянам (в связи с объявленным немцами „введением крестьянской собственности на землю“). Приведем несколько названий листовок[728]:

1. „Открытое письмо рабочих и крестьян районов Псков и Остров предателю-генералу Власову. Отвечай, изменник Власов!“
2. „Власов — агент немецких фашистов“.
3. „Как Власов продал крестьян немцам?“
4. „Русский не будет братоубийцей“.
5. „Смерть фашистскому наймиту Власову!“.
6. „Убей предателя Власова“ (по-немецки)
7. Листовка политуправления Северо-Западного фронта „Кто такой Власов“, адресованная „населению временно оккупированных районов Ленинградской области“.

Эти листовки преследовали ту же цель, что и газетные статьи:

доказать, что Власов не имеет никакого отношения к русскому народу, представить его выродком, прокаженным, бессловесным инструментом в руках немецких поработителей. Таким образом советская пропаганда пыталась справиться с новым явлением: отчаявшееся население оккупированных районов связывало свои последние надежды с Власовым, и в борьбе против этого годились любые средства. На этом этапе советские пропагандисты отказались от полемики с общественно-политической программой Смоленского обращения, упомянув его лишь однажды мимоходом, да и то в искаженном контексте. Они прибегали, прежде всего, к очернению Власова, который изображался как Иуда, прожженный негодяй, фашистский прислужник, пугало в генеральской форме, фашистский попугай, убийца, преступник, мошенник, подлец, обманщик, подонок, головорез, ублюдок, ничтожество. Его сравнивали с самыми несимпатичными животными, называли сукиным сыном, безродной дворняжкой, гадом, насекомым... В „Открытом письме рабочих и крестьян районов Псков и Остров“ говорится: „Но ты, собака, скоро подохнешь. Только покажись во Пскове — и мы тебя тут же прикончим, гад“. В других местах о Власове писали, что главная его цель — помочь немцам „закабалять русский народ“, обманывать крестьян, чтобы „превратить их в рабов немецких помещиков и капиталистов“. Однако, пытаясь объяснить народу, как же среди „прославленных советских генералов“ мог затесаться такой выродок, пропагандисты совершали явную промашку. Они писали, что политуправление Красной армии якобы давно раскусило „троцкистского заговорщика“ Власова, завербованного в шпионы задолго до перехода к немцам. А затем вдруг выяснялось, что он „долго“ находился в немецком концентрационном лагере, что „понадобились почти два года кровавой работы в подвалах гестапо, чтобы отыскать жалкую горстку предателей: Власова, Малышкина и прочих“*. И, разумеется, для привлечения советских генералов в лагерь противника потребовались или подкуп, или насилие. Возможность возникновения в политико-историческом контексте германо-советской войны организованного сопротивления большевизму советской теорией не предусматривалась.

С июня 1943 года начали во множестве появляться обращения непосредственно к „солдатам и офицерам“ РОА, „добровольческой армии“ или „власовской армии“[729]. Как тут же было отмечено немецкой контрпропагандой, Сталину пришлось сбрасывать над немецкими окопами листовки на русском языке, тем самым признав существование РОА. Эта агитация сыграла свою роль в событиях последующих месяцев. Из

пропагандистских материалов того периода у нас имеются следующие[730]:

1. Листовка штаба партизанского движения „Кого обманывает изменник генерал Власов“.

2. Листовка районного комитета ВКП(б) гор. Навли „К солдатам так называемой „Русской освободительной армии“ и полицаям“.

3. Листовка „К вам наше слово, солдаты Власова!“

4. Листовка „Что такое РОА?“

5. Воззвание политуправления Северо-Западного фронта: „Русские, украинцы, все бывшие красноармейцы, находящиеся в фашистском плену и завербованные на службу в немецкую армию“.

6. Листовка „Решающий час близок! На чьей вы стороне? Всем советским гражданам, завербованным на службу в немецких войсках и бандах предателя Власова“.

7. Приказ военного совета Северо-Западного фронта от 15 августа 1943 года „Ко всем бывшим военнопленным, русским, украинцам, белоруссам и другим гражданам, завербованным на службу в германскую армию“.

(Листовки 1, 2, 4 и б имеются только в немецком переводе.)

Главным аргументом в этих листовках было быстрое ухудшение военного положения Германии, изменение в расстановке сил в пользу СССР и его союзников. В них подчеркивалось, что „гитлеровская военная машина“ под ударами Красной армии закачалась и трещит по всем швам, Германия несет неслыханные потери и создание „армии из русских“* сейчас, в 1943 — а не в 1941 году — объясняется настоятельной потребностью в пушечном мясе. Того, что немцы не могли добиться силой, они хотят добиться обманом, используя для этого Власова. Но как бы ни бросался Власов высокопарными словами о новой России, маскируя свое предательство, всем ясно, что РОА — это всего лишь пособники немецко-фашистских бандитов. Советские пропагандисты изначально отказывали РОА в праве на существование, а членам армии отводили роль наемников, „проливающих кровь русских братьев для самого жестокого и ненавистного врага русского народа... людоеда Гитлера“*. В заключение солдатам РОА еще раз внушалось, что

Денно и нощно из всех фашистских дырок лают без устали всевозможные Власовы, Октаны и Каминские... Советская родина давно отшвырнула от себя этих подонков, и они нашли временное пристанище в фашистских собачьих будках. Ведь там берут на службу любую дрянь, если только она готова без запинки тявкать по фашистским заявкам*.

Советские пропагандисты умело играли на том, что многие добровольцы ввиду изменившегося военного положения стали все чаще задумываться о своей будущей судьбе. В листовках задавался вопрос: что же станет с ними после неизбежного поражения Германии? Всех, кто из подлости или из страха согласился служить немцам или Власову (по логике листовок это было равнозначно), ожидает позорная казнь, пощады им не будет: „собаке собачья смерть!“

После таких угроз, подкрепленных намеком на хорошо известный всем советским гражданам обычай судебной ответственности членов семьи, читателям листовок предлагался выход. Известно ведь, что фашистские палачи довели их до отчаяния, что в большинстве своем они были принуждены к вступлению во власовскую армию угрозами, насилием и обманом. И хотя, утратив „мужество и веру в победу Красной армии“ и сделав этот шаг, они совершили преступление, но Родина готова простить их, дать возможность искупить свою вину.

Что же требовалось для того, чтобы уйти от неизбежного возмездия советского государства? Неужели достаточно было всего лишь, как неоднократно подчеркивало политуправление Северо-Западного фронта, перейти в одиночку или с группой на сторону Красной армии или к партизанам? Ничего подобного. В приказе от 15 августа 1943 года военного совета Северо-Западного фронта, в составе командующего фронтом генерал-лейтенанта П. А. Курочки-на, начальника штаба генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина и ответственного за политработу генерал-лейтенанта В. Н. Богаткина, все заверения такого рода объявлялись лживыми[731]. В этом документе перед „офицерами, унтер-офицерами и рядовыми банд так называемой русской освободительной армии“* ставилась чрезвычайно странная задача: им приказывалось путем вооруженного восстания овладеть районом Псков — Дно Насва, протяженностью в 200 километров. Военный совет Северо-Западного фронта требовал ни много ни мало уничтожить все немецкие гарнизоны в Пскове, Дне, Порхове, Дедовичах, Насве, Локне и других пунктах, взорвать вокзалы, мосты и прочие подобные объекты, перекрыв пути для доставки подкреплений, убить всех жителей, хотя бы в малейшей степени сотрудничавших с немцами, и после выполнения всех этих задач объединиться с партизанами для совместной борьбы. Перед частями РОА, которые, по мнению советских руководителей, уже находились на фронте, ставилась задача отрезать войска противника от тыловых соединений, разрушить их оборонительные укрепления, депо, мосты, железнодорожные линии и так далее и, установив контакт с

частями Красной армии, прорвать фронт и объединиться с Красной армией. Жизнь и прощение родины сулились только тем, кто выполнит этот абсолютно нереальный приказ, всех остальных ждала смерть — как изменников родины. Лишнее доказательство того, что пути назад для солдат РОА не было...

Судя по листовкам, адресованным власовцам, советская пропаганда признала существование РОА. Однако при этом она постоянно пыталась создать впечатление, будто Власову так и не удалось сформировать настоящую армию. В листовках утверждалось, что РОА — это вообще не армия, и уж во всяком случае не русская армия, это — „власовские банды“, „несколько рот“, „жалкая горстка“, собранная воедино силой и обманом, которая „рассыпется при первом же столкновении с нашими частями“*. Но за этой напускной уверенностью скрывалась глубокая тревога. В беседе с польским послом Т. Ромером в присутствии Молотова 26-27 февраля 1943 года в Кремле на замечание посла о том, что „против Красной армии готовы воевать... формирования бывших военнопленных украинского, русского, грузинского, азербайджанского и пр. происхождения“, Сталин ответил: „Имеются и русские, которые образцово служат немцам и встают на их сторону. В семье не без урода“*[732].

Еще 26 декабря 1942 года ГПУ Красной армии в приказе No 001445 предупреждало о возможном выступлении освободительной армии и требовало принять соответствующие меры[733]. В районе действий РННА, как 17 февраля 1943 года доносил Власову подполковник Бочаров, советское командование объявило красноармейцам, что это „переодетые немецкие войска“. Во избежание контактов с ними советским частям были отданы приказы не мешать продвижению этих войск, не минировать шоссе, не нападать на группы снабжения и вообще не предпринимать ничего, что могло бы спровоцировать боевые действия.

О том, как опасен был Власов для советской власти, свидетельствуют и попытки „любыми средствами, любой ценой“ обезвредить некогда прославленного полководца, доставить его „живым или мертвым на советскую землю“. В марте 1943 года на него охотились партизанские группы Григорьева и Новожилова. В мае начальник ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин передал по радио через оперативную группу при штабе Северо-Западного фронта срочный приказ убить Власова в Дедовичах, Порхове или Пашеревичах: очевидно, примерное местонахождение генерала было известно[734]. В Берлине покушение на Власова должен был совершить лейтенант Августин, сотрудник созданного в СССР комитета „Свободная

Германия“. Его сбросили с парашютом в германский тыл[735], но он был арестован. 24 мая 1943 года у немецких передовых постов в районе Ярцево появился майор Красной армии С. Н. Капустин, выдавший себя за перебежчика[736]. Ему удалось завоевать доверие военных властей и пробраться в Берлин, где он безуспешно пытался проникнуть к Власову. Генерал-майор Малышкин после беседы с „перебежчиком“ счел его версию подозрительной, и действительно, позже Капустин был разоблачен как советский агент и дал показания. Выяснилось, что он должен был не только собрать материалы о РОА, но еще и подготовить к октябрю 1943 года ликвидацию Власова, Малышкина и других руководителей армии.

Судя по подробным инструкциям, полученным Капустиным, советское руководство, вопреки всем пропагандистским заверениям, очень серьезно относилось и к существованию Русского комитета, и к возможному скорому выступлению РОА (которое на самом деле имело место лишь в конце 1944 года, да и то в очень ограниченном масштабе). Летом 1943 года к делу подключилась советская военная разведка. Шпионская организация „Красная капелла“, которую в Москве считали еще действующей, хотя на самом деле она к тому времени была уже разгромлена, получила по радио задание собрать данные об армии Власова, числе подразделений и личном составе, местонахождении, фамилиях офицеров, вооружении и методах пропаганды. Как пишет резидент советской разведки и руководитель „Красной капеллы“ Леопольд Треппер, Центр требовал точнейшей информации, чтобы для выяснения максимального количества деталей проверить уже имеющиеся у него данные[737].

Москва представляла себе РОА в виде сплоченных вооруженных сил, состоящих из всех родов войск, разделенных на армии, армейские корпуса, дивизии, имеющих центральный руководящий орган — генеральный штаб, соответствующие учебные заведения типа центрального военного училища и офицерских школ. Советское руководство всячески стремилось разузнать, когда и на каком участке фронта следует ожидать выступления РОА, будет ли она воевать самостоятельно или вместе с немецкими частями. Вообще, по тому интересу, который проявляло советское руководство к пропагандистским и агитационным органам РОА и ее разведывательной службе, можно судить о том, насколько высоко оценивало оно пропагандистское воздействие РОА и насколько низко — возможности собственной контрпропаганды.

Но не только это тревожило советское руководство: оно было

обеспокоено также возможностью вооруженных выступлений внутри СССР. В число заданий агента Капустина входило также выяснить, какой отдел Русского комитета руководит антисоветским партизанским движением в СССР, выявить систему связей, методы снабжения оружием и боеприпасами и вообще способ действий „подпольных групп и антисоветских партизанских отрядов“. Кроме того, советское руководство не исключало возможности возрождения, под руководством Комитета, широкого антисоветского движения „в городах, на заводах и фабриках“ глубокого тыла. Очевидно, на первых порах оно было напугано перспективой возможной гражданской войны: задание Капустина и засланного вместе с ним лейтенанта госбезопасности П. Ларионова, в свое время осужденного за взятки, можно объяснить лишь полной беспомощностью и некомпетентностью тентностью. Кроме выполнения различных шпионских заданий они должны были, с целью разложения РОА, создать надежную агентурную сеть из офицеров армии и „террористические группы“ во всех основных органах РОА, в Русском комитете и в генштабе и подготовить их переход на сторону Красной армии.

Обостренная реакция советских властей на появление Власова, на мнимое создание Русского комитета и возникновение Русской освободительной армии позволяет нам сделать несколько замечаний общего плана. Впервые за все время войны Советский Союз был вынужден перейти в оборону в сфере политической пропаганды. Можно представить себе, каков был бы эффект, если бы Освободительному движению действительно дали возможность организоваться и поставили бы на службу этому делу все технические средства! Например, если бы приняли предложение начальника Отдела иностранных армий Востока в генеральном штабе ОКХ полковника Гелена от 13 июня 1943 года о продолжении „власовской пропаганды... с усиленной интенсивностью“, „путем массированного сбрасывания около миллиона листовок Власова и РОА“ над крупными населенными центрами Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Саратов-Энгельс, Пенза, Воронеж, Ростов, Астрахань, Калинин, Калуга, Тула, Рязань и т.д.[738]. По мнению Гелена, такие действия постепенно вынудили бы советское правительство вступить в открытую полемику с Власовым и тем самым способствовать пропаганде его идей.

Мы уже говорили о том, как оптимистически оценивал сам Власов перспективы возглавляемого им движения. 17 февраля 1943 года на совещании в берлинской гостинице „Эксельсиор“ с участием генералов Жиленкова, Малышкина, Благовещенского, а

также полковника Риля и подполковника Бочарова из РННА он заметил, что не стал бы вкладывать душу в идею Русской освободительной армии, если бы хоть на минуту сомневался в ее успехе. А немного спустя полковник Боярский даже взял на себя смелость заявить, что Освободительное движение может в три месяца успешно завершить войну в России. Он сказал: „У нас мощные связи с ведущими военачальниками Красной армии и политическими деятелями. Целые дивизии перейдут к нам или же будут нам подыгрывать“*[739]. Однако непременной предпосылкой всякого политического или военного успеха Боярский считал создание Русского национального правительства и Русской освободительной армии с исключительно русским командованием и их признание.

Эти намерения русских офицеров совпадали с пожеланиями их покровителей в вермахте и учреждениях рейха, которые также начинали ощущать позитивное воздействие „власовской акции“. Известие о том, что советский военачальник открыто призвал к борьбе против Сталина, вызвало в апреле-мае 1943 года „большой интерес“ не только на Восточном фронте, но и за границей, в союзных, нейтральных и враждебных странах. Как сообщал бывший посол в Москве граф Шуленбург, распространилось мнение, что эта акция „при умелом руководстве немецкой стороны может обусловить решительный поворот в войне в пользу Германии“[740].

В мае-июне 1943 года „власовскую проблему“ живо комментировала шведская пресса[741]. 8 мая „Афтонбладет“ в международном обзоре сообщила, что генерал Власов встречался по различным поводам с Гитлером. 25-26 мая главной политической сенсацией некоторых стокгольмских газет стало „сообщение о создании власовской армии“. „Дагпостен“ и „Нюа Даглигт Аллеханда“ писали 25 мая, что Советскому Союзу, возможно, предстоит гражданская война. „Афтонбладет“ 30 мая опубликовала интервью своего берлинского корреспондента „с адъютантом генерала Власова о программе национального возрождения русского народа“. 1 июня „Социал Демократен“ перепечатала изложение статьи из газеты военнопленных „Заря“ „о жизненном пути и политических целях Власова“. И наконец, „Стокгольме Тиднинген“ в тот же день привела оценку численности власовской армии — 560 тысяч человек!

17 июня немецкий посланник в Стокгольме Ганс Томсен сообщил о беседе с королем Густавом V после вручения ему „собственноручного письма фюрера“[742]. Шведский король, по словам Томсена, проявил большой интерес „к национальной русской организации генерала Власова. Его очень обрадовали

мои слова, что это движение в ближайшее время примет большой размах“. Германский посол Франц фон Папен сообщал из Анкары, что после развертывания власовской армии на немецкой стороне и создания комитета „Свободная Германия“ на советской стороне англичане явно почувствовали возросшую опасность „достижения немецко-русского соглаше-ния“[743].

Влиятельные офицеры генштаба и Восточной армии пытались окончательно склонить Гитлера к ведению политической войны на востоке, то есть хотели направить немецко-советскую войну в русло антисоветской гражданской. В различных заявлениях[744]они доказывали, что „власовская акция“, начатая „как пропагандистский трюк , вызвала к жизни „целое движение , которое развивается по своим законам и приняло такие масштабы, что его уже невозможно остановить без ущерба для немецких интересов. Всякая попытка в этом направлении подорвет доверие к немецкой военной пропаганде во всем мире, а национальное русское движение обернется тогда против самих немцев как иноземных поработителей русского народа. Поэтому немецкая сторона должна придать власовскому движению официальный характер. Ведущие деятели генштаба и министерства иностранных дел советовали как можно скорее создать под началом Власова настоящий русский комитет и дать Власову должность главного инспектора Восточных войск. Конечно, о главной цели, которую ставили перед собой все оппозиционные к восточной политике Гитлера круги, о признании русского правительства и формировании русской армии — здесь говорилось очень завуалированно, пока что обсуждалось лишь участие Власова в управлении оккупированными районами и в командовании „национальными силами“. Но Гитлер, до которого предложения такого рода доходили различными путями, оказался достаточно проницателен и немедленно наложил на них вето.

8 июня 1943 года в разговоре с начальником штаба ОКВ генерал-фельдмаршалом Кейтелем и начальником генерального штаба ОКХ генералом Цейтцлером Гитлер категорически и „окончательно“ высказался против активизации Русского освободительного движения и создания русской армии до конца года[745]. 1 июля 1943 года он подтвердил это решение на созванном им совещании командующих армиями на Востоке, обосновав его тем, что, как учит опыт истории, „такие национальные движения в моменты кризиса всегда обращаются против державы-захватчика“. В качестве примера он привел неудачу 1916 года, когда польскую армию попытались поставить на службу немецко-австрийскому военному руководству. При

этом, однако, Гитлер не учел одного важного момента: осуществления своих политических чаяний поляки могли ожидать только от союза с державами Антанты, а никак не с державами Четверного союза. Во второй мировой войне дело обстояло как раз наоборот: если крушение сталинского режима вообще было возможно, то национально настроенные русские могли надеяться достичь его лишь в союзе с Германией. Для Власова не было пути назад. Гитлер же под различными предлогами отказывался помочь ему. Отныне имя Власова разрешалось использовать лишь в пропагандистских целях для обмана противника.

Сам же Власов из-за своих „резких и некомпетентных высказываний“ был, по приказу фельдмаршала Кейтеля, посажен под домашний арест, и Кейтель пригрозил ему, что, если такое повторится, за генерала возьмется гестапо. Искусственное „прекращение власовской акции“ и „затишье вокруг власовской армии“ положило конец всем надеждам и вызвало глубочайшее разочарование русской и немецкой стороны[746]. Даже верные сторонники Власова пали духом. Показательна в этом плане история генерал-майора А. Е. Бу-дыхо, бывшего командира дивизии Красной армии, сменившего полковника Боярского на посту „штабного офицера по обучению и подготовке восточных войск“ в немецкой 16-й армии. Будыхо поддался на посулы советской пропаганды и в ночь на 13 октября 1943 года перешел с ординарцем к партизанам. После его внезапного исчезновения было устроено расследование, а командующий группой армий „Север“ генерал-фельдмаршал Г. фон Кюхлер и командующий 16-й армией генерал-фельдмаршал Э. Буш обменялись весьма раздраженными посланиями[747]. Однако Будыхо не удалось обмануть судьбу: вскоре немцы взяли в плен советского офицера, сброшенного с парашютом, и тот рассказал, что перебежчик, имевший знаки различия генерал-майора РОА, был расстрелян по решению партизанского суда, „который приговаривает к смерти всех солдат РОА“ 63.

Подводя итоги, можно сказать, что власовская акция 1943 года не удалась лишь по вине Гитлера. Дело не в том, что, как торжествующе утверждала советская пропаганда летом 1943 года, Власову, несмотря на все его усилия, „не удалось“ создать армию, но в том, что, к величайшему огорчению самого генерала, его русских соратников и немецких покровителей, за это столь перспективное начинание, по существу, даже и не смогли толком взяться. Вердикт Гитлера создал политический вакуум, подготовил ту почву, на которую смогла опереться советская пропаганда. Наряду с ухудшением военного положения это

явилось одной из причин явлений разложения в добровольческих формированиях во второй половине года[748], после чего значительную часть их перевели на западный и южный европейские театры военных действий. Вопреки распространенному в литературе мнению, ведущие деятели РОА, например Буняченко, всячески приветствовали этот перевод и даже способствовали ему, надеясь, что вдали от советского влияния формирования сохранятся до того момента, когда будет санкционировано создание Освободительного движения и их можно будет реорганизовать. Полковник Боярский в июне 1943 года заявил, что события все равно заставят Германию признать русское национальное правительство. И хотя в принципе он оказался прав, благоприятный момент был безвозвратно упущен.

Глава 14.
Борьба с феноменом Власова

Во время войны советскому руководству так и не привелось всерьез столкнуться с Русским освободительным движением. Пропагандистские мероприятия ограничивались тактическими рамками, а в конце осени 1943 года, после спада первой фазы власовского движения, и вовсе прекратились. К тому времени, когда в ноябре 1944 года возник КОНР, а затем — сама РОА, в Красной армии бытовало мнение, что „власовская армия взята в плен, а сам Власов Застрелился“[749]. Впрочем, советская сторона пренебрегла феноменом Власова вовсе не вследствие собственного морально-политического превосходства и не из-за недостаточного влияния идей движения, но единственно потому, что Гитлер воспрепятствовал распространению этих идей. А широкомасштабная кампания по пропаганде положений Пражского манифеста, планируемая после создания КОНР и формирования армии, то есть всего за несколько месяцев до окончания войны, развернуться не успела, так что советскому руководству не пришлось еще раз заниматься публичным обсуждением власовского вопроса. Однако в кулуарах к нему по-прежнему относились очень серьезно. Не случайно начальник советской контрольной комиссии при Верховном командовании генерал-майор Трусков настоятельно требовал во Фленсбурге 20 мая 1945 г. незамедлительно предоставить ему подробные сведения о советских военнослужащих, взятых в плен (причем генералов и высших штабных офицеров надо было перечислить поименно), а также подробную сводку о РОА и добровольческих формированиях, воевавших под немецким командованием.

Казалось бы, последнюю черту под историей власовского движения подвело сообщение в „Правде“ от 1 августа 1946 года[750]:

На днях Военная Коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению Власова А. А., Малышкина В. Ф.., Жилен-кова Г. Н., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буняченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д. и Шатова Н. С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза.

Далее сообщалось, что обвиняемые признали себя виновными, все приговорены к смертной казни через повешение и

приговор приведен в исполнение.

Из всех перечисленных лишь имя Власова было более или менее известно широкой общественности. Но кто были остальные? Почему о Власове и осужденных вместе с ним больше ничего не сообщалось, хотя бы намеками, хотя бы как, например, в аналогичном сообщении в „Правде“ от 17 января 1947 года[751]о смертном приговоре казачьим генералам, которые по заданию германской разведки... в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Нетрудно понять, почему казачьи генералы, названные в сообщении „главарями вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны“, были представлены советской общественности иначе, чем руководители РОА. С точки зрения политической, старые казаки и казненный вместе с ними немецкий генерал-лейтенант фон Паннвиц были безопасны для советской стороны. Поэтому можно было не обинуясь признать, что они во время второй мировой войны вели „вооруженную борьбу“ против Советского Союза, можно было не скрывать их воинских званий и даже напечатать статью о них в советской энциклопедии[752]. С группой бывших высших советских офицеров, объединившихся вокруг Власова, дело обстояло совсем по-другому. Достаточно вспомнить, какие посты занимали они в Красной Армии: Малышкин, например, был генерал-майором и начальником штаба 19-й армии; Жиленков — функционер московского партийного аппарата, будучи комиссаром армии, являлся членом (военного совета 32-й армии[753]; Трухин, тоже генерал-майор, был профессором Академии Генштаба, затем — начальником оперативного отдела штаба Прибалтийского особого военного округа (Северо-Западный фронт); генерал-майор Закутный был профессором Академии Генштаба, его последняя должность — командующий 21-м стрелковым корпусом; генерал-майор Благовещенский командовал бригадой; полковник Меандров был начальником оперативного отдела 6-й армии; полковник Мальцев командовал ВВС Сибирского военного округа; полковник Буняченко командовал 389-й стрелковой дивизией; полковник Зверев командовал дивизией и был военным Комендантом Харькова; Корбуков и Шатов были штабными офицерами Красной армии. Все вместе они представляли собой весьма Репрезентативный сколок советского офицерского корпуса. Как писал генерал Хольмстон-Смысловский, „Власов был истинным сыном советской власти, плоть от плоти ее, так же как

и его генералы, офицеры и солдаты“[754]. Как же можно было публично признаать, что кроме „предателя Власова“, которого еще кое-как удалось выдать за „отдельный несчастный случай“, имелось немало генералов и полковников, которых партия и правительство поставили на ответственные посты и которые во время „Великой Отечественной войны“ подняли оружие против советской власти и создали военную организацию для борьбы с нею! Даже простой намек на столь неприятные обстоятельства мог дать повод к нежелательным размышлениям поэтому следовало избегать и самого этого намека[755]. Напрасно сегодняшний читатель будет искать в Советской Военной Энциклопедии имя Власова. Сообщение в „Правде“ от 1 августа 1946 года было задумано как последнее и окончательное слово в этом деле. Однако вскоре выяснилось, что с исторической правдой невозможно расправиться одним лишь методом умолчания. Идеи власовского движения продолжали жить и распространяться — и не в последнюю очередь в рядах Красной армии.

Генерал-майор П. Г. Григоренко рассуждает в своих воспоминаниях[756]о том, как тяжело было многим понять, что знаменитый генерал Власов, „не какой-то выскочка — кадровый офицер, коммунист, чисто русский человек, выходец из трудовой крестьянской семьи“ с помощью немцев создал Русскую освободительную армию. Григоренко задается вопросом: „Почему?!... Не вязалась эта фигура у меня с образом изменника родины. Провокация, говорил я себе“.

Позже Григоренко узнал, что генерал-майор Трухин, его учитель по тактике высших соединений, единственный, кроме Иссерсона, талантливый преподаватель Академии Генштаба, стал начальником штаба РОА, а его заместителем (на самом деле — начальником оперативного отдела) был назначен полковник Нерянин, офицер чисто пролетарского происхождения, товарищ Григоренко по учебе в Академии, которого начальник Генштаба Красной армии маршал Советского Союза Шапошников однажды назвал „одним из самых наших блестящих армейских офицеров“. Григоренко пишет:

И вот этот человек, которого я брал себе за образец, оказался тоже во власовском движении. Я так знал этого человека, что никто не мог бы убедить меня, что он пошел на этот шаг из нечестных мотивов. Он, может, и ошибается, думал я, но у него не может не быть убеждения — честного и, с его точки зрения, благородного. Но что же это за убеждение? В общем, Нерянин меня заставил думать. Когда верхушку РОА казнили, мысли мои стали еще тревожнее. Если они изменники, то почему их судили

закрытым судом?.. Здесь что-то не так, говорило мое сознание.

Но ответа на этот вопрос ему и его товарищам пришлось ждать долго.

До середины 50-х годов о власовском движении лишь мимоходом упоминалось в литературе о партизанах. Затем заговор молчания был нарушен. 17 сентября 1955 года Президиум Верховного Совета объявил амнистию для всех советских граждан, которые в период 1941-45 гг. были взяты в плен или добровольно пошли на службу в немецкие вооруженные силы[757]. В связи с этим советский пропагандистский аппарат развернул широкую кампанию среди бывших советских граждан, живущих за границей^, используя для этого отдельных возвращенцев. Тут уже нельзя было не считаться с информацией о власовской армии, которой обладали эмигранты. Важную роль в кампании играл созданный в Восточном Берлине „Комитет за возвращение на родину“, впоследствии — „Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом“, во главе которого стоял бывший военнопленный генерал-майор Н. Ф. Михайлов ч (впрочем, по мнению эмиграции, истинным руководителем Комитета был КГБ). В публикациях Комитета для заграницы „За возвращение на Родину“, позже — „Голос Родины“, и в радиопередачах затрагивались темы, все еще недоступные „внутреннему“ читателю и слушателю, и признавалось — хотя и в полемической форме — „существование враждебной нашей стране военной организации по типу бесславной РОА или национальных батальонов“*.

Но и в самом Советском Союзе слухи о Власове и власовцах получили такое распространение, что власти, опасаясь нежелательных последствий, были вынуждены отказаться от политики умолчания. Поводом послужил рассказ Сергея Воронина „В родных местах“, напечатанный в 1959 году в ленинградском журнале „Нева“![758]. Содержание рассказа таково: в родной деревне встречаются два бывших фронтовика. Один из них, прежде чем перейти к партизанам, некоторое время отслужил в РОА, вернее — в Восточных войсках под немецким командованием. Герой рассказа знает о прошлом бывшего друга, осуждает его, но заявить о нем властям не хочет — друга и без того мучают угрызения совести. Вывод — „великодушный советский народ“ простил этих людей, подверг их лишь моральному осуждению — вызвал буквально бурю возмущения. Специальное заседание партийной организации Ленинградского отделения Союза писателей приняло резолюцию, в которой назвало рассказ „вредным“, а в редакции „Невы“ было устроено расследование. Возражения вызывала „неприкрытая попытка

Воронина протащить ложный принцип христианской любви к ближнему... попытка раздуть сентименты вокруг власовца.. пролить слезу над несчастной долей власовцев“*. Все это, разумеется, было вопиющим нарушением писательского долга, и писателям следовало четко растолковать, как обходиться с „власовщиной“.

Чтобы довести до сведения писателей указания партии, была, как всегда, использована „Литературная газета“. Главный редактор этого центрального органа Сергей Смирнов изложил партийную программу в статье „Именем солдат“ (27 октября 1959 г.)[759]. Его определение вполне соответствовало общепринятому клише: „власовцы“ — это солдаты так называемой Русской освободительной армии (РОА), банд изменников Родины под командованием генерала-предателя Власова, подонки, без чести и совести“*. И вдруг невольно вырвавшееся признание: Смирнов пишет, что в подавляющем большинстве „власовцы“ были непримиримыми врагами „нашего строя, нашего государства““, то есть, другими словами, политическими противниками. Это было нечто совершенно новое — впервые признавалось, что Власов представлял прежде всего политическую проблему. А с „идеологической диверсией“ следует бороться — и статья не оставляла никаких сомнений относительно способов борьбы. Смирнов заканчивает свою установочную статью эпизодом военного времени: в 1944 году некий капитан Красной армии при всеобщем одобрении красноармейцев приказал расстрелять солдат РОА. Автор заключает, что такой суд народа был справедлив, и заверяет, что „наш народ“ — читай, коммунистическая партия — никогда не простит того, кто, как Власов, изменил Родине. От имени миллионов бывших фронтовиков автор призывает советских писателей без всякого снисхождения развенчивать в своих произведениях оставшихся „власовцев“.

Для придания полемике пущей убедительности было решено привлечь еще живущих в СССР участников власовского движения и воспользоваться их сведениями, тщательно отредактировав и откорректировав их. Одним из таких людей был Д. В. Брунст, представитель НТС, еще в послевоенное время ведший в СССР подпольную работу и схваченный в конце концов органами госбезопасности[760]. В 1961 году Брунст рассказал о попытках НТС оказать политическое воздействие на РОА через таких видных деятелей, как генерал-майор Трухин и подполковник Тензоров. Конечно, он не случайно так настаивал на роли НТС: его цель сводилась к тому, чтобы политически скомпрометировать эту организацию, играющую активную роль в

западной эмиграции. В критические дни мая 1945 года Брунст вместе с Тензоровым находился в Богемии в непосредственной близости от Власова: он вспоминает о том, как нестерпима для него была уже тогда „откровенность бесстыдного позорного бегства“* генерала и его людей от наступающих советских армий.

В довольно умеренном тоне высказывается о Власове и других деятелях Освободительного движения профессор В. П. Василакий, в 1955 году добровольно вернувшийся в СССР, бывший член националистической украинской организации „Просвите“, впоследствии ставший членом КОНР: его статья „Путь к правде“ появилась в газете „Известия“ 2 сентября 1965 г. [761]. Но эта статья не послужила началом объективного обсуждения власовского движения: 7 октября „Известия“ напечатали статью генерал-лейтенанта Е. И. Фоминых „Как был пойман предатель Власов“ — об обстоятельствах ареста Власова, где факты вновь искажаются, а арестованный генерал рисуется исключительно черной краской.

В 1967 году журнал „Москва“ опубликовал исторический роман Аркадия Васильева „В час дня. Ваше Превосходительство“[762]. Роман этот заслуживает особого внимания, так как в нем впервые сделана попытка показать „власовщину“ на документальной основе. Книга основана на воспоминаниях некоего А. Мартынова, якобы советского агента в штабе Власова. В 1965 году в газете „Голос Родины“ появилась статья Мартынова „Правда о власовцах“, автор отрекомендовался как „уполномоченный КОНР в Курляндии“[763]. Эта статья интересна с психологической стороны: хотя Мартынов всячески поносит Власова, сравнивая его с „немецкой шарманкой“, называет „фашистским манекеном“ и даже обвиняет в том, что Власов якобы содействовал Гитлеру при выполнении плана „истребления населения“ России, в ней все же проступают очертания Освободительного движения. Документальный роман Васильева получил высокую оценку: на его исторической достоверности настаивает Александр Кривицкий в статье „Отголоски прошлого“[764], цитируя в этой связи слова Ленина о том, что смешно не знать военную историю. Однако достоверность повествования Васильева весьма сомнительна: достаточно, например, сказать, что никакого „подполковника Павла |Никандрова“ — псевдоним Мартынова — в штабе Власова не было, а обращение „Ваше Превосходительство“ в РОА не употреблялось. Полковник Поздняков, подвергнув роман Васильева тщательному анализу, выявив грубые, непростительные ошибки мнимого авторитетного свидетеля, приходит к выводу, что автор черпал сведения в закрытых

архивах КГБ.

Пожалуй, для нас интересна не столько крайне сомнительная документальная основа романа Васильева, сколько сам факт, что советские писатели, „инженеры человеческих душ“, начали рассматривать власовское движение в его историческом контексте. Поначалу советские публикации, продолжая линию военной пропаганды, изображали Власова и власовцев безыдейными, беспринципными трусами, эгоистами, подлецами и фашистскими наймитами. Однако с годами этот подход изжил себя. И в этом была определенная логика: ведь если эти люди действительно были всего лишь трусами и эгоистами, то невольно возникал вопрос: как же случилось, что они воевали „яростно и ожесточенно буквально до последнего патрона“*? Это был вынужден признать в 1959 году Сергей Смирнов, а в 1965-м — генерал-майор А. П. Теремов, дивизионный командир, в своих мемуарах „Пылающие берега“![765]. Неудивительно поэтому, что у Аркадия Васильева трусы и эгоисты разом переродились в контрреволюционеров, идейных врагов коммунизма, автор даже не упустил заметить, что у Власова имелась программа, которую он называет „смесью эсеро-меныпевистских идей“. Теперь власовское движение преподносилось как остаточное явление гражданской войны, классовой борьбы и контрреволюции. Но тут возникала новая дилемма: как объяснить, что эти самые контрреволюционеры и классовые враги зародились в собственных рядах? Более или менее просто решался вопрос с генералами Трухиным, Благовещенским и Боярским — они были из дворян; генералы Малышкин, Севастьянов, Богданов и Меандров служили когда-то в царской армии, и этим можно было объяснить их классовую вражду (разумеется, умолчав о высоких постах, занимаемых ими впоследствии в Красной армии). Хуже обстояло дело с такими офицерами пролетарского происхождения, как генерал-майоры Буняченко, Зверев, Шаповалов и Мальцев, начавшими свой путь в Красной армии с рядовых. И уж совсем не годилась версия классовой борьбы для бывших политработников Красной армии, полковых комиссаров Шатова и Спиридонова, комиссара корпуса Зыкова и многих других представителей „рабоче-крестьянского“ государства, занимавших определенное место в партийном аппарате, как, например, бывший секретарь московского райкома партии и комиссар армии Жиленков. Напрасно будем мы искать их биографические данные у Васильева либо в других советских публикациях: эти сведения, нарушающие фикцию монолитного единства советского общества, остаются за семью печатями[766].

Особый интерес представляет портрет самого генерала

Власова, сына крестьянина и воспитанника духовной семинарии, который у Васильева трансформируется в отпрыска помещика и фабриканта. Реконструировать истинное положение Власова в Красной армии по советским источникам, особенно по мемуарной литературе, можно лишь с большим трудом. Генерал А. Я. Калягин, правда, в своих воспоминаниях „По незнакомым дорогам“ упоминает о работе Власова в Китае в 1938 году, но умалчивает о том, что Власов занимал ответственный пост начальника штаба советского военного советника, комдива А. И. Черепанова[767]. В 1940 году газета Красной армии „Красная звезда“ в чрезвычайно похвальном тоне писала о вкладе Власова в формирование 99-й дивизии. „Командиру передовой дивизии“ была посвящена статья П. Огина в „Правде“[768]. В декабре 1940 г. в статье „Новые методы боевой учебы“ (“Красная звезда“) Власова ставили в пример всей Красной армии, газета опубликовала его портрет. 9 декабря в той же газете читаем:

“99-я дивизия заняла первое место в Красной армии. Все поздравляют генерала Власова“[769].

Как писал П. Г. Григоренко[770]:

Запомнился 1940 год. Буквально дня не было, чтоб „Красная Звезда“ не писала о 99-й дивизии, которой командовал Власов. У него была образцово поставлена стрелковая подготовка. К нему ездили за опытом мастера стрелкового дела. Я разговаривал с этими людьми, и они рассказывали чудеса. Вторично я услышал о Власове в ноябре 1941 года... Снова о нем говорили как о выдающемся военачальнике.

23 февраля 1941 года советская общественность прочла в „Известиях“ указ Верховного Совета СССР о награждении генерала Власова орденом Ленина[771]. Но в послевоенное время мы нигде не отыщем никаких упоминаний об этом прославленном полководце.

Методы советских историков прекрасно демонстрирует Стрижков, который в истории 99-й дивизии „Герои Перемышля“, изданной в 1969 году, просто заменяет некогда гремевшее имя командира дивизии на никому не известного полковника Дементьева[772]. В Военно-исторических публикациях нет упоминаний о Власове ни в связи с контратакой 4-го механизированного корпуса в тяжелых условиях под Бердичевом в июле 1941 года, ни в связи с героической обороной „города-героя“ Киева 37-й армией в сентябре 1941 года под командованием Власова, ни в связи с продвижением 20-й армии во время контрнаступления под Москвой в январе 1942 года[773]. Дело доходит до того, что в опубликованной в 1967 году книге „Московская битва в цифрах“ в „Указателе командного состава

фронтов, армий и корпусов, участвовавших в битве под Москвой“ в качестве командующего 20-й армией вместо Власова представлен генерал-майор А. И. Лизюков, а начальником штаба 19-й армии вместо генерал-майора Малышкина назван полковник А. Г. Маслов[774]. Очевидно, составитель не знал, что к власовскому движению присоединились также член военного совета 32-й армии комиссар армии Жиленков и начальник штаба этой армии полковник Бушманов, — их имена часто упоминаются в тексте.

Однако метод замалчивания заслуг Власова как полководца срабатывает не всегда: в случае с битвой за Москву этот метод оказался непригодным. Как пишет Григоренко, слава Власова еще возросла, когда он во главе 20-й армии отбил у немцев Солнечногорск, город в Московской области. Имя Власова связал с битвой за столицу не кто иной, как ведущий пропагандист и писатель Илья Эренбург. 11 марта 1942 года, после завершения советского контрнаступления, Эренбург живо описал в „Красной звезде“ свой визит к командующему 20-й армией в районе Волоколамска[775]:

Любовно и доверчиво смотрят бойцы на своего командира: имя Власова связано с наступлением — от Красной Поляны до Лудиной Горы... У генерала рост метр девяносто и хороший суворовский язык.

Встрече и беседе с Власовым посвящено несколько страниц и в воспоминаниях Эренбурга „Люди, годы, жизнь“[776]. При всей своей тенденциозности страницы эти в некотором смысле весьма поучительны. Эренбург повторяет здесь, хотя и в другой тональности, то, что писал о Власове в 1942 году, говорит о своем впечатлении (“Мне он показался... честолюбивым, но смелым“), снова передает мнения солдат о командире (“простой“, „храбрый“, „ранили старшину, он его закутал в свою бурку“, „ругаться мастер“). Разумеется, только личные причины могли заставить столь выдающегося военачальника выступить против советской власти. Как объясняет Эренбург, Власов — „не Брут и не князь Курбский... убеждений у него не было — было честолюбие“, а за заявлениями Власова по радио, что он „жаждет освободить Россию от большевиков“, скрывалось лишь желание самому стать „главнокомандующим или военным министром обкорнанной России под покровительством победившего Гитлера“. Тем не менее, как узнает советский читатель, „Власову удалось набрать из военнопленных несколько дивизий“. Отрицая политическое значение власовского движения и совершенно необоснованно утверждая, что Власова давно забыли даже его прежние сторонники на Западе, Эренбург, однако, позитивно

оценивает военные полководческие таланты генерала. Этим и интересна его позиция: советские авторы, как правило, всячески стараются выставить Власова в самом невыгодном свете и оспорить его военные заслуги.

Ради этой цели они не гнушаются ничем. Например, на Власова возлагается главная ответственность за провал попытки прорыва блокады Ленинграда в первой половине 1942 года. Высшие офицеры, такие как маршал Советского Союза К. А. Мерецков — в то время главнокомандующий Волховским фронтом и непосредственный начальник Власова, и маршал Советского Союза А. М. Василевский — в то время уполномоченный Ставки на Волховском фронте, своими авторитетными именами подтверждают общепринятую уничтожительную оценку. „Кто не слыхал о власовцах, этих изменниках родины, презренных наймитах наших врагов?“ — риторически восклицает Мерецков[777]. Однако все, что могут сказать оба советских маршала о своем бывшем коллеге, настолько мало связано с действительностью, что их утверждения с легкостью опровергаются фактами. Согласно „Истории Великой Отечественной войны“ Власов оказался предателем родины и своей трусостью и бездарностью в значительной степени содействовал неблагоприятному исходу операции под Любанью и тем самым гибели подчиненной ему 2-й ударной армии, главной ударной силы Волховского фронта[778]. Однако даже из мемуаров Мерецкова „На службе народа“[779]и Василевского „Дело всей жизни“[780]следует, что, когда в марте 1942 года генерал-лейтенант Власов был назначен командующим 2-й ударной армией, наступление на Волховском фронте давно прекратилось, немцы перешли к контратакам и о прорыве Ленинградской блокады в тот момент уже не было и речи. 24 апреля 1942 года генерал армии Мерецков писал в Ставку, что 2-я ударная армия совершенно измотана, не способна ни на наступление, ни на оборону, и просил, во избежание катастрофы, немедленно ее оттянуть. Однако Ставка Верховного Главнокомандования, пребывая в уверенности, что под Ленинградом будет достигнута большая победа, не только не отдала такой приказ, но наоборот — приказала продолжать наступление на Любань. Только через несколько недель, 21 мая, когда было уже поздно, пришел приказ о прекращении военных действий и отводе войск. 8 июня Ставку заботил уже лишь вопрос о том, как спасти войска от окружения, пусть даже ценой потери боевой техники. К тому моменту, как показал генерал-майор И. М. Антюфеев, командир 327-й стрелковой дивизии, которому самому после немецкого плена пришлось защищаться от подозрений в измене родине, солдаты

были измотаны до такой степени, что о нормальных боевых действиях нечего было и думать[781]. Так что причиной гибели 2-й ударной армии стала не мнимая некомпетентность генерала-лейтенанта Власова (который, кстати, был назначен командующим в уже безнадежной ситуации и у которого были связаны руки), а неверные оперативные решения Ставки, членом которой, между прочим, был маршал Василевский. Лишь небольшой части 2-й армии удалось отступить по временному „коридору“. Множество солдат заплатили за недальновидность Ставки собственной жизнью, 32 756 человек попали в плен. Командующий разделил судьбу своих солдат: в течение двух недель ему удавалось скрываться, но 12 июля его убежище было раскрыто и он попал в руки немецкого патруля (а не перешел на сторону врага добровольно, как утверждает советская сторона)[782]

С конца 60-х годов в СССР с растущим беспокойством наблюдают за небезуспешными попытками зарубежной публицистики сделать из Власова „национального героя“, борца „за идею освобождения русского народа“. В этой связи в советской печати появились упоминания об изданных на нескольких языках книгах В. Штрик-Штрикфельдта и С. Стеенберга о Власове, публикациях материалов „Архива Освободительного движения России“ в Нью-Йорке[783]. Между тем в СССР власовским движением занимались явно недостаточно. И вот, в довершение всего, в этой и без того уже критической ситуации появился „Архипелаг ГУЛаг“ А. Солженицына, этот „циничный антисоветский пасквиль“, который моментально привлек внимание мировой общественности и был прочитан даже в социалистических странах. Одной из тем этой книги стало власовское движение. И хотя в тот момент Солженицын еще не знал подробно политической программы движения и относился к нему довольно скептически, он рассказал о нем ярко и проникновенно.

...Я хотел страницами этими напомнить, что для мировой истории это явление довольно небывалое: чтобы несколько сот тысяч молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати подняли оружие на свое Отечество в союзе со злейшим его врагом[784].

Теперь советской пропаганде приходилось бороться еще и с этим защитником Власова! В появившихся в 1973 году мемуарах маршала Василевского содержатся резкие нападки на Солженицына, обвинение его в „лживых и безответственных“ заявлениях, в клевете на Советский Союз[785]. Развернул полемику против Солженицына и генерал-лейтенант П. А. Жилин,

директор Института военной истории Министерства обороны СССР, член-корреспондент Академии Наук СССР, автор многочисленных работ по военной истории, в основном связанных с Отечественной войной 1812 года[786]. 21 января 1974 года Жилин напечатал в „Известиях“ большую — на полосу — статью „Как А. Солженицын воспел предательство власовцев“, в которой попытался уничтожить писателя с позиций военной истории[787]. Здесь речь идет уже не только о Власове — задача Жилина шире: на ошибках и неточностях в описании Власова и власовцев доказать недостоверность всей книги Солженицына. Однако, чтобы убедить советскую общественность в моральной и профессиональной неполноценности Власова и поставить под сомнение существование организованного политического и военного сопротивления советской власти, ведущий советский историк прибегает к странным методам. Позволительно, например, спросить, на чем основано его утверждение, будто в зарубежной литературе выработана негативная оценка власовского движения? Ведь даже маршал Василевский ограничивается в этой связи лишь упоминанием о так называемой прогрессивной зарубежной литературе. На каком основании Жилин отказывает Власову в военных способностях? Ведь один тот факт, что Ставка всякий раз бросала его на особо угрожаемые участки фронта (под Киевом, под Москвой, в районе Волхова), свидетельствует о прямо противоположном, и даже маршал Мерецков косвенно отдает должное „профессиональным способностям“ своего бывшего заместителя[788]. И наконец, по какому праву он называет Власова „заурядной марионеткой Гитлера и гитлеровцев, их верноподданным слугой“*, и уверяет, что, будучи агентом немецкой разведки, никакой освободительной борьбы Власов не вел, а занимался исключительно активным шпионажем и диверсиями против СССР? Разглагольствования Жилина о том, что за одно лишь описание Власова Солженицын заслуживает „презрения всех честных людей“, не делают автору чести и вызывают сомнения в научной добросовестности директора Института военной истории Советских Вооруженных Сил.

После провала попыток одолеть власовскую проблему литературными средствами в СССР снова вернулись к методам 1946 года. Слово вновь взяли представители юриспруденции. Через 27 лет после казни Власова и его товарищей советские юристы сочли необходимым впервые открыть общественности подлинные детали тайного процесса 1946 года, дабы показать „истинное лицо предателя“. Кое-какой материал об этом процессе имелся в книге генерал-лейтенанта юстиции Н. Ф. Чистякова „На

страже социалистической законности“ (1968), выпущенной к 50-летию советской военной юриспруденции, которая почему-то не выдается иностранцам и с которой запрещено делать микрофильмы[789]. Подробный отчет о процессе 30 июля 1946 года содержится в статье юриста А. В. Тишкова „Предатель перед советским судом“ в журнале „Советское государство и право“, органе Института государства и права Академии Наук СССР (1973, No 2). В том же году появился предназначенный для „командиров и политработников, пропагандистов и агитаторов“ Советской армии сборник статей „Неотвратимое возмездие“. В статье полковника юстиции Е. Самойлова „От белой гвардии к фашизму“ рассказывается о процессе генерала Краснова и казачьих генералов, а генерал-майор юстиции Ф. Титов, бывший начальник юридического отдела советской военной администрации и контрольной комиссии в Германии, в статье „Клятвопреступники“ описывает процесс против генерала Власова и его офицеров.

Эти запоздавшие доказательства преступного характера власовского движения должны были послужить противовесом оценке исторических заслуг Власова и Русского освободительного движения на Западе. „Бывшие власовские приспешники“, ускользнувшие в 1945-46 годах от органов СМЕРШа, получили трибуну на Западе, в частности, они много печатались в ведущей американской русскоязычной газете „Новое русское слово“, и это воспринималось в СССР как вызов, на который следовало ответить. В конце 60-х годов развернулась пропагандистская кампания с целью заткнуть рот оставшимся в живых участникам Русского освободительного движения, объединившимся в такие организации, как СБОНР (Союз борьбы за освобождение народов России), Комитет объединенных власовцев, НТС и другие. Советские пропагандисты прибегли к испытанному методу: довольно точно ухватив умонастроение, царившее на Западе, они подвели всех бывших власовцев под рубрику „военных преступников“, отказав им тем самым в каких бы то ни было политических убеждениях и в праве на идейную борьбу против большевизма. Эта новая линия вполне согласовывалась с той исторической ролью, которую беспардонно присвоил себе Советский Союз, объявив все свои аннексии и завоевания после 1939 года, в том числе расширение сферы господства на страны Восточной и Средней Европы, „освободительной миссией“ и „освободительным походом“. Так, известный советский ученый, правовед Н. М. Минасян утверждает в своей книге, что Советский Союз от имени всего человечества выполнил „великую историческую миссию“, спас от фашизма и верной гибели не

только народы Европы, но и весь мир, все человечество, культуру и цивилизацию[790]. И поскольку Советский Союз понес в этой „освободительной войне“ самые большие потери, ему принадлежит главная заслуга в спасении человечества. Поэтому ему дано право без снисхождения карать ушедших от суда „нацистских военных преступников“, а заодно их пособников из числа „изменников Родины“[791], так как их безнаказанность „представляет собой угрозу делу мира и безопасности народов“[792]. А попытки замолвить слово за Власова объявляются в статье С. Николаева „Что кроется за „формулой самооправдания“, напечатанной в газете „Голос Родины“, простотаки неприличными[793].

Чтобы доказать, что власовцы — военные преступники, „которые совершили предательство или активно сотрудничали с врагом во время войны“[794]. Советский Союз начал прибегать к резолюциям ООН от 13 февраля 1946 г. и 31 октября 1947 г. Требуя от западных стран наказания или выдачи так называемых военных преступников, под определение которых, по мнению советского правительства, подпадают власовцы. Советский Союз решил сам подать пример. Здесь полезно взглянуть на советские законодательные акты. 17 сентября 1955 г. были амнистированы советские граждане, сотрудничавшие с оккупантами во время войны. Эта амнистия была теперь отменена — по Указу Президиума Верховного Совета от 3 сентября 1965 года все советские граждане, которые во время войны „предали Интересы родины“, подлежали уголовному преследованию[795]. Чтобы яе оставалось ни малейшего сомнения в том, что власовцы попадают в категорию военных преступников, совершивших злодеяния против человечества, советская пропаганда начала целенаправленно обвинять их в самых тяжких преступлениях. Как это делалось, можно проследить на примере статьи Г. Корнеца в „Голосе Родины“[796], направленной против бывшего оперативного адъютанта Власова и начальника командного отдела штаба РОА полковника Позднякова, заклейменного кличкой „хранителя власовских архивов“[797]и особенно ненавистного советским за публицистическую деятельность в „Новом русском слове“. С той же очернительской целью написана и статья В. Карцева „Портрет предателя без ретуши“ (“Известия“, 29 сентября 1968 г.) о докторе Хайте, бывшем офицере Туркестанского легиона, члене Национального туркестанского единого комитета, издавшем после войны несколько фундаментальных трудов по истории Туркестана[798].

С. М. Штеменко в своих воспоминаниях называет военно-политическое сопротивление Власова прямо и четко —

„преступления против человечества“[799]. А московское издательство Общества культурных связей с соотечественниками за рубежом выпустило сборник статей „Они среди вас“, цель которого — разоблачить преступную деятельность „бывших немецко-фашистских прихвостней“, „скрывшихся на Западе от заслуженного возмездия“. В числе „морально деградировавших, беспринципных подонков“ здесь названы бывший начальник личной канцелярии Власова полковник Кромиа-ди, в то время начальник отдела кадров радиостанции „Свобода“[800], бывший адъютант Власова, командир полка 1-й дивизии полковник Сахаров[801], майор Демский (Дашкевич), сотрудник командного отдела штаба армии, навлекший на себя особую немилость советских властей участием в комитете по установлению памятника Власову[802], и, наконец, уже знакомый нам полковник Поздняков[803]. В обобщающей статье С. Николаева в „Голосе Родины“ в июне 1970 г. в этот ряд встает еще одна фигура — бывший капитан РОА граф Ламсдорф[804].

В каких же преступлениях обвиняются все эти люди? Хаит, который в ФРГ „за свои прошлые заслуги получил докторскую степень по истории востока“, был, оказывается, убийцей тысяч мусульман. Кромиади, будучи „комендантом гитлеровского лагеря смерти“, буквально купался в крови своих жертв, лично принимал участие в уничтожении тысяч человек. Сахаров в жестокостях и убийствах превзошел даже собственного отца, „белогвардейского“ генерал-лейтенанта. Демский был агентом гестапо и командиром „карательного батальона“ (имеется в виду регулярный русский восточный 605-й батальон) и ручьями проливал кровь своих соотечественников. И наконец, Поздняков, „полковник гестапо“ и „организатор массовых убийств“, за свои заслуги в „окончательном решении расовой проблемы в третьем рейхе“ едва не удостоился звания гитлеровского генерала[805]. Советские авторы не скупились на подробности, очевидно, считая, что надо как следует поработать, чтобы привлечь внимание демократических правовых государств.

Методы, используемые советской пропагандой против власовцев, в принципе ничем не отличались от тех, которые применялись Советами для дискредитации лиц, во время войны связанных с добровольческими соединениями, а после войны занявших ответственные посты в администрации ФРГ. Например, обвинения в военных преступлениях выдвигались против федерального министра профессора Теодора Оберлендера и Ганса Герварта фон Биттенфель-да, посла, государственного секретаря и начальника канцелярии федерального президента. Профессор Оберлендер во время войны был капитаном вермахта,

командиром особого отряда Бергманн, состоявшего из горцев оккупированных районов Кавказа и подчинявшегося начальнику Абвера адмиралу Канарису. Оберлендер был уволен из вермахта за резкую критику восточной политики национал-социалистов. Герварт фон Биттенфельд был до войны советником германского посольства в Москве, во время войны — ротмистр, адъютант генерала добровольческих соединений в ОКВ Кестринга. Невиновность Оберлендера была доказана в суде[806], а что касается фон Биттенфельда, прозванного нотариусом власовской армии, в свое время принадлежавшего к группе заговорщиков вокруг полковника генштаба графа Штауффенберга, то у него просто не было возможности совершать кровавые преступления в оккупированных районах, поскольку он состоял адъютантом при старом генерале, в основном выполнявшем совещательные функции[807]. Не стоит тратить время на доказательства беспочвенности советских обвинений. Др. Хаит, статья о котором была напечатана в „Известиях“, ответил на нее в горько-ироническом тоне[808].

В 1930 году Черчилль писал, что большевистские „диктаторы“ только до 1924 года уничтожили 28 епископов, б 000 профессоров и учителей, 9 000 врачей, 12 950 помещиков, 54 000 офицеров, 70 000 полицейских, 193 290 рабочих, 260 000 солдат, 355 250 представителей умственного труда и промышленников, 815 000 крестьян. Эти цифры подтверждаются мистером Хирнсхоу из Кинге колледжа в Лондоне в его блестящем введении к „Обзору социализма“. В эти цифры не входят чудовищные потери русского населения от голода.

И Черчилль отмечает, что в деле уничтожения людей ни один азиатский завоеватель, никакой Тамерлан или Чингисхан не мог бы потягаться с Лениным, которого Черчилль сравнивает с чумной бациллойбЗ. Что же касается Сталина, то по самым осторожным подсчетам в его эпоху, в период 1930-1950 гг., по идейно-политическим причинам было уничтожено как минимум 20 миллионов человек[809]. И вот теперь проповедники этого режима обвиняли в жестокости тех, кто против режима восстал! Впрочем, при всей своей примитивности, обвинения против власовцев не прошли бесследно: советский лексикон оказал свое воздействие на ментальность западной общественности, мало сведущей в этом вопросе.

В 1979 году администрация президента Дж. Картера приступила, по советским настояниям, к юридическим мерам против некоторых американских граждан, которые родились в СССР и приехали в США после войны[810]. Советское правительство с готовностью предоставило обвинительный

материал из архивов КГБ. На этом основании департамент юстиции США до 1980 года провел не менее 260 предварительных расследований на предмет „возможного участия в военных преступлениях“ тех или иных лиц[811]. Следует сказать, что новая политика американского правительства не встретила в США ни малейшего сочувствия. Внутри департамента юстиции произошло даже нечто вроде революции, во всяком случае — были очевидные признаки недовольства[812]. Смешно было бы предполагать, что власти США сотрудничают с КГБ в расследовании случаев, в которых речь идет о „преследовании по расовому, религиозному или национальному признаку либо в силу политических убеждений“. В отличие от СССР и от Западной Германии в США не решается вопрос об определении уголовных наказаний, эти расследования носят гражданский, а не уголовный характер[813]. Верховный суд разбирает лишь вопрос о правомерности лишения обвиняемого американского гражданства в случае обмана иммиграционных властей при въезде в страну, при этом департамент юстиции прилагает все усилия для выяснения обстоятельств каждого конкретного дела[814].

Так, 28 марта 1980 года посольство США запросило министерство иностранных дел в Бонне в вербальной ноте No 126 о подготовке и передаче копий большого числа актов, документов и рукописей, которые были перечислены в указателе источников и документов в моей книге „Восточные легионы“. В вербальной ноте No 31 от 17 марта 1983 года речь шла о предоставлении копий определенных материалов из указателя к моей книге „Немцы и калмыки“. Эти официальные шаги американского правительства свидетельствуют о том, что Бюро специальных расследований довольно серьезно относится к своей работе[815]. Однако текст вербальной ноты No 31 порождает некоторые сомнения: уж не оказывает ли КГБ известное влияние на образ мыслей и действий этого отдела департамента юстиции США? Из ноты следует, что американское правосудие приступило к дознанию против членов добровольческих формирований и РОА в связи с их предполагаемыми военными преступлениями. О применяемых при этом методах можно судить по случаю бывшего капитана вермахта и командира дивизиона калмыкского кавалерийского корпуса А. Болдырева, одного из немногих калмык-ских офицеров, кому удалось избежать выдачи и преследований и завуалированные угрозы которому появились в советской печати еще в 1963 году, сразу после того, как стало возможно вообще упоминать о калмыках. В ноте No 31 высказывается подозрение, что Болдырев „в начале 1943 года участвовал в эксцессах в городе Элиста“. Однако город Элиста

был освобожден от немцев и занят советскими частями днем 31 декабря 1942 года. Ранним утром 1 января немецкий арьергард находился в 50 километрах к юго-западу от города. Правда, „в начале 1943 года“ в Элисте действительно имели место эксцессы: только это была „кровавая баня“, которую советские устроили калмыкам. Мне рассказал о ней 14 сентября 1971 года генерал танковых войск в отставке граф фон Шверин, бывший уполномоченный по делам безопасности канцлера Аденауэра.

Остается лишь надеяться, что американские органы дознания окажутся в состоянии, во-первых, отличить советские преступления от немецких, а во-вторых, провести различие между политическими и военными делами участников Русского освободительного движения и возможными злоупотреблениями, в которых было замешано ничтожное меньшинство эмигрантов, состоявших на службе у немецких органов безопасности. В противном случае США вновь окажутся в роли пособников Советского Союза в борьбе за устранение политических противников советского режима. Такой прецедент уже имеется: это участие США в противозаконных выдачах. Если это повторится, то советское руководство, не сумевшее справиться с власовской проблемой идеологическими средствами и прибегшее к другому пути юридическому, одержит важную пропагандистскую победу, доказав, что карающая десница советской власти достаточно сильна, чтобы извлечь из далекой, свободной Америки одряхлевших противников сорокалетней давности и расправиться с ними.

Глава 15.
Историческое место освободительного движения

По зрелом размышлении советская сторона решила рассматривать власовскую проблему как вопрос, относящийся исключительно к области юриспруденции. Поэтому не удивительно, что даже в 1973 году информация о Русском освободительном движении преподносилась советской общественности в форме отчета об уголовном деле. Оба автора, А. В. Тишков и Ф. Титов, старались при этом устранить всякое сомнение в законности суда над генералом Власовым и его одиннадцатью подельниками, проведенного Военной коллегией Верховного Суда СССР в 1946 году. По их заверениям, каждый пункт обвинения, каждый эпизод „преступной деятельности обвиняемых“ был тщательно изучен в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР и подтвержден показаниями свидетелей и другими доказательствами. Предварительное следствие длилось 16 месяцев, по делу были опрошены 28 основных свидетелей, приняты во внимание показания еще 83 человек, проведена даже графологическая экспертиза для установления подлинности подписей. Материалы следствия составили три объемистых тома[816].

Судя по всему, перед нами — тщательно подготовленный и безупречно проведенный процесс. Почему же, однако, мы узнаем подробности лишь через 27 лет? И если суть дела настолько бесспорна, как убеждают нас советские авторы, то почему процесс был абсолютно тайным и на него не допустили хотя бы самый узкий круг общественности — как это имело место на аналогичном процессе генерал-фельдмаршала фон Вицлебена* в народном суде рейха 7-8 августа 1944 года? Почему еще и сегодня приходится гадать, кто председательствовал на суде — уж не Ульрих ли, генерал-полковник 1остиции, прославившийся показательными процессами 30-х годов[817], кто были заседатели и кто — защитники, если вообще таковые имелись, и что они говорили? П. Григоренко в своих мемуарах пишет, что сначала, очевидно, было намерение провести открытый суд на манер показательных процессов 30-х годов, но „поведение власовцев we испортило“[818]. Сам Власов, Трухин и большинство других обвиняемых отказались признать себя виновными в измене Родине. Как пишет Григоренко (со слов знакомого офицера, принимавшего участие в подготовке процесса):

Все они — главные руководители движения — заявили, что боролись против сталинского террористического режима. Хотели освободить свой народ от этого режима. И поэтому они не изменники, а российские патриоты. .. Власов и Трухин твердо стояли на неизменной позиции: „Изменником не был и признаваться в ' измене не буду. Сталина ненавижу. Считаю его тираном и скажу об этом на суде“. Не помогли... обещания жизненных благ. Не помогли и... устрашающие рассказы... Власов на эти угрозы ответил: „Я знаю. И мне страшно. Но еще страшнее оклеветать себя. А муки наши даром не пропадут. Придет время и народ добрым словом нас помянет“. Трухин повторил то же самое.

Очевидно, именно этой твердой позицией Власова и остальных руководителей РОА[819]объясняется закрытость и поспешность заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР, которое началось за закрытыми дверями 30 июля 1946 года и закончилось 1 августа смертным приговором всем двенадцати обвиняемым. В тот же день генерал Власов и его соратники были повешены во внутреннем дворе Таганской тюрьмы в Москве[820].

Тишков и Титов не дают никаких объяснений по этому поводу, однако признают, что публикация подробностей процесса, проведенного почти 30 лет назад, преследует политические цели[821]. Они несколько раз подчеркивают, что „судебный процесс сорвал маски „идейных борцов“ с лица предателей, вскрыл истинные причины и мотивы их преступления“. Чтобы окончательно убедить советскую общественность в преступном характере власовского движения, они приводят скрываемые до тех пор факты. Впрочем, ничего другого им не остается — ведь они тут же утверждают, что Власов „совершил особо опасные государственные и военные преступления против СССР“. Из статей Тишкова и Титова можно составить представление, что же именно инкриминировали Власову: активную контрреволюционную и антисоветскую деятельность возглавляемого им КОНР и создание армии для вооруженной борьбы с советской властью, армии, которая, хотя и ненадолго, все же действительно вступила в бои с Красной армией. Власов обвиняется в преступных действиях однако Тишков и Титов пишут исключительно об его политической и военной деятельности. Эта противоречивость заставляет лишний раз сопоставить советские обвинения с тем, что в действительности представляло собой Русское освободительное движение.

Главным в этой связи является вопрос о целях власовского движения и об основах, на которых оно собиралось создать новую

Россию. Ответ мы найдем в политической программе Пражского манифеста. Показательно, что официальная советская версия не вдается в содержание этого документа от 14 ноября 1944 года, ограничиваясь несколькими уничижительными сентенциями общего плана. Читателю сообщается, что Манифест являет собой „отвратительный гибрид власовщины и белогвардейщины“, „удивительную смесь национал-социализма... черносотенных лозунгов, близких по духу лозунгам недоброй памяти „Союза Михаила архангела“, и программы белоэмигрантского НТС“. Это — „гитлеровский документ“, „гнусный документ“ (потому, очевидно, что в нем речь идет о „новой России, без большевиков и капиталистов“)[822]. Однако следует отдать должное авторам: они по крайней мере намекают на то, что больше всего возмущает их в Манифесте, — требование восстановления частной собственности, особенно на землю, а также требование прекращения классовой борьбы. На самом деле Манифест этим не ограничивался: его программа состояла из 14 пунктов, и осуществление программы заложило бы прочную основу для современного правового государства[823].

Достаточно взглянуть на заявленные в Пражском манифесте цели власовского движения, чтобы понять, почему советская сторона не могла его обнародовать. Первый пункт Манифеста провозглашает :

Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года.

При этом речь идет не о возвращении к дореволюционным царским временам, но о завершении дела буржуазной февральской революции. Наряду с формулировками общего характера, составляющими неотъемлемую часть любого документа такого рода. Пражский манифест содержит также весьма однозначные и определенные требования. Здесь выдвигается требование вместо „режима террора и насилия“, „насильственных переселений и массовых ссылок“ ввести такой общественный порядок, при котором возможно „обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации“. Здесь с „классической четкостью“ провозглашаются буржуазные свободы[824]- религии, совести, слова, собраний и печати, а также неприкосновенность личности, жилища и имущества, приобретенного в результате честного труда.

Манифест выдвигает требование независимости и гласности суда (именно этот принцип был нарушен в процессе руководителей йласовского движения). В области социально-

экономической выдвигалось требование ликвидации колхозов, передачи всей земли крестьянам в частную собственность, восстановление свободной торговли и ремесел. Но создаваемая таким образом свободная конкуренция экономических сил подлежала одному существенному ограничению: в Манифесте постулировался принцип „социальной справедливости“, то есть защиты всех трудящихся от эксплуатации. Предусматривались „широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака“, гарантировалось равноправие женщины, установление минимальной оплаты труда „в размерах, обеспечивающих культурный образ жизни“, „право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости“. Пражский манифест провозглашал также:

Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

Чтобы понять значение Пражского манифеста, стоит еще раз обратиться к политическим основам русско-немецкого сотрудничества. Советские авторы неустанно твердят, что Власов „продался немецким фашистам“, заверил Гитлера в собственном вернопод-данничестве и связал со своим именем „одно из самых подлых и черных деяний в истории Великой Отечественной войны“[825]. Но как в действительности складывались отношения Власова с немцами и, в частности, его отношение к национал-социализму? Руководители Освободительного движения с самого начала не скрывали, что сотрудничество с немцами возможно для них лишь на основе абсолютного равенства. Высказываний на этот счет чрезвычайно много, мы ограничимся лишь несколькими примерами. Так, Власов при всякой возможности критически высказывался в адрес немецкой восточной политики. Уже в начале 1943 года на открытом собрании в Пскове он подверг резкой критике предрассудки многих немцев, которые видят в русских людей второго сорта. Как сказано в немецком донесении, „он произнес слово „унтерменш“, заявил, что не считает себя „унтерменшем“, и спросил присутствующих, считают ли они себя „унтерменшами“[826]. В речи перед членами ВВС РОА 18 февраля 1945 года Власов обвинил Германию в разжигании ненависти „между двумя великими народами“[827]. Один из ближайших сотрудников Власова полковник Боярский (впоследствии — генерал-майор) в июне 1943 года прямо заявил своим немецким слушателям, что русские и немцы могут стать „лучшими друзьями, но могут — и злейшими врагами“. Он предостерег немцев от „предательства“ принципов равноправного союза, сказав, что нормальные отношения возможны лишь в случае

выполнения этих принципов. Боярский считал непременной предпосылкой сотрудничества уважение национальной независимости России[828].

Русские ни разу не отступили от этих требований. Это отразилось также в речи начальника личной канцелярии Власова полковника Кромиади перед восточными рабочими в Сосновце 23 декабря 1944 года: „Мы честно протягиваем Германии руку, но в ответ мы требуем к себе тоже честного отношения“[829]. Все это позволяет определить заключенный в Праге союз как вынужденный, как военное содружество, порожденное необходимостью. В Пражском манифесте по этому поводу говорится:

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей Родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

П. Григоренко в своих мемуарах спрашивает: „Могли ли такие люди, как Нерянин, которые поставили своей целью свержение сталинского режима, упустить возможность, предоставляемую им сотрудничеством с немцами?“*[830]Старший лейтенант Дмитриев в речи на многолюдном митинге в берлинском „Доме Европы“ 18 ноября 1944 года сказал:

Агенты НКВД и вся большевистская пропаганда будут стараться оклеветать нас, изобразить безыдейными наймитами немецкой армии. Но мы спокойны... мы не наймиты Германии и не собираемся ими быть. Мы союзники Германии, вступившие в борьбу для выполнения наших собственных национальных задач, для осуществления наших народных идей, для создания свободного независимого отечества*[831].

Внутренняя свобода русских проявилась также в требовании Пражского манифеста о заключении „почетного мира с третьим рейхом“ и в пункте о „сохранении мира и установлении дружеских связей со всеми странами и всемерном развитии международного сотрудничества“.

Пражский манифест не имел практически ничего общего с национал-социалистической программой, и в этом легко убедиться на следующем примере. Текст Манифеста был отправлен Гиммлеру, который вернул его с указанием дополнить пунктом о „борьбе против евреев“[832]. Но Власов решительно возразил, что никак не может это сделать: в Манифесте провозглашается принцип „равенства всех народов“ в новой России и при этом имеются в виду также представители еврейского народа. Действительно, в Пражском манифесте нет

антисемитских тенденций[833]. „Нойе Цюрхер Цайтунг“ 6 декабря 1944 года, подробно разбирая первый номер газеты КОНР „Воля народа“, отмечала связь названия газеты с русской народнической организацией „Народная воля“, из которой впоследствии образовалась партия эсеров, выступавшая за освобождение крестьян. Швейцарская газета не сомневалась, что „Власов чрезвычайно серьезно относится к своей демократической программе“, и задавала вопрос: „Как воспримет такую программу национал-социалистическая Германия?“! 9 По словам английского историка Р. Конк-веста, „изданный им [Власовым] 14 ноября 1944 года политический „Манифест“ показывает, что он отнюдь не симпатизировал нацизму — его единственной целью была демократическая Россия“[834]. Американский ученый Л. Шапиро тоже отмечает полную независимость Власова, настоящего русского патриота, не затронутого „нацистской идеологией“[835].

Венский философ профессор Х. Эйбл, автор „Magna Charta Eurasiatica“, обнаруживает в Пражском манифесте целый ряд моментов, указывающих на то, что „в истории человечества обозначился новый подъем, вдохновителем которого можно считать Власова“[836].

О том, насколько политические цели Освободительного движения противоречили целям национал-социалистического рейха, можно судить по обвинениям в адрес Власова, выдвигаемым в 1944-45 годах. Так, Восточное министерство называло власовцев бескомпромиссными борцами за „единую неделимую Россию“[837], другими словами, им инкриминировалось именно то, что для любого патриота является естественным, — борьба за целостность своего государства. Многие из них, говорится далее, „не являются настоящими друзьями Германии“ и вообще „негативно относятся ко всему немецкому“. Руководитель организации „Винета“, подчиненной министерству пропаганды, заметил 31 декабря 1944 года, что власовское движение не является национал-социалистическим, более того — оно „позорит“ национал-социалистическое мировоззрение, поскольку не борется против еврейства и вообще не признает еврейского вопроса[838]. Гиммлер тоже вскоре понял, что Русское освободительное движение, которому он дал путевку в жизнь, развивается по собственным законам. 8 января 1945 года, когда член президиума КОНР генерал-лейтенант Жиленков находился с официальным визитом в Словакии и был принят президентом Словацкой республики монсиньором Йозефом Тизо, Гиммлер выразил свою озабоченность тем, что Власов охвачен „панславистскими

устремлениями“ и ведет собственную политику в отношении славянских народов Балканского полуострова[839]. Интересно, однако, что рейхсфюрер СС не решился открыто выступить против этого. Между тем 18 января 1945 года газета „За Родину“ опубликовала сообщение информационного бюро КОНР о ходе государственного визита Жиленкова и напечатала полный текст его речи в Пресбурге о целях Русского освободительного движения. Речь эта кончалась словами: „Мы верим, что нашу борьбу поддержат все миролюбивые народы мира и в первую очередь славянские народы“[840]. Все эти примеры подтверждают слова генерала добровольческих соединений Кестринга, отнюдь не склонного к восторгам, который в 1946 году охарактеризовал Власова как „яркую личность“, заметив, что такой человек „никак не мог быть верным наемником... в своих действиях он руководствовался исключительно интересами своей страны“[841].

Но обвинения в предательстве, раздающиеся с советской стороны, безосновательны не только по существу. Эти обвинения весьма странно звучат в устах наследников Ленина. Мало того, что в 1917 году, во время первой мировой войны, будущий вождь Октябрьской революции и создатель советского государства открыто высказывался за поражение России в войне, он к тому же не побоялся тайно принять от врагов своей страны деньги и помощь[842], чтобы из „проклятой Швейцарии“ добраться до арены событий, свергнуть демократическое временное правительство, развалить русский фронт обороны против немцев и самому захватить власть[843]. П. Григоренко в своих мемуарах пишет:

Мое подсознание нашептывало мне ленинские лозунги „Война — войне!“ и „Да здравствует поражение!“ Да, Владимир Ильич, тут ваша логика сослужила мне дурную службу. Я едва сдержался, чтобы не заорать: сегодня мы превозносим большевиков, которые ради свержения царизма способствовали поражению своей страны; почему же тем, кто хочет свергнуть большевистское коммунистическое правительство, не предоставляется то же право?*[844]

По мнению полковника Кромиади, ленинисты уже по одной этой причине не имеют морального права выдвигать против Власова обвинение в измене Родине[845].

Если советским авторам еще удавалось кое-как скрывать от советской общественности политические цели Освободительного движения, то представить „антисоветские организации“ КОНР и РОА простыми инструментами в руках немцев было значительно труднее. Тут советские сообщения буквально вязнут в противоречиях. Тишков, например, утверждает, что именно

Гиммлер передал Власову через доверенное лицо, обергруппенфюрера Бергера, начальника Главного управления СС, подробные указания по формированию КОНР и РОА, а осуществлялись эти указания под контролем доктора Крёгера, постоянного представителя Гиммлера при русском генерале[846]. Значительная, хотя и скрытая роль приписывается при этом гестапо, которое якобы заранее проверяло и утверждало всех членов Комитета и вообще крепко держало КОНР в руках, „контролируя каждый его шаг через своих агентов“. По уверениям советских авторов, КОНР своим возникновением обязан лишь объединенным усилиям Гиммлера и гестапо. Тишков даже утверждает, будто название КОНР было всего лишь „ширмой, вывеской для внешнего мира“, во внутренней переписке „гитлеровцы“ называли его „зондеркоммандо В при Главном управлении СС“ — такая организация действительно существовала, но никакого отношения к КОНР не имела и выполняла совершенно другие функции. Речь идет о „зондеркоммандо Ост“, представлявшей собой рабочий штаб Главного управления безопасности рейха. Входили в него в основном прибалтийские немцы, сочувствовавшие власовскому движению. Они видели свою задачу в том, чтобы поддерживать „власовскую акцию“ путем использования так называемой „рутины рейха“, в частности, отстаивать ее от враждебных поползновений со стороны национал-социалистической партии и гестапо[847]. Глава зондерком-мандо доктор Ф. Бухардт хотел, чтобы его считали представителем русских интересов у немцев, а не наоборот.

Тишков часто противоречит не только историческим фактам, но и самому себе. Так, он вынужден признать, что „предатель“ Власов с того самого момента, как он оказался в плену (в 1942 году), не переставал выдвигать перед немцами требование о создании политического центра как необходимой предпосылки для его участия в борьбе против большевизма[848]. Он признает, что после создания КОНР Власов уже не был „простой марионеткой“ немцев, и следовательно, предательство как бы переносится на новый, более высокий уровень. Немецкое правительство, пишет Тишков, признало Власова „руководителем русского освободительного движения“, признало определенные права за КОНР и заключило с ним политические и военные соглашения. В этой связи и Тишков, и Титов ссылаются на финансовое соглашение от 18 января 1945 года, в котором рейх заявлял о своей готовности предоставить КОНР необходимые для его деятельности денежные средства в форме кредита с долговым обязательством[849]. Заключение этого договора между

„правительством Великого Германского рейха“, представленного государственным секретарем министерства иностранных дел бароном Штенграхтом фон Мойландом, и „президентом Комитета освобождения народов России генерал-лейтенантом Власовым“ проходило в торжественной обстановке, в присутствии видных представителей обеих сторон: с немецкой стороны здесь находились начальник отдела протокола посланник А. фон Дорнберг, посланник В. фон Типпельскирх, советник посольства Г. Хильгер, тайный советник В. Танненберг, государственный секретарь министерства финансов Ф. Рейнгардт; с русской — уполномоченный КОНР при министерстве иностранных дел Ю. С. Жеребков, начальник финансового управления КОНР профессор С. А. Андреев и его заместитель Ф. Ф. фон Шлип-пе, а также начальник главного организационного управления КОНР генерал-майор В. Ф. Малышкин. Договор свидетельствовал о полном признании КОНР со стороны Германии. Даже советские авторы считают нужным упомянуть о независимости КОНР, хотя тут же заявляют о том, что это была чистая фикция[850]. Из рас-суждений Тишкова и Титова можно также заключить, что РОА находилась на положении независимой воюющей державы — по крайней мере де-юре. Авторы подчеркивают, что РОА имела собственные судебные органы, службу безопасности и разведку. Тишков придает особое значение тому, что Власов, будучи признанным вождем Русского освободительного движения, являлся также главнокомандующим вооруженных сил и в этом качестве был верховным военным судьей РОА.

В советской историографии КОНР изображается столь противоречиво, что нам кажется необходимым лишний раз обрисовать подлинные его контуры, описать его структуру и функции. Только понимая характер этой организации, структурно сходной с правительством, можно понять, почему немецкое министерство иностранных дел рассматривало соглашение с генералом Власовым как внешнеполитический акт (впрочем, эта точка зрения соответствовала замыслам Гитлера на начальном этапе развития Русского освободительного движения)[851]. Как писал доктор Бухардт, власовское движение „развилось без немцев и даже вопреки им“, „его политическое значение“ постоянно возрастало за счет „собственной динамики“, пока оно фактически не образовало „государства в государстве“ в немецкой сфере власти[852]. Политическим руководящим органом являлся возглавляемый Власовым Президиум КОНР в составе генерал-майоров Ф. И. Трухина и В. Ф. Малышкина, генерал-майора профессора Д. Е. Закутного, генерал-лейтенантов Г. Н. Жиленкова и Е. И. Балабина, профессоров Ф. П. Богатырчука, Н.

Н. Будзиловича и С. М. Руднева. Кандидатами в Президиум были профессора П. Н. Иванов и Ю. А. Музыченко[853]. Сам Комитет, состоявший из 50 членов и 12 кандидатов, практически выполнял функции общего собрания[854]. К нему присоединились также национальные комитеты отдельных народов России, признавшие Власова:

Русский национальный совет; Украинская национальная рада; Белорусская национальная рада; Национальный совет народов Кавказа; Национальный совет народов Туркестана, Главное управление казачьих войск и Калмыкский национальный комитет. Из этих национальных органов в КОНР на правах членов вошли, в числе других, Майковский, В. М. Гречко, Комар, А. Ю. Демченко, Ф. Жук, Хахутов, Зижажев, генерал В. В. Крейтер и Ш. Балинов, позже прибавились кандидаты — И. Медведюк и Пугачев[855].

Для практической работы были созданы управления, составившие нечто вроде совета министров, и другие центральные органы, такие как[856]:

1. Штаб вооруженных сил КОНР под началом генерал-майора Трухина, который, как уже говорилось, решал все вопросы, связанные с формированием, оснащением и обучением РОА. Штабу подчинялось Главное управление казачьих войск во главе с генерал-лейтенантом Татаркиным.

2. Главное организационное управление под началом генерал-майора Малышкина. В его компетенцию входили не только организационные проблемы Освободительного движения, но и вопросы создания новой России политические, национальные, правовые, социальные, экономические и культурные. Центральный секретариат возглавлялся Д. А. Левицким. В рамках главного организационного управления имелись специальные отделы: юридический отдел во главе с профессором Ивановым, финансовое управление во главе с профессором Андреевым и научный совет, возглавляемый профессором М. И. Москвитиновым[857].

3. Главное гражданское управление, начальник — генерал-майор Закутный. В его компетенцию входили все вопросы, связанные с условиями жизни и труда, правовым положением и социальным статусом миллионов русских, оказавшихся по эту сторону фронта, восточных рабочих, беженцев и военнопленных[858]. Главному гражданскому управлению подчинялись школьный отдел и-по крайней мере, в финансовом отношении — Союз молодежи народов России (СМНР) под руководством Дьячкова и капитана Лазарева[859]. В него также входили медицинское управление[860]и два родственных

учреждения: Общество Красного Креста, во главе с профессором Богатыр-чуком[861], и организация „Народная помощь“, во главе с инженером Г. А. Алексеевым[862].

4. Главное управление пропаганды, начальник — генерал-лейтенант Жиленков. В его задачу входило распространение политических идей Освободительного движения, а в более широком смысле

- забота о духовном благосостоянии соотечественников[863]. Непосредственным рупором управления было Информационное бюро КОНР под руководством Н. Ковальчука. Внутри главного управления пропаганды имелось несколько специальных отделов:

а) организационно-методический отдел[864];

б) отдел прессы (начальник Буркин), обеспечивавший издание газет Освободительного движения общим тиражом в 250 тысяч экземпляров: служебный орган КОНР „Воля народа“, редакторы Жиленков и А. С. Казанцев, военный орган КОНР „За Родину!“

- редактор полковник Н. В. Пятницкий, газета ВВС „Наши крылья“[865];

в) радиоотдел — начальники С. Н. Дубровский и Л. В. Дудин. При нем имелась радиостанция, ежедневно проводившая шесть передач КОНР на русском языке[866];

г) отдел пропаганды среди военнопленных, начальник — полковник А. И. Спиридонов;

д) отдел культуры и искусства, начальник — И. Новосильцев[867].

Кроме того, при КОНР был создан Совет по делам вероисповеданий под началом профессора Будзиловича, в задачу которого входило заниматься делами всех церквей и приходов и осуществлять религиозное воспитание, создавать возможности для религиозного обслуживания в частях РОА, а также в лагерях военнопленных и восточных рабочих. С этой целью 18 января 1945 года было опубликовано воззвание к священнослужителям не только православной, но и других церквей поставить свою работу на службу „великому делу освобождения народов России от большевистского ига“[868].

5. Управление безопасности под руководством подполковника Тензорова.

Достаточно взглянуть на структуру КОНР, чтобы понять, что его деятельность развивалась совсем не по тем направлениям „шпионажа, диверсии и террора“, о которых твердят советские историки. По версии Тишкова. Власов видел свою первоочередную задачу в том, чтобы помочь немцам еще нещаднее эксплуатировать русских рабочих в немецком плену:

Власов предложил... более эффективные меры. Для увеличения производительности труда русских рабочих на германских предприятиях надо было, по его мнению, уменьшать паек и предоставлять худшие помещения тем, кто не выполняет норму[869].

Автор усматривает в этом „еще один яркий штрих к общей картине предательства интересов советского народа, совершенного Власовым“. Новые меры принуждения, предложенные Власовым, касались, как утверждает Тишков, не только восточных рабочих, но и военнопленных. Пропагандисты РОА, пишет он, выдавали гестапо коммунистов, политработников и вообще всех антифашистски настроенных военнопленных, пользовались тяжелым положением военнопленных, чтобы обманом, угрозами или силой заставить их перейти на сторону врага. Разумеется, тут же подчеркивается, что „подавляющее большинство советских людей, оказавшихся в немецком плену, стойко переносили издевательства, пытки, шли на смерть, но оставались верными своей родине“[870].

Тишков и Титов занимаются явной подтасовкой фактов. Советский Союз был единственным государством в мире (о Японии мы не говорим), объявившим сдачу своих солдат в плен тяжким преступлением. С советской точки зрения, сам факт сдачи в плен превращал их в предателей Родины. Нам известно, как обошлась с ними советская власть после войны[871]. Немногим отличалось и отношение к восточным рабочим: хотя большинство их было принуждено к работе в Германии насильственными и даже жестокими методами, советское правительство обвиняло их в „сотрудничестве с оккупантами“ и обращалось с ними как с „фашистскими пособниками“[872]. В качестве примера можно привести историю с лагерем восточных рабочих Круппамюле, находившимся на восточной границе Верхней Силезии. 20 января 1945 года к этому лагерю, населенному русскими и украинцами, подошли советские танки. То, что произошло затем, описано в русской зарубежной прессе. Завидев бегущих им навстречу соотечественников, советские танкисты прекратили движение. В одном из танков открылся люк, высунулся командир. Не выходя из танка, он приказал всем обитателям лагеря собраться на лагерной площади. Когда большинство жителей лагеря, в основном женщины и девушки, старики и дети, собрались, танки вдруг открыли по ним огонь из пулеметов. Люди в панике бросились бежать — их настигали танки, давили гусеницами. В считанные минуты было уничтожено несколько сот человек[873].

О том, что это был не единичный. — хотя и особо вопиющий — случай, свидетельствует стенограмма совещания в ставке

Гитлера 27 января 1945 года. Гитлеру было доложено, что кроме добровольцев „советские убивают также русских рабочих, работавших на нас. У нас есть доказательства“[874]. Лишь незначительная часть восточных рабочих — 15-20% — получила после войны разрешение вернуться в родные места, большинство же было депортировано либо подвергнуто другим наказаниям[875].

В свете такого отношения советского правительства к шести-семи миллионам восточных рабочих и полутора миллионам военнопленных странно обвинять Власова в плохом обращении с этими людьми. Но сочувствие Тишкова и Титова советским людям, оказавшимся в руках у немцев, в данном случае не только неправомерно, оно еще и безосновательно, так как в действительности Власов с самого начала обратил все внимание и заботу к соотечественникам. К своим заслугам КОНР вполне мог бы причислить заботу о судьбе этих брошенных всеми, живших в нищете людей, которых собственное правительство считало предателями.

Забота власовцев о восточных рабочих ярко проявилась еще на заре Освободительного движения. Так, в июне 1943 года полковник Боярский заявил протест против того, что „три миллиона русских рабочих в Германии“ вынуждены носить, как он выразился, „еврейскую звезду“ (нашивку со знаком „Ост“). С союзниками, заявил он, так не обращаются[876]. Полковник Мальцев, в марте 1944 года осматривавший вместе с капитаном Бычковым и старшим лейтенантом Антилевским целый ряд лагерей восточных рабочих в окрестностях Берлина, направил в немецкие учреждения жалобы на состояние лагерей и добился улучшения — пусть только в местных масштабах[877]. Полковник Кромиади, который в декабре 1944 года вместе с начальником личной охраны Власова капитаном М. В. Каштановым и лейтенантом В. Мельниковым выступал с речами от газеты „Воля народа“ в городах верхнесилезского промышленного бассейна (Като-вице, Сосновец, Гливице и Лабанда), ознакомился с ужасающими условиями, в которых жили восточные рабочие[878]. Имея полномочия от Власова и КОНР, да и сам обладая достаточным авторитетом, Кромиади обратился в немецкие инстанции с требованием улучшить положение рабочих и добился успеха. Но КОНР поставил перед собой более широкую цель — добиться того, чтобы положение восточных рабочих вообще не зависело от немецких властей. Вскоре после создания Комитета были предприняты шаги по улучшению положения рабочих на основе договоренностей. Начальник гражданского управления Комитета генерал-майор Закутный рассказал об этом

в интервью с корреспондентом газеты „Воля народа“, опубликованном 6 декабря 1944 года[879].

Прежде всего, КОНР требовал отмены тех ограничений, которые распространялись только на рабочих из России, не касаясь рабочих, мобилизованных из Западной Европы, и тем самым являлись безусловно дискриминационными. Так, было выдвинуто требование, чтобы „остовцам“, как и другим рабочим из „союзных и дружественных стран“, предоставили право свободного передвижения в нерабочее время, в том числе право пользования общественным транспортом и такими заведениями, как кино и рестораны. КОНР потребовал также отмены знака „0ст“ и замены его национальными знаками различия. Остальные требования касались материального положения восточных рабочих: улучшения снабжения продуктами питания, одеждой и предметами первой необходимости, особенно для детей, организации ремонтных и пошивочных мастерских и, наконец, введение справедливой налоговой системы по семьям. Медицинское управление разработало целую систему мероприятий по охране матерей и младенцев, обеспечению сирот, инвалидов труда и членов семей солдат РОА[880]. Особое внимание предполагалось уделить детям и молодежи, которые до сих пор были фактически предоставлены самим себе. Предусматривалась организация детских садов, введение школьного обучения для детей школьного возраста.

25 ноября 1944 года в Троппау состоялся конгресс по объединению молодежной работы на основе Пражского манифеста под руководством КОНР[881]. Организационный комитет Союза молодежи народов России (СМНР) с энтузиазмом приступил к работе. Комитет стремился заинтересовать идеями Освободительного движения юношей и девушек разного возраста и оказать им духовную и материальную поддержку. К работе Союза предполагалось привлечь не только молодых людей в лагерях восточных рабочих, но и армейскую молодежь и военнопленных. Предусматривалось проведение спортивных мероприятий и вечеринок, посещение кино и концертов, лекции и экскурсии. Предполагалось в кратчайший срок — до марта 1945 года — открыть курсы по подготовке молодежных руководителей в Айзе-нерце. Вене и Карлсбаде.

Важной целью гражданского управления КОНР являлась реорганизация управления лагерей восточных рабочих, прежде всего путем привлечения надежных людей из рядов русских рабочих в лагерную администрацию. Тогда восточные рабочие были бы окончательно избавлены от произвола немецких учреждений. Выдвигалось требование ввести в организации

Немецкого Рабочего фронта полномочных представителей КОНР для защиты интересов восточных рабочих и расширить институт уполномоченных КОНР на отдельные лагеря, а также на промышленные и сельскохозяйственные учреждения[882]. На верхнем уровне эти представители должны были выполнять также функции служащих загса с правом оформлять браки, разводы, рождения и смерть и решать вопросы опеки.

Но главной заботой гражданского управления были вопросы благосостояния восточных рабочих в Германии, крайне стесненных в правовом и социальном отношении. Этими вопросами занималось также Общество Красного Креста, присоединившееся к КОНР. Хотя в первую очередь Красный Крест, естественно, занимался делами РОА, совместно с военно-санитарным отделом армии организуя лазареты, санитарные поезда и передвижные медпункты, он также принимал меры по обслуживанию гражданских беженцев из районов СССР, инвалидов, больных, детей и военнопленных, которые были лишены всяких прав. Большие надежды возлагались на создание центральной поисковой службы с собственным печатным органом с целью розыска пропавших родственников и воссоединения семей. С 18 ноября 1944 года в газете „Воля народа“ была введена регулярная рубрика по розыску родственников. В центральном справочном бюро были собраны сотни тысяч адресов[883].

Провозглашение Пражского манифеста и деятельность КОНР вызвали большой отклик среди миллионов русских, находившихся на территории рейха. Это нашло отражение не только в личных и коллективных письменных изъявлениях поддержки, но прежде всего в том, что множество русских предлагали помощь в поддержку общего дела[884]. Офицеры и солдаты РОА жертвовали свое жалованье, эксплуатируемые немцами восточные рабочие — свои скудные сбережения. Даже многие военнопленные стремились внести свою лепту. Пожертвования приняли вскоре такой размах, что на их основе была создана так называемая Народная помощь, призванная помогать соотечественникам, в особенности раненым. Одним из проявлений деятельности Народной помощи стала раздача рождественских подарков детям восточных рабочих в берлинских лагерях в 1944 году, в которой приняли участие Власов и генералитет РОА, а также члены КОНР и немецкие друзья Освободительного движения[885]. Отец Александр Киселев отслужил рождественскую службу, затем на празднике выступали русские артисты и детям были вручены художественные поделки русских умельцев, сласти и игрушки, изготовленные в лагерях советскими военнопленными.

Генерал-майор Закутный с самого начала понимал, что программу гражданского управления КОНР невозможно выполнить без помощи немцев. Он сам и его помощники поддерживали постоянную связь с соответствующими немецкими учреждениями (Главным управлением СС, службой безопасности рейха, гестапо, Немецким Рабочим фронтом, министерством продовольствия рейха); в очень трудных условиях сотрудникам КОНР удавалось добиться определенных уступок. О деятельности КОНР по охране прав русских в Германии свидетельствует такой пример: уже 23 ноября 1944 года имперский министр Альфред Розенберг, который не был принципиальным противником „власовской акции“, но хотел подчинить ее своей политике раздробления России, послал жалобу относительно трех основных требований Власова: о равноправии восточных рабочих с другими иностранными рабочими, о свободе передвижения и отмене знака „0ст“. Требования эти, как заявил Розенберг, „разумеется“, были отклонены[886]. Однако 8 января 1945 года доктор Крёгер имел беседу с рейхсфюрером СС Гиммлером, и тот „выразил полное понимание пожеланий генерала Власова со временем отменить“ все дискриминационные установления, касающиеся восточных рабочих[887]. Гиммлер согласился уравнять русских в правах с другими иностранными рабочими (французами, бельгийцами, голландцами) „в области снабжения и вознаграждения за работу“, даже если при этом окажется необходимым „сократить жалованье других иностранных рабочих“. Правда, учитывая пожелание гестапо, он возразил против отмены отличительного знака для русских, но предложил заменить его другим, „не носящим дискриминационного характера“, например, „значком или чем-нибудь вроде того, что можно было бы считать национальным символом борьбы против большевизма“. Образцы такого значка для русских, украинцев и белоруссов были уже представлены в „Воле народа“ 20 ноября 1944 года. Рейхсмаршал Геринг, с которым Власов имел длительную беседу в Каринхалле 2 февраля 1945 года, тоже проявил полное понимание его требований[888]. Геринг с обезоруживающей наивностью признал, что в отношении русских „были по неведению совершены грубейшие ошибки“. Сам он, например, полагал раньше, что „каждый русский воспринимает нагайку как совершенно обычное явление, что он так воспитан и без нагайки от него никакой работы не дождешься“. Признав теперь ошибочность своих взглядов, Геринг, будучи ответственным за выполнение четырехлетнего плана, выразил полную готовность пойти навстречу требованиям Власова о равноправии русских „в оплате труда, снабжении и прочих бытовых вопросах“ с прочими иностранцами и обещал

отдать соответствующие распоряжения.

Уместно задать вопрос о результатах этих многосторонних усилий, хотя, конечно, в этот момент — когда до конца войны оставалось совсем немного они могли иметь скорее символическое, чем практическое значение. Однако некоторые из требований КОНР были столь обоснованы, что даже немцы не могли не признать их. Поэтому, хотя и не без трудностей, ряд улучшений удалось провести в жизнь, например, увеличение пищевых рационов восточных рабочих до рационов рабочих из западноевропейских стран; повышение денежных выплат; улучшение снабжения одеждой и предметами обихода; улучшение медицинского обслуживания и т.д.[889]Была признана также необходимость в изменении методов обращения с русскими. Гестапо выпустило грозный циркуляр, в котором начальникам лагерей и другим немцам в случаях оскорбительного отношения к подчиненным им восточным рабочим или превышений полномочий, например, при расхищении предназначенных для них продуктов питания, угрожало немедленное снятие с работы и даже, при особо серьезных нарушениях, отправка в концлагерь. В качестве эксперимента была организована передвижная комиссия, куда вошли по одному представителю от КОНР и Главного управления СС, а также представитель Рабочего фронта с правом совещательного голоса. Комиссия провела инспекцию ряда лагерей восточных рабочих в районе Берлина и в двух случаях сообщила о нарушениях, допущенных немецкими комендантами. Как сказал в своем интервью 6 декабря 1944 года генерал-майор Закутный, уже в самом начале работы комиссии несколько комендантов были сняты с работы или наказаны каким-то другим способом. Так что в этом вопросе русские добились успеха, но другие требования выполнялись с большим трудом или же вовсе не выполнялись. Например, председатель организационного комитета Союза молодежи Дьячков, выступая с докладом 22 марта 1945 года, воззвал к помощи президиума КОНР, так как немецкие учреждения, несмотря на все его усилия, вот уже три месяца тянут с решением по вопросу о Союзе молодежи[890]. По его мнению, это было связано с принципиально иной — по сравнению с другими союзами молодежи в Германии — организационной формой предполагаемого Союза: здесь предусматривался принцип выборности снизу, а не „принцип вождизма“, причем центром воспитательной работы должна была стать ячейка. Представители организационного комитета, не ожидая немецкого разрешения, сами приступили к работе в лагерях в отдельных районах Германии.

Крайне сложно проходили также переговоры с Немецким Рабочим фронтом о введении туда полномочных представителей КОНР[891]. Переговоры вел Юрий Константинович Майер, прекрасно говоривший по-немецки и хорошо знавший обстановку. Рабочий фронт, руководитель которого доктор Лей совершенно не понимал целей власовского движения, был готов принять только тех представителей, которых назначит сам и которые будут зависеть от него. Но русские не соглашались ни на какие компромиссы. Власов, которому были нужны настоящие защитники прав восточных рабочих, дал инструкции добиваться во время переговоров полной независимости уполномоченных КОНР. Дело двигалось с большими трудностями. Наконец, на русско-немецкой конференции 4 марта 1945 года, в которой принимали участие представители Главного управления СС и министерства иностранных дел Германии, представитель Рабочего фронта Менде заявил о готовности признать требования КОНР о полномочных представителях, ввести этих людей в свой аппарат и предоставить им беспрепятственный допуск в лагеря восточных рабочих. Правда, из списка в 114 человек допуск к работе 16 марта получили только 16, в том числе Рипуленко, Баратов, Хромов, Лихтенбергский, Ругтешель, Ковалевский, Баснин, Волконский, Ешчиковский, Оглоблев, Фогт. Эта система действовала удовлетворительно только в некоторых районах (Тироль — Воральберг, Халле Мерсебург и Судеты).

Организация министерства продовольствия рейха, которая отвечала за восточных рабочих, занятых в сельском хозяйстве, напротив, проявила полную готовность пойти навстречу требованиям КОНР, и решение о привлечении к работе уполномоченных прошло без всяких трудностей. Однако проведению этого решения в жизнь помешал приближавшийся конец войны.

Таким образом, хотя усилия гражданского управления КОНР не всегда приводили к успеху, они не были напрасны. Результаты эти не были оформлены, к огорчению русских, в официальном документе[892], но постоянный представитель Гиммлера у Власова доктор Крёгер в одном из своих посланий заверял генерала в полной поддержке со стороны Главного управления СС в осуществлении пожеланий КОНР по улучшению положения восточных рабочих. В аналогичном послании, направленном доктором Штаденом генерал-майору Закутному, подытоживались результаты прежних переговоров и выражалась надежда Главного управления СС, что удастся преодолеть сопротивление гестапо в вопросе по отмене знака „Ост“ и удовлетворительно решить вопрос о свободе передвижения для восточных рабочих.

Кроме шести миллионов восточных рабочих на территории рейха находились также советские военнопленные, число которых оценивалось в полтора миллиона. Эта группа подчинялась военным властям (а с июля 1944 года Главному управлению СС), и возможности прямого вмешательства здесь были крайне ограничены, тем не менее КОНР занимался также и военнопленными. Так, именно благодаря КОНР 14 января 1945 года состоялась „торжественная церемония“, на которой присутствовали начальник Главного управления СС обергруппенфюрер Бергер и генерал Власов: первая большая группа пленных офицеров и солдат Красной армии была освобождена и переведена на положение рабочих — гражданских лиц[893]?.

В лагерях военнопленных КОНР обладал обширными полномочиями. Здесь была разрешена пропаганда идей Пражского манифеста, и это дало советским авторам основания утверждать, что Власов лишь ухудшал трудное положение военнопленных и что пропагандисты РОА доносили в гестапо на не угодных им пленных. Чтобы увидеть, насколько далеко это утверждение от истины, стоит обратиться к брошюре „Формы и методы устной пропаганды“, изданной начальником отдела пропаганды среди военнопленных полковником Спиридоновым[894]. Из брошюры следует, что пропагандисты не имели никаких полномочий в отношении военнопленных. Пункт 1 гласит: „Пропагандист не имеет ничего общего с политруком в Красной армии“, то есть не имеет права вмешиваться в военные или гражданские дела. В пункте 2 говорится:

Пропагандист не доносчик... он должен отказываться от поручений гестапо и не должен предлагать свои услуги соответствующим органам... В своей работе он должен руководствоваться методом убеждения, а не доносом.

Только в случае непосредственной опасности он имеет право сообщить о „враждебных действиях, но не о враждебных мыслях“, да и то лишь своему прямому начальству. Руководители Освободительного движения вообще верили в то, что сумеют отказаться от махинаций, связанных с пропагандой, и при распространении идей Пражского манифеста предполагали твердо придерживаться принципа правды. „Маленькая правда лучше большой лжи“, — пишет Спиридонов. И добавляет:

Не нужно давать невыполнимые обещания. Идеи Освободительного движения настолько отражают интересы народов России, что не нуждаются в приукрашивании. Необходимо лишь их широкое распространение и точное объяснение.

Так может говорить лишь тот, кто полностью уверен в своем деле.

На практике пропагандисты РОА, имевшие офицерские звания и обладавшие в ряде случаев большей властью, чем немецкий персонал, становились попросту инстанцией для приема пожеланий и жалоб военнопленных[895]. Если пропагандисты, например, сообщали об отсутствии духовной жизни в лагерях военнопленных, КОНР старался увеличить распространение газет в лагерях, создавать возможность слушать радиопередачи и устраивать библиотеки. 10 января 1945 года газета „Воля народа“ опубликовала настоятельную просьбу присылать для этой цели любые книги, журналы, учебники и альманахи на всех языках народов России[896]. Прежде чем приняться за работу, пропагандисты РОА всегда знакомились с состоянием лагеря, и жалобы военнопленных тут же находили отражение в отчетах, предназначенных для служб вермахта. Таким образом пропагандисты могли содействовать улучшению условий в лагерях. В общем и целом КОНР сыграл положительную роль в улучшении быта военнопленных. Это косвенно подтверждается также свидетельством из советского источника. Один офицер Красной армии, летом 1945 года в лагере Ландау добивавшийся от пленных добровольного возвращения в СССР, сказал, пытаясь завоевать доверие военнослужащих власовской армии: „Освободительный комитет принес большую пользу, так как он вырвал из немецкого плена тысячи солдат. В этом, конечно, его большая заслуга и за это мы ему благодарны“*[897].

Итак, за короткое время своего существования КОНР стал партнером, с которым Германия не могла не считаться. Немцы, привыкшие обращаться с миллионными массами русских, как им заблагорассудится, столкнулись с учреждением, которое ограничило их власть. У бесправных и беззащитных русских появился влиятельный защитник, отстаивающий их жизненные интересы. Тем самым были созданы совершенно новые отношения. Правда, за пять месяцев своей деятельности КОНР не сумел охватить всех соотечественников, находившихся по эту сторону фронта, но он к этому стремился. Напомним также, что урегулирование условий жизни русских в Германии составляло лишь побочную задачу Освободительного движения, основной целью которого было изменение политических условий в России. Но даже если взглянуть на Русское освободительное движение только с гуманитарной точки зрения и посмотреть, каких успехов оно добилось в смысле облегчения судьбы миллионов восточных рабочих и военнопленных, его существование и тогда следовало

бы считать оправданным в моральном и политическом отношении.

Послесловие

В сборнике статей Ильи Эренбурга „Война“ есть статья „Нет тыла“, датированная 4 ноября 1941 года. Автор пишет:

Это война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев[898].

Это утверждение хорошо иллюстрирует методы советской пропаганды: ведь к моменту написания этой статьи в плен были взяты миллионы красноармейцев! Именно Эренбургу принадлежит заслуга выражения в яркой запоминающейся форме известной догмы о том, что советские солдаты верны „своей социалистической родине“ и „своей партии“, что „советский патриотизм“ и „глубочайшая преданность Коммунистической партии“ стали причиной „массового героизма“ в годы войны. Не случайно совсем недавно директор Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-лейтенант Жилин возносил безудержную хвалу статьям Эренбурга[899].

Впрочем, информацию о том, что миллионы советских солдат сдались в плен немецким оккупантам и в войне, известной в СССР под названием „Великая Отечественная“, от одного до двух миллионов 3 из них вступили в вооруженную борьбу с „социалистической родиной“ на стороне врага, утаить было довольно трудно. Это явление настолько невероятно и не имеет прецедентов в военной истории, что первоначально его объясняли лишь физическими лишениями советских военнопленных в немецком плену. Но к тому моменту, когда казаки и русские получили возможность, наряду с представителями народов Средней Азии и Закавказья, вступать в организованные немцами добровольческие формирования, условия в лагерях для военнопленных значительно улучшились, и им незачем было идти в Восточные войска, чтобы спастись от голода. Кроме того, немцы придавали большое значение строгому соблюдению принципа добровольности. Поэтому можно говорить о стихийном движении, вызванном если не активным сопротивлением сталинскому режиму, то по крайней мере полным равнодушием к коммунистической системе, что, по советской доктрине, было не менее тяжким преступлением. Люди меняли фронт по разным причинам, но главной и неизменной было разочарование в „советской социалистической системе“, самой бесчеловечной из всех, существовавших в истории человечества[900].

Однако Русское освободительное движение родилось не в годы второй мировой войны и не генерал Власов стоял у его

колыбели. Вооруженное сопротивление большевикам существовало с момента захвата ими власти в 1917 году[901]. Упомянем хотя бы крестьянские восстания, волнения рабочих, прежде всего в Петрограде, восстание матросов в Кронштадте, „оплоте“ большевистской революции, восстания казачества, национальную борьбу на Кавказе и в Средней Азии. Все эти восстания были жестоко подавлены, но волю народа к сопротивлению сломить не удалось. Насильственная коллективизация, лишения, вызванные жестоко проводимой индустриализацией (в которой, кстати, принимали участие иностранные инженеры), „беспощадный массовый террор“[902], особенно в периоды сталинских чисток — все это не могло не оставить следа в сознании народов СССР. Не удивительно поэтому, что в тех районах страны, где в связи с германо-советской войной исчез аппарат НКВД, скрытое недовольство населения вышло наружу, стали возникать новые формы сопротивления.

Однако вследствие колониальной и истребительной гитлеровской политики на Востоке стремления русского народа не имели никакой возможности для развития. Лишь в конце 1942 года национальные русские силы обрели надежду и руководителя в лице генерала Власова. Не стоит повторять, какие трудности пришлось преодолеть Освободительному движению даже под руководством Власова. Скажем только, что, несмотря на все препоны, на последней фазе войны оно наконец обрело организационные формы в виде КОНР и РОА.

Если еще раз взглянуть на основы немецко-русского союза 1944 года, то вряд ли можно сомневаться, что ни Гитлер, ни Гиммлер, который из оппортунистических соображений поощрял развитие Освободительного движения, никогда не думали о подлинном равноправии русских. Это следует из высказываний Гиммлера, например, в августе 1944 года, когда его встреча с Власовым была уже решенным делом: он заявил, что небходимо продвинуть будущие границы рейха на 500 километров к востоку[903]. 8 января 1945 года Гиммлер утверждал, что „район Москвы“ будет западным пограничным округом будущей России и только в этом случае он может представить себе германо-русскую дружбу[904]. Власов же с самого начала стоял за честный и почетный мир с Германией. Русский патриот, он не допускал и мысли о том, чтобы нанести ущерб национальным интересам России. Не следует забывать, что войну с СССР вел только третий рейх, западные же державы сотрудничали со сталинским режимом, поддерживая его огромными поставками оружия, материалов и продовольствия. Поэтому у Освободительного

движения, направленного против сталинской тирании, не было свободы в выборе союзника. Только на немецкой стороне и только с помощью немцев власовцы получали возможность вооружиться для предстоящей освободительной войны.

Это обстоятельство, впрочем, не дает никаких оснований связывать Власова и его соратников с национал-социализмом. Комитет освобождения народов России принципиально отличался от созданного на советской стороне комитета „Свободная Германия“, который представлял собой „внешнеполитический подсобный инструмент Советов“ и „замаскированную прокоммунистическую акцию“[905]. Пражский манифест ясно доказывает, что Власов не имел ничего общего с гитлеризмом. Мы показали это в нашей книге. На утверждение, что Русское освободительное движение скомпрометировало себя союзом с немцами, можно ответить, что в таком случае западные державы в несравненно большей степени скомпрометировали себя союзом со Сталиным. Кроме того, не стоит забывать, что в отличие от Советского Союза Германия во время второй мировой войны не являлась политически гомогенной структурой. За спиной Гитлера в борьбе за власть и влияние участвовали самые различные направления. Власов и другие русские не раз выражали свое удивление тем, что в авторитарном государстве существуют столь разные группировки и имеются относительно широкие возможности для противостояния официальной политике. Общение с влиятельными кругами вермахта, рейха и СС, которым Россия все еще казалась незыблемым великаном на европейской карте, внушило Власову и его соратникам надежду, что разум победит и им удастся, после изнурительной войны, добиться честного равновесия между Германией и Россией в будущих международных отношениях.

В исторической оценке Власова важную роль играет то, что руководимое им Освободительное движение потерпело неудачу. Но когда это движение в конце 1944 года получило возможность организации, неизбежность поражения Германии была уже совершенно очевидна. Даже поборники русско-немецкого союза, генералы Кестринг и Гелен, офицеры, относившиеся к Власову и его делу с большой симпатией и употребившие все свое влияние на создание русской национальной армии, в этот момент считали это предприятие бессмысленным!0. Однако помимо ссылки на упущенный исторический шанс следует отметить еще один аргумент, из-за которого союз с национал-социалистической Германией ввиду известных планов Гитлера на Востоке изначально терял всякий смысл. Напомним, что сам Гитлер в 1943 году категорически отказался создавать русскую армию, так

как в этом случае он изменил бы собственным военным целям на Востоке[906]. И все же такая армия, представлявшая потенциальную опасность для Гитлера и его планов, была создана. Конечно, наше рассуждение чисто гипотетично. Но нельзя не признать, что даже для Гитлера создание русского политического центра и формирование русской национальной армии не было бессмысленным и незначительным актом: для него это был серьезный фактор, противостоящий его собственным амбициям. Тут может также возникнуть вопрос о позиции западных держав: уже поддержавшие в борьбе против Гитлера коммунистическую Россию, поддержали бы они теперь в борьбе против Гитлера некоммунистическую Россию?

Гитлеровский рейх в это время неостановимо катился к пропасти, и не на Гитлера возлагал свои надежды Власов, а на те силы в немецком вермахте и государстве, которые были готовы к сотрудничеству с русскими. Однако главной его целью было стать как можно более сильным в военном отношении, чтобы после крушения Германии, которое, по его расчетам, должно было произойти в конце 1945 года, выступить в неизбежном, как он полагал, конфликте западных держав с Советским Союзом в качестве „третьей силы“ и попытаться осуществить свои политические задачи с помощью Великобритании и США. В эти планы были посвящены и поддерживали их немецкие друзья Власова. Сейчас, с высоты прошедших лет, эти рассуждения кажутся хотя и преждевременными, но вовсе не лишенными оснований[907].

Сторонники теории, что Русское освободительное движение было обречено с самого начала, не учитывают одного очень важного момента. Историческое значение национального освободительного движения ни в коей степени не связано с его успехом или неудачей. В современной истории есть немало примеров того, как именно неудавшиеся предприятия приобретали огромное значение. Напомним о восстании Тадеуша Костюшко в 1794 году, о революции в Германии и Австро-Венгрии 1848-49 гг. и, наконец, о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. Эти попытки различны по мотивам и целям, но их объединяет одно: несмотря на постигшую их неудачу, они стали легендой. А какой миф был создан из „революционного безумия“ Парижской коммуны 1871 года, восстания, о котором метко сказал социалист Франц Меринг: „Глупее и бессмысленнее его ничего не было в мировой истории“[908].

Освободительное движение генерала Власова было „опаснейшим вызовом“ советскому режиму и вполне достойно занять почетное место в истории России. Бесспорными

признаками того, что Освободительная армия и КОНР имели огромное политическое значение, которое невозможно измерить в понятиях непосредственной пользы, являются безуспешные попытки советской стороны бороться с власовским вопросом — сначала методом замалчивания этого необыкновенного явления, а затем методом искажения и извращения. Александр Некрич, которого безусловно можно считать прекрасным знатоком духовных течений в Советском Союзе, посвятил власовскому движению в своей истории СССР целую главу. Но и он, как и Солженицын, не смог дать однозначной оценки Власову. Как пишет Некрич, споры советской интеллигенции об отношении к Власову „продолжаются и по сей день“[909].

В этот контекст вписывается и моя книга, где сделана попытка на основе всех имеющихся документов впервые представить полный обзор недолгой истории Русской освободительной армии генерала Власова.

Документы

1.

Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза

Друзья и братья!

БОЛЬШЕВИЗМ — ВРАГ РУССКОГО НАРОДА. Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина.

История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность Русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

СОЮЗНИКИ СТАЛИНА — АНГЛИЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ КАПИТАЛИСТЫ — ПРЕДАЛИ РУССКИЙ НАРОД. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры.

В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу. Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой

каждому народу будет обеспечено почетное место.

Место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ ОТ СТЕПЕНИ ЕГО УЧАСТИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА, ибо уничтожение кровавой власти Сталина и его преступной клики — В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДЕЛО САМОГО РУССКОГО НАРОДА.

Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом за построение Новой Европы, мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали РУССКИЙ КОМИТЕТ.

РУССКИЙ КОМИТЕТ ставит перед собой следующие цели:

а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.

б. Заключение почетного мира с Германией.

в. Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов.

РУССКИЙ КОМИТЕТ кладет в основу строительства Новой России следующие главные принципы:

1. Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние;

2. Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам;

3. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативе участвовать в хозяйственной жизни страны;

4. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа;

5. Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплоатации;

6. Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость;

7. Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища;

8. Гарантия национальной свободы;

9. Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма;

10. Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства;

11. Восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов;

12. Отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами;

13. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский Комитет призывает всех русских людей, находящихся в освобожденных областях и в областях, занятых еще большевистской властью, рабочих, крестьян, интеллигенцию, бойцов, командиров, политработников ОБЪЕДИНЯТЬСЯ ДЛЯ БОРЬБЫ ЗА РОДИНУ, ПРОТИВ ЕЕ ЗЛЕЙШЕГО ВРАГА — БОЛЬШЕВИЗМА.

Русский Комитет объявляет врагами народа Сталина и его клику. Русский Комитет объявляет врагами народа всех, кто идет добровольно на службу в карательные органы большевизма — Особые отделы, НКВД, заградотряды.

Русский Комитет объявляет врагами народа тех, кто уничтожает ценности, принадлежащие Русскому народу.

Долг каждого честного сына своего народа — уничтожать этих врагов народа, толкающих нашу Родину на новые несчастья. Русский Комитет призывает всех русских людей выполнять этот свои долг.

Русский Комитет призывает бойцов и командиров Красной армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной Армии. При этом всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантируется неприкосновенность и жизнь, вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности.

Русский Комитет призывает русских людей вставать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников.

Русские люди! Друзья и братья! Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу!

На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа!

Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов!

Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!

Председатель Русского Комитета

Генерал-лейтенант

[А. А. Власов]
Секретарь Русского Комитета
Генерал-майор
[В. Ф. Малышкин]
27 декабря 1942 г.
г. Смоленск

Печатается по тексту, опубл. в „Борьбе“, No 75/6, ноябрь 1979г.

2.

Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?
(Открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова)

Призывая всех русских людей подняться на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

Меня ничем не обидела советская власть. Я — сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной армии, 24 года непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденом Ленина, Красного Знамени, 20 лет РККА. С 1930 года я был членом ВКП (б).

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной армии потому, что верил, что революция даст Русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной армии, я жил среди бойцов и командиров русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серую шинель. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся Русский

народ в годы гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил. Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхоз, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в Красной армии выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы Русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 г. я находился в Китае в качестве военного советника Чан-Кай-Ши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого к тому повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел на будущее, ожидая подготовльния Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести Русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4-го мех. корпуса. Как солдат, как сын своей Родины, я считал себя обязанным честно выполнять свой долг. Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерявшееся Управление фронтом привело Красную армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева. Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания Русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева

и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако, неизлечимые болезни Красной армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был вынужден оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-западным направлением, а затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в трудных условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву, я видел, как тыл помогает фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину. Ради Родины терпел неисчислимые страдания, жертвуя всем. И не раз я отгонял от себя постоянно вставший вопрос: Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь Русский народ?...

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Управление этой армии было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали по 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться. Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?

Я до последней минуты остался с бойцами и командирами армии. Нас осталась горсточка, и мы до конца выполнили свой долг солдата. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и в болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос:

Следует ли дальше проливать кровь Русского народа? В интересах ли Русского народа продолжать войну? За что воюет Русский народ?

Я ясно осознал, что Русский народ втянут большевизмом в

войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов. Англия всегда была врагом Русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в соблюдении англо-американских интересов видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов он связал судьбу Русского народа с судьбой Англии, он вверг Русский народ в войну, навлек на его голову неисчислимые бедствия, и эти бедствия войны являются венцом всех тех несчастий, которые народы нашей страны терпели под властью большевизма 25 лет.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? Не является ли большевизм и в частности Сталин главным врагом Русского народа? Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?

Там, в лесу и болотах я окончательно пришел к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призывать Русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для Русского народа, за прекращение кровопролитной, ненужной Русскому народу войны за чужие интересы, к борьбе за создание Новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый русский человек.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед Русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германским народом. Интересы Русского народа всегда сочетались с интересами Германского народа, с интересами всех народов Европы. Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую Родину, — в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы.

С этими мыслями, с этим решением, в последнем бою, вместе с горсткой верных друзей, я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой, я не только не изменил своего

решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю свой народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение национальной революции, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества с великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа, в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамя Русской Освободительной Армии, дает мне право сказать, что я нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь -правое дело, дело Русского народа.

В этой борьбе за наше будущее, я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией. Этот союз, одинаково выгоден для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за Отечество, за Россию. Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, что Сталин отказался от принципов большевизма. Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью Русского народа добиться победы, а завтра, с еще большей силой, закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевизм не борются за Россию. Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия наша! Прошлое Русского народа — наше! Будущее Русского народа — наше!

Многомиллионный Русский народ всеща на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжких бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант А. А. Власов

Печатается по тексту, опубликованному в „Добровольце“, No 8, 7 марта 1943 г.

3.

Манифест Комитета Освобождения Народов России

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплоатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающей о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они

понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партия и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат власти, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов России право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижений, свободу промыслов и возможность каждому

человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня, при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя бы временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО, ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДОВ РОССИИ, В ПОЛНОМ СОЗНАНИИ СВОЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД

СВОИМИ НАРОДАМИ, ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ И ПОТОМСТВОМ, С ЦЕЛЬЮ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА: СОЗДАЛИ КОМИТЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России комитет кладет следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщин.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного во время войны народного достояния городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей. Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Визвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главным условием победы над большевизмом видит в ОБЪЕДИНЕНИИ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ И ПОДЧИНЕНИИ ИХ ОБЩЕЙ ЗАДАЧЕ СВЕРЖЕНИЯ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину и большевизму силы, решительно отвергая в то [же] время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народа.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь

Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты Освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. ТОЛЬКО ЕДИНСТВО ВСЕХ ВООРУЖЕННЫХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ НАРОДОВ РОССИИ ПРИВЕДЕТ К ПОБЕДЕ. Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находившиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас — миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной Армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

ПРАГА,
14 НОЯБРЯ 1944 г.

Председатель Комитета Освобождения Народов России
генерал-лейтенант А. Власов

Члены Комитета: генерал-лейтенант ф. Абрамов;

общественный деятель Г. Алексеев; профессор С. Андреев; проф. Г. Ануфриев; генерал-лейтенант Е. Балабин; общественный деятель Шамба Балинов ; проф. Ф. Богатырчук; артист С. Волховский; полковник В. Боярский; рабочий К. Гордиенко; подпоручик А. Джапанов; генерал-лейтенант Г. Жиленков; генерал-майор Д. Закутный; капитан Д. Зяблицкий; обществ, деятель Ю. Жеребков; полковник Буняченко; полковник М. Меандров; доцент А. Зайцев; проф. А. Карпинский; проф. Н. Ковалев; журналист А. Лисовский; генерал-майор В. Малышкин; фельдфебель И. Мамедов; проф. И. Москвитинов; литератор Ю. Музыченко; рабочий Н. Подлазник; профессор С. Руднев; унтер-офицер Г. Саакян; доцент Е. Тензоров; генерал-майор Ф. Трухин; проф. А. Цагол; крестьянка Х. Цымбал; капитан И. Чанух; врач Ибрагим Чулик; обществ, деятель Ф. Шлиппе; Ф. Янушевская.

Кандидаты: поручик В. Дубовец; рабочий В. Егоров; журналист А. Казанцев; инженер П. Кумин; обществ, деятель Д. Левицкий; рабочий Я. Родный; инженер П. Семенов; проф. Л. Смирнов; проф. В. Стальмаков; проф. В. Татаринов; майор И. Тельников; солдат А. Щеглов.

(Фамилии некоторых Членов и Кандидатов Комитета Освобождения Народов России не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности.)

comments

Комментарии

1

П. А. Жилин. Проблемы военной истории. Москва, 1975, стр. 291, 289, 325.

2

Г. Герварт. Русские добровольцы в немецкой армии (на англ. яз.), стр. 1-22.Архив автора.

3

Joachim Hoffmann. Die Kriegfuhrung aus der Sicht der Sowjetunion. S. 496, Ап. 29.

4

Отрывок из допроса Каулбарса в: Spiegelbild einer Verschworung. Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler uber das Attentat vom 20.Juli 1944.Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitehauptamt. Hrsg. vom Archiv Peter Der historische und zeitgeschichtliche Dokumentation, Stuttgart 1961.О роли барона Каулбарса в абвере рассказал автору генерал-майор Хольмстон-Смысловский в Вадуце 24 ноября 1981 года.

5

Генерал Б. Хольмстон-Смысловский. Личные воспоминания о генерале Власове. В: Избранные статьи и речи, Буэнос-Айрес, 1953, стр. 38.См. также: Boris Souvarine. Stalin. Anmerkungen zur Geschichte des Bolschewismus, Munchen, 1980.S. 621.

6

Ю. Терновский, Т. Бездетный. Лагерь надежд и раздумий. В: В. Поздняков. Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде — Луккенвальде Дабендорфа — Риги. Буэнос-Айрес/Сиракузы, США, 1972, стр. 28.А. Николаев. Так это было. Ливри-Гарган, 1982, стр. 267.

7

С. Стеенберг. Власов. Мельбурн, Австралия, 1974, стр. 83.Reinhardt Gehlen. DerDienst. Errinerungen 1942-1971, Mainz, Wiesbaden, 1971.S. 101.

8

А. Казанцев. Третья сила. История одной попытки. Франкфурт-на-Майне, 1974.

9

Резолюция, принятая 12 апреля 1943 года на 1-й антибольшевистской конференции бывших командиров и бойцов Красной армии. „Заря“, No 30, 18.4.1943.

10

Донесения для командиров Восточных войск и штабных офицеров национальных вспомогательных сил, 15, ОКХ/ генштарм/гендобрсОКХ, 82 80/44, 23.6.1944, архив автора.

11

Освободительное движение народов России, стр. 13, BA-MA, архив Позднякова 149/26.Схема расположения лагеря в марте 1943 года. BA-MA, архив Позднякова 149/34- В. Поздняков. Курсы пропагандистов РОА в Дабендорфе. В: В. Поздняков, указ. соч., стр. 100.

12

А. Казанцев. В Дабендорфе. BA-MA. архив Позднякова, 149/52.Китаев. Русское Освободительное Движение, стр. 56.BA-MA, архив Позднякова, 149/8.В. Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. Посев, 1982, стр. 272.Разговор автора с господином Штрик-Штрикфельдтом 30 мая 1972 года в Фрейбурге.

13

См. фотографию в: В. Поздняков, указ. соч., стр. 81.

14

Донесение лейтенанта фон дер Роппа о работе за ноябрь (на нем. яз.), 20.11.1944.BA-MA, архив Позднякова 149/34.

15

В. Поздняков. Рижские курсы, указ. соч.. стр. 192.О курсах женщин-пропагандистов, организованных капитанами Боженко и Будным и пропагандистом Полянским в Риге под руководством М. де Шмета и вскоре переведенных в Дабендорф см.: Рота женщин-пропагандистов РОА, 1946, 37 стр. ВА-МА, архив Позднякова 149/40.(на нем.яз.). Укрепление отдела пропаганды добровольческих соединений посредством 1-й резервной роты пропагандистов (женщин). ОКХ/ген-штарм/орготд., No П/85401/45, 5.2.1945, ВА-МА. RH 2/v. 921.

16

В. Поздняков. Подготовительные курсы РОА, указ. соч., стр. 31.

17

П. М. Я был пропагандистом РОА, стр. 166.

18

А. Ромашкин. Дабендорф. В: В. Поздняков, указ. соч., стр. 88-96.

19

Г. Пшеничный. Дабендорф. В: В. Поздняков, указ. соч., стр. 61, 60, 86.

20

Китаев. Русское Освободительное Движение, стр. 57.ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

21

Библиотека пропагандиста. Брошюры 5, 15, 16, 17, 18.ВА-МА, архив Позднякова 149/34.Там же находится опубликованное в 1944 году краткое изложение всех 28 тем трех разделов: 1-й раздел — Германия, 2-и — Россия и большевизм, 3-й — Русское Освободительное Движение.

22

В. Поздняков. Генерал-майор Федор Иванович Трухин, указ. соч., стр. 250.

23

А. Нерянин-Алдан. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия, стр. 15.BA-MA, архив Позднякова 149/60.Кайлинг (Максимилиан Прусс). Власовская армия (на нем.яз.), стр. 6, архив автора.

Генерал Б. Хольмстон-Смысловский, указ. соч., стр. 30.

25

А. Нерянин-Алдан, указ. соч., стр. 14.ВА-МА, архив Позднякова 149/60.

26

Заметки оберфюрера СС д-ра Крегера о беседе генерала Власова с рейхс-мИршалом Герингом (на нем.яз.). 4.2.1945, архив автора.

27

Письмо Власова неизвестному немецкому промышленнику от 16.8.1943.Акты Гелена 6.Оккупированные районы и восточная политика. Июль-август 1943 (Ив нем.яз.). Архив автора. По данным Фрелиха (рукопись, стр. 22, архив автора), в числе крупных промышленников, рано проявивших интерес к Власову, были Ганс Керль, Пауль Плайгер и доктор Карл Раше (Дрезденский банк).

28

В. Штрик-Штрикфельдт, указ. соч., стр. 343, 347.С. Стеенберг, указ. соч., стр.159.

29

Заметки д-ра Крегера о беседе у рейхсфюрера 8.1.1945.(на нем. яз.) BA-MA No33.

30

Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 94. Архив автора.

31

Освободительное Движение — Воля Народов России. Речь председателя Комитета освобождения народов России А. А. Власова на торжественном собрании представителей народов России 18 ноября 1944 г. „Воля народа“, No 3/4, 21.П.1944.

32

Интервью генерала Жиленкова иностранным корреспондентам, там же, No 1, lKH.1944.

33

Генерал-майор Трухин. Вооруженные силы Освободительного движения, там же. No2, 18.11.1944.

34

См. примечание 27.К. Кромиади. За землю, за волю. На путях русской Освободительной борьбы 1941-1947 гг. Сан-Франциско, 1980, стр. 140.

35

Письмо Крегера к Стеенбергу, 7.12.1966, BA-MA, архив Стеенберга.

36

Г. Швеннингер. Дополнения (на нем.яз.), стр. 3, Институт современной Истории (далее ИСИ).

37

Тайное намерение РОА. ВА-МА, архив Позднякова 149/25./21]

38

С. Ауски. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982, стр. 81.

39

Ф. Бухардт. 27.2.1966, стр. 3, BA-MA, архив Стеенберга.

40

Казачий корпус в Освободительном Движении (1941-45 гг.). ВА-МА, архив Позднякова 149/7.Схема разгрома 133-й гвардейской имени Сталина стрелковой дивизии в районе Питомака 25-го декабря 1944 года, там же.

Heinrich-Detloff v. Kalben. Zur Geschichte des XV. Kosaken-Kavallerie-Korps, in: Deutsches Soldatenjahrbuch, 1970, S.I 06-111.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 90, 100.Архив автора.

43

Бестужев. Непримиримость. „Воля народа“, No 1, 15.11.1944.

Бухардт, 27.2.1966, стр. 15, BA-MA, архив Стеенберга.

См. также „Заметки о речи генерала Власова в феврале 1944 г.“ (на нем. яз.), штаб командования ВВС. 1c. BA-MA, RL 2/v. 3058a.

46

Акция по использованию перебежчиков. Беседа у генерала добровольческих соединений 7 января 1945 (на нем.яз.). ОКХ/ генштарм/орготд., No 11/70 404/45, 8.1.1945, BA-MA RL 2/v. 911.

47

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945.Сборник документов. Москва, 1968, стр. 638, 595, 19.

Г. Герварт. Германия и украинский вопрос (на нем.яз.). стр. 12, архив автора.

50 лет Вооруженных Сил СССР. Москва, 1968, стр. 399.

50

А. Нерянин-Алдан, указ. соч., стр. 5, ВА-МА, архив Позднякова 149/60.С. Фрелих, рукопись (на нем.яз.), стр. 24, архив автора.

51

Беседа А. А. Власова с Д. В. Вачнадзе. По воспоминаниям последнего, 21.6.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/48.В. Поздняков. Андрей Андреевич как человек, там же.

В. Штрик-Штрикфельдт, указ. соч., стр. 358.С. Штеменко. В генеральном штабе. Москва, 1967, т. 2, стр. 477.

53

А. Нерянин-Алдан, указ.соч., стр. 12, BA-MA, архив Позднякова 149/60.Письмо Крегера Стеенбергу, 28.12.1966.BA-MA, архив Стеенберга.

54

Наступающий год — год нашей победы. Интервью генерала Власова корреспонденту агентства „Трансоцеан-Еуропа-Пресс“. „Воля народа“, No 1 (14), 1.1.1945.

55

Воин РОА. Этика, облик, поведение. Дабендорф 1944/45, стр. 3.

56

См. примечание 33.

57

ОКЛ, Инспвосткадр/отдкадрЛВ, 651/45 секретно, 28.1.1945, ВА-МА RL 2 Ш 460.

58

Черновик проекта об использовании и правовом статусе иностранных добровольцев в германском вермахте. Март 1945 (на нем яз.), BA-MA, RH 2/v. 2728.

George Ftecher. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge/Mass., 1952.

60

P. Grigorenko. Errinerungen. Munchen, 1981, S. 170.Трухина можно узнать на фотографии „Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава“ в книге Г. К. Жукова „Воспоминания и размышления“. Москва, 1974, вклейка после стр. 160.

61

Рапорт об инспекционной поездке командира восточных войск особого назначения 710 в сопровождении русского полковника Боярского 25.5-16.6.1943 (на нем. яз.), 17/43, совершенно секретно, 24.6.1943. BA-MA RH 58/67.Записка о высказываниях русского полковника Боярского, 22.5.1943 (на нем.яз.), там же. Обращение русского полковника Боярского к добровольцам восточных батальонов во время инспекционной поездки 26 мая — 16 июня 1943 (на нем.яз.), там же.

62

Список личного состава верховного командования ВС КОНР (на нем.яз.), BA-MA RH 2/v., 921.Именной список личного состава штаба ВС КОНР по состоянию на 22.2.1945 г. Архив автора. Дополнительный список личного состава штаба ВС КОНР на 23.2.1945 г, там же.

63

Допрос полковника генштаба Нерянина Андрея Георгиевича, 1а 20-й русской армии (на нем.яз). BA R 6/77.Андрей Георгиевич Алдан. Некролог СБОНР „Голос народа“, 1957, No 1 (164). Кузнецов. Полковник Андрей Георгиевич Алдан (Нерянин). BA-MA, архив Позднякова 149/2.P. Grigorenko, ibid,

.

65

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 2.7.1945.ВА-МА, архив Якова 149/46.Письмо Нины Половинскас Позднякову. 1.12.1969, ВА-МА, (Позднякова 149/52.

66

В: Поздняков. Перечень общих тем. 14.10.1958.BA-MA, архив Позднякова Ев, ср. также V. Posdnjakov. Die chemische Waffe, in: Die Rote Annee. ftaengestellt und bearb. von Captain Basil H. Uddell. Hart, Bonn, 1956, S. 408-417.9.Допрос полковника Меандрова Михаила Алексеевича, заместителя начальника оперативного отдела 6-й армии АОК 17 (на нем. яз.), 14.8.1941, PA AA Бонн. Полковник Герре, познакомившийся с фовым сразу же после взятия последнего в плен и позже подружившийся с причисляет его к „самым достойным фигурам власовского командирского te“. См. Г. Герре. Формирование власовских дивизий (на нем. яз.), стр 17.

67

Г(еоргий) И(льич) Антонов. Некролог 1963. ВА-МА, архив Позднякова

68

Объявление штаба Вспомогательных Войск КОНР. BA-MA, архив Позднякова. Письмо неизвестного Позднякову, 5.3.1971.BA-MA, архив Позднякова 149/56.С. Ауски. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982,стр. 58.

69

Краткая заметка о Комитете освобождения народов России (на нем. яз.) 23.12.1944, BA NS 31-28.

Ср. также: Konstantin V. Sakharow. Die verratene Annee. Berlin, 1938.

71

Письмо Томашевского Позднякову. 15.2.1958.ВА-МА, архив Позднякова/149/29.

72

Ю. Жеребков. „Русские дни“ в Париже. ВА-МА, архив Позднякова 149/52. / К. Кромиади. За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980.стр. 175.Советскую точку зрения на генерала Головина см: Большая Советская Энциклопедия, т. 7, стр. 54.

73

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 12.3.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/46.В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес, 1973.стр. 214.К. Кромиади, указ. соч., стр. 179.

Гордеев-Архипов. Генерал Туркул — власовец. 20.9.1957.ВА-МА. архив Позднякова 149/2.В. Поздняков, рукопись, лист 8.ВА-МА, архив Позднякова 149/29.

Сречинский. Памяти героя. „Новое русское слово“. 1.4.1971.Саломоновский. О судьбе ген. Б. С. Пермикина. „Россия“. 26.11.1971.

76

Полковник Боярский — генерал-майору Трухину. секретно, лично. ВА-МА. архив Позднякова 149/5.“О юридическом отделе“, ВА-МА. архив Позднякова 149/8.

77

Письмо Плющева-Власенко автору, 24.4.1977.

78

Этот эпизод относится к дням пребывания 1-й дивизии РОА в Праге. Офицер Людвиг Каттерфельд-Куронус в немецкой форме, свободно говоривший по-русски, искал никому не известное добровольческое формирование, не принадлежавшее к власовской армии. Он был заподозрен в шпионаже в пользу большевиков и арестован. См. Herbert v. Blanckenhagen. Verspatete Chancen 1941-1943.oJ., O.o.

79

Б. Гай. Организация органов разведки и контрразведки в РОА. Архив автора. Е. Иванова (дочь члена КОНР профессора Иванова). Отчет. ВА-МА, архив Позднякова 149/25.

80

По личному составу Штаба ВС КОНР, зам. главнокомандующего, генерал-майор Трухин, начальник командного отдела, полковник Поздняков. Приказ 032-К, секретно, 8.3.1945.Архив автора.

81

Характеристики быв. работников контр-разведки РОА. ВА-МА, архив Позднякова 149/25.Сводка 135 по агентурным материалам с 23-го июля по 29 июля 1948 года. ВА-МА, архив Позднякова 149/29.Майор Чикалов, 29.9.1954, там же. Письмо Томашевского Позднякову, 16.3.1958, там же.

82

Хмыров (Долгорукий). Страшное злодеяние. „Голос Родины“. ВА-МА, архив Позднякова 149/56.

83

В. Поздняков. Советская агентура в КОНР. „Новый журнал“, No 101, декабрь 1970, стр.156-171.

84

Тайное намерение РОА. ВА-МА, архив .Позднякова 149/25.

85

Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 98.Б. Гай, указ. соч., архив автора.

А. В. Тишков. Предатель перед советским судом. В: „Советское государство и право“, 1973, No 2, стр. 89-98.Ф. Титов. Клятвопреступники. В: Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. Москва, 1973, стр. 225.

Бухардт, 27.2.1966, стр. 15.BA-MA, архив Стеенберга.

88

Воин РОА. Этика, облик, поведение. Дабендорф, 1944-45, стр. 3.Долья. Офицер Армии Освобождения. „За Родину“, No 6 (20), 21.1.1945.

89

Полковник Боярский — генерал-майору Ф. И. Трухину, секретно, лично. Замечания к положению о прохождении службы офицерами и военными чиновниками ВСНР. ВА-МА, архив Позднякова 149/5.Полковник Меандров генералу Трухину, 28.12.1944, там же.

90

Правила назначения офицеров, для иностранных кадров Люфтваффе „Ост“ (на нем.яз.), No 7/44, секретно. 22.7.1944, BA-MA RL No 5/1234.Офицеры-“фольксдойчи“ с Востока, для иностранных кадров Люфтваффе „Ост“ (на нем.яз.), N2 66/44, секретно. 12.9.1944, там же. Офицеры-, ,фольксдойчи“ восточных народностей. ОКЛ Отдкадр ЛВ, No 123/44, для общего пользования. 10.12.1944, там же.

91

Присвоение званий добровольцам восточных народностей. ОКЛ, для иностранных кадров Люфтваффе „Ост“, (на нем. яз.), 13.2.1945, там же. Назначение и продвижение офицеров, унтер-офицеров и рядовых русского происхождения главнокомандрощим вооруженных сил народов России (на нем. яз.). ОКХ/ генштарм/орготд, NSH/71 161/45, секретно, 26.2.1945, там же. Присвоение званий добровольцам восточных народностей. ОКЛ, Отдкадр ЛВ (на нем. яз.), No 73/45.17.3.1945, * Там же.

Отдкадр ЛВ. No 47/45, 25.2.1945, там же.

93

Знаки различия Русской Освободительной Армии. ВА-МА, архив Позднякова

По незнанию действительных обстоятельств это предположение было высказано впервые в письме полковника Нерянина от 18.7.1945 г., адресованном подполковнику Васильеву в лагере для военнопленных. Письмо подписали ряд высших Офицеров РОА (полковник Корбуков, подполковник Коровин, полковник Денисов, майор Шейко, майор Чикалов, подполковник Грачев, подполковник Сараев, подполковник Михельсон, полковник Кобзев, подполковник Панкевич, полковник Койда „майор Легостаев). Однако на заседании центральной коллегии организации „Антикоммунистический Центр Освободительного Движения Народов России“ Нерянин публично признал беспочвенность такого утверждения. Другие офицеры тоже отказались от своей подписи. Поздняков, в открытом письме в январе 1956 года обвинивший советскую пропаганду в направленной против него клеветнической компании, высказывает в связи с этим предположение, что полковник Нерянин мог понадеятъся на ошибочную информацию майора Чикалова. Ср.: Выписка из дневника полковника Нерянина, 18.7.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/56.В. Поздняков. Открытое письмо членам СБОНР в Российской эмиграции. Январь 1956, там же.

95

Полковник Ганс Мартин, 5.4.1948, там же. Генерал кавалерии Эрнст Кестринг, 7.1.1952, BA-MA, архив Позднякова 149/1 Посланник фон Херварт, ЗЩ 1.1953, там же.

96

Формы присяги для служащих формирований, подчиненных главнокомандующему Вооруженных сил Комитета Освобождения Народов России (на нем.яз.), ОКХ/генштарм/орготд. No П/71905/45, секретно. 16.4.1945, BA-MA RH 2/v. 921.

97

Телеграмма. ОКХ/генштарм/орготд, No II/1041/45, секретно, 2,3.1945, там же.

Ветлугин (Тензоров). Правда о РОА. Воины Российской эмиграции. „Наше время“, No 15, BA-MA, архив Позднякова 149/25.

99

См. Удостоверение, Штаб Вооруженных сил КОНР, начальник штаба ВС КОНР полковник Нерянин, No 18/02, 6.5.1945, там же.

С. Ауски, указ. соч., стр. 217.

101

См., например, письмо генерала Штеммерманна, позднее заместителя командующего 8-й армией, главному адъютанту Гитлера генералу Шмундту, от февраля 1942 г., BA-MA, архив Позднякова 149/41.См. также разговор Гитлера с фельдмаршалом Кейтелем и генералом Цейтцлером 8 июня 1943 г. в кн.: Hitlers Lageoesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militarischen Konferenzen 1942-1945, hrsg. wn Walther Hubatsch. Frankfurt am Main, 1962, S. 256.268.B. Штрик-Штрикфельдт, указ. соч, стр. 125.О интересе фельдмаршала Кессельринга и генерал-полковника фон Макензена к генерал-майору Трухину в Италии в начале 1944 г. см.: Поездка генерала Ф. И. Трухина в Италию. BA-MA, архив Позднякова 149/2.

Рындии. Памяти Владимира Гавринского, там же.

103

Китаев. Русское Освободительное Движение. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.В. Штрик-Штрикфельдт, указ. соч., стр. 131.

[1013]Алымов. Тайна майора Зыкова. „Часовой“. Волжанин (Поздняков). Дело Зыкова. ВА-МА, архив Позднякова 149/2.Саломоновский. Мы не допустим. „Россия“, 27.1.1973.

[1017][1018]

[1019]

105

Краткая справка о важнейших принципах идеологии Комитета Освобождения Народов России (на нем.яз.), 23.12.1944.BA NS 31/33.Записка о Комитете Освобождения Народов России (на нем.яз.), 23.12.1944.BA NS 31/28.

106

Тайное намерение РОА. ВА-МА, архив Позднякова 149/25.

107

Открытое письмо генерала Краснова генерал-лейтенанту Власову. „Казачья земля“, 16.3.1945.

108

“Мы победим!“ Генерал-лейтенант Жиленков. „Воля народа“. No 1, 15.11.1944.

109

“Воин армии освобождения“. Генерал-лейтенант Жиленков. „За Родину“. No 2 (16), 7.1.1945.

110

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес, 1973, стр. 293.

111

Речь главнокомандующего Вооруженными силами Комитета Освобождения Народов России генерала Власова 10.2.1945 (на нем.яз.), BA-MA RH 2/v. 921.

112

Формирование русских дивизий (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/орготд, NS II/39004/44 секретно, 23.11.1944, BA-MA RH 2/v 903.

113

3.Кайлинг. Армия Власова (на нем. яз.), стр. 8, архив автора. Georg Tessin. Verbande und Truppen der Deutechen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945.Bd. 11: Die Landstreitkrafte 501-630.Osnabriick 1975.S. 260.

114

А. Архипов. Воспоминания командира 1-го полка 1-й дивизии ВС КОНР, архив автора. В. Артемьев. История Первой Русской дивизии Вооруженных Сил Народов России (Русской Освободительной Армии „РОА“), стр. 33, архив автора.

115

Приказ Народного комиссариата обороны СССР, No 227, город Москва, 28 июня 1942, не для опубликования (на нем. яз.). ВА-МА 27 759/14.Командиры корпусов и дивизий. В кн: А. Гречко. Битва за Кавказ. Москва, 1969, стр. 482.Заявление русского полковника Буняченко (о зачислении в Русскую Освободительную армию), (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/генвоствойск, гр. Ш, No 1313/43, 7.5.1943, КА 65993/3.Заявление было удовлетворено.

116

Заметки о разговоре с полковником Буняченко, проведенным по его ходатайству 18.9.1943 (на нем. яз.). Комвоствойск особназ. 721, 19.9.1943, BA-MA, RH 22/135.

117

В. Ханзен. Служебные записки (на нем. яз.), 19.7.1944, стр. 128-131, архив автора.

118

Письмо Крегера Стеенбергу, без даты, BA-MA, архив Стеенберга. Архив РННА — Русская народная национальная армия. BA-MA, архив Позднякова (ссылки 8-18 — Неразборчиво Иван Дубрава).

G. Tessin, ibid. Bd. 4.S. 29“ S. 260.

120

А. Архипов, указ. соч.. стр. 12, 15.В. Артемьев, указ. соч.. стр. 2.Г. Герре. Формирование власовских дивизий (на нем. яз.), стр. 4, ИСИ. Г. Швеннингер, указ. соч., стр. 1, ИСИ.

G. Tessin, ibid, Bd. 4, S. 29, S. 260.

122

Схема организации национальных формирований (на нем. яз.), гендобрс-ОКХ. No 604/44, секретно. 8.10.1944, BA-MA RH 2/ v. 1435.

123

BA-MA RH 58/47.Включение батальона в состав 1-й дивизии власовской армии (РОА), (на нем. яз.), BA-MA, архив Стеенберга.

124

Роспуск бывшего пехотного полка 714 (русс.), ныне пех. полка 1604 (русс.), (на нем. яз.). ОКХ/генштарм/орготд, No II/80274/45, секретно, 24.2.1945.BA-MA RH 2/v. 921.

125

Х. Герре. Дополнения (на нем. яз.), стр. 13, ИСИ.

126

600-я пехотная дивизия (русс.) (на нем. яз.), приложение 1 к ОКХ/генштарм/орготд, No П/39004/44 Секретно, поступило 15.11.1944.BA-MA RH 2/y. 903.Wolf Keilig. Das Deuteche Heer 1939-1945.Gliederung, Einsatz. Stellenbesetzung. Bd.l, Bad Nauheim. 1956.S. 101/VI/51.G. Tessin, ibid, Bd. 13, S. 402.

127

Состояние танков и штурмовых орудий на 2 апреля 1945 (на нем. яз.), ОКХ группа „Висла“, отдел главного квартирмейстера, No 65/45 секретно, 3.4.1945.BA-MA RH 19XV/9.

А. Архипов, указ. соч., стр. 12.

129

Norbert Mailer. Wehnnacht und Okkupation 1941-1944.Zur Rolle der Wehrmacht und ihrer Fuhrungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutechen Imperialismus auf sowjetischem Territorium. Berlin (Ost), 1971.S. 222.С. Штеменко. В генеральном штабе, Москва, т. 2, стр. 447-449.А. Тишков. Предатель перед советским судом. В: Советское государство и право, 1973, No 2.стр. 89.

Х. Герре. Формирование..., стр. 14, ИСИ. В. Артемьев, указ. соч., стр. 35.

131

Письмо Свинцова Позднякову, 3.6.1973, ВА-МА, архив Позднякова 149/58.

Х. Герре. Формирование..., стр. 10.ИСИ. З.Кайлинг. Власовская армия (на нем. яз.), стр. 9, архив автора. Беседа в ХШ оборонительном районе Нюрнберга, 15.12.1944 (на нем. яз.), там же. Беседа у гауляйтера Хольца, 16.12.1944 (на нем. яз.), там же.

133

Г. Швеннингер, указ. соч., стр. 3.Он же. Дополнения (на нем. яз.), стр. 2, ИСИ. Письмо Швеннингера Стеенбергу, 18.5.1966, BA-MA, архив Стеенберга. Генерал Кестринг писал 10.2.1945 г. в генштаб: „Дивизия продемонстрировала хорошую дисциплину и готовность к борьбе против большевизма“. BA-MA No 6832/23 (по состоянию на 29.11.1983).

134

А. Архипов, указ. соч., стр. 15.Г. Швеннингер. Дополнения, стр. 17, ИСИ.

135

Г. Швеннингер, указ. соч., стр. 2, ИСИ.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 92.

137

Китаев, указ. соч., стр. 62, ВА-МА, архив Позднякова 149/8.К. Кромиади. За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980, стр.182.

138

Празднование передачи русских дивизий генерал-лейтенанту Власову (на нем. яз.), 10.2.1945, BA-MA RH 2/v. 921.Заметки о поездке в Мюнзинген (на нем. яз.), Оргощ. No П/71104/45.секретно, 20.2.1945.BA-MA RH 2/v. 2728.Главнокомандующий принимает дивизии добровольцев (на нем. яз.). „За Родину“, No 12 (26), 21.2.1945.

139

“Коль славен наш Господь в Сионе...“ Беседа с Г. Луигом, бывшим ординарцем командующего национальной русской северо-западной армией 18.10.1978 г.

140

Н. Ветлугин (Тензоров). Правда о РОА. Воины российской эмиграции. „Наше время“, No 15, BA-MA. архив Позднякова 149/25.

141

Приказ о развертывании (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/ орготд., ЦгЦ/70074/45, секретно, 17.1.1945.BA-MA H 1/356.H 1/598.G. Tessin. ibid, Bd. 12, S.404.

3.Кайлинг. Полковник Зверев получает звание генерал-майора (на нем. яз.), архив автора.

143

3.Кайлинг. Генералы Зверев и Вайель, там же. Генерал Зверев, BA-MA, oflpkifs Позднякова 149/2.Офицер РОА Ч. Власовские листовки и советские офице-ffUt. BA-MA, архив Позднякова 149/3.

См. сноску 10.

145

Письмо командира штабов развертывания (русс.) начальнику отдела кадров мии (на нем. яз.), 23.1.1945, архив автора.

3.Кайлинг. Власовская армия, стр. 13, там же.

147

Х. Герре. Формирование..., стр. 25.ИСИ.

148

А. Нерянин-Алдан. Русское Освободительное Движение и Русская Освободившая Армия, стр. 14.ВА-МА, архив Позднякова 149/60.

149

В. Ханзен, указ. соч., 12.2.1945, стр. 188; 31.3.1945, стр. 200; архив автора.

150

Высказывания пленных, 16-я пехотная дивизия (мот.), 1с (на нем. яз.), архив автора. Дополнительный допрос полковника Михаила Шапова-я, командира 1-го Кавказского стрелкового корпуса (на нем. яз.), Комтаик-с 1, 1с, 18.8.1942.Антибольшевистские тенденции среда пленных советских офицеров (на нем. яз.), сообщение представителя министерства иностранных При ОКХ фон Этцдорфа в МИД. No 2074/42, 2.9.1942, ПА МИД Бонн, акты ДОрфа, том 24.Командиры корпусов и дивизий. В кн.: А. Гречко, указ. соч., 479.

151

О присвоении воинских званий высшему начальствующему составу Красной Армии. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР. Москва, Кремль, 1.10.1942, ВА-МА Н 3/152.

152

Перебежчик лейтенант Редько, офицер связи при оперативном штабе района Туапсе (на нем. яз.). 1.12.1942.ВА-МА 25354/36.Перебежчик лейтенант Александр Корников, саперный батальон 34, 32-я стрелковая дивизия (на нем. яз.), ВА-МА 24232/6.

153

Ханзен, указ. соч., 2.4.1945, стр. 202; 9.4.1945, стр. 207.

154

Донесения о формировании 10-го, 11-го, 13-го, 14-то противотанковых дивизионов согласно приказу Орготд No П/70745/45, секретно, от 19.2 и 8.3.1945 (на нем. яз.), ВА-МА Н 1/356.Рапорт о подразделении противотанковых дивизионов, там же.

155

См. сноску 10.Схема подразделения национальных формирований. Гендобрс-1в, No 702/45.секретно. 27.3.1945, BA-MA RH 2/v. 1435.

156

Ж Х. Герре, указ. соч.. стр. 15, ИСИ. Он же. Дополнения, стр. 13, ИСИ.

157

В. Ханзен, указ. соч., 8.4.1945, стр. 205; 9.4.1945.стр. 207, архив автора.

158

Запасные и учебные бригады (русс.) (на нем. яз.). BA-MA H 1/356.С. Койда. Запасная бригада. Архив автора.

3.Уигерманн. Офицерские школы власовской армии на учебном полигоне Мюнзинген (на нем. яз.), ИСИ. С. Койда. Офицерская школа РОА. Архив автора.

160

Генерал кавалерии Кестринг. Власов (на нем. яз.), 31.1.1946, BA-MA, архив Позднякова, 149/8.

161

См. сноски 10 и 56.Школа для командиров (на нем. яз.), ВА-МА, архив Позднякова, Н 1/356.

162

Схема организации офицерских школ РОА; Схема второго набора. ВА-МА, архив Позднякова, 149/5.Письмо Макарова Позднякову, 27.1.1973, ВА-МА, архив Позднякова, 149/56.

163

Gerburg Thunig-Ninner. Die Tschekoslowakische Legion in Russland. Ihre Geschichte und Bedeutung bei der Entstehung der 1.Tschekoslowakischen Republik. Wiesbaden. 1970 (Marburger Ostforschungen im Auftrag des Johann Gottfried Herder Forschungsrates e.v. hrgsg. v. Richard Breyer, Bd 30). S. 58, 83.90.

Там же, стр. 41, 24, 11.77.53.

165

Ф. Титов. Клятовопреступники. В: Неотвратимое возмездие. Москва, 1973, стр. 220.С. Штеменко, указ. соч., стр. 447.

166

Никонов. О казачьих делах. „Часовой“, ВА-МА, архив Позднякова 149/7.

167

Обращение германского правительства (фельдмаршал Кейтель, министр рейха Розенберг) к казакам от 10 ноября 1943 г. (в обратном переводе на нем. яз.). Архив автора. Письмо командира главной казачьей колонны в Баварии полковника Хорушенко генералу ЛВ Коллеру. 20.10.1950, там же. Меморандум казацких националистов германскому правительству в связи с его обращением к казакам (на нем. яз.), BAR 6/158.

Joachim Hoffmann. Deuuche und Kalmyken 1942 tris 1945.Freiburg 1977 (Einzelschriften zur militarischen Geachichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. 19), S. 154.

169

Никонов. Указ. соч. 20 лет со дня позора свободного мира, там же. В. Поздняков. Ответ на „фактические поправки“, 16.3.1959, там же.

170

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 25.3.1945, 30.3.1945, 2.4.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/46.

171

Если бы генералы сговорились... „Наша страна“, там же. К. Кромиади, указ. соч., стр. 179.

172

Письмо генерала кавалерии П. Н. Краснова генерал-лейтенанту А. А. Власову. „Казачья земля“, No 12, 16.3.1945.Письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова генералу кавалерии П. Н. Краснову. Ответ Казачьего управления при КОНР. „Путь на Родину“, No 2, 3.4.1945.См. также ВА-МА. архив Позднякова, 149/7.

173

Допрос генерала Краснова. В: Казачий корпус в Освободительном Движении (1941-1945гг.), ВА-МА, архив Позднякова 149/7.“Казачий стан“ генерала Домано-ва, там же. Персиянов. РОА и казачество, там же.

174

Письмо Крегера Стеенбергу, 7.12.1966, BA-MA, архив Стеенберга.

175

Положение об Управлении казачьими войсками при КОНР (атаман Донского войска генерал-лейтенант Татаркин, атаман Кубанского войска генерал-лейтенант Науменко, начальник штаба Совета казачьих войск полковник Карпов). „Утверждаю“. Главнокомандующий ВС КОНР генерал-лейтенант Власов, 25.3.1945.Архив автора. К. Кромиади, указ. соч., стр. 179.

176

Список сотрудников Управления казачьих войск, 2.2.1945, ВА-МА, архив Позднякова, 149/5.

177

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 12.3.1945, ВА-МА, архив Позднякова, 149/46.Письмо анонима Позднякову, 5.3.1971.Ариадна Делянич -Позднякову. 13.4.1971.там же, 149/56.

178

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 31.3.1945.ВА-МА, архив Ще|вякова 149/46.“Казачий стан“ генерала Доманова. ВА-МА, архив Позднякова Д49/7l. Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 8.4.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/46.Казаки и Власовское движение. В: Казачий корпус в Освободительном Движении (1941-45). ВА-МА, архив Позднякова 149/7.

179

Приказ No 12 Казачьим войскам. Казачий стан (генерал кавалерии Ж Краснов). 28.3.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/7.

180

“Казачий стан“ генерала Домаиова, там же.

181

Рапорт о применении 1-й казачьей дивизии против большевистских банд (на f.' яз.). 1-я каз. див., 1с (генерал-лейтенант фон Паннвиц), No 2247/44 секретно, 1.Ц.1944, BA R 6/58.“Казачий корпус ген. фон Паннвица“. В: Казачий корпус..., там же.

182

Письмо Крегера Стеенбергу. 30.1.1967, 8.6.1967.BA-MA, архив Стеенберга.

183

Генерал-майор Иван Никитович Кононов, 29.4.1949.Архив автора. Краткая биографическая справка о генерал-майоре Кононове, Иване Никитиче, там же. ВА-МА, Архив Позднякова 149/7.Там же — фото-К. в форме Красной Армии.

184

Допрос офицеров (перебежчиков) Ивана Никитовича Кононова, майора, мра 436-го стрелкового полка... (на нем. яз.), АОК 4, Ic/AO, lc, 449/41, o, 6.9.1941, BA-MA RH 22/271.

185

Обзор офицерских должностей в цифрах, по состоянию на 15.12.1943, ˆЙйа. дивизия. Па, рапорт о деятельности No 1 от 1.9.1943 до 31.12.1943.ВА-МА .

Казаки и Власовское движение (1945). Архив автора.

187

Полковник Кулаков. ВА-МА. архив Позднякова 149/7.

188

Письмо Крегера Стеенбергу, 8.6.1967.BA-MA, архив Стеенберга.

189

Бухардт, 27.2.1966.стр. 4, там же. Письмо Крегера Стеенбергу, 30.1.1967, 4967, там же. Philip H. Buss. The Non-Germans in the German Armed Forces 1939-i45.Phil. Diss.. Thesis University of Kent at Canterbury. 1974.S. 157.Е. Самойлов. От белой гвардии — к фашизму. В: „Неотвратимое возмездие“. Москва, 1973, с.43.

190

И. Полковник Неряиин. Ведомость боевого состава РОА, 1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/5.

191

Выписки из дневника..., 28.4.1945, там же. Письмо Ариадны Делянич Позднякову, 13.4.1971.ВА-МА, архив Позднякова 149/56.

“Казачий стан“ генерала Доманова. ВА-МА, архив Позднякова, 149/7.1-е Казачье Юнкерское Училище, там же.

193

Боевое расписание от 14.12.1943, 1-я каз. див. (на нем. яз.), 1а. No 340/43, BA-MA RH 58/v 3.Боссе. Казачий корпус (на нем. яз.), ИВИ (Фрейбург),

194

Донесение о боевом и численном составе (иа нем. яз.), 15.10.1943.Донесение (на нем. яз.), 4.11.1943, 1-я каз. див.. Па. BA-MA RH 58/y.3.

195

Ганусовский оценивает численность в 42 000 человек, К. Вагнер — в 40 000, Н. Толстой дает две разные цифры: 50 000 и 45 000.См. Ганусовский. Казаки и „казакийцы“, 8.3.1960.ВА-МА, архив Позднякова 149/7.Koostantin Wagner. Zur Geschichte des XV. Koeaken-KavaUerie-Korpe. In: Deutsches Soldaten-jahrbuch 1972, Munchen, S.126.Н. Толстой. Жертвы Ялты. ИМКА-пресс, 1988, стр. 267.280.

196

Казачий учебный и запасный полк 1-й казачьей дивизии, сведения в цифрах о личном офицерском составе (на нем. яз.). 15.11.1943, BA-MA TH 58/7.E. Самойлов, указ.соч., стр. 103, 143.

197

Кр. сведения о Русском Корпусе. Архив автора. Начало формирования Русского Корпуса состоялось в Югославии в городе Белград 12 сентября 1941 года, там же.

198

Стенограмма совещания в министерстве иностранных дел 30 июня 1941 г. о выявлении в зарубежных странах добровольцев по борьбе против Советского Союза (на нем. яз.), 1М, 47969.секретно, 2.7.1941, ПА МИД, Бонн, акты Риттера (т. 55).

199

Военный дневник ОКВ (на нем. яз.), т. III/2, 10.9.1943, стр. 1090.

200

ОКХ/генштарм/орппд, No 1/12652/43, секретно, 9.9.1943, BA-MA RH 2/v. 831.Копия письма МИД о положении Русского шуцкорпса в Сербии, 26.8.1943 (на нем. яз.), там же. Письмо Бенцлера в МИД относительно укрепления Русского шуцкорпса, 30.7.1943 (на нем. яз.), там же.

201

Выписки из дневника..., 25.12.1945.

202

Русский корпус. В кн.: В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес. 1973.стр. 358.

203

Генерал Б. Хольмстон-Смысловский. Личные воспоминания, стр. 18.Klaus Grimm. Intemierte Russea In Liechtenstein. In: Jahrbuch des Historischen Vereins fur das Furstentum Liechtenstein, Bd. 71, S. 43-100.Henning Frhr. v. Vogelsang. Nach Liechtenstein — In die Freiheit. Der abenteuriiche Weg der „1.Russischen Nationalarmee der Deutochen Wehnnacht“ ins Asyt im Furstentum Liechtenstein. Hrsg, von der Gemeinde ScheUenberg aus Aniass des 35.Jahrestages des Uebertriits der Truppe General Holmstons nach Liechtenstein. Triesen, 1980.

204

Исторический очерк. Зарождение и развитие военно-национального освободительного движения имени генералиссимуса А. В. Суворова. В: „Суворовец“, ВА-МА, архив Позднякова 149/3.

205

Разворачивание русской бригады (на нем. яз.), ОКХ/ генштарм/орготд, No П/40019/45, секретно, 10.1.1945, BA-MA H 1/421.Русская бригада 599 (на нем. яз.). ОКХ/генштарм/орготд, BA-MA H 1/423.Philip H. Buss, ibid, S. 156.

206

Схема подразделения национальных формирований (на нем. яз.), Ген-добрсОКХ, No 702/45, секретно, 27.3.1945, BA-MA RH 2/ v. 1435.

207

G. Tessin, ibid, Bd. 3, S. 313.Н. Толстой, указ. соч., стр. 305.Ауски, указ. соч., стр. 228.

208

См. также: Бухардт. Рукопись 1946, стр. 13.BA-MA, архив Стеенберга. Hans y. Herwarth. Zwischen Hitler und Stalin. Eriebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945.Frankfurt am Main, Berlin, Wien. 1982.S. 332.

209

Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 1, архив автора.

210

К вопросу о русской проблеме (на нем. яз.). В серии: Sonderstudien, H. 5.Начальник генштт. 8-й отдел, No 61/44, секретно генерал-майор Х. фон Роден. 5.10.1944, BA-MA RL 2/v. 3858a.

211

Ortwin Buchbender. Das tonende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Annee im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1978.S. 33. (Militarpolitische Schriftenreihe, Bd 13).

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 4.

213

См. также воспоминания В. И. Мальцева „Конвейер ГПУ“, изданные в 1942 году. Книга имеется в Нью-йоркской публичной библиотеке и в библиотеке Гарвардского университета.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 9, 41.

215

Использование эстонских, литовских и русских добровольцев в рамках немецких ЛВ (на нем. яз.), генкварт 2-й отд., No 7469/44, 18.3.1944, BA-MA RL 5/1234.Использование литовских авиаофицеров в немецких ЛВ (на нем.яз.). Отдкадр. ЛВ“ N? 581/44, 31.3.1944, там же. См. также: Arturs Silgalis. Latviesu Legions. Kopenhagen, 1972.S. 383.Karl Kohler. Der Einsatz der Luftwaffe im Bereich der Heeresgruppe Nord von Ende Juni bis Mine Oktober 1944, S. 41.In: Abwehrkampfe am Nordflugel der Ostfront 1944-1945.Stuttgart 1963, S. 17-98 (Beitrage zur Militar- und Kriegsgeschichte, Bd. 5).

216

Фокин. Орлы. В: Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 48; см. также стр. 12, 42.

217

См. прим. 2.

218

“Русские люди!“ Герои Советского Союза Б. Антилевский, С. Бычков. В: // „Доброволец“, No 26 (94), 29.3.1944.Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 17.

219

А. Федоров. Авиация в битве под Москвой. Москва, 1971, стр. 32.М. Кожевников. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Москва, 1978, стр. 24.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 14, 26, 48.

221

В. Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. „Посев“, 1981, стр. 269.

См. также: „Русские люди! Дорогие друзья!“ Полковник Мальцев. В: // „Доброволец“. No 26 (94), 29.3.1944.

223

Письмо Кромиади автору, 26.8.1976.

224

Задачи и деятельность управления „инспектора иностранного персонала ЛВ „Ост“ при проведении планируемого развертывания „ВВС Русской Освободительной Армии“ (на нем.яз.). Докладная инспектора иностранного персонала ЛВ „Ост“, No 229/44, октябрь 1944, BA-MA, RL 2 III/459.

225

Письмо комвоздфлотом 1, комотд, 1с, No 3750/43, секретно, начальнику генштаба ЛВ генерал-полковнику Ешоннеку (на нем. яз.), 19.5.1943, BA-MA RL 2 3058a.

226

Дислокация формирования ВВС РОА (на нем. яз.). Инспектор иностранных кадров ЛВ „Ост“. No 328/44, секретно, 23.11.1944, BA-MA RL 2/v. III/459.

227

Формирование ВВС РОА (на нем. яз.). Рейхсмаршал Великого Германского рейха, главнокомандующий Люфтваффе, в Генштаб/ генкварт, 2-й отд (PI/I), N 15231/44.секретно, 19.12.1944, BA-MA RL 2 Ш/460.

228

Письмо Хакимоглу автору, 4.10.1976.

229

ОКЛ, инспектор восточного персонала ЛВ (на нем. яз.), No 651/45, секретно, 28.1.1945.ВА-МА RL 2 Ш/460.

230

См. заметки Крёгера о беседе А. Власова с Герингом (на нем. яз.), 4.2.1945.Архив автора. Письмо Крёгера Стеенбергу, без даты, BA-MA, архив Стеенберга. Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 56.

231

Описание должности и дисциплинарных прав командующего ВВС Вооруженных сил народов России. Рейхсмаршал и др. Предварительный проект (на нем. яз.), 14.2.1945, BA-MA, RL 2 III/460.Учреждение должности „командующий ВВС Вооружейных сил народов России“ (на нем. яз.), ОКЛ. ЛВоргшт (генштг/ генкварт, 2-й отд). No 877/45, секретно, 4.3.1945, там же. t 24.Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 79.

232

Письмо Кирилла Александровича Н. Позднякову, 8.1.1973.Архив автора.

233

Б. Плющев-Власенко. Главнокомандующий — у русских авиаторов. „Воля Народа“, No 12(25), 18.2.1945.

234

Открытое письмо русских летчиков генерал-лейтенанту Власову и генерал-майору Мальцеву. „Наши крылья“, 11.3.1945.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 83.

236

Предварительное служебное предписание для инспектора восточных кадров ЛВ (на нем. яз.), генштт 2-й отд, No 27998/44, секретно, 23.12.1944, BA-MA RL 758b. Предварительный служебный распорядок и штатное расписание для инспектора восточных кадров ЛВ (на нем. яз), там же. „Прилагаемый предварительный служебный распорядок и штатное расписание для инспектора восточного персонала ЛВ вводится в действие незамедлительно“ (на нем. яз), ОКЛ, ЛВоргштт (геишт/ген-кварт 2-й отд), No 2029/45, секретно, 1.2.1945, там же. См. также: Horst Boog. Die deutsche Luftwaffenfuhrung 1935-1945.Fuhrungsprobleme — Spitzengliederung -Generalstabausbildung. Stuttgart 1982, S. 289 (“ Beitrage zur Militar- und Kriegs-gfcschichte. Hrsgb. vom Militargeschichuichen Forschungsanit, Bd. 21).

237

Ф. Титов. Клятвопреступники. В кн.: Неотвратимое возмездие. Москва, 1973, стр. 232.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 82.

239

Комвоздфлотом рейха, генкварт/главинж (на нем. яз.), No 0100/273/45, секретно, 26.2.1945, ВА-МА RL 2 III/460, ОКЛ, ЛВоргшт (генштг/генкварт. 2-й отд), 27.2.1945, там же. Нанесение опознавательных знаков на самолеты летного отряда ВВС РОА (на нем. яз.), ОКЛ, ЛВоргшт (генштг/генкварт, 2-й отд), No 2535/45, секретно, 3.3.1945, там же. Нанесение опознавательных знаков на самолеты ВВС РОА (власовская акция) (на нем. яз.), ОКЛ, инспвосткадр/отдкадрЛВ, No 472/45, секретно, 28.3.1945, там же. Нанесение опознавательных знаков на самолеты ВВС РОА (на нем. яз.), ОКЛ, ЛВоргшт (генштг/генкварт 2-й отд), No 4145/45.секретно, 31.3.1945, там же.

Robert Sauvage. Un de Nonnandie — Niemen. Preface du colonel Pouyade. Givers, 1950.Шиманов. „В небесах мы летали одних...“. „Военно-исторический журнал“, 1971, No 4, стр. 81.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 80, 55.

формирование власонских ВВС (1-й рапорт) (на нем. яз.), инспвостнар отдкадров, генерал-лейтенант Ашенбреннер начальнику генштаба генералу авиации Коллеру. No 30/45, секретно, 14.1.1945, BA-MA RL 2 Ш/460.Инспвост-кадр] отдкадрЛВ геншт/генкварт, 2-й отд, No 646/45, секретно, 30.1.1945, там же.

243

Формирование власовских ВВС (2-й рапорт) (на нем. яз.). Генерал-лейтенант Ашенбреннер для генштг/генкварт 2-й отд, No 30/45, секретно, 9.3.1945, там же.

244

Преобразование эскадрильи бомбардировщиков в эскадрилью ночного боя ВВС РОА (на нем. яз.), ОКЛ, ЛВоргшт (генштг/ генкварт, 2-й отд), No 4159/45, секретно, 28.3.1945, там же.

245

Донесение инспвосткадр/отдкадрЛВ в ОКЛ, ЛВоргшт (генштг/ генкварт 2-й отд) (на нем. яз.), No 481/45, секретно, 29.3.1945, там же. Донесение из ОКЛ, ЛВоргшт инспвосткадр/отдкадрЛВ (на нем. яз.), No 4507/45, секретно, 5.4.1945, там же.

246

Донесение ЛВоргшт (генштг/генкварт 2-й отд) гениптенкварт 6-й отд (на нем. яз.), No 2116/45, секретно, февраль 1945, там же. ОКЛ, ЛВоргшт (генштг/генкварт 2-й отд), (на нем. яз.), No 907/45, секретно, 20.2.1945, там же.

247

Письма Б. Плющева-Власенко автору. 22.2.1977, 20.3.1977.

248

Формирование власовских ВВС (3-й рапорт) (на нем. яз.), инспвосткадр] отдкадрЛВ генерал-лейтенант Ашенбреннер для генштг/генкварт 2-й отд, No 30/45, секретно, 12.3.1945.BA-MA RL 2.Ш/460.

формирование русского полка строительства и телеграфной и воздушной связи. Немецкий генерал при Комитете Освобождения Народов России (на нем. яз.), No 525/45, секретно, 8.1.1945.Формирование 1-го полка строительства и телеграфной и воздушной связи „РОА“ (на нем. яз.), главначсвязь ЛВ для генштг/генкварт, 2-й отд, No 43495/45, секретно, 25.1.1945, там же. Формирование 1-го полка строительства и телеграфной и воздушной связи „РОА“ (на нем. яз.), ОКЛ, ЛВоргшт (генштг/ генкварт 2-й отд), No 2175, секретно. 16.2.1945, там же.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 116.

251

В. Артемьев. История Первой Русской Дивизии, место не указано, 1963, стр. 17, там же. В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, Буэнос-Айрес, 1973, стр. 348.Ф.-В. Нотц. Отчет о наступлении 1-й власовской дивизии (на нем. яз.), архив автора. Письмо Б. Плющева-Власенко автору, 20.3.1977.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 110.

253

Интервью с господином Хакимоглу 17.5.1977.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 114.

255

В литературе неоднократно упоминается „генерал Кеннеди“ (см. С. Стеен-берг. Власов, стр. 227; Н. Толстой. Жертвы Ялты, стр. 317; С. Ауски. Войска генерала Власова, стр. 96, 177). Этот персонаж возник в результате контаминации двух фамилий: бригадный генерал Р. Дж. Кении был начальником штаба, генерал-майор Мантон С. Эдди командовал до 20.4.1945 12-м корпусом армии США. Ошибка была впервые допущена профессором Оберлендером — он сам указал на это в письме к автору от 1.6.1976.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 119.В. Штрик-Штрикфельдт, указ. соч., стр. 268.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 132.

258

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 4.8.1945, ВА-МА, архив Позднякова, 149/46.

259

Ф. Титов, указ. соч., стр. 232.

А. В. Тишков. Предатель перед советским судом. „Советское государство и право“, 1973, No 2.стр. 89.

261

Политическое управление Ленинградского военного округа. В помощь пропагандисту и агитатору. Для служебного пользования. Боец Красной Армий не сдается. Ленинград, 1940.В составлении брошюры принимали участие: Н. Брыкин и Н. Толкачев (на нем. яз., в переводе с русского). ПА МИД, Бонн.

262

Допрос военнопленных 12.8.1941 в Гайсине. командование 17-й армии, группа Ic/OA (капитан Иртель фон Бренндорф), 14.8.1941 (на нем. яз.), ПА МИД, Бонн. В. Поздняков. Советская агентура в лагерях военнопленных в Германии. „Новый журнал“, No 101, декабрь 1970, стр. 156-171.А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 90.Н. Толстой. Жертвы Ялты, стр. 425.Karl Wilhelm Fricke. Politik und Justiz in der „DDR“. Zur Geschichte der politischen Verfolgung 1945-1968.Bericht und Dokumentation. Koln, 1979, S. 106.В книге „Танки повернули на запад“ (Москва, 1960) член военного совета 1-й танковой армии генерал-лейтенант Н. Попель описывает разговор с взятым в плен венгерским полковником Молнаром. Молнар сказал: „Я видел, как сурово вы относитесь к вашим собственным соотечественникам. У вас каждый, кто сдается в плен, даже будучи тяжелораненым, считается изменником родины. Ваша страна ведь не подписала знаменитую конвенцию о военнопленных 1929 года. Правда, что вы списали ваших пленных и заранее считаете их предателями? Не подписав конвенцию, вы не имеете также никаких обязательств в отношении пленных врага. Это я тоже не понимаю“. Попель пишет: „Наступило молчание. Наверное, полковник ждал моих возражений. Но я сам не знал ответа на эти вопросы“.

263

Общая цифра советских военнопленных с 22.6.1941 по 28.2.1945 — 5 245 882.Месячный отчет о поступлении военнопленных за февраль (на нем. яз.), ОКХ /генштарм/ генкварт/военупр (кварт 4), No П/1241/45, 22.3.1945, BA-MA RH 2/v. 2623.См. также: Alexander Dallin. Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945.Eine Studie fiber Besatzungspolitik. Dusseldorf, 1958, S. 422.Hans-Adolf Jacobsen. Komissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener, S. 197, 279.In: Buchheim u.a. Anatomic des SS-Staates. Bd. 2, Olten, Freiburg 1965, S. 161-278.Christian Streit. Keine Kameraden. Die Wehnnacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945 (Phil. Diss.), Stuttgart 1978, S. 10, 105.(Studien zur Zeitgeschichte, Bd. 13). В этих работах говорится о 5,7 миллиона военнопленных. Источник не указан.

Joachim Hoffmann. Die Kriegsfuhrung aus der Sicht der Sowjetunion, S. 725.In: // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983, Bd. 4.

265

Фамилии и должности советских генералов, взятых в плен, погибших и расстрелянных до октября 1941 г. (на нем. яз.), ОКХ/ генштарм/отдинармвост, ВА-МА Н 3/152.Р. Конквест. Большой террор. EdizioniAurora, Firenze, 1974, стр. 899.

266

Приказ Ставки верховного командования Красной Армии No 270 о борьбе против трусов, дезертиров и паникеров, 16.8.1941, BA-MA H 3/152.

267

Приказ войскам Ленинградского фронта No 0098, 5.10.1941, там же. Главная Военная Прокуратура (Военный юрист 1 ранга Барской) — Военному прокурору 54-й армии, No 08683, 15.12.1941, BA-MA RW 2/v. 158.

Военнопленные. В: Советская Военная Энциклопедия, т. 2, Москва, 1976.стр. 246.Rapport du Comite International de la Croix-Rouge. Geneve, 1948, S. 420.Н. Толстой, указ. соч., стр. 442.

Н. Толстой, указ. соч., стр. 22, 353.

В. Поздняков, указ. соч. Г. Пшеничный. Советская агентура в лагерях военнопленных и пропагандисты РОА. В: В. Поздняков. Рождение РОА. Буэнос-Айрес/США, 1972, стр. 158.К. Кромиади. За землю, за волю, стр. 35.40.

271

В. Поздняков, указ. соч.; Н. Толстой, указ. соч., стр. 442.В агитационной листовке „Боец Красной Армии не сдается“ в качестве примера приводится история о том, как военный трибунал приговорил к смертной казни двух красноармейцев „за измену Родине“...только на том основании, что они были в финском плену.

Н. Толстой, указ. соч., стр. 444, 454.Joachim Hoffmann, ibid, S. 720.А. Некрич пишет: „Многие тысячи советских солдат, имевшие несчастье попасть в немецкий плен и чудом оставшиеся в живых, потом оказались в советских лагерях как изменники. И здесь их замаривали, превращали в лагерную пыль“. М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. 1981, Лондон, т. 2.стр. 172.

Эта попытка предпринимается даже сегодня. См. Н. Минасян. Международные преступления третьего рейха. Саратов, 1977, стр. 219.

Rapport..., S. 425.

J. Hofnnann. ibid, S. 785.

276

ADAP. Serie D. Bd 6/1, No 173, S. 228; ibid, Bd 6/2, No 389, S. 510; ibid, Serie E, Bd 1, No 51, S. 90.Письмо Альбрехта министру иностранных дел рейха (на нем. яз.), 1.8.1941, ПА МИД, Бонн, Акты Риттера, т. 29.

277

Rapport..., S. 430.Телеграмма Вышинского Международному Комитету Красного Креста от 8.8.1941.В: Письмо Альбрехта государственному секретарю и фон Ринтелену (на нем. яз.), 12.8.1941, ПА МИД, Бонн, Акты Риттера, т. 29.Сообщение Вышинского правительству Болгарии от 8.8.1941.В: Беккерле в МИД, телеграмма No 931 из Софии, 22.8.1941, там же.

H.-A. Jacobsen, ibid, S. 192.Manfred Messerschmidt. Die Wehnnacht im NS-Staat. Zeit der Indoctrination. Hamburg, 1969, S. 412.(Truppe und Verwaltung, Bd 16). Klaus Reinhardt. Die Wende vor Moskau. Da“ Scheitern der Strategic Hitlers im Winter 1941/42.Stuttgart, 1972, S. 187 (Beitrage zur Militar- und Kriegsgeschichte, Bd 13). Ch. Sreit, ibid, S. 225.Alfred Streim. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im Fall „Barbarossa“. Eine Dokumentation. Unter Berucksichtigung der Unteriagen deutscher Strafverfolgungsbehorden und der Materialen der Zentralen Stelle der Landes-justizverwaltungen zur Aufklarung von NS-Verbrechen. Heidelberg, Karlsruhe, 1981, S. 33 (Motive — Texte — Materialen, Bd 13). Gerd R. Ueberschar. Kriegsfuhrung und Politik in Nordeuropa, S. 858.In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd 4, S. 810-882.Последствия незнания советской жизни можно с легкостью проследить на примере сочинения профессора Мартина из Оренбурга. Автор утверждает, что советское правительство „предпринимало отчаянные попытки“ заставить немецкую сторону признать Гаагскую конвенцию. И в том, что дело не дошло „до переговоров об обращении с военнопленными“, виновата исключительно немецкая сторона, тем самым „решившая также судьбу своих собственных пленных, не имевших в России никаких прав“. (Martin, Bernd. Der unbewaltigte Krieg. Kampf an der Ostfront. In: // Badische Zeitung, 5.6.1981.) Автор ставит все с ног на голову. См., например, Rapport..., S. 419-453, J. Hoffmann. ibid, S. 721.Ошибка упомянутых выше авторов объясняется довольно просто: они приняли за чистую монету советскую ноту от 17.7.1941 г., не удосужившись проверить ее последствия, и затем занимались только немецкими документами, в которых, естественно, отразилась лишь позиция немецкой стороны (да и то частично), а никак не советской. Имеющийся в нашем распоряжении материал не оставляет ни малейших сомнений в неизменной враждебности советской стороны в отношении собственных пленных. В свете этого все советские „попытки“* добиться взаимности в обращении с пленными выглядят не более как фарсом. Названные авторы также оставляют без внимания следующий вопрос? можно ли говорить, что своей нотой от 17.7.1941 г. советское правительство „сделало шаг в направлении“ Гаагской конвенции от 18.10.1907 г., если всего за три недели до того, 29.6.1941 г., оно санкционировало безудержный разгул партизанщины, что находится в вопиющем противоречии с параграфами 1, 22 и 23

Гаагской конвенции. См. Rudolph Laun. Die Haager Landkriegsordnung. Das Uebereinkommen fiber die Gesetze und Gebrauche des Landkrieges. Wolfenbuttel. Hannover. 1947, S. 75.83.

Alfred Maurice de Zayas. Die Wehnnacht-Untersuchungsstelte. Deutsche Ermittlun-gen fiber allterte Volkerrechteverietzungen im Zweiten Wellkrieg. Munchen, 1980, S. 277.

280

Н. Толстой, указ. соч., стр. 455.См. также: H.-A. Jacobsen, ibid. S. 192.

Rapport.., S. 426.Н. Толстой, указ. соч., стр. 22.

282

ADAP, Serie D, Bd 6/2, No 389, S. 510; ibid. Serie E, Bd 1, No 51.S. 90, No 106, S.193.

Rapport..., S. 436, 440.446, 448, 453.

284

А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, т. 2, стр. 248-249.Н. Толстой., указ. соч., стр. 24.

285

См. также „Беседа у главного квартирмейстера Дона по поводу присутствия генерал-квартирмейстера в Ростове 27.10.1942“ (на нем. яз.), BA-MA RH 22/218.

286

Alexander Dallin. Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945.Eine Studie fiber Besatzunspolitik. Dusseldorf. 1958, S. 431.Joachim Hoffman. Deutsche und Kahnyken 1942 bis 1945.Freiburg, 1977, S. 44 (Einzelnschriften zur militarischen Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd 14). Joachim Hoffman. Die Ostlegionen 1941-1943.Turkotatren, Kaukasier und Wolgaflnnen im Deutschen Heer. Freiburg, 1981, S. 81 (Einzelnschriften zur militarischen Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd 19). В этой связи стоит упомянуть также, что Гёте пытался оправдать приказ глубоко чтимого им Наполеона о расстреле сотен турецких пленных, назвав это „продуманным решением военного совета“. Иоганн Петер Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. Москва, Худ. лит., 1981, стр. 313.

287

В советском издании эти сведения отсутствуют (см. История Великой Отечественной войны, т. 1, стр. 359). К. Петухов. Об издевательствах гитлеровцев над советскими военнопленными. „Военно-исторический журнал“, 1978, No 10, стр. 84.

См. H.-A. Jacobsen, ibid, S. 297, 197.Ch. Streit. ibid. S. 10, 105; A. Streim. ibid, S. 244.

289

Сведения о наличии советских военнопленных по состоянию на 1.5.1944 (на нем.яз.). Отдел военнопленных, BA-MA RH 2/v. 2623.Якобсен передает содержание этого документа со значительными искажениями (см. J. Hoffmann. Die Kriegfuhrung..., S. 730). Заместитель начальника центрального юридического управления земель Штрейм оценивает число советских военнопленных, павших жертвой актов 1, в 14 тысяч, что значительно меньше явно преувеличенных цифр, приводимых некоторых других источниках. (См. A. Streim, ibid, S. 244.) Действительная цифра, при учете всех факторов, должна быть значительно ниже. 30.Письмо Розенберга Кейтелю, в: Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher dem Internationalen Miiil&rgerichtshof, Nurnberg 14.November 1945 — 1.Oktober 16.Bd XXV: Urkunden und anderes Beweismaterial, Nfimberg, 1949, S. 157.

290

Письмо Канариса Кейтелю, 15.9.1941, там же, т. ХХХУ1, стр. 317, т. V, >. 461, т. X. стр. 624.

291

Наследие генерал-фельдмаршала фон Бока, 9.11.1941, BA-MA N 22/10.следив генерал-полковника Рюделя, 19.12.1941, BA-MA N 457/v. 17.

J. Hoffmann. Die Ostlegionen, S. 83, 178.

Ch. Streit, ibid, S. 157.

294

Отчет о работе комтылграрм „Центр“ за период с 1 по 30 ноября 1941 г., хварт, 8.12.1941, BA-MA, RH 22/251.Письмо заместителя генерального секретаря Красного Креста Финляндии Розена полковнику Рошмаину, 7.12.1981.

295

Отчет о работе отдела главного квартирмейстера за декабрь месяц 1941 г. (на 1ем. яз.), комтылгрярм „Север“, 6.1.1942, BA-MA RH 22/271.Отчет о работе за период 1-31.12.1941 (на нем. яз.) комтылгрярм „Центр“, кварт, 6.1.1942, BA-MA // RH 22/251.J. Hoffmann. Die Ostlegionen, S. 84.

296

ОКХ/генштарм/генкварт/военупр (кварт 4), No П/2710/42, 7.3.1942, NS П/11081/42, 16.3.1942, BA-MA RW б/v. 276.В. Поздняков. Советская агентура... / К. Кромиади, указ. соч., стр. 43.

Deutschlands Rfistung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942-1945.Hrsgb. und eing. von Willi A. Boecke. Frankfurt, 1969, S. 86.

298

Записка об обращении с советскими военнопленными, ОКХ/ генштарм] генкварт/военупр (кварт 4), No II/4530/42, 13.4.1942, BA-MA RH 22/218.

299

“ОКХ/генштарм/генкварт выпустил следующие директивы по проблеме военнопленных“. Командующий генерал войск безопасности и командующий прифронтовым районом Дои (отдкварт/военнопленнные), No 91/42, секретно, 24.11.1942, там же.

300

Записка (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/генкварт/военупр (кварт 5/военно-пленные), No П/7718/42, там же.

301

Обеспечение раненых русских пленных и меры против эпидемий (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/генкварт (кварт 4A/IVb), No 1/17916/42, 7.7.1942, там же.

302

Обеспечение советских пленных (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/ генкварт (IVa/III 2), No 50470/42, 24.10.1942, там же.

303

“Клич“. No 13/14 (35/36), 5.4.1942.

Приказ No 13 (на нем.яз.), ОКХ/начгенштарм, No П/2310/43, секретно, ВА-МА 44065/5.Приказ No 13 Верховного командования Германской Армии (на русс. яз.), ВА R 6/38.Комгрsuperм „Север“, lc/ОА, No 1554/43, секретно. ВА-МА 64847.

305

Записка об обращении с перебежчиками (на нем. яз.), ОКХ/ генштарм / генкварт, 6.5.1943, там же.

306

Разворачивание русских подразделений обслуживания (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/орготд, No II/12024/43, секретно, 20.4.1943, там же.

307

ОКХ/генштарм/отдинармвост (1а проп), No 1308/43, секретно, 31.5.1943, там же. (“Серебряная полоса“ — пропагандистское мероприятие 1943 года с использованием имени генерала Власова.)

308

К. Кромиади, указ. соч., стр. 43.Результаты допроса (протокол ВААглри командовании 4-й армии, генконсул Шаттенфро, ноябрь 1941) (на нем. яз.). ПА МИД, Бонн. Допрос ген.-майора Сергея Огурцова, ком. 49-го стрелкового корпуса 6-й армии (на нем. яз.), командование 17-й армии, группа lc/OA (зондерфюрер фон Кученбах), 11.8.1941, ПА МИД, Бонн. Взятие в плен 1о и 11 августа 1941 г. в Гайсине (на нем. яз.), командование 17-й армии, группа lc/OA (капитан Иртель фон Бренндорф), 11.8.1941, там же. Допрос ген.-майора Павла Абранидзе, командира 72-й русс. горнострелковой дивизии 12-й армии (на нем. яз.), командование 17-й армии, группа lc/OA (зондерфюрер фон Кученбах), 14.8.1941.Донесение о допросе командира 102-й советской стрелковой дивизии генерал-майора Бессонова (на нем. яз.), командование 2-й армии, отд. lc/OA, 28.8.1941, ПА МИД, Бонн. Высказывания пленного советского командира дивизии, сообщение пред. МИД при ОКХ фон Этцдорфа в МИД (на нем. яз.), No 1285/41.30.9.1941, ПА МИД. Бонн. Поведение советских пленных генералов в Офлаге ХШд, округ XIII (на нем. яз.), комвоеннопленных 16, No 13590/41, 30.10.1941, ПА МИД, Бонн.

309

Здесь и далее: Допрос генерал-лейтенанта Лукина, Михаила Федоровича, командующего 19-й армией (в последнее время командующего районом 32-й, 20-й, 24-й и 19-й армий) (на нем. яз.). Группа армий „Центр“. lc/OA, 14.12.1941, BA R 6/77.Генерал-лейтенант Лукин о земельном вопросе (на нем. яз.). Группа армий „Центр“, lc/OA, 14.12.1941, там же. „М. Ф. Лукин“, некролог, „Красная звезда“, 28.5.1970.Некролог подписали маршалы и генералы Захаров, Буденный, Соколов, Павловский, Василевский, Еременко, Жуков, Конев, Кошевой, Тюленев, Курочкин, Шатилов, Голованов, Маресьев, Белобородой, Шмелев, Федоров; см. также М. Ф. Лукин „Мы не сдаемся, товарищ генерал!“, BA-MA, архив Позднякова 149/52.

310

См. прим. 6 к 1-й главе; Пшеничный, указ. соч., стр. 158.

311

Антибольшевистские тенденции среди военнопленных советских офицеров (на нем. яз.). Донесение пред. МИД при ОКХ фон Этцдорфа в МИД. No 2139/42.17.9.1942, ПА МИД, Бонн, акты Этцдорфа, т. 24.

312

Донесение о допросе пленного генерал-майора И. П. Крупенникова, взятого в плен 21.12.1942, до этого командующего 3-й гвардейской армией, 14.1.1943, ВА-МА Н 3/491.Допрос генерал-майора И. П. Крупенникова, советник посольства Хильгер, 18.1.1943, ПА МИД, Бонн, акты фон Этцдорфа, т. 24.Д. Лелюшенко в книге „Москва -“.. Сталинград — Берлин — Прага“ (Москва, 1973) пишет о генерал-майоре И. П. Крупеиникове как о начальнике штаба 3-й гвардейской армии (стр. 134).

313

Допрос взятого в плен командующего 6-й русской армией (на нем. яз.), командование 17-й армии, группа Ic/OA (майор Хофс), 9.8.1941, ПА МИД Бонн, акты Этцдорфа, т. 24.ОКХ/генштарм/ оберквартал 4 — отдинармвост „Юг“, No 1432] 41 (Кинцель), 12.8.1941, там же. М. Куренев. Как это было? В: В. Поздняков. Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде — Луккенвальде Дабендорфа — Риги. Буэнос-Айрес/Сиракузы, США, 1972, стр.18.В. Поздняков. Из опыта работы пропагандиста, там же, стр. 183.

314

Штаб разведки Харьков, командование 4-й танковой армии, оберквартl кварт 2, No 559/43, секретно. 4.6.1943, BA-MA 44065/5.

В. Поздняков. Советская агентура..., там же.

316

В. Поздняков. Из опыта работы пропагандиста, стр. 185.

317

Офицер РОА Ч. Власовские листовки и советские офицеры. ВА-МА, архив Позднякова 149/3.Генерал Зверев. Архив Позднякова, 149/2.См. также о формировании добровольческих соединений из военнопленных советских офицеров, 4.2.1942, АДАП, серия Е, т.1.No 202, стр. 369.

J. Hoffmann. Die Ostiegionen..., S. 80.

319

Приказ No 46, 18.8.1942.B: Hitlers Weisungen ffir die Kriegfuhrung 1939-1945.Dokumente des Oberkommandos der Wehnnacht, hrsg. von W. Hubatsch, Frankfurt am Main, 1962, S. 201.

320

ОКХ/генштарм/генвоствойск, орготд 2.No 5000/43, секретно, 29.4.1943, BA-MA 44065/5.

321

Война в тылу врага. О некоторых проблемах советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Москва, 1974, стр. 365.

322

Л. Бычков. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Краткий исторический очерк. Москва, 1956, стр. 30.

323

Дивизии Народной Армии. „Воля народа“, No 6, 3.12.1944.Канцелярия генерал-лейтенанта А. А. Власова, полковник Кромиади. „Новое русское слово“, No 89(679), 5.11.1944.Самарин. Памяти А. С. Казанцева. ВА-МА архив Позднякова, 149/2.

324

Канцелярия начальника Штаба Вооруженных Сил Народов России. „Воля народа“. No 10.16.12.1944.

325

От Президиума Комитета Освобождения Народов России. „Воля народа“, No 12/13, 23.12.1944.Телеграмма начальника генштаба армии генерал-полковника Гудериана генерал-лейтенанту Власову (на нем. яз): „Генерал добровольческих соединений Кестринг сообщил мне о радостной реакции, которую вызвал ваш манифест у добровольцев. Я с большой радостью дал генералу добровольческих соединений приказ всеми силами поддерживать формирование русских вооруженных сил“. ГендобрсОКХ, 4, 1/434/45.13.1.1945, архив автора.

326

Советские пленные присоединяются к Власову. „За Родину“, No 2(16), 7.1.1945.

327

Генерал кавалерии Кестринг. Численность добровольцев. Архив автора.

К. Кромиади, указ. соч., стр. 193.

329

Канцелярия генерал-лейтенанта А. А. Власова. „Новое русское слово“, No 89(679), 5.11.1944.Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 53.

330

Мобилизация добровольцев в армию Власова (РОА) (на нем. яз.), ОКЛ] генштг/генкварт 9-й отд., No 679/45, секретно, 28.2.1945, BA-MA RL 2/Ш 460.

331

Письмо Свинцова Позднякову, 3.6.1973, ВА-МА, архив Позднякова 149/58.

332

Сводки о поступлении военнопленных за полмесяца (на нем. яз.), 1-15.12.1944.16-31.12.1944, ОКХ/генштарм/генкварт/ военупр (кварт 4), NoП/1185/44, 27.12.1944, No П/159/45.8.1.1945, BA-MA RH 2/v. 2623.Месячная сводка о поступлении военнопленных — январь-февраль (на нем. яз.), ОКХ] генштарм/генкварт/военупр (кварт 4), No П/751/45.10.2.1945, No II/1241/45, 22.3.1945, там же.

333

Месячный отчет о следственном лагере, 3/45 за февраль 1945, следственный лагерь Луккенвальде (на нем. яз.), No 583/45, 3.3.1945, BA-MA H 3/105.

334

Военный дневник No 3, зенитный полк 139, зенитная группа Штуттгарт (на нем. яз), 19.1.1945, BA-MA RL 12/549.

335

Отчет пропагандиста РОА лейтенанта Агеенкова за период 1-16.1.1945 (на нем. яз.), BA-MA RL 12/77.Отчет пропагандиста РОА лейтенанта Агеенкова (на нем. яз.), там же. Лейтенант РОА Агеенков. Отчет об отдельных подгруппах (на нем. яз.), там же. Мобилизация добровольцев в армию Власова (на нем. яз.), там же.

336

Отчет об инспекции советско-русских военнопленных в районе зенитной группы Швейнфурт. Донесение переводчика Мацанке в 21-ю зенитную дивизию, в русскую спецкомиссию (на нем. яз.), 13.1.1945, там же. Переводчик Барц. 1-й отчет о проведении власовской акции (на нем. яз.), 11.3.1945, там же.

337

Отчет майора Ламмерера в зенитную группу Швейнфурт (на нем.яз.), 30.1.1945, там же. Пропаганда для восточных кадров Люфтваффе (на нем. яз.), 21-я зенитная дивизия, 2-я русская спецкомиссия (майор Бальвин), No 77/45, секретно, 27.2.1945, там же.

338

Пропаганда армии Власова среди нерусских (на нем. яз.), ОКВ/глштв/УПВ] прв 4 (4а), в части пропаганды, 7.11.1944, BA NS 31/35.О принадлежности к национальным формированиям (на нем. яз), рейхсфюрер СС, Управление СС, Д, доктору Крёгеру, 20.11.1944.BA NS 31/41.

339

Штаб. ВА-МА, архив Позднякова 149/52.

340

Письмо Швеннингера Стеенбергу, 18.5.1966.BA-MA, архив Стеенберга.

341

См. примечание 29 к главе 1.

342

Вечерняя сводка на 23 марта 1945 г. В: Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militarischen Konferenzen 1942-1945, hrsg. von Helmut Heiber. Stuttgart, 1962, S. 939.(Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd 10).

343

Высоцкий. Бой на Одере. По воспоминаниям одного из участников. 1946.Архив автора. Дальнейшие подробности приводятся по сообщению лейтенанта В. Н. Азара. В: С. Ауски. Предательство и измена. Сан-Франциско, 1982, стр. 62.

344

Телефонный разговор командующего группой армий „Висла“ с командующим 9-й армией генералом Буссе. 6.2.1945 (на нем. яз.), BA-MA RH 19 XV/3.

345

Карта обстановки от 19.2.1945, приложение для командования 9-й армии. 1a, No 1153/45.секретно, 19.2.1945, BA-MA RH 19 XV/19.

346

Заключение о рапортах о состоянии дел офицера штаба по национальным вспомогательным силам (на нем. яз.), 26.3.1945, BA-MA RH 19 XV/8.

Goebbels, Joseph. Tagebficher 1945.Die letzten Aufzeichnungen. Einfuhrung Rolf Hochhuth. Hamburg, 1977, S. 139.

348

Командование 9-й арм. в группу армий „Висла“, дневная сводка. 9.2.1945, BA-MA RH 19 XV/4.Группа армий „Висла“ — ОКХ, дополнение к дневной сводке, 9.2.1945 (на нем. яз.), там же.

349

Добровольцы генерала Власова на восточном фронте (на нем. яз). „За Родину“, No 10(24). 15.2.1945.

350

Рейхсфюрер СС — обергруппенфюреру СС Фегелейну для передачи фюреру (на нем. яз.), 9.2.1945, BA-MA RH 19 XV/4.

351

К. Ков. Бизнес Сахарова — преступления. В: Они среди вас. Сборник статей о предателях и изменниках родины. Москва, 1969.

352

Письмо Гиммлера генералу Власову (на нем. яз.), 11.2.1945.BA-MA RH 19 XV/4.См. также „За Родину“, No 10(24), 15.2.1945.

353

См. примеч. 2.

354

В. Ханзен. Служебные заметки (на нем. яз.), 3.4.1945, стр. 202, 6.4.1945, стр. 204, 8.4.1945, стр. 206, 9.4.1945, стр. 207, архив автора.

355

Применение противотанковой дивизии, ОКХ/группа армий „Висла“, нач. геншт. (на нем. яз.), No 5423/45, секретно, 10.4.1945, BA-MA RH 19 XV/9.

356

Положение группы армий „Висла“ (на нем. яз.), 1а, No 5640/45, секретно, 15.4.1945.BA-MA RH 19 XV/16K.

357

Дневная сводка. ОКХ/группа армий „Висла“ — в ОКХ (на нем. яз.), 1а, No 2713/45, секретно, 7.3.1945, BA-MA RH 19 XV/7.Дневная сводка. 3-я танковая армия — в ОКХ/группа армий „Висла“ (на нем. яз.), 10.3.1945, там же.

George Ftecher. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, Mass., 1952, S. 211.В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес/Сиракузы, США, 1973, стр. 307.

359

Сводка о захваченных и уничтоженных вражеских орудиях и военнопленных (на нем. яз.). 1.3.1945-31.3.1945.ОКХ/генштарм/ отдинармвост (1), ВА-МА H 3/105.

Заметки (на нем. яз.), 1.4.1945, BA-MA RH 19 XV/9.

361

ОКХ/группа армий „Висла“, нач. генштт, 1a, No 48 48/45, секретно, 30.3.1945, BA-MA RH 19 XV/8.

362

Обращение подполковника де Мезьера, заметки для 1а, 2.4.1945 (на нем. яз.), BA-MA RH 19 XV/9.

363

Телефонный разговор полковника Эйсманна с подполковником фон Гумбольдтом, 3.4.1945, там же.

364

Дневная сводка командования 3-й танковой армии — в группу армий „Висла“, 5.4.1945 (на нем. яз.), там же.

Friedrich-Wilhehn v. Note. Einbringen von Gefangenen aus Fluss-Bruckenkopfen. In: Truppenpraxis 1959, H. 1, S. 110.

366

Записка о возмещении вооружения для 1604-го полка (русс.) (на нем. яз.). 7.4.1945, BA-MA RH 19 XV/9.Дневная сводка. ОКХ/ группа армий „Висла“ — в ОКХ (на нем. яз.). 1a, No 5364/45, секретно, 9.4.1945, BA-MA RH 19 XV/6.

В. Артемьев. История Первой Русской дивизии, 1962, стр. 6, архив автора. Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 96, там же. К. Кромиади. За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980.стр. 206.

368

Х. Герре. Формирование власовских дивизий, стр. 24, ИСИ.

369

Письмо Крёгера Стеенбергу, 6.5.1967.BA-MA, архив Стеенберга. К. Кромиади, указ. соч., стр. 207.

370

Применение 1-й русс. добровольческой дивизии, сообщение о рапорте полковника Герре, штаб/гендобрс (на нем. яз.), 21.2.1945, BA-MA RH 19 XV/6.

371

Обращение подполковника де Мезьера (на нем. яз.), 2.3.1945, BA-MA RH 19 XV/7.Телефонный разговор подполковника де Мезьера с полковником Эйсманном (на нем. яз.), 16.3.1945, BA-MA RH 19 XV/8.

372

Дневная сводка группы армий Висла в ОКХ (на нем. яз.), 1а, No 4627/45, секретно, 26.3.1945, BA-MA RH 19 XV/8.

373

Г. Швеннингер. Очет о событиях, связанных с 600-й пехотной дивизией (русс.) в период 6.3.- 14.5.1945 (на нем.яз.), стр. 6, ИСИ.

Дневная сводка командования 3-й танковой армии в группу армий „Висла“ (на нем. яз.), 12.3.1945, BA-MA RH 19 XV/7.Телефонный разговор полковника Людендорфа с полковником Эйсманном (на нем. яз.), 13.3.1945, там же.

375

Проведение атаки на штеттинский плацдарм (на нем. яз.), командование 3-й танковой армии, 1a, No 1800/45.секретно. 14.3.1945, BA-MA RH 19 XV/1.командование группы армий „Висла“, 1a, No 49/45, секретно, начальникам штабов, 15.3.1945, там же.

Планирование акции „Оборона Берлина“ (на нем. яз.), 16.3.1945, BA-MA RH 19 XV/19.Приказ о подготовке и проведении атаки с плацдарма Франкфурт (на нем. яз.), командование 9-й армии, 1a, No 014/45, секретно, начальникам штабов, 18.3.1945, BA-MA RH 19 XV/8.Временная диаграмма „ФФ“ (на нем. яз.), командование 9-й армии, 1a, No 015/45, секретно, начальникам штабов, 19.3.1945, там же.

377

Приказ о подготовке оборонительного сражения на нижнем Одере (на нем. яз.), ОКХ/группа армий „Висла“, 1а, No 54/45, секретно, начальникам штабов, 17.3.1945, BA-MA RH 19 XV/8.Доставка 600-й пех. дивизии (русс.), (на нем. яз.), ОКХ/ группа армий „Висла“, начальнику генштаба, 1а, No 4132/45, секретно, 18.3.1945, там же.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 12.А. Архипов. Воспоминания, стр.15, архив автора.

379

Швеннингер. Отчет..., стр. 7, ИСИ. Письмо Швеннингера Стеенбергу, 18.5.1966.ВА-МА, архив Стеенберга.

380

Письмо Бергера Стеенбергу, 11.12.1966.BA-MA, архив Стеенберга.

381

См. примеч. 17.Приложение к документам командования 9-й армии, 1a, No 1153/45, секретно, 19.2.1945, BA-MA RH 19 XV/9.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 16.А. Архипов, указ. соч., стр. 17.Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 96.К. Кромиади, указ. соч., стр. 207.

383

См. С. Ауски, указ. соч., стр. 2.

Б. Плющев-Власенко, указ. to4., стр. 107.

385

Письмо Хейнрици Стеенбергу, 11.9.1966, BA-MA, архив Стеенберга.

Письма Крёгера Стеенбергу. 7.12.1966, 28.12.1966.там же.

3.Кайлинг. Власовская армия, стр. 13, архив автора.

388

Г. Швеннингер. Дополнения (на нем. яз.), стр. 4, ИСИ. G. Fischer, ibid, S. 100.

389

Ф.-В. Нотц. Отчет об атаке 1-й власовской дивизии 13.4.1945 в районе немецкой 391-й дивизии на советский плацдарм „Эрленгоф“ в 30 км южнее Франкфурта-на-Одере (на нем. яз.), стр. 3, архив автора.

390

Там же, стр. 2.

391

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 7, ИСИ.

А. Архипов, указ. соч., стр. 17.В. Артемьев, указ. соч., стр.16, 18.

393

Ф.-В. Нотц. Отчет..., стр. 2.

394

Атака по уничтожению вражеского плацдарма к югу от Фюрстенберга (на нем. яз.), командование 9-й армии в группу армий „Висла“, 1a, No 2749/45, секретно, 12.4.1945.BA-MA RH 19 XV/9.

395

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 9, там же.

Г. Швеннингер. Дополнения..., стр. 7, там же.

Ф.-В. Нотц. Отчет..., стр. 2, там же.

398

Утренняя сводка, группа армий „Висла“ — в ОКХ (на нем. яз.), 13.4.1945, 8 часов 10 минут, BA-MA RH 19 XV/9.

399

Вечернее донесение офицера воздушной связи (на нем. яз.), в группу армий „Висла“, „Висла“, начальнику генштаба, 1а, 13.4.1945, там же.

400

Дневная сводка, командование 9-й армии 13.4.1945, там же. ОКХ/группа армий No 5584/45, секретно, 13.4.1945.там же.

401

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 14.

Ф.-В. Нотц. Отчет..., стр. 2.

403

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 11.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 18.

405

Телефонный разговор начальника генштаба ОКХ с начальником штаба группы армий „Висла“ (на нем. яз.), 13.4.1945, BA-MA RH 19 XV/9.Дневная сводка, группа армий „Висла“ в ОКХ (на нем. яз.), 1a, No 5700/45, секретно, 15.4.1945, там же.

А. Тишков. Предатель перед советским судом. „Советское государство и право“. 1973.No 2, стр. 89.

407

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 10.Он же. Дополнения..., стр. 7.

408

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 364.Письмо Михаилу Степановичу, 8.11.1951, ВА-МА, архив Позднякова 149/29.О майоре (капитане) Нарейкисе, скрывшемся под фамилией Яковлев, см: Бывший начальник командного отдела штаба ВС КОНР, полковник Поздняков. Справка, 17.1.1950, там же.

409

В. Артемьев, указ. соч., стр. 20.А. Нерянин-Алдан. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия, стр. 16, ВА-МА, архив Позднякова 149/60.

410

Военный дневник ОКБ, т. 4/2, запись от 14.4.1945 (на нем. яз.), стр. 1240.

411

Г. Швеннингер. Отчет...., стр. 12, ИСИ. Он же. Дополнения, стр. 8, ИСИ.

412

Положение группы армий Висла (на нем. яз.), 1a, No 5977/45, секретно, 25.4.1945.BA-MA RH 19 XV/16K.

413

В. Артемьев. История Первой Русской Дивизии, стр. 22, архив автора.

414

Г. Швеннингер. Отчет.... стр. 13.Дополнения..., стр. 9.

415

Военный дневник, ОКБ, т. 4/2, запись за 16.4.1945 (на нем. яз.), стр. 1244.

416

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 15.

417

ОКХ/генштарм/орготд., No П/70530/45.секретно, 1.2.1945, BA-MA RH 2/v. 921.

418

Запись о беседе с фельдмаршалом Шернером (на нем. яз.), 28.3.1955, BA-MA, архив Стеенберга.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 24.

С. Ауски. Предательство и измена. Сан-Франциско, 1982, стр. 97.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 28.

В. Поздняков. Первая Пехотная Дивизия, досье 14, ВА-МА, архив Позднякова 149/49.

423

Письмо Нацмера Стеенбергу, 26.6.1962, BA-MA, архив Стеенберга.

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 16.

425

А. Архипов. Воспоминания, стр. 19, архив автора.

Jurgen Thorwald. Die Illusion. Rotannisten in Hitlers Heeren. Munchen, 1974, S. 332.

427

Г. Швеннингер. Дополнения..., стр. 5, 10.

428

См. примеч. 8; также см. письмо Крёгера Стеенбергу, без даты, BA-MA, архив Стеенберга.

429

Разоружение и использование иностранных формирований (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/орготд.. No П/80429/45, секретно. 9.4.1945, BA-MA RH 2/v. 921.

430

Письма Крёгера Стеенбергу, 7.12.1966.6.5.1967.BA-MA, архив Стеенберга.

431

С. Ауски (указ. соч.. стр. 113) рассказывает, что Власов 28 или 29 апреля 1945 года вместе с фельдмаршалом Шернером прибыл самолетом в штаб 1-й дивизии и что Буняченко отказался выполнять его приказы. Этот рассказ, как следует из данной работы, основан на ошибке.

См. примеч. 8 и 13.

433

К. Кромиади. За землю, за волю, стр. 229.

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 17.

435

Письмо Клейста Делердту, 3.7.1954, BA-MA, архив Стеенберга.

В. Артемьев. История Первой Русской Дивизии, стр. 19, архив автора. Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 109, архив автора. Письмо Швеннингера Стеенбергу, 18.5.1966, BA-MA, архив Стеенберга. С. Штеменко. В Генеральном штабе, т. 2, стр. 440.

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 367.

Litopis Ukrainskoi Povstanskoi Annii. Bd. 8.Toronto, 1980, S. 203, 217, 240, 251.Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945.Сборник документов. Москва, 1968, стр. 678.

439

Бухардт. Манускрипт 1946 (на нем. яз.), стр. 15, BA-MA, архив Стеенберга; он же, 27.2.1966, стр. 4, там же. Письмо Крёгера Стеенбергу, 6.5.1967, там же.

В. Поздняков. Генерал-майор Федор Иванович Трухин, ВА-МА, архив Позднякова 149/2.Письмо Крёгера Стеенбергу, без даты, ВА-МА, архив Стеенберга. Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 111.

Detlef Brandes. Die Tschechen unter deutschem Protektorat. Bd. 2.Munchen, Wien 1975, S. 96, 105.

Ф. Богатырчук. К вопросу оценки антинемецкого выступления РОА в Праге в мае 1945 года. BA-MA, архив Стеенберга. См. также „Прага“, BA-MA, архив Позднякова 149/8.

С. Ауски. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982, стр. 121.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 37.Освободительное Движение Народов России, стр. 28, ВА-МА, архив Позднякова 149/26.

445

Письмо Архипова Позднякову, 19.2.1960, ВА-МА, архив Позднякова 149/29.В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 370.

446

Письмо Крёгера Стеенбергу, без даты, BA-MA, архив Стеенберга.

С. Ауски, указ. соч., стр. 130-131.

Karel BartoSek. Prafeke povstani. Prag, I960, S. 205.

449

Forrest C. Pogue. The Supreme Command. Washington, 1954, p. 503.John Ehnnann. Grand Strategy. Bd. 6: October 1944 — August 1945, p. 159.Lnd, 1956 (History of the Second World War. United Kingdom Military Series). Charles B. Mac-Donald. The Last Offensive. Washington, 1973, p. 467.

С. Ауски, указ. соч., стр. 138.

451

Письмо Крёгера Стеенбергу, 7.12.1966, BA-MA, архив Стеенберга.

452

Г. Жуков. Воспоминания и размышления. Москва, АПН, 1971, стр. 690.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 33.А. Архипов. Воспоминания, стр. 19, архив автора.

В. Поздняков. Последние дни. „Голос народа“, 1951, No 25.Он же. Письмо в редакцию, ВА-МА, архив Позднякова 149/8.Он же. Андрей Андреевич Власов, стр. 370.

455

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 21, ИСИ.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 39.Письмо Крёгера Стеенбергу, 7.12.1966, ВА-МА, архив Стеенберга.

457

Поручик Г. Под Прагой. „Голос народа“, No 17(67), 27.4.1952.

458

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 20.Он же. Дополнения, стр. 14, ИСИ. См. также: Ivan Stovicek. Zapis o zasedani CNR ve dnech 4.ai 9.kvetna 1945.In: Historie a vojenstvi 1967, N 6, S. 996.

459

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 20.Он же. Дополнения, стр. 15.Письмо Швеннингера Стеенбергу, 18.5.1966, ВА-МА, архив Стеенберга.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 166.

461

Там же, стр. 164.

Ф. Титов. Клятвопреступники. В: Неотвратимое возмездие..., Москва, 1973, стр. 228.С. Штеменко, указ. соч., стр. 439.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 29.Письмо Клейста Долердту, 3.7.1954, ВА-МА, архив Стеенберга.

464

Письмо Швеннингера Стеенбергу, 18.5.1966, BA-MA, архив Стеенберга.

465

Швеннингер. Отчет..., стр. 17.Письмо Крёгера Стеенбергу, 7.12.1966, BA-MA, архив Стеенберга.

Поручик А. Высоцкий. Мои воспоминания о А. А. Власове, 23.6.1948, BA-MA, архив Позднякова 149/48.Письмо Крёгера Стеенбергу, без даты, BA-MA, архив Стеенберга.

467

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 20.Он же. Дополнения, стр. 14.Письмо Швеннингера Стеенбергу, 18.5.1966, ВА-МА, архив Стеенберга.

Horst Naude. Eriebnisse und Erkentnisse. Als politischer Beamier im Protektorat Bohmen und Mahren. Munchen, 1975, S. 180.

А. Архипов, указ. соч., стр. 21.

В. Поздняков. Первая Пехотная Дивизия, лист 20, ВА-МА, архив Позднякова 149/49.В. Артемьев, указ. соч., стр. 41.

С. Ауски, указ. соч., стр. 172.

472

Донесение Хогебак, BA-MA RL 10/564.К. Бартошек, указ. соч., стр. 166.

473

Донесение Хогебак, BA-MA RL 10/564.Письмо Кольхунда Доллердту, 10.8.1954, BA-MA, архив Стеенберга.

Как утверждает В. Поздняков в письме автору от 2.9.1972, обвинение против подполковника Артемьева, выдвигаемое в этой связи, совершенно безосновательно.

С. Ауски, указ. соч., стр. 177.

А. Архипов, указ. соч., стр. 21.Письмо Георгиева Стеенбергу, 14.11.1968, архив Стеенберга.

См. также: Ceskoslovensky voensky atlas. Prag, 1965, S. 357.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 164.

Там же, стр. 164.М. Степанек-Штемр. Русские в Праге (на чеш. яз.), архив автора. Д. Брандес, указ. соч., стр. 137.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 167.

М. Степанек-Штемр, указ. соч., архив автора. Людвик Свобода. От Бузулука до Праги. Москва, 1969, стр. 401.

С. Ауски, указ. соч., стр. 239.

483

И. Штовичек, указ. соч., стр. 995.

O. Machotka. Pra&k6 povstani 1945.Washington, 1965, S. 39.Письмо Махотки Стеенбергу, 2.3.1969, ВА-МА, архив Стеенберга.

См. также: К. Бартошек, указ. соч., стр. 171.

486

Письмо Махотки Стеенбергу, 2.3.1969, BA-MA, архив Стеенберга.

И. Штовичек, указ. соч., стр. 995.

Там же, стр. 996.См. также: К. Бартошек, указ. соч., стр. 172.

489

Д. Брандес, указ. соч., стр. 137.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 166.

И. Штовичек, указ. соч., стр. 1004.

492

Письма Махотки Стеенбергу, 2.3.1969, 14.3.1969, BA-MA, архив Стеенберга.

493

Д. Брандес, указ. соч., стр. 72, 113, 139.Ф. Пог, указ. соч., стр. 505.

И. Штовичек, указ. соч., стр. 1009.

С. Ауски, указ. соч., стр. 198.

А. Архипов, указ. соч., стр. 22.

В. Поздняков. Первая Пехотная Дивизия, лист 21...

К. Бартошек, указ. соч., стр. 154.

499

Письмо Георгиева Стеенбергу, 2.1.1969, BA-MA, архив Стеенберга.

С. Ауски, указ. соч., стр. 189.

501

К. Бартошек, указ. соч., стр. 166.Донесение Хогебак, ВА-МА RL 10/564.

А. Архипов, указ. соч., стр. 24.

503

Д. Брандес, указ. соч., стр. 137.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 166.О. Махотка, указ. соч., стр. 45.

С. Ауски, указ. соч., стр. 186.

506

А. Архипов, указ. соч., стр. 23.В. Поздняков. Первая Пехотная..., лист 22.

507

О. Махотка, указ. соч., стр. 40.М. Степанек-Штемр, указ. соч. Письмо Георгиева Стеенбергу, 14.11.1968, ВА-МА, архив Стеенберга.

John Ehnnann, ibid, p. 159.Charles B. MacDonald, ibid. pp. 458, 467, 477.Die Befreiungsmission der Sowjetstreilkrafte im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1973, S. 384.

В. Артемьев, указ. соч., стр. 45.

А. Архипов, указ. соч., стр. 23.

511

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 22.

512

А. Архипов, указ. соч., стр. 25.См. также: В. Артемьев, указ. соч., стр. 45.

513

К. Бартошек, указ. соч., стр. 199.

Karel Bartosek. Prazske povstani 1945.Prag, 1960, S. 244.

515

Voitech Mastny. The Benes-Stalin-Molotov Conversations in December 1943: New Documents. In: Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, NF, Bd. 20, 1972, H. 3, S. 388.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 104, 202, 246.

517

Там же, стр. 229, 250.Die Befreiungsmission der Sowjetskrafte im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1973, S. 394.С. Мельников. Маршал Рыбалко. Воспоминания бывшего члена Военного совета 3-й гвардейской танковой армии. Киев, 1980, стр. 238.

518

См. карту 13, „Освобождение Чехословакии“, январь — май 1945 г. В: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945.Москва, 1963, т. 5.

519

O. Machotka. Prateke povstani, S. 41.Письмо Махотки Стеенбергу, 2.3.1969, БАМА, архив Стеенберга.

М. Степанек-Штемр. Русские в Праге (на нем. яз.), архив автора.

521

George Fischer. Soviet Opposition to Stalin. Cambridge, Mass., 1952, p. 101.

Detlef Brandes. Die Tschechen unter Deutschem Protektorat. Teil 2.Miinchen, Wien, 1975, S. 140, 144.

523

К. Бартошек, указ. соч., стр. 221.

524

Там же, стр. 96, 247.ЕВК. Лучше поздно, чем никогда. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

525

Поскольку переговоры с генералом Туссеном затягивались, коммунист Смрковский потребовал расстрелять сына главнокомандующего, лейтенанта Туссена, который оказался заложником у повстанцев. Но генерал Кутлвашр сумел предотвратить эту бесчестную акцию. Письмо Махотки Стеенбергу, 2.3.1969, BA-MA, архив Стеенберга. С. Ауски, указ. соч., стр. 154.

526

Протокол о проведении капитуляции немецких вооруженных сил (на чешек. яз.), 8.5.1945.В: К. Бартошек, указ. соч., стр. 228.

Karl G.H.B. Rittberg. Ein Beitrag zu 1813.Graudenz, 1891, S. 296.

Horst Naude. Eriebnisse und Erkentnisse. Munchen, 1975, S. 180.А. Кармазин. Прага в 1945 году. „Новое русское слово“, 11.10.1968.

529

Гвардии генерал-майор танковых войск запаса И. Зиберов. Две встречи с Прагой. ВА-МА, архив Позднякова 149/49.

530

Die Befreiungsmission der Sowjetskrafte im Zweiten Weltkrieg... S. 393.Д. Лелю-шенко. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. Москва, 1973, стр. 372.

531

Пражское восстание в 1945 г. BA-MA, архив Позднякова 149/8.M. Шатов. Прагу освободили власовцы. „Новое русское слово“, 11.2.1960.Письмо Архипова-Гордеева Позднякову, 19.2.1960, BA-MA, архив Позднякова 149/29.M; Шатов. Генерал Власов и Прага. „Новое русское слово“, 30.9.1968.Письмо Махотки Стеенбергу, март 1969, BA-MA, архив Стеенберга. M. Степанек-Штемр, указ. соч., архив автора.

532

Гончаренко/Шнайдер. „Красная звезда“, No 289, 10.12.1959.

533

И. Конев. Сорок пятый. Москва, 1966, стр. 259.

Д. Лелюшенко, указ. соч., стр. 361.

С. Штеменко, указ. соч., т. 2, стр. 439.

536

К. Бартошек, указ. соч., стр. 232.В работе С. Мельникова „Маршал Рыбалко“ об этом ничего не сказано.

537

Письмо Махотки Стеенбергу, 14.3.1969, BA-MA, архив Стеенберга. С. Ауски, указ. соч., стр. 259.

538

В. Артемьев. История Первой Русской Дивизии, стр.44, архив автора. Краткая справка по истории Русского Освободительного Движения, 1.9.1951.BA-MA, архив Позднякова 149/26.В. Поздняков. Последние дни. „Голос народа“, 1951, No 25.Ivan Stovicek. Zapis o zasedani..., S. 979-1019.Письмо Георгиева Стеенбергу, 2.1.1969, BA-MA, архив Стеенберга.

539

М. Степанек-Штемр, указ. соч. А. Кармазин. Прага в 1945 году. „Новое русское слово“, 11.10.1968.С. Ауски, указ. соч., стр. 259.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 249.Письмо Георгиева Стеенбергу, 2.1.1969, ВА-МА, архив Стеенберга. Peter Heumos. Geschichtewissenschaft und Politik in der Tschechoslowakei. In: Jahrbiicher fur Geschichte Osleuropas, NF, Bd. 26, 1978, H. 4, S. 568.

541

Письмо Махотки Стеенбергу, март 1969, BA-MA, архив Стеенберга.

542

Ф. Богатырчук. К вопросу оценки антинемецкого выступления РОА в Праге в мае 1945 года. BA-MA, архив Стеенберга. См. также: Прага, BA-MA, архив Позднякова 149/8.В. Артемьев, указ. соч., стр. 40.В. Поздняков. Генерал-майор Федор Иванович Трухин. BA-MA, архив Позднякова 149/2.А. Кармазин, указ. соч. М. Шагов, указ. соч. Ф. Богатырчук. Не РОА, а войска КОНР. BA-MA, архив Позднякова 149/8.

543

Письмо Свинцова Позднякову, 30.11.1972, ВА-МА, архив Позднякова 149/58.Письмо офицера 1-й дивизии РОА Позднякову, 2.1.1973, там же.

К. Бартошек, указ. соч., стр. 168.

545

А. Алымов. Тайна майора Зыкова. „Часовой“, ВА-МА, архив Позднякова 149/2.

546

Державин. Переоценка ценностей. К актам 14 ноября 1944 года. 26.11.1950.ВА-МА, архив Позднякова 149/29.

547

Ф. Богатырчук. К вопросу оценки антинемецкого выступления РОА в Праге в мае 1945 года. ВА-МА, архив Стеенберга. См. также: Прага. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.Ф. Богатырчук. Не РОА, а войска КОНР. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

548

Письмо Крёгера Стеенбергу, 8.6.1967.BA-MA, архив Стеенберга.

549

Г. Швеннингер. Отчет..., стр. 21, ИСИ. Он же. Записки. ВА-МА, архив Стеенберга.

С. Ауски, указ. соч., стр. 203.

551

ЕВК. Лучше поздно, чем никогда. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.Бервик. Полнее рассказать правду о власовцах, там же.

3. Кайлинг. Власовская армия (на нем. яз.), стр. 14, архив автора.

553

Х. Герре. Формирование власовских дивизий (на нем. яз.), стр. 27, ИСИ. Он же. Дополнения (на нем. яз.), стр. 15, ИСИ.

3.Кайлинг. Генерал Зверев и военно-полевой суд в Гаузене (на нем. яз.), архив автора.

555

Ю. Жеребков. Попытки КОНРа войти в контакт с англо-американцами. БАМА, архив Стеенберга.

556

Ф. Бухардт. Манускрипт 1946, стр. 15.BA-MA, архив Стеенберга. Письмо Крёгера Стеенбергу, без даты, там же.

557

Обращение с добровольцами в английских и американских лагерях военнопленных. Донесения для командиров Восточных войск и штабных офицеров национальных вспомогательных сил (на нем. яз.), No 18.ОКХ/генштарм/гендобрс, No 14630/44, секретно, 15.10.1944, архив автора. См. также: Hans Herwarth. Zwischen Hitler und Stalin. Frankfurt am Main, Berlin, Wien, 1982, S. 341.

558

Комитет Освобождения Народов России Президиуму Международного Красного Креста, 26.2.1945.В: Ю. Жеребков, указ. соч., стр. 21.

559

Сертификат Комитета Освобождения Народов России, штаб-квартира, 27 апреля 1945 г., генерал-лейтенант Власов (на фр. яз.), там же, стр. 22.

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес/ Сиракузы, США, 1973,стр. 181.

561

Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 74.Архив автора.

562

В. Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. Посев, 1981, стр. 378.

563

Бухардт, 27.2.1966, стр. 4, BA-MA, архив Стеенберга. С. Стеенберг. Власов. Мельбурн, 1974, стр. 204.

564

Капитан В. Денисов. История пребывания в плену у американцев генералов Василия Федоровича Малышкина, Георгия Николаевича Жиленкова и группы офицеров штаба ВС КОНР. ВА-МА, архив Позднякова 149/52.

Х. Герре, указ. соч., стр. 30.

С. Ауски, указ. соч., стр. 210.

567

Комитет Освобождения Народов России, 4 мая 1945, No 4/75/45.Член Президиума Комитета и начальник генштаба ВС РОА генерал-майор Трухин (на фр. яз.). Архив автора.

568

В. Поздняков. Последние дни. „Голос народа“, 1951, No 25, 30-34(38).

569

Информация В. Позднякова в книге „Андрей Андреевич Власов“, стр. 377, и в статье „Последние дни“ совпадает с расказом Х. Стюарда (см. Hal D. Steward. Thunderbolt. The History of the Eleventh Armored Division. Washington, 1948, p. 139). См . также: Нерянин. Ведомость боевого состава РОА, 1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/5.

570

Условия перехода частей ВС КОНР на положение военнопленных 3-й американской армии. Командир 11-й танковой дивизии, генерал-майор Дейгер, 6.5.1945, ВА-МА, архив Позднякова 149/5.Х. Стюард, указ. соч., стр. 39.

571

Кап. П. Н. Б. Последние дни РОА. „Наша страна“. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

Битенбиндер. „Армия обреченных“. „Новое русское слово“, 9.2.1970.

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 380.

574

Штаб Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России, 7 мая 1945 г., No 12/95/45, Заместитель Начальника Штаба, Полковник Нерянин, ВА-МА, архив Позднякова 149/5. См также: George Dyer. XII Corps. Spearhead of Patton's Third Army. О.о., 1947, p. 434; Стюард, указ. соч., стр. 139.

575

Headquarters 11th Armored Division, Office of AC of G-2, APO 261, c/o Post Master New York, N. Y., William M. Slayden, Lt. Col., GSC, AC of s, G-2, 8.5.1945.Для американцев эта ситуация создала целый ряд трудностей в отношениях с Красной армией. Вот что пишет Дайер: „Еще одной проблемой в отношении военнопленных явилось советское требование установить опеку над группой из 7 тысяч белоэмигрантов, воевавших на немецкой стороне. Эта проблема показалась сначала очень сложной, но вскоре была решена. Корпус передал запрос в высшие инстанции и получил ответ: отказать советским в их просьбе, поскольку пленные сдались до дня победы. Советские поначалу пытались было настаивать, но через несколько дней оставили эти бесполезные попытки“. Дж. Дайер, указ. соч., стр. 450.

Х. Герре, указ. соч., стр. 32, ИСИ. Он же. Дополнения, стр. 18, ИСИ.

В. Поздняков. Последние дни.

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 386.

3.Кайлинг. Прощание с генералом Зверевым. Архив автора. Он же. Власовская армия, стр. 18, там же.

С. Ауски, указ. соч., стр. 223.

Битенбиндер, указ. соч.

В. Койда. Запасная бригада. Архив автора.

Кап. П. Н. Б., указ. соч. С. Ауски, указ. соч., стр. 215.

584

Показания А. Ромашкина о ген. Трухине. ВА-МА, архив Позднякова 149/52.

585

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 380.

С. Ауски, указ. соч., стр. 227.

А. Архипов. Воспоминания, стр. 26.Архив автора.

588

Письмо Будерацкого редактору газеты „Голос народа“, 3.12.1951.ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

589

Г. Швеннингер. Отчет (на нем. яз.), стр. 23, ИСИ.

590

М. Шатов. Ответ на вопросы участников Освободительного Движения. „Новое русское слово“, 4.2.1962.А. Архипов. О переговорах Первой дивизии РОА, там же, 20.5.1962.

591

George Dyer. XII Corps. o/O, 1947, p. 140, 142.Hal D. Steward. Thunderbolt. Washington, 1948, p. 140, 142.Forrest C. Pogue. The Supreme Command. Washington, 1954, p. 505.

592

Р. Антонов. Последние дни генерала Власова. ВА-МА, архив Позднякова 149/48.Воспоминания о Власове, там же. Р. Антонов (по записи Б. Яковлева, 1946). Прага — Пльзень — Шлиссельбург. „С народом за народ“, декабрь 1945, No 5.Запись допроса капитана Антонова сделана полковником Поздняковым, 1946.В: В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес Сиракузы, 1973, стр. 431.И. Пекарский. Как был захвачен генерал Власов, там же, стр. 416.В. Реслер. Вот что сохранилось в памяти. „С народом за народ“, декабрь 1965, No 5.В. Поздняков. Последние дни. „Голос народа“, 1951, No 33-34.

593

Е. Фоминых. Как был пойман предатель Власов. „Известия“, No 239, 7.10.1962.К. Кромиади. Историческая правда по-советски — генерал Фоминых и его воспоминания. ВА-МА, архив Позднякова 149/48.С. Ауски приводит запись американского офицера 90-й дивизии о встрече американского и советского командиров корпусов (указ. соч., стр. 235).

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 5, Москва, 1963, стр. 328.С. Штеменко. указ. соч., стр. 441.

595

В. Поздняков. Первая пехотная дивизия, лист 24, ВА-МА, архив Позднякова 149/49.

596

И. Пекарский. Как был захвачен генерал Власов. В: В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 416.

597

Выдержки из воспоминаний полковника Артемьева, стр. 15.ВА-МА, архив Позднякова 149/49.

598

В. Поздняков. О переговорах 1-й дивизии РОА с советчиками. „Новое русское слово“, 9.6.1962.Он же. Андрей Андреевич Власов, стр. 395.

599

См. примеч. 5.

С. Стеенберг. указ. соч., стр. 225.В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов, стр. 440, 446.

601

Martin Blumenson. The Patton Papers. Boston, 1974, v. 2, p. 696.

Там же, стр. 701.С. Ауски, указ. соч., стр. 216.

603

А. Архипов. Воспоминания, стр. 26.Архив автора. В. Поздняков. Последние дни. „Голос народа“, 1951, стр. 34.

С. Ауски основывает свой рассказ на американских источниках (указ. соч., стр. 247.).

605

Г. Швеннингер, указ. соч., стр. 26.

С. Ауски, указ. соч., стр. 206.

607

См. примеч. 7.В. Поздняков. Как советчики захватили генерала А. Власова. „Новое русское слово“, 16.10.1962.

608

См. примеч. 8.История..., т. 5., стр. 328.И. Конев. Сорок пятый. Москва, 1966, стр. 259.П. Матронов. За злату Прагу. Москва, 1965, стр. 95.Л. Перн. В вихре военных лет. Таллин, 1969, стр. 110.С. Штеменко, указ. соч., стр. 441.

609

С. Ауски, указ. соч., стр. 253, 310.Полковник Пол М. Мартин был заместителем начальника штаба 12-го корпуса (см. George Dyer, ibid, p. 534). Б. Суварин пишет: „Ничем нельзя оправдать поступок американцев, которые, вместо того чтобы судить Власова беспартийным судом на Западе, выдали его Сталину, то есть его палачу“ (Boris Souvarine. Stalin. Munchen, 1980, S. 1980).

С. Койда. Запасная бригада. Архив автора. Кап. П. Н. Б. Последние дни РОА. „Наша страна“, ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

611

А. Даров. Не все были обреченные, 1969, ВА-МА, архив Позднякова 149/8.С. Л. В., А. Г. Алдан, генштаба полковник. Армия обреченных. „Наша страна“, 1.4.1969.Битенбиндер. Армия обреченных. „Новое русское слово“, 9.2.1970.

612

В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес/ Сиракузы, 1973, стр. 391.

613

Генерал Бородин — Главному командованию американских и английских вооруженных сил в Германии. ВА-МА, архив Позднякова 149/14.Выписки из дневника генерал-майора Бородина. 30.6.и 23.7.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/46.Биография генерал-майора генштаба Бородина (на нем. яз.), архив автора.

614

См. примеч. 1.Нерянин. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия, стр. 3.ВА-МА, архив Позднякова 149/60.

615

Выписки из дневника..., 30.6.1945, 4.7.1945, 9.7.1945.BA-MA, архив Позднякова 149/46.

616

Письмо генерала Меандрова, середина января 1946 г., ВА-МА, архив Позднякова 149/14.

С. Койда. Запасная бригада. Архив автора.

618

Выписки из дневника..., 6.7.1945, 4.8.1945, 6.8.1945.BA-MA, архив Позднякова 149/46.

В. Науменко. Великое предательство. Нью-Йорк, 1962.Julius Epstein. Operation Keelhaul. Old Greenwich, 1973.N. Bethell. The Last Secret. London, 1974.Н. Толстой. Жертвы Ялты. Париж, 1988.

620

Вейнбаум. Операция килевания, 11.3.1970.ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

621

Winston Churchill. Nach dem Kriege. Zurich, 1930, S. 157, 261, 265.

В. Ханзен. Служебные записки, 2.7.1944, стр. 122 (на нем. яз.). Архив автора. Н. Толстой, указ. соч., стр. 332.

623

Там же, стр. 160.

Там же, стр. 298.

625

Там же, стр. 294. Автор жизнеописания фельдмаршала Александера Нигель Никольсон приводит следующее высказывание фельдмаршала о балтийском ландс-вере, состоявшем в основном из прибалтийских немцев: „Большая честь командовать армией, в которой собраны одни джентльмены“. „И в дальнейшем, продолжает автор, — он не раз замечал, что это были лучшие войска, которыми ему довелось командовать“. (Nigel Nicolson. Alex. The Life of Field Marshall Earl Alexander of Tunis. London, 1973, p. 52.)

См. также Н. Толстой, указ. соч., стр. III.

627

А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. тт. 1-2, Париж, 1987, стр. 254.

Жертвы Шпиталля — Лиенца. ВА-МА, архив Позднякова 149/14.Генерал И. Поляков. Правда о Лиенце, там же. Васюта Сердюкова. Трагедия казачьей силы. „Часовой“, там же.

629

Фотографию выдачи Шкуро см. в: Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945.Москва, 1968, стр. 539.

Н. Толстой, указ. соч., стр. 199, 219, 265.

631

Там же, стр. 210, 291.С. Штеменко, указ. соч., стр. 442.Ф. Титов. Клятвопреступники: Неотвратимое возмездие. Москва, 1974, стр. 145.

Цит. по: Н. Толстой, указ. соч., стр. 211.

633

В. Науменко. К десятой годовщине казачьей трагедии. „Наши вести“, No 56 (2193), 1.6.1954.К 12-й годовщине Лиенцевской трагедии. Доклад генерал-майора генштаба В. Г. Науменко 1.6.1957 г. в Нью-Йорке. „Россия“, 12.6.1957.Распятое казачество. Отрывок из воспоминаний о казачьей трагедии в гор. Лиенце на Драве. ВА-МА, архив Позднякова 149/14.Б. Уланов. Лиенц. Казачья Голгофа, там же.

Н. Толстой, указ. соч., стр. 236 и далее.

635

Генерал И. Поляков. Жуткое десятилетие трагедии в Лиенце. „Часовой“, ВА-МА, архив Позднякова 149/14.

И. Поляков. К годовщине трагедии казачьей силы. Выдача русских офицеров советам. „Часовой“, ВА-МА, архив Позднякова 149/14.Н. Толстой, указ. соч., стр. 258 и далее.

637

Henning Vogelsang. Nach Uchtenstein — in die Freiheit. Triesen, 1980, S. 46

Репатриация советских граждан. Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации советских граждан. Москва, 1947, стр. 30, 50.

639

А. Солженицын, указ. соч., стр. 254.

Алтайский. Мои впечатления. ВА-МА, архив Позднякова 149/14.Крюков. Судьба остовцев, там же. См. также Н. Толстой, указ. соч.

641

Содружество Лиенца. Что произошло после Лиенца? Краткая сводка сообщений возвратившихся. „Часовой“, BA-MA, архив Позднякова, 149/14.

Н. Краснов. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957.В. Поздняков. Власовцы в СССР. (Письма Н. Н. Краснова.) „Новое русское слово“, 22-23.12.1964.См. также: М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. Лондон, 1982, т. 2, гл. „Лагерная империя“, стр. 234-241.

643

Карташ. Трагедия освобожденных и вернувшихся. „Свободный Кавказ“, No 11 (14), б/г.

Rapport du Comite International de la Croix Rouge, Geneve, 1948, Bd. 1, S. 562.

645

Письмо исполняющего обязанности государственного секретаря Новикову, 1.2.1945, Foreign Relations of the United States (FRUS), 1945, т. 5, стр. 1067.

Н. Толстой, указ. соч., стр. 461-461.

647

Письмо исполняющего обязанности государственного секретаря Новикову, 3.5.1945, Foreign Relations of the United States (FRUS), 1945, т. 5, стр. 1093.

648

Письмо исполняющего обязанности государственного секретаря Громыко, 23.3.1945.Письмо Новикову, 5.5.1945, там же, стр. 1083, 1094.

649

Н. Толстой, указ. соч., стр. 461, 465.

650

А. Солженицын, указ. соч., стр. 258.Joachim Hoffmann. Die Ostlegionen 1941-1943.Freiburg, 1981, S. 77.Н. Толстой, указ. соч., стр. 466.А. Николаев. Так это было. Ливри-Гарган, 1982, стр. 266.

651

Gerburg Thuning-Nittner. Die Tschechoslowakische Legion. Wiesbaden, 1970, S. 73, 174.

Julius Epstein. Die allierten Zwangsauslieferungen sind unvergessen. In: // Frankfurter Allgemeiner Zeitung, 13.2.1969.Н. Толстой, указ. соч., стр. 317, 466.

653

Earl Ziemke. The US Army in the Occupation of Germany. Washington, 1975, p. 204.

654

Меморандум государственного координационного комитета военно-морского флота государственному секретарю, 9.3.1945.FRUS, 1945, т. 5, стр. 1075.Earl Ziemke, ibid, стр. 415.Н. Толстой, указ. соч., стр. 90.

655

Письмо исполняющего обязанности государственного секретаря Форрестолу, 12.5.1945.Письмо Мерфи, 11.7.1945, FRUS, т. 5, стр. 1095, 1098.E. Ziemke, ibid, p. 415.

656

Письмо исполняющего обязанности государственного секретаря Кеннану, 27.7.1945.Письмо государственного секретаря Кирку, 9.8.1945, там же, стр. 1100, 1104.Н. Толстой, указ. соч., стр. 359.

657

Кемптенская история 12.8.1945 г. ВА-МА, архив Позднякова 149/14. Н. Толстой, указ. соч., стр. 369-370.

658

Коллективное письмо 223 человек офицеров бывшей Русской Освободительной Армии ген. Власова, сентябрь 1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/14, 149/46.Секретное письмо, написанное группой офицеров в лагере Платтлинг, в начале декабря 1945, там же. Письмо ген. Меандрова командиру бригады амер. армии полк. френчу, начало 1946 г., там же. Меандров. Записки отчаявшегося. 5.1.1946 (на нем. яз.), там же. Письмо ген. Меандрова (“Почему я не бежал из американского плена?“), январь 1946, там же. „В комиссии 3-й армии по разбору дела о русских интернированных лагеря Платтлинг“, там же. „Госпоже Элеонор Рузвельт. Спасите наши души!“, январь 1946, там же. „Спасите наши души!“, февраль 1946, там же.

А. Солженицын, указ. соч., стр. 243-283 (глава „Та весна“).

660

А. Нерянин-Алдан. Русское Освободительное Движение и Русская Освободительная Армия, стр. 4.ВА-МА, архив Позднякова 149/60.

661

Роберт Конквест. Большой террор, стр. 964.Joachim Hoffmann. Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4, S.51.

662

Письмо „трех власовцев“. „Свободное слово“, No 1(4), 1946.

Меандров назвал мнимые оборонительные мероприятия советского руководства „давно разработанной и тщательно планируемой подготовкой к нападению“. Это мнение совпадает с высказываниями многих пленных высших советских офицеров. Свидетельства о возможных намерениях СССР начать войну многие авторы находят, между прочим, в речи Сталина перед выпускниками советских военных академий 5.5.1941, подробности о которой сообщали после войны немецкий посол Хильгер и английский корреспондент в Москве Александр Верт. (Gustav Hilger. Wir und der Kreml. Frankfurt am Main, 1956, S. 307.Alexander Werth. Russia at War 1941-1945.London, 1964, p. 122.J. Hoffmann, ibid, S. 72). Однако первое указание на речь Сталина содержится в послании начальника отдела иностранных армий востока в генштабе ОКХ. Здесь говорится о „независимых друг от друга совпадающих сообщениях“ трех пленных советских офицеров. Далее по пунктам перечисляются названные ими основные тезисы речи Сталина: „I. Призыв готовиться к войне против Германии. 2.Разъяснения о подготовке Красной армии к войне. 3.Эра мирной политики СССР кончилась. Назрела необходимость расширения СССР на запад силой оружия. Да здравствует активная наступательная политика советского государства. 4.Начало войны предвидится в довольно скором времени. 5.Разъяснения о блестящих перспективах победы СССР над Германией“. В одном из трех сообщений содержится интересное высказывание, что мирный договор с Германий „это всего лишь обман и маскировка, дающие возможность для работы“. Речь Сталина 5.5.1941, послание полковника Гелена ротмистру фон Этцдорфу (на нем. яз.), ОКХ/генштарм/ отдинармвост, No 4880/42, секретно, 18.10.1942, ПА МИД Бонн, акты Этцдорфа, т. 24.Речь Сталина 5.5.1941, письмо представителя министерства иностранных дел при ОКХ фон Этцдорфа в МИД, No 2279/42, секретно, 22.10.1942, там же. Посол Хильгер 22.7.1943 сообщает о своей беседе с генерал-лейтенантом Масановым: „Масанов проявил хорошую осведомленность насчет речи Сталина на банкете 5.5.1941 г. Хотя сам он не присутствовал на этом мероприятии, он почти дословно процитировал слова Сталина о необходимости готовиться к наступательной войне и от себя добавил, что Сталин скорее всего осенью 1941 года развязал бы войну против Германии“. (Беседа с пленным генерал-лейтенантом Масановым 22.7.1943.Записка советника посольства Хильгера (на нем. яз.), 22.7.1943, ПА МИД,

Бонн, акты Этцдорфа, т. 24). Что касается последнего утверждения, то генерал-лейтенант Ершаков в ноябре 1941 года сказал, что „еще весной 1941 г. в генштабе состоялось заседание, на котором Жуков указал, что в 1941 году войну следует всеми средствами избегать“. (Результаты допроса. Протокол представителя министерства иностранных дел при командовании 4-й армии, генеральный консул Шаттенфро, ноябрь 1941 (на нем. яз.), ПА МИД, Бонн, т. 16.)

С этим совпадает сообщение посла США в СССР А. Гарримана государственному секретарю: „Советское правительство не подписало Женевскую конвенцию и на протяжении всей войны отклоняло всякие инициативы держав-противников по заключению соглашения об обращении с военнопленными, которое могло бы облегчить участь советских пленных в Германии“. 11.6.1945, FRUS, 1945, т. 5, стр. 1097.См. также: А. Солженицын, указ. соч., стр. 225, и примеч. 2 и 18 к главе 5.

А. Солженицын, указ. соч., стр. 243-282.

См. примеч. 47.

E. Ziemke, ibid, p. 288.

Репатриация советских граждан, стр. 38, 42.

669

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 2.2.1946.ВА-МА, архив Позднякова 149/46.

670

Русский врач Быстролетов. „Рабы“, февраль-май 1946, ВА-МА, архив Позднякова 149/14.

671

Выписки из дневника..., 3.2.1946.ВА-МА, архив Позднякова 149/46.

672

Исполняющий обязанности госсекретаря Ачесон писал 29.9.1945 г. государственному секретарю Бирнсу: „Вопрос о применении силы при репатриации советских граждан поднимается на Средиземноморском и на Европейском театре американской армии, что свидетельствует о нежелании командиров применять силу при репатриации“. FRUS, 1945, т. 5, стр. 1106.E. Ziemke, ibid, p. 288.Н. Толстой, указ. соч., стр. 377-378.

673

Письмо посланника Мерфи государственному секретарю, 27.8.1945.FRUS, 1945, т. 5, стр. 1104. Негативное отношение к насильственным выдачам выразил также посол США в СССР А. Гарриман. В письме государственному секретарю 11.6.1945 он писал, что советское правительство считает своих солдат, попавших в плен, дезертирами, а членов добровольческих соединений — врагами. „Вполне возможно, что лица, считающиеся виновными в дезертирстве или антигосударственной деятельности, подлежат расстрелу...“ Там же, стр. 1097.

674

Письмо исполняющего обязанности госсекретаря государственному секретарю(на англ. яз.), 29.9.1945, там же, стр. 1106.

675

Меморандум координационного государственного комитета военно-морского флота государственному секретарю (на англ. яз.), 21.12.1945, там же, стр. 1108.

Из истории РОД. События в Дахау. ВА-МА, архив Позднякова 149/14.Польский документ о насильственной репатриации русских антикоммунистов, там же. Трагедия в Дахау. „Часовой“, там же.

677

Газетная статья: Нечистая совесть. Самоубийство русских военнопленных (на нем. яз.), 21.1.1946.BA-MA, архив Позднякова 149/14.Краткая справка по истории Русского Освободительного Движения, называемого теперь „Власовским Движением“. 1.9.1951, стр. 31, BA-MA, архив Позднякова 149/26.

678

Меморандум Бурмана Мерфи (на англ. яз.), 28.1.1946.Письмо Мерфи государственному секретарю (на англ. яз.), 14.2.1946, FRUS, 1946, т. 5, стр. 141.Государственный секретарь Бирнс занимал в вопросе о насильственных выдачах гораздо более умеренную позицию, чем министр иностранных дел Британии Бевин. Это следует из письма Бирнса исполняющему обязанности государственного секретаря: „Бевин указывает, что при репатриации этой группы (т. е. 500 казаков, ранее принадлежащих власовской армии) не исключено применение силы. Я бы, разумеется, не решился применить насилие“. Там же, стр. 1106.См. также отклоненные начальником восточноевропейского отдела государственного департамента Дарброу инсинуации английского посольства в Вашингтоне. Меморандум о беседе (на англ. яз.), 27.12.1945, там же, стр. 1110.См. также: А. Николаев, указ. соч., Стр. 275.

679

К. Кромиади, указ. соч., стр. 253.Кузнецов. Письмо в редакцию. „Новое русское слово“, 4.10.1961.В документе послевоенного времени „Открытое письмо братьям казакам“ (стр. 13) об Автономове говорится как об агенте НКВД (ВА-МА, архив Позднякова 149/7).

680

Текст моего выступления перед генералом Траскоттом, 31.1.1946.В: К. Кромиади, указ. соч., стр. 283.

E. Ziemke, ibid, p. 420.

682

Выписки из дневника..., 3.3.1946.ВА-МА, архив Позднякова 149/46.См. также: Заметки, там же, 149/14.

683

Н. Толстой, указ. соч., стр. 394.

Освободительное Движение Народов России, стр. 32.ВА-МА, архив Позднякова 149/26.Аз., Платтлинг (24 февраля 1946 года). „Снайпер“. Кузнецов. К 13-й годовщине „Платтлинга и Дахау“. ВА-МА, архив Позднякова 149/14.

685

Письма генерала Мак-Нарни в военное министерство (на англ. яз.), 19.4.1946, 27.4.1946, FRUS, 1946, т. 5, стр. 154.

686

Письмо Объединенного комитета начальников штабов генералу Мак-Нарни (на англ. яз.), 7.6.1946, там же, стр. 170.

687

Выписки из дневника..., 5.2., 6.2., 10.2., 12.2, 18.2.1946.BA-MA, архив Позднякова 149/46.

688

Капитан В. Денисов. История пребывания в плену у американцев генералов Василия Федоровича Малышкина, Георгия Николаевича Жиленкова и группы офицеров штаба ВС КОНР. ВА-МА, архив Позднякова 149/52.

689

Письмо исполняющего обязанности государственного секретаря Мерфи (на англ. яз.), 11.7.1945, FRUS, 1945, т. 5, стр. 1098.Джозеф К. Грю позднее стал одним из критиков Нюрнбергского процесса, выражал свое удовлетворение по поводу освобождения из военной тюрьмы Шпандау адмирала Деница. См. Doenitz at Nuremberg. In: Repraisal. War Crimes and the Military Professionals. H. K. Thompson, Jr., Henry Sturtz, co-editors. N.Y“ 1976, p. 46.

690

См. также Ф. Титов. Клятвопреступники. В: Неотвратимое возмездие, Москва, 1974, стр. 228, 233.

691

Львов. Последние дни РОА в Курляндии. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

692

Ханзен. Служебные записки (на нем. яз.), 1.5.1945, стр. 217.Архив автора. Он же. Заметки (на нем. яз.), стр. 8, там же. Утверждение заместителя начальника центрального управления юридических управлений земель по расследованию нацистских преступлений Штрейма (Alfred Streim. Die Behandlung Sowjetischer Kriegsgefangener im „Fall Barbarossa“. Heidelberg, 1981, S. 187), будто немцы убивали раненых и недееспособных членов „национальных соединений“ и „хиви“, не соответствует истине. Совсем напротив — на добровольцев согласно директиве генштаба ОКХ No 8000/42 (принятой при участии подполковника фон Штауффенберга в августе 1942 г.) распространялась система диспансерного лечения и система обеспечения семей. См. Joachim Hoffmann. Die Ostlegionen, S. 54.(там же, стр. 146 — об обращении с провинившимися добровольцами). Условия лечения и обеспечения были уточнены в приказе о „Денежном вознаграждении членов национальных соединений“ генштаба ОКХ No 1/14124/43 от 29.5.1943, архив автора. Добровольцы в национальных соединениях или немецких частях вермахта, раненные на военной службе, и их родственники в конечном итоге получили такие же права на лечение и обеспечение, как и немецкие солдаты и их семьи. Вообще, в добровольческих соединениях было хорошо поставлено санитарное дело, имелся „национальный“ санитарный корпус, „национальные“ лазареты и дома призрения, а весной 1943 года в Могилеве открылся медицинский научный институт с военным лазаретом для подготовки военных врачей. О санитарном деле в добровольческих соединениях см. Hans Herwarth. Zwischen Hitler und Stalin. Frankfurt am Main, 1982, S. 309.

693

Выписки из дневника..., 5.1, 13.2.1946.BA-MA, архив Позднякова 149/46.Швеннингер. Дополнения (на нем. яз.), стр. 13, ИСИ.

В. Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера, стр. 248.Generalfeld-marschall Wilhelm Ritter von Leeb. Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen. Stuttgart, 1976, S. 309.

695

50 лет Вооруженных Сил СССР. Москва, 1968, стр. 246.История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 1, Москва, 1960, стр. 465.О бессмысленности подобных выражений свидетельствует хотя бы резкое возрастание числа самострелов в Красной армии, особенно перед боями. В мае 1942 года число самострелов было вдвое выше, чем в июле 1941-го. На Северо-Западном фронте в мае 1942 года отмечено почти в девять раз больше самострелов, чем в январе того же года. Вследствие этого главный военный прокурор Красной армии Носов отдал приказ военным прокуратурам фронтов и отдельных армий применять в случае самострелов смертную казнь. Приказ No ОНО, 18.7.1942, ВА-МА Н 20/290.

Philip Buss. The Non-Germans in the German Armed Forces 1939-1945.Phil. Diss., University of Kent at Cantenbury, 1974, p. 124.

В. Ханзен. Служебные записки (на нем. яз.), 9.1.1943, стр. 8, архив автора. „Родина“. Газета соединения войск Русской Народной Армии, No 18, 1.10.1942.Капитан П. Каштанов. РННА — Русская народная национальная армия. ВА-МА, архив Позднякова 149/3.Письмо Дашкевича Позднякову, 2.5.1961, там же. П. Калинин. Участие советских воинов в партизанском движении в Белоруссии. — „Военно-исторический журнал“, 1962, No 10, стр. 32.Саломоновский. Два отклика. -“Россия“, 1.и 3.7.1970.С. Стеенберг. Власов. Австралия, 1974, стр. 66.К. Кро-миади. За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980, стр. 51-103.

В. Ханзен, указ. соч., 12.12.1942, стр. 1.С. Стеенберг, указ. соч., стр. 85.

699

В. Ханзен, указ. соч., 13.12-16.12.1942, стр. 3-8.Схема структуры национальных формирований. ОКХ/генштарм/ генвостарм, No 402/43, секретно, 5.5.1943, BA-MA, RH 111, 1435.Подполковник Д. Наше начало. BA-MA, архив Позднякова 149/48.

С. Стеенберг, указ. соч., стр. 91.

701

Кап. Клименко. Формирование Гиль-Родионова и его конец. Правда о „Дружине“. ВА-МА, архив Позднякова 149/3.К. Доморад. Так ли должны писаться военные мемуары? — „Военно-исторический журнал“, 1966, No 11, стр. 82-93.

702

К. Кромиади, указ. соч., стр. 90.Малявин. Псков. ВА-МА, архив Позднякова 149/3.

703

Отчет о встрече генерал-лейтенанта Власова, генерал-лейтенанта Жиленкова, генералов Малышкина и Благовещенского с полковником Рилем и подполковником Бочаровым в гостинице „Эксельсиор“, Берлин, 17.2.1943 (представлен отделом иностранных армий востока начальнику генштаба армии) (на нем. яз.). Акты Гелена 6, Оккупированные районы и восточная политика, No 3, октябрь 1942 — март 1943.Архив автора. Псков как один из центров РОД, стр. 20.ВА-МА, архив Позднякова 149/39.“Родина“, ВА-МА, архив Позднякова 149/3.

П. Калинин, указ. соч., стр. 33, 35.

705

“Товарищи командиры! Советская интеллигенция!“ в: Ortwin Buchbender. Das tonende Erz. Stuttgart, 1978, S. 222.Бывший командующий 2-й Ударной армии РККА генерал-лейтенант Власов. „Родина“, No 26, 29.10.1942.

706

Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза. В: O. Buchbender, ibid, S. 226.В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес/Сиракузы, 1973, стр. 47.Китаев. Русское Освободительное Движение, стр. 42.ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

707

Почему я стал на путь борьбы с большевизмом? Открытое письмо генерал-лейтенанта Власова. „Заря“, No 17, 3.3.1943.

708

Резолюция, принятая 12 апреля 1943 года на 1-й антибольшевистской конференции бывших командиров и бойцов Красной армии. „Заря“, No 30, 18.4.1943.

709

Поездка генерала Власова в район 16-й армии (на нем. яз.). Командование 16-й армии, отдел 1c, 9.5.1943, BA-MA RH 58/67.Генерал Власов в батальоне „Волга“. BA-MA, архив Позднякова 149/48.Псков как один из центров РОД, стр. 16.BA-MA, архив Позднякова 149/39.С. В., Власов во Пскове. „Голос народа“, No 13(81), 2.8.1952.

710

Поездка А. А. Власова в северо-западные районы оккупированной части СССР. ВА-МА, архив Позднякова 149/48.Михайлов. Приезжает Власов. 15.1.1948.ВА-МА, архив Позднякова 149/3.В. Поздняков, указ. соч., стр. 66.Reinhardt Gehlen. Der Dienst. Mainz, 1971, S. 110.Генерал-майор Малышкин в речи в Париже высказал ту же мысль, что Власов: „Германскому верховному командованию не удалось убедить русских в том, что немецкая армия воюет только против коммунизма, а не против русского народа... Россия никогда не была страной рабов, она никогда не была и не будет колонией“. Речь генерал-майора Малышкина в Париже 24 июля 1943 (в выдержках). ВА-МА, архив Позднякова 149/52.

711

Ко всем военнослужащим Красной армии от командования Русской Освободительной Армии, листовка No 689/1V.43 (на нем. яз.), BA R 6/38.Бойцы, командиры и политработники Красной армии! Командование Русской Освободительной Армии, листовка No 691/1V.43, там же. Что тебе известно о смоленском обращении „Русского комитета“? Добровольцы Русской Освободительной Армии, листовка No 692] 1V.43, там же. Открытое письмо добровольцев Русской Освободительной Армии красноармейцам и советским офицерам, листовка No 751/1V.43 (на нем. яз.), там же. Иллюстрированный боевой путь, No 5, май 1943.Новый путь, No 10(30), 1943.

712

ОКХ/генштарм/генвостарм/орготд II, No 5000/43, секретно, 29.4.1943.ВА-МА 44065/5.Условия пополнения группы армий (на нем. яз.), ОКХ гр. А, 1а, No ../43, секретно, 14.5.1943, ВА-МА 65993/4.

713

Речь генерал-майора Малышкина в Париже.... Ю. Жеребков. Русские дни в Париже. ВА-МА, архив Позднякова 149/52.

714

Речь русского полковника Боярского перед добровольцами восточных батальонов во время инспекционной поездки 26 мая — 16 июня 1943 (на нем. яз.), BA-MA RH 58/67.

Hitlers Lagebesprechungen. Stuttgart, 1962, S. 268.Письмо Хевеля имперскому министру (на нем. яз.), 9.6.1943, АДАР, серия E, т. 6, No 92, стр. 157.См. также Hitlers Lagebesprechungen, S. 263.О большом влиянии пропаганды, проводившейся от имени Власова, на население оккупированных районов, на служащих восточных войск и военнопленных см. записку генштаба армии „Развитие и состояние военной пропаганды на Востоке после осени 1942 (власовская акция)“ (на нем. яз.), АДАП, серия E, т. 6, No 85, стр. 145.См. также: Hans von Herwarth. Zwischen Hitler und Stalin. Frankfurt am Main, 1982, S. 332.

Н. К. Попель. Танки повернули на запад. Москва, I960, стр.

717

В. Чуйков. Гвардейцы Сталинграда идут на запад. Москва, 1972, стр. 71.

Дружинин. Первая листовка А. Власова. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.O. Buchbender, ibid, S. 243, 331.

719

Беседа с пленным генерал-лейтенантом Масановым 22.7.1943.Записка советника посольства Хильгера, 22.7.1943 (на нем. яз.). ПА МИД, Бонн, акты Этцдорфа, т. 24.

720

Иванов. О листовках Власова. ВА-МА, архив Позднякова 149/3.

721

Немецкий генерал в Хельсинки (на нем. яз.), отд. 1c, No 1731/43, секретно, в ОКХ/генштарм/отдинармвост II, 28.7.1943, BA-MA RH 2/v. 2727.

Александров. Торговцы Родиной. „Ленинградский партизан“, 5.4.1943, ВА-МА RH 11ч. 2727.Кокотов. Лжерусский Комитет. „За Советскую Родину“, 29.4.1943, там же. Павлов. Иудушка Власов, там же, 5.5.1943.Советские фронтовые газеты о власовской акции (обзор прессы) (на нем. яз.), 10.6.1943, там же.

723

Главное политическое управление Красной армии. Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера. „За правое дело“, No 76, 4.7.1943, там же. Советская пропаганда о власовской акции (обзор прессы) (на нем. яз.). 18.7.1943, там же.

Joachim Hoffmann. Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs. In: // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4, S. 50.

Joachim Hoffmann. Die Kriegfiihrung aus der Sicht der Sowjetunion, ibid., S. 725.

Там же, стр. 750.

727

Письмо полковника Боярского генералу Власову, июль 1943, акты Гелена б, Оккупированные районы и восточная политика (на нем. яз.), No 2, июнь 1943 — февраль 1944.Архив автора.

728

Беседа фюрера с фельдмаршалом Кейтелем и генералом Цейтцлером 8 июня 1943.В: Hitlers Lagebesprechungen, S. 256, 260, 264.

729

Капитан Дош. Заметки к докладу (на нем. яз.), 2.2.1943.BA-MA RH 111.2728.Структура национальных соединений. ОКХ/ генштарм/генвостарм, No 402/43, секретно, по состоянию на 5.5.1943, BA-MA RH 2/v. 1435.По сообщению начальника полиции нравов Далюга, численность войск, подчиненных рейхсфюреру СС, в 1942 году возросла от 33 тысяч до 300 тысяч человек. См. Helmut Krausnick, Hans-Heinrich Wilhelm. Die Truppe des Weltanschauungskriegs. Stuttgart, 1981, S. 170.

730

Смиренный Алексей, Митрополит Ленинградский. Архипастырское послание к пастырям и пастве в городах и селах области, пока еще занятых вражескими войсками. 12/25.4.1943, BA-MA RH 2/v. 2727.

К. Кромиади, указ. соч., стр. 133.

732

Слово Митрополита Анастасия (радиозапись). „Воля народа“, No 3(4), 22.11.1944.Из архипастырских посланий. Митрополит Анастасий, там же, No 3 (16), 7.1.1945.К. Кромиади. К истокам Освободительного движения. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.Кружин. Хроника КОНРа. 19.11.1944, ВА-МА, архив Позднякова 149/27.

733

Митрополит Сергий, начальник канцелярии И. Гримм. Религиозное обслуживание власовской армии (на нем. яз.), BA NS 30/152.

734

Председатель Собора Епископов Белоруссии митрополит Пантелеймон Комитету Освобождения Народов России. „Воля народа“, No 3(16), 7.1.1945.

735

Хмыров (Долгорукий). Страшное злодеяние. „Голос Родины“. ВА-МА, архив Позднякова 149/56.

К. Кромиади. За землю, за волю..., стр. 100.Сергей Фрелих. Рукопись (на нем. яз.), стр. 11.Архив автора. Умер капитан И.Д. Гримм. ВА-МА, архив Позднякова 149/48.

Отвечай, изменник Власов! Власов — агент немецких фашистов. BA-MA RH 2/v. 2727.Как Власов продал крестьян немцам?, там же. Русский не будет братоубийцей, там же. Смерть фашистскому наймиту Власову!, там же. Убей предателя Власова (на нем. яз.), там же. Политическое управление Северо-Западного фронта. Кто такой Власов?, там же.

И. И. Сергунин. До этого мы занимались разложенческой работой в РОА. В: Оборона Ленинграда 1941-1944. Воспоминания и дневники участников. Ленинград, 1968, стр. 351.

739

Кого обманывает изменник генерал Власов (на нем яз.), BA-MA RH 2/v. 2727. К солдатам так называемой „Русской освободительной армии“ и полицаям (на нем. яз.), там же. К вам наше слово, солдаты Власова!, там же. Что такое РОА? (на нем. яз.), там же. Политуправление Северо-Западного фронта. Русские, украинцы, все бывшие красноармейцы, находящиеся в фашистском плену и завербованные на службу в немецкую армию!, там же. Решающий час близок! На чьей вы стороне?, там же. Военный совет Северо-Западного фронта. Ко всем бывшим военнопленным, русским, украинцам, белоруссам и другим гражданам, завербованным на службу в германскую армию, 15.8.1943, там же.

На Северо-Западном фронте 1941-1943.Москва, 1969, стр. 5.

741

Minutes of Ambassador Romer's conversation with President Stalin and „;Molotov, 26/27.2.1943. Documents on Polish-Soviet Relations. London, 1967, v. 1, ˆ 295, p. 490.

На родину (на нем. яз.). ВА-МА, архив Позднякова 149/3.“

743

Задания по борьбе с бандой Власова. По сообщению перебежчика-партизана Йетрова, перебежавшего 27.4.1943 (на нем. яз.). BA-MA RH 2/v. 2727.Задачи советской агентуры по борьбе с Власовым (на нем. яз.), 31.5.1943 (в том числе радиоперехваты No 18 и 22 руководителя оперативной группы при штабе Северо-Западного фронта), там же. См. также: Оборона Ленинграда..., стр. 778.

Karl-Heinz Frieser. Krieg hinter Stacheldraht. Mainz, 1981, S. 92.

745

Итоги допросов шпиона Семена Николаевича Капустина (на нем. яз.). Отдинармвост (III), перевод, No 23/43, 22.7.1943, BA-MA RH 2/v. 2727.Допрос шпиона Капустина, среди заданий которого значилось создание террористических Групп с целью убийства Власова. Записка советника посольства Хильгера (на нем. яз.), 27.7.1943, ПА МИД, Бонн, Акты Этцдорфа, т. 24.По сообщению Кромиади, Власов просил о помиловании Капустина (К. Кромиади, указ. соч., стр. 130).

Leopold Trepper. Die Wahrheit. Munchen, 1975, S. 218.

747

Предложения по усилению власовской акции. Докладная записка (на нем. яз.). BA-MA RH 2/v. 2727.

748

Отчет об инспекционной поездке командующего восточными войсками особого назначения в сопровождении русского полковника Боярского 25.5 16.6.1943 (на нем. яз.), No 17/43, секретно, 24.6.1943, BA-MA RH 58/67.Заметки о высказываниях русского полковника Боярского (на нем. яз.), 22.5.1943, там же. Зондерфюрер Тройгут. Высказывания русского полковника Боярского о политической ситуации и перспективах, услышанные мною в частных беседах (на нем. яз.), там же. Настроения в русских добровольческих батальонах (мои личные впечатления) (на нем. яз.), там же.

749

“Развитие и состояние военной пропаганды на востоке с осени 1942 года(власовская акция)“ (на нем. яз.), АДАП, серия Е, т. 6, No 85, стр. 145.

750

Германская миссия в Стокгольме. Шведская пресса о формировании Русской Освободительной Армии генерала Власова (на нем. яз.), No P 1369, 2.6.1943, ПА МИД, Бонн, представитель МИД, Имперский комиссар по Украине, т. 4.См. также сообщение германской миссии в Хельсинки, No 1261, 10.6.1943, там же.

751

Письмо Томсена в МИД (на нем. яз.), 17.6.1943, АДАП, серия E, т. 6, No 100,стр. 182.

752

Письмо Папена в МИД (на нем. яз.), 12.8.1943, там же, No 222, стр. 391.

753

См. примеч. 55.Власовская акция. Записка советника посольства Хильгера (на нем. яз.), 29.6.1943, АДАП, серия E, т. 6, No 122, стр. 212.См. также: Hitlers Lagebesprechungen, S. 254, 256, 260, 268.

Там же, стр. 256, 260, 264.H. Kr. Zu Hitlers Ostpolitik im Sommer 1943.In: // Vierteljahrehefte fur Zeitgeschichte, 1954, H. 4, S. 308.

755

Из письма полковника Боярского генералу Власову: „Короче говоря, я еще раз прошу Вас предпринять в Берлине решительные шаги, иначе все полетит к черту“* (см. примеч. 39).

756

Личное дело генерал-майора Будыхо (на нем. яз.), BA-MA RH 19 III/251.Письмо фельдмаршала фон Кюхлера фельдмаршалу Бушу (на нем. яз..), 15.10.1943, там же. Письма Буша Кюхлеру, 18.10.1943, 25.10.1943, там же.

Оборона..., стр. 355.

758

Примеры см.: Верховное командование 2-й армии, 1a, No 2749/43, секретно, командующему восточными войсками особого назначения 720 (на нем. яз.), 9.8.1943, BA-MA RH 20-2/636.Командование группы армий „Центр“, 1a, No 9058/43, секретно, командованию 2-й армии, 19.8.1943, там же. Фельдмаршал Кейтель, No 1050/43, секретно, командованию группы армий „Север“, 26.9.1943, BA-MA RH 19 III/251.

759

1-е управление фронтовой пропаганды „Восток“, No 30396/44, в ОКХ] генштарм/отдинармвост, 16.1.1945, BA-MA RH lit. 2623.См. также беседу генерал-майора Детлефсена у генерал-майора Трускова (советская контрольная комиссия), заместитель начальника штаба вермахта, 20.5.1945, BA-MA OKW

760

Сообщение Военной коллегии Верховного суда СССР. — „Известия“, No 181, 2.8.1946.

“Правда“, 17.1.1947.

762

Статью о П. Краснове см. в: Советская Военная Энциклопедия. Москва, 1978, т. 4, стр. 424.О Шкуро — там же, Москва, 1980, т. 8, стр. 521.

763

В. Коршунов и Б. Хабаров. Организация и осуществление управления войсками в армейских оборонительных организациях. — „Военно-исторический журнал“, 1977, No 8, стр. 22.А. Казанцев. Генерал Жиленков. ВА-МА, архив Позднякова 149/52.Генерал Жиленков Г. Н., там же.

Генерал Б. Хольмстон-Смысловский. Личные воспоминания о генерале Власове. В: Избранные статьи и речи, Буэнос-Айрес, 1973, стр. 38.Boris Souvarine. Stalin. Munchen, 1980, S. 621.

765

В. Поздняков. Генерал-майор Федор Иванович Трухин. В: Рождение РОА. Буэнос-Айрес — Сиракузы, 1972, стр. 255.Суварин пишет о том, что в западных странах, в частности во Франции, проблему Власова старались по возможности замолчать. B. Souvarine, ibid, S. 621, 624.

766

П. Григоренко. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981, стр. 216.

767

Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945.Председатель К. Ворошилов, секретарь Н. Пегов, Москва, Кремль, 17.9.1955, ВА-МА, архив Позднякова 149/12.

См.: „За возвращение на Родину“, No 12, октябрь 1955, No 44, сентябрь 1956, No 65, ноябрь 1956, ВА-МА, архив Позднякова 149/12.Послание председателя Комитета Н. Михайлова, No 70/56/3, 17.1.1956, там же. Радиостанция За возвращение на Родину, 5.1.1957, 14 часов, там же. Обращение Комитета За возвращение на Родину, там же.

769

Амнистия...

Гимн ненависти. — „Наше общее дело“, No 23, ВА-МА, архив Позднякова 149/12.Шум вокруг рассказа Сергея Воронина о власовце. — „Новое русское слово“, 13.11.1959.В. Поздняков. Почему? Власовцы в Советском Союзе, там же, 16.2.1967.

771

С. Смирнов. Именем солдата. — „Литературная газета“, No 132, 27.10.1959.О роли С. Смирнова в клеветнической кампании против Б. Пастернака см.: М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. Лондон, 1982, т. 2, стр. 346-347.

Дело Брунтса. — „Посев“, No 50 (813), 10.12.1961.

Василакий. Путь к правде. — „Известия“, No 209, 2.9.1962.С. Н. Любопытная перекличка. — „Новое русское слово“, 19.10.1962.

А. Васильев. В час дня. Ваше превосходительство. Москва, 1967.В. Поздняков. Новое задание. О власовцах в советской литературе. — „Новое русское слово“, 30.11.1967.Он же. Чекистская „достоверность“, там же, 14.2.1970.

Мартынов. Правда о власовцах. — „Голос Родины“, No 89, ноябрь 1965.

А. Кривицкий. Отголоски прошлого. — „Литературная газета“, 1970, No 1.

777

А. П. Теремов. Пылающие берега. Москва, 1965, стр. 273.

П. Жилин. Проблемы военной истории. Москва, 1975, стр. 291, 289, 325.

779

А. Калягин. По незнакомым дорогам. Москва, 1969, стр. 270.

780

П. Огин. Командир передовой дивизии. — „Правда“, 1940, No 237.

781

Новые методы боевой учебы. — „Красная звезда“, 3.10.1940.Генерал Власов — по новым советским материалам. — „Новое русское слово“, 6.7.1970.

П. Григоренко, указ. соч., стр. 217.

783

Награждение начальствующего и рядового состава Красной армии. „Известия“, 23.2.1941.Материалы к биографии Власова см.: Андрей Андреевич Власов (Краткая биография), 1944, ВА-МА, архив Позднякова 149/1.А. Р. Кто такой генерал Власов? 19.5.1948, там же. Памяти вождей Освободительного Движения. 2 августа 1946 г. — 2 августа 1949 г. Сборник статей, там же. Шатов. Материалы и документы Освободительного Движения народов России в годы второй мировой войны. Нью-Йорк, 1966.

И. Стрижков. Герои Перемышля. Москва, 1969, стр. 18.

785

История Великой Отечественной войны советского народа. Москва, 1961, т. 2, стр. 42.И. Баграмян. Героическая оборона. „Военно-исторический журнал“, 1963, No 10, стр. 64.

Московская битва в цифрах, — „Военно-исторический журнал“, 1967, No 1, стр. 99.

787

И. Эренбург. Перед весной. — „Красная звезда“, 11.3.1942.

И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Собрание сочинений, т. 9.Москва, 1967, стр. 308-310.Самарин. Эренбург о Власове. — „Новое русское слово“, 3.5.1963.

789

К. Мерецков. На службе народу. Москва, 1970, стр. 275.

История..., т. 2, стр. 470.Против утверждения советской историографии, будто гибель 2-й ударной армии была вызвана изменой или некомпетентностью Власова, возразил еще Солсбери, заметивший, что на этот вопрос падает мрачный отсвет советской внутренней политики (Harrison Salisbury. 900 Tage. Frankfurt am Main, 1970, S. 516, 522). См. также критику в адрес Солсбери в статье: А. Щелоков и Н. Комаров. Оборона Ленинграда в ложном свете мистера Солсбери. — „Военно-исторический журнал“, 1970, No 6, стр. 85-91.

791

К. Мерецков. На волховских рубежах. — „Военно-исторический журнал“, 1965, No 1, стр. 55.Он же в кн.: Оборона Ленинграда, стр. 188.Он же. На службе народу..., стр. 282.

792

А. Василевский. Дело всей жизни. Москва, 1970, стр. 184.

793

Генерал-майор Иван Михайлович Антюфеев. Враги просчитались. ВА-МА, архив Позднякова 149/12.

794

Военный дневник ОКВ, т. 2/1, стр. 77, 29.6.1942, стр. 460.

795

А. Тишков. Предатель перед советским судом. — „Советское государство и право“, 1973, No 2, стр. 89.

А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. Париж, 1974, стр. 257-258.

А. Василевский, указ. соч., стр. 186.

П. Жилин. Контрнаступление Кутузова. Москва, 1950.Он же. Разгром турецкой армии в 1811 году. Москва, 1952.Он же. Контрнаступление русской армии в 1812 году. Москва, 1953.Он же. Гибель наполеоновской армии в России. Москва,1974.

799

П. Жилин. Как Солженицын воспел предательство власовцев. „Известия“, No 24, 29.1.1974.

800

К. Мерецков. На службе народу..., стр. 297.

801

Н. Чистяков. На страже социалистической законности. Москва, 1968.А. Цветков. Полвека на страже социалистической законности. „Военно-исторический журнал“, 1969, No 8, стр. 109-113.Сообщения государственной библиотеки СССР имени В.ИЛенина (Н. Г. Самохина), No М 108, 10.12.1980.Архив автора.

802

Н. Минасян. Международные преступления третьего рейха. Саратов, 1977, стр. 371.

803

В. Михайлов. Возмездие. В: Неотвратимое возмездие, Москва, 1973, стр. 349.

Н. Минасян, указ. соч., стр. 376.

805

С. Николаев. Что кроется за „формулой самооправдания“. — „Голос Родины“, No 8, январь 1970.

Н. Минасян, указ. соч., стр. 382.

807

Там же, стр. 379.

808

Г. Корнец. Его профессия — провокатор. — „Голос Родины“, декабрь 1966.

809

Ценное собрание полковника Позднякова о Русском Освободительном Движении при посредстве автора передано в Военный архив во Фрейбурге.

810

В. Карцев. Портрет предателя без ретуши. — „Известия“, 29.9.1968.

811

С. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны, т. 2, стр. 439.

812

С. Зорин. Крокодиловы слезы Кромиади. В: Они среди вас, Москва, 1969, стр. 9-11.

813

В. Ков. Бизнес Сахарова — преступления, там же, стр. 12.

В. С. Прислужник обер-предателя, там же, стр. 14-16.

815

Г. Корнец. Без пяти минут гитлеровский генерал, там же, стр. 17.

816

С. Николаев. Предатели и их радетели. — „Голос Родины“, июнь 1970.

817

На самом деле полковник Поздняков еще в бытность свою в Риге занимался защитой прав своих земляков. См. письмо поручика Балтинша полковнику Позднякову, представителю Русской Освободительной Армии в городе Риге, 26.5.1944.BA-MA, архив Позднякова 149/26.

818

Старший прокурор ландгерихта Бонн. Определение суда о прекращении производства по делу от 30.3.1961.Архив автора. Germann Raschhofer. Der Fall Oberlander. Tiibingen, 1962.Переписка автора с проф. Оберлендером, 1968-1979 гг., беседы 13-14 9.1969, 8-9.7.и 18.12.1970, 14.1.1971, 23.10.1976.

819

Der Diplomat. Eine Festschrift zum 70.Geburtstag von Hans von Herwarth. Ingolstadt, 1974.Hans von Herwarth. Zwischen Hitler und Stalin, S. 241-261, 262-277, 286-304, 305-331, 332-344.Переписка автора с Гансом фон Гервартом, 1970-1982.Беседы 11-13.5.1977, 10-11.6.1980.

Московское искусство лжи. Ответ д-ра Баймирзы Хаита газете „Известия“. Архив автора. В связи с этим уместно описать судьбу Ермака Лукьянова, бывшего командира дивизиона в Калмыцком кавалерийском корпусе. После войны Лукьянов жил в Бельгии, получил бельгийское гражданство. В 1968 г. он, имея легальную туристическую визу, поехал в СССР, где был арестован. Лукьянов провел 15 лет в советских психиатрических больницах, после чего был признан вменяемым и на получившем большую огласку процессе в Элисте летом 1983 года приговорен Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа к смертной казни. В заявлении ТАСС от 16.8.1983 основанием для приговора были названы военные преступления. На самом деле приговор был вынесен по статье 64, пункт „а“, УК РСФСР 1978 г. (измена Родине). Этот приговор противоречит указу Президиума Верховного Совета СССР от 17.9.1955 об амнистии советских граждан, во время войны сотрудничавших с немцами. Приговор Лукьянову привлек внимание бельгийской и всей западной прессы. Европейский парламент в Страсбурге заявил протест против смертного приговора и, как и 260 депутатов бельгийского парламента, призвал к освобождению Лукьянова. Лукьянов был расстрелян в середине мая 1984 г.

821

Wnston Churchill. Nach dem Kriege. Zurich, 1930, S. 157, 261, 265.

822

Роберт Конквест. Большой террор, стр. 949 и далее (глава „Масштаб потерь“). Joachim Hoffmann. Die Sowietunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4, S. 38-97.

823

Передача функций ведения особых судебных процессов в службе иммиграции и натурализации департамента юстиции в уголовный отдел департамента юстиции. Главный прокурор Бенджамен Р. Чивилетти, распоряжение No 851-79, 4.9.1979.Архив автора.

824

Краткое описание особых судебных процессов, отдел особых расследований, департамент юстиции, 24.12.1981.Архив автора.

825

Письмо Ф. Басса автору, 7.12.1980.О диссертации Басса „Иностранные служащие в немецких вооруженных силах“ автору сообщил заместитель отдела особых расследований Артур Синай в письме от 22.1.1980.

826

Письмо директора отдела особых расследований Аллана А. Райана автору, 10.2.1982.

Так, автор этих строк 17 сентября 1979 года встретился во Фрейбурге с представителем отдела особых расследований департамента юстиции Спенсером, знающим и объективным историком, и изложил ему свою точку зрения на проблему добровольческих соединений и РОА, а также поделился с ним своими наблюдениями О методах советской пропаганды в этом вопросе. Запись беседы с Дональдом И. Спенсером находится в архиве автора.

828

Текст нот в архиве автора.

829

А. Тишков. Предатель перед советским судом. — „Советское государство и право“, 1973, No 2, стр. 90.

830

После процесса над членами польского правительства в изгнании, руководителями польских демократических партий и последнего командующего польской Армией Крановой (21.6.1945) в Москве генерал-полковник юстиции В. Ульрих и после войны оставался председателем военной коллегии Верховного Суда СССР. См. Documents on Polish-Soviet Relations 1943-1945.London, 1967, v. 2, p. 614.Так, 26-30 августа 1946 года, через несколько недель после власовского процесса, Ульрих проводил процессы генерал-лейтенанта белой армии Семенова и других, во всех случаях был вынесен смертный приговор. Выписка из приговора по делу атамана Семенова и др. ВА-МА, архив Позднякова 149/14.

831

П. Григоренко. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981, стр. 216.

832

Leopold Trepper. Die Wahrheit. Munchen, 1975, S. 319.М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. Лондон, 1982, т. 2, стр. 165.

833

В. Поздняков. Суд над генералом Власовым. В: В. Поздняков. Андрей Андреевич Власов. Буэнос-Айрес — Сиракузы, 1973, стр. 482.

834

А. Тишков, указ. соч., стр. 89.Ф. Титов. Клятвопреступники. — В: Неотвратимое возмездие, Москва, 1973, стр. 214.Последние часы генерала Власова (на нем. яз.), 20.3.1973, архив автора.

А. Тишков, указ. соч., стр. 98.

836

Манифест Комитета Освобождения Народов России. — „Воля народа“, No 1, 15.11.1944.

837

Китаев. Русское Освободительное Движение, стр. 48.ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

А. Тишков, указ. соч., стр. 89, 95.Ф. Титов, указ. соч., стр. 214.

839

Визит генерала Власова. Сообщение капитана Кнота, руководителя отдела пропаганды Остландии (на нем. яз.), BA-MA RL 111.3058a. В пресловутом пропагандистском лозунге „унтерменш“ (недочеловек) несомненно есть антисемитский оттенок (вопреки утверждению некоторых авторов, см., например, Helmut Krausnick, Hans-Heinrich Wilhelm. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Stuttgart, 1981, S. 123), но нет специфически антирусского нюанса. Так, под это определение подпадали Черчилль, Рузвельт и Ля Гвардия. Что касается русских, то они считались жертвами чудовищного „унтерменшства“, воплощенного в большевизме. Подпись под одной из фотографий, например, гласит: „Женщины Европы, поучитесь плакать у этой русской!“

“Воля народа“, No 12 (85), 18.2.1945.

841

Высказывания русского полковника Боярского о политической ситуации и перспективах (на нем. яз.). BA-MA RH 58/67.

842

В единении наша сила. На собраниях наших соотечественников-рабочих в Германии. — „Воля народа“, No 12 (13), 23.12.1944,

843

Pjotr Grigorenko. Erinnerungen. Munchen, 1981, S. 174.См. также: А. Николаев. Так это было. Ливры-Гаргант, 1982, стр. 270.

844

Поручик РОА Дмитриев. „У нас есть идейный и боевой центр“. „Воля народа“, No 3 (4), 22.11.1944.

845

Ф. Бухардт. Рукопись 1946 (на нем. яз.), стр. 9.ВА-МА, архив Стеенберга. К. Кромиади. За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980, стр. 173.М. Геллер, А. Некрич, указ. соч., т. 2, стр. 159.

С. Ауски. Предательство и измена. Сан-Франциско, 1982, стр. 226.Mark Elliot. Andrej Vlasov. Red Army General in Hitler's Service. „Military Affairs“, v. XLVI, 1982, N 2, p. 87.

847

В обзоре иностранной прессы из Берна за 6.12.1944 говорится: „НЦЦ“ комментирует появление „Воли народа“. ПА МИД, Бонн, акты Мегерле, т. 7/4.Китаев, указ. соч., стр. 50.

Р. Конквест. Большой террор, стр. 902.Boris Souvarine. Stalin. Munchen, 1980, S. 621.

849

L. Schapiro. Der politische Hintergrund. — „Die Rote Armee“, Bonn, 1956, S. 104.

850

С. Фрелих. Рукопись (на нем. яз.), стр. 22.Архив автора. С. Ауски, указ. соч., стр. 294.

851

Краткая информация о важнейших принципах идеологии Комитета Освобождения Народов России (на нем. яз.), 23.12.1944, BA NS 31/33.Краткая заметка о Комитете Освобождения Народов России (на нем. яз.), 23.12.1944, BA NS 31/28.

В. Поздняков, указ. соч., стр. 258, 274.Он же. К статье г-жи Н. Логуновой „Правда в американском журнале о Власове“. ВА-МА, архив Позднякова 149/56.

853

Заметки оберфюрера СС д-ра Крёгера о беседе у рейхсфюрера СС 8.1.1945 (на нем. яз.). BA NS 31/33.

854

Генерал-лейтенант Жиленков в Братиславе. Информационное бюро Комитета Освобождения Народов России. Наша цель — свобода народов, речь генерала Жиленкова перед представителями словацкого народа в Братиславе 8 января 1945 г. — „За Родину“, No 5(19), 18.1.1945.См. также подробное изложение речи в кн. С. Ауски, указ. соч., стр. 73.

855

Кестринг. Власов (на нем. яз.), 31.1.1946, стр. 9.BA-MA, архив Позднякова 149/8.Об отношении генерала Кестринга к Власову см. также: Hans von Herwarth. Zwischen Hitler und Stalin. Frankfurt am Main, 1982, S. 333.

G. Katkow. German Foreign Office Documents on financial support to the Bolsheviks in 1917.- „International Affairs“, v. 32, N 2, 1956, p. 181 — 189.

Werner Hahlweg. Lenins Reise durch Deutschlahd im April 1917.“Vierteljahrs-hefte fur Zeitgeschichte“, 1957, N 4, S. 307 — 333.

Pjotr Grigorenko, ibid, S. 174.

859

К. Кромиади. Суд или расправа? — „Новое русское слово“, 18.5.1973.

А. Тишков, указ. соч., стр. 94.

861

Ф. Бухардт. указ. соч., стр. 1, 4, 14.BA-MA, архив Стеенберга. Он же, 27.2.1966, стр. 4, там же. Письмо д-ра Фр. Бухардта, б/д, там же.

862

А. Тишков, указ. соч., стр. 91.

863

Соглашение между правительством Великого Германского рейха и президентом Комитета Освобождения Народов России (на нем. яз.), 18.1.1945.АДАП, серия Е, т. 8, No 341.Кредитное соглашение. — „Воля народа“, No 8 (21), 24.1.1945. Орлов. На чьи деньги создавалось Русское Освободительное Движение? В: К. Кромиади, указ. соч., стр. 279.

А. Тишков, указ. соч., стр. 96.Ф. Титов, указ. соч., стр. 225.

865

Письмо имперского министра Розенберга посланнику фон Зоннлейтнеру (на нем. яз.), 21.10.1944.АДАП, серия E, т. 8, No 297.Докладчик Вильгельмштрассе об Освободительном Движении генерала А. А. Власова. В: Русское Освободительное Движение, Шанхай, 1944-45, стр. 29.

Фр. Бухардт, указ. соч., стр. 11.Китаев, указ. соч., стр. 63.

867

Народы России объединяются для борьбы с большевизмом. Информационное бюро Комитета Освобождения Народов России. — „Воля народа“, No 1, 15.11.1944.

К. Кромиади, указ. соч., стр. 175.

869

Информационное сообщение. Информационное бюро Комитета Освобождения Народов России. — „Воля народа“, No 11, 20.12.1944.Joachim Hoffmann. Deuteche und Kalmyken 1942 bis 1945.Freiburg, 1975, S. 154, 198.

К. Кромиади, указ. соч., стр. 182.

В. Поздняков, указ. соч., стр. 325.“О юридическом отделе“, ВА-МА, архив Позднякова 149/8.Председатель Научного совета проф. д-р. Москвитинов. К сведению научных работников. — „Воля народа“, No 9 (22), 27.1.1945.Он же. Задачи Научного совета, там же, 31.1.1945.

872

К сведению работников просвещения, там же, 31.1.1945.

873

Доклад председателя Организационного комитета СМНР, 22.3.1945.ВА-МА, архив Позднякова 149/6.Инструкция No 1 Центрального организационного комитета Союза молодежи народов России, председатель Дьячков, 24.3.1945, там же. Временное положение о Союзе молодежи народов России, там же. Молодежь народов России! Обращение Организационного комитета Союза молодежи народов России, там же.

874

Медицинское управление... объявляет регистрацию всех медицинских работников.- „Воля народа“, No 5, 29.11.1944.

Ф. Б. Красный Крест при Комитете освобождения народов России, там же.

Народная помощь, там же, No 4 (17), 10.1.1945.Речь Г. Алексеева о Народной помощи. — „За Родину“, No 3 (17), 11.1.1945.Народная помощь Комитета Освобождения Народов России. Сообщения для командиров восточных войск особого назначения и штабных офицеров национальных вспомогательных сил (на нем. яз.), No 21, гендобрс ОКХ, No 3/201/45, секретно, 1.3.1945.Архив автора.

877

А. Казанцев. Третья сила. Франкфурт на Майне, 1974, стр. 257.

878

Объявление. Организационно-методический отдел ГУП. — „За Родину“, No 2 (16), 7.1.1945.

А. Казанцев, указ. соч., стр. 293.

880

Радиостанция Комитета Освобождения Народов России. — „Воля народа“, No 1, 15.11.1944.Автобиография Дудина Льва Владимировича. ВА-МА, архив Позднякова 149/29.

881

КОНР. ВА-МА, архив Позднякова 149/27.

882

Совет по делам вероисповеданий при Комитете Освобождения Народов России. — „За Родину“, No 5 (19), 18.1.1945.

883

А. Тишков, указ. соч., стр. 95.

Ф. Титов, указ. соч., стр. 233.

885

Письмо посла Гарримана государственному секретарю, 11.6.1945, FRUS, 1945, v. 5, p. 1097.Н. Толстой. Жертвы Ялты. Париж, 1988, стр. 442.

Nikolai Galay. Political Groups. In: „Genocide in the USSR“, Miinchen, New York, 1958, p. 228.

887

Терехов. Чудовищное преступление большевиков в Круппе-Мюле. „Воля народа“, No 8 (21), 24.1.1945.Злодейский расстрел русских и украинских рабочих советскими танкистами. — „За Родину“, No 8 (22), 28.1.1945.

888

Сводка о положении в Берлине днем 27 января 1945.В: Hitlers Lage-besprechungen. Stuttgart, 1962, S. 844.

Н. Толстой, указ. соч., стр. 453-454.

890

См. примеч. 13.

891

Выступления бывших советских офицеров перед восточными рабочими (на нем. яз.), 21.3.1944.Архив автора. Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 40, там же.

892

К. Кромиади, указ. соч., стр. 196.Каштанов. Поездка в Верхнюю Силезию. ВА-МА, архив Позднякова 149/8.

893

В гражданском управлении Комитета Освобождения Народов России. Интервью с начальником управления генерал-майором Закутным. — „Воля народа“, No 7, 6.12.1944.

894

Новый подъем Освободительного Движения. Речь председателя Комитета Освобождения Народов России А. А. Власова на заседании Комитета 17 декабря 1944 г., там же, No 11, 20.12.1944.

895

Конгресс русской молодежи. — „Воля народа“, No 7, 6.12.1944.Положение о значке Союза молодежи народов России (СМНР), ВА-МА, архив Позднякова 149/6.

896

См. примеч. 65.

897

Владимир Б.... Полевая почта 19000.Центральное справочное бюро. „За Родину“, No 6 (20), 21.1.1945.См. Розыски. — „Воля народа“, No 2, 18.11.1944.

898

Ф. Богатырчук. Лепта рабочего. — „Воля народа“, No 6, 3.12.1944.См. Сообщения Народной помощи, там же, No 1 (14), 1.1.1945, No 8(21), 24.1.1945, No 9 (22), 27.1.1945 и другие.

899

Детская елка. „Ручьи текут из капель дождевых“. — „За Родину“, No 3 (17), 11.1.1945.См. примеч. 48.

900

Письмо Розенберга Бергеру, 23.11.1944, BA R 6/38.Доктор Н. По поводу..., стр. 110.

901

См. примеч. 25.Старания КОНР по улучшению положения восточных рабочих были подготовлены генералом добровольческих соединений. После передислокации в район восточного фронта добровольцы собственными глазами убедились в бедственном положении восточных рабочих. „На основании их жалоб и сообщений“ генерал добровольческих соединений обратился с настоятельными представлениями в различные имперские министерства. В результате его усилий 24.10.1944 года генштаб ОКХ издал документ на русском языке со следующими распоряжениями (документ находится в архиве автора):

1. Упразднить нагрудный знак восточных рабочих.

2.По разнарядке имперского министерства продовольствия от 26.7.1944, разосланной в управления продовольствия земель, улучшить обеспечение восточных рабочих в рамках существующего положения с продуктовыми рационами.

3. Уравнять восточных рабочих при оплате труда с прочими иностранными рабочими.

4. В ответ на просьбу генерала добровольческих соединений имперский министр доктор Геббельс, будучи уполномоченным рейха по всем проблемам ведения войны, в послании от 29.9.44 распорядился о продолжении обслуживания добровольцев, а также восточных рабочих, национальными группами артистов...“ Однако, как отмечается в документе от 24.10.1944, эти мероприятия „частично... находились еще в подготовительной стадии“.

902

Заметки оберфюрера СС доктора Крёгера о беседе генерала Власова с рейхсмаршалом Герингом, 4.2.1945.Архив автора. Б. Плющев-Власенко. Крылья свободы, стр. 61, там же.

903

Доктор Н. По поводу..., стр. 109.

См. примеч. 45 (Доклад...) и примеч. 67 (Положение...).

905

Главное Гражданское управление КОНР. ВА-МА, архив Позднякова, 149/6.Борьба за права „остовских рабочих“. — „Борьба“, ВА-МА, архив Позднякова, 149/27.

Б. Плющев-Власенко, указ. соч., стр. 103.

907

Днепровский. Освобождение советских военнопленных. — „За Родину“, No 5 (19), 18.1.1945.

908

А. Спиридонов. Формы и методы устной пропаганды. Дабендорф, 1945, стр. 4, 39.К личности полковника Спиридонова: автобиографические данные полковника Спиридонова. Сводка No 678, 9.6.1947.ВА-МА архив Позднякова, 149/29.Умер полковник РОА Алексей Иванович Спиридонов, там же. Д-р. К. Алексей Иванович Спиридонов. Некролог, там же.

909

“Доклады лейтенанта Агеенкова русским командирам встречают теплый прием отчасти и потому, что этим людям наконец-то представилась возможность выразить свои жалобы и пожелания на родном языке, в надежде, что данное лицо сможет помочь в разрешении их проблем“. Из сообщения майора Ламмерера в зенитную группу „Швейнфурт“ (на нем. яз.), 30.1.1945, BA-MA RL 12/77.

910

Обращение. — „Воля народа“, No 4 (17), 10.1.1945.

911

Выписки из дневника генерал-майора Бородина, 23.7.1945.ВА-МА архив Позднякова 149/46.

912

И. Эренбург. Война. Москва, 1942, стр. 317.

913

П. Жилин. Проблемы военной истории. Москва, 1975, стр. 291, 289, 325.

914

Otto Munter. Die Ostfreiwilligen. In: Damals. Zeitschrift fur Geschichtliches Wissen. 1979, H. 3, S. 207-226.

915

М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти, Лондон, 1982, т. 2, стр. 150. Суварин, некогда близкий к Ленину и Троцкому, замечает в своей книге о Сталине, что народы, жившие под сталинским режимом, считали его чем-то вроде рабства (Boris Souvarine. Stalin. Munchen, 1980, S. 621). А. Николаев, отец которого, священник, был в 1937 году расстрелян органами НКВД, называет коммунистическую тиранию „чистейшим бандитизмом в государственном масштабе“ (А. Николаев. Так это было. Ливры-Гаргант, 1982, стр. 276, 267).

М. Геллер, А. Некрич, указ. соч., т. 1, стр. 109, 113.

917

Там же, стр. 76.

918

Die Rede Himmlers vor den Gauleitern am 3.August 1944.In: Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte, 1953, H. 4, S. 357-394.

919

Заметки оберфюрера д-ра Крёгера о беседе у рейхсфюрера СС 8.1.1945 (на нем. яз.). BA NS 31/33.

920

Karl-Heinz Frieser. Krieg hinter Stacheldraht. Mainz, 1981, S. 9, 12.

921

Hans Herwarth. Zwischen Hitler und Stalin. Frankfurt am Main, 1982, S. 333.Reinhardt Gehlen. Der Dienst. Mainz, Wiesbaden, 1971, S. 114.

922

H. Kr. Zu Hitlers Ostpolitik im Sommer 1943.In: Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte, 1954, H. 3, S. 305-312.

923

Jurgen Thorwald. Die Illusion. Munchen, 1974, S. 14.

924

Franz Mehring. Die Pariser Commune. In: Preussische Jahrbucher, Bd 43 (1879), S. 647.

925

М. Геллер, А. Некрич, указ. соч., т. 2, стр. 161.